

ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРЕЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (САЛОНИКИ, ГРЕЦИЯ)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИИ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (С-ПЕТЕРБУРГ)

**БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН:
ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
НА ПЕРИФЕРИИ
АНТИЧНОГО МИРА**

материалы
международной научной
конференции

Санкт-Петербург

1999

225-ЛЕТИЮ
ПОЛЯ ДЮБРЮКСА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

BLACK SEA AREA RESEARCH CENTRE
(HELLAS, SALONIKA)

STATE MUSEUM OF HISTORY OF RELIGION
(RUSSIAN MINISTRY OF CULTURE, SAINT-PETERSBURG)

INSTITUTE OF HISTORY OF MATERIAL CULTURE
(RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, SAINT-PETERSBURG)

**The Phenomenon
of Bosporan Kingdom:
Greek Culture
at the Periphery
of Ancient World**

THE MATERIALS OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC
CONFERENCE

DECEMBER 1999

ST. PETERSBURG

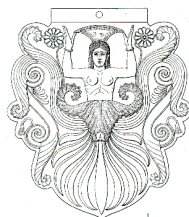
1999

ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(САЛОНИКИ, ГРЕЦИЯ)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ
РОССИИ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН:
ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА
ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО МИРА
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ДЕКАБРЬ 1999

САНКТ - ПЕТЕРБУРГ

1999

Научные редакторы и составители:

М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев, Е. Я. Рогов, В. А. Хршановский

Компьютерный макет:

Н. Ю. Давыдов

Для оформления издания использованы иллюстрации к статье И. Тункиной
«О судьбе рукописного наследия Поля Дюбрюкса»

На внутренней стороне обложки в начале:

План городища у деревни Куурдак.

Архив Гос. Эрмитажа (АГЭ). Фонд 1. Оп.1 – 1831. Дело 19. Л. 324-326 об.

В конце:

План западного склона г. Опук и городища Киммерик.

ИР ЦНБ V, 1034. Л.92 – об. 92а.

Публикуются впервые.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Говорят, «Первый блин – комом». Ну, а если нет. Если первая боспорская конференция «Боспорское царство как историко-культурный феномен», состоявшаяся год назад, прошла, по общему мнению, тепло и плодотворно и всем, кто принимал в ней участие, захотелось продолжить это начинание. Тогда остается только найти заинтересованных в этом людей, и «печь» боспорские конференции «как блины», каждый год. Тем обиднее было бы пропустить следующий – 1999-й – год 225-летия первого исследователя античных древностей на Боспоре – Поля Дюбрюкса, которому многие из присутствующих обязаны открытием и первым описанием тех памятников, которые они раскапывают сейчас.

Нам повезло. Такие люди нашлись в далеком греческом городе Салоники, в Центре по изучению и развитию греческой культуры Причерноморья. Только благодаря их финансовой поддержке многие участники конференции смогли приехать из других городов и даже государств в Санкт-Петербург. Город, в котором систематические исследования античных памятников были начаты еще в прошлом веке Императорской Археологической Комиссией и, несмотря на все нынешние трудности, продолжаются. Без помощи Центра вряд ли мы бы издали в таком объеме и таким тиражом материалы конференции, которые Вы держите в руках.

Греческая культура, не зная границ в античности, до сих пор оказывает на людей поразительное воздействие. Предельно открытая миру и людям, она сближает всех, кто, так или иначе, оказывается к ней причастен, независимо от того по ту или другую сторону Боспора Киммерийского или Боспора Фракийского, Понта Эвксинского или Эгейского моря они живут.

В старину существовал обычай. В зимнее солнцестояние, накануне нового года, погасить во всех печах огонь. Добыть его необычным, древним способом и разнести заново по избам. Чтобы народилось новое солнышко, чтобы наступил новый год, чтобы все было, как было, просто было. Может быть, не случайно и наши конференции складываются в это же время. И те впечатления от нашей встречи, которые участники конференции унесут и увезут с собой, будут их греть и поддерживать, помогут благополучно пережить следующий год, организовать экспедицию, провести очередной полевой сезон, найти то, чего еще никто никогда не находил. А в декабре все вновь приедут сюда, на очередную, третью боспорскую...

Во всяком случае, мы бы этого очень хотели.

Оргкомитет конференции

І. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БОСПОРА

И.В. ТУНКИНА

О СУДЬБЕ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ ПАВЛА ДЮБРЮКСА ¹

История рукописного наследия зачинателя керченской полевой археологии Поля (Павла Алексеевича) Дюбрюкса (Paul Du Bruh; 1773/1774(?)–1835) занимала многие поколения археологов. Дюбрюкс первым начал не только раскопки с научными целями, но и систематическое обследование остатков античных городов и поселений Европейского Боспора, произвел точные обмеры и составил подробные описания видимых на поверхности строительных остатков, уничтоженных еще при его жизни и впоследствии. Скрупулезность его описаний, объективность изложения, точность графической фиксации, неоднократно подтверждавшаяся позднейшими исследованиями, поставила перед следующими поколениями ученых задачу максимального, по возможности, ввода в научный оборот научного наследия Дюбрюкса. Не обошла эта интереснейшая тема и меня. Почти два десятилетия изучая документы по истории классической археологии, я с 1983 г. в различных архивах, музеях и библиотеках России и Украины занимаюсь поисками рукописей и писем Поля Дюбрюкса, прежде всего автографа его главного труда “Описание развалин и следов древних городов и поселений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно”, опубликованного в “Записках Одесского общества истории и древностей” в переводе А. Г. Дюбрюкса. ² Историю и промежуточные результаты своих архивных разысканий я представляю на суд коллег.

Реконструкция полной загадок и «темных мест» биографии Дюбрюкса является темой самостоятельного исследования. В некрологе, опубликованном спустя 13 лет после смерти Дюбрюкса его близким другом, нидерландским консулом в Одессе Эдуардом Викторовичем (Яковом Виктором Эдуардом) Тетбу де Мариньи

---

¹Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ (№ 96-01-00236; № 98-01-00068) и РФФИ (№ 97-06-80371).

² Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море / Пер. А. Г. Дюбрюкса // ЗООИД. 1858. Т. 4. Отд. 1. С. 3–84

(Е. Taitbout de Marigny, 1793–1852) и повторяющих его статьях в дореволюционных изданиях содержатся многочисленные ошибки фактического характера, главным образом в датах.³ Поселившись в конце 1809 или начале 1810 гг. сначала в Еникале, а в 1811 г. перебравшись в Керчь, «титularный советник Дюбрукс» в июле 1814 г. упомянут в документах как «управитель коллежского советника Гурьева», в имении, расположенном у дер. Чурубаш (ЦГААРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1142), и до января 1815 г. как надзиратель Керченской таможенной заставы (РГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1793. Л. 2), а затем (с 1815 по 1823 гг.?) приставом керченских соляных «магазинов» и смотрителем соляных озер.⁴ В последние годы жизни антикварий, видимо, оставил государственную службу и полностью посвятил себя обуревавшей его страсти —

³ Здесь я ограничусь лишь публикацией краткой черновой справки о Дюбрюксе, с правкой П. И. Кёппена, вероятно, составленной со слов самого археолога: «Титулярный советник и военного ордена св. Лудовика кавалер Павел Дюбрюкс [так! – *И. Т.*] в российскую службу вступил капитаном 1797 года и [*далее зачеркнуто*: в 1799 г. после похода в 1799 году] в 1800 г. уволился от оной. Состоя потом [*зачеркнуто*: в 1810 г. поступил] в гражданскую службу, он в 1812 г. во время морового поветрия, господствовавшего в Еникале, деятельно участвовал в спасении Керчи и всего Крыма от пагубной болезни сей, во удостоверение чего имеет и данное ему по сему предмету одобрительное свидетельство, равномерно получил он и благодарственный отзыв за подписью Его Сиятельства князя Алексея Борисовича Куракина. Г-н Дюбрюкс был представлен к награде как Таврическим гражданским губернатором [А. М. Бороздиным. – *И. Т.*], так и Феодосийским градоначальником [С. М. Броневским. – *И. Т.*]. Представления сии однако не имели для него никаких выгодных последствий. В 1815 г. г-н Дюбрюкс [так! – *И. Т.*] определен смотрителем по части добывания самосадочной соли из озер близ Керчи находящихся. Тогда в первом году продано сей соли около 20000 пудов, постепенно однако продажа сия увеличена до того, что в 1819 г. продано сей самосадочной соли уже 230 тысяч пудов. Неустанные попечения г. Дюбрюкса по вверенной ему должности таким образом принесли казне значительную пользу, которую полагать можно в 200000 рублей, а бескорыстие сего чиновника не дозволило ему заботиться о личных выгодах, почему как он, так и семейство его не могут назваться достаточными. Г-н Дюбрюкс всегда надеялся, и ныне надеется, что усердие его к службе не останется без внимания и что правительство во всяком случае может вознаградить тех, которые общественное благо предпочитали своей собственной пользе» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 474. Л. 39).

⁴ О Дюбрюксе см.: Тетбу де Мариньи Я. В. Э. Павел Дюбрюкс // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 229–231; В-в В. Дюбрюкс Павел // Русский биографический словарь. 1905. Т.: Дабелов–Дядьковский. С. 31–33; Шантырь. С. П. Зачинатель археологии в России // Советский Крым. 1977, 5 апреля. № 66 (9069). С. 4; Шургая И. Г. У истоков Боспорской археологии // Крымские каникулы. Симферополь, 1981. С. 196; Власова Е. В. Поль Дюбрюкс. Раскопки кургана Куль-Оба // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. Кратк. содержан. докл. СПб., 1999. С. 45–48; Хршановский В. А. Француз из Петербурга // Звезда, 1999 №12 (в печати).

археологическим исследованиям. В эти годы он жил на средства, В эти годы он жил на средства, выделявшиеся генерал-губернатором Новороссии М. С. Воронцовым на проведение раскопок с целью пополнения Керченского музея древностей. Этот вывод мне позволяет сделать отсутствие формулярных списков Дюбрюкса среди чиновников Таврической губ., портовых таможенных застав Керчи и Еникале, соляного отделения Крымского соляного правления за 1810-е–1830-е гг., хранящихся в РГИА.

С момента переезда в Крым Дюбрюкс начал следить за случайными находками древностей и эпизодическими раскопками военных и моряков. Постепенно он сам с 1811 г. приступает к раскопкам, правда, первоначально с целью пополнить собственный бюджет продажей найденных вещей путешественникам и вельможным меценатам. Так, в 1811 г. им была открыта городская стена Пантикапея, в 1816–1818 гг. проведены раскопки у подошвы горы Митридат, во рву крепости Керчь, жилых построек Пантикапея, курганов и катакомб к северу и западу от Керчи вдоль Карантинного и Феодосийского шоссе, в дер. Булганак в 4-х верстах от города, а также пешие разведки на Керченском полуострове от мыса Фонари вплоть до горы Опук.⁵ Со временем его работы стали приобретать не кладоискательский, а научный характер — ход работ фиксировался в дневнике, составлялись чертежи погребальных памятников и рисунки найденных вещей. Несомненно, Дюбрюкс обладал врожденной интуицией, способностью «видеть землю», которая с годами лишь оттачивалась. Неудивительно поэтому, что археолог воспринял передовую для того времени методику раскопок курганов, предложенную графом И. О. Потоцким — на снос до материка, что как правило гарантировало находку погребений.

Раскопки 1816 г. проводились с разрешения Таврического гражданского губернатора А. М. Бороздина по распоряжению и на пожертвования Новороссийского генерал-губернатора графа А. Ф. Ланжерона (100 руб.), в следующем, 1817 г. году, на средства

---

⁵ Весной 1817 г. керченская полиция пыталась запретить раскопки под предлогом того, что «титularный советник Дебрюкс... неизвестно с какого повода раскапывает могилы и разбрасывает гробы, отчего между жителями происходят разные разглашения, в отвращение чего и чтобы не допустить нелепости до распространения» приказала остановить работы, угрожая арестом их участникам. Дюбрюкс вынужден был написать разъяснительное письмо новому Таврическому гражданскому губернатору А. С. Лапинскому и объяснить, что они ведутся с ведома и на субсидии А. Ф. Ланжерона. См.: Стевен А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1891. № 13. С. 36–37.

государственного канцлера графа Н. П. Румянцева (100 руб.), сумму, поступившую из Кабинета императора Александра I (500 руб.),⁶ и субсидии великого князя Михаила Павловича (500 руб.). Великий князь Михаил Павлович (1798–1849) посетил Керчь в 1817 г. во время образовательного путешествия по России, а император Александр I — в 1818 г., причем Дюбрюкс показывал им свои раскопки, водил в катакомбы и открытые склепы. Император осмотрел также дом Дюбрюкса в Керчи, превратившийся в музей местных древностей, и пожаловал археологу большую часть находок, обнаруженных в ходе раскопок. Монарх поручил ему вести дальнейшие исследования, но средств на их проведение не выделил.

Рукопись отчета о раскопках 1816–1817 гг., где Дюбрюкс пишет о себе в третьем лице, была направлена в Имп. Академию наук и заслушана на заседании Конференции (Общего собрания) в апреле 1818 г. вместе со сдержанными отзывами акад. Ф. И. Круга и австрийского посла в Петербурге гр. Л. Лебцельтерна. Писцовая копия этого труда поступила десятки лет спустя в архив Имп. Археологической комиссии (РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 409. Л. 9–24) от товарища председателя барона В. Г. Тизенгаузена, готовившего его к публикации, о чем свидетельствует запись на небольшом кусочке ватмана с надписью «Рисунки Дюбрюкса и его собственноручная записка. От барона В. Г. Тизенгаузена. В С.–Петербурге» (Там же. Л. 8). Рукопись была издана в русском переводе лишь в 1959 г. О. И. Бич.⁷ Документ, озаглавленный «Journal des Fouilles faites a quelques Tumulus de Kertch, par ordre de Son Excellence Monsieur le Comte de Langeron, sous la direction du Conseiller Titulaire Dubruc[sic! – И. Т.]», не имеет подписи в конце текста. Отчет включает переплетенные в тетрадь 31 страницу размерами в лист писчей бумаги, с водяными знаками на ней «Гончаров 1815». На первой странице помета рукой неперменного секретаря АН П. Н. Фуса: «Заслушано в Академии 1 апреля 1818 г.». К отчету приложены пять планов раскопок на трех листах, с указанием масштаба в сажнях и аршинах, причем один из планов был обнаружен О. И. Бич в россыпи документов в 1949 г. и присоединен к делу (Там же. Л. 25–27).

Еще в 1889 г. В. В. Латышевым был издан французский текст (с сохранением орфографии) и русский перевод *извлечения* из этого

⁶ Указ Александра I от 7 мая 1817 г. См.: Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730–1823. Одесса, 1838. Т. 2: 1796–1823 гг. С. 264.

⁷ Бич О. И. Первые раскопки некрополя Пантикапея: Дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816–1817 гг. // МИА. 1959. № 69. С. 296–321.

отчета, подлинник которого, написанный рукой Дюбрюкса на 29 страницах по авторской пагинации, сохранился в архиве президента Академии художеств, известного антиквария А. Н. Оленина.⁸ Автограф извлечения был предоставлен Латышеву председателем Отделения классической археологии РАО и издателем «Археологических трудов А. Н. Оленина» Н. И. Стояновским. «Извлечение» о работах 1817 и 1818 гг. было лишено планов, чертежей и рисунков, но включало сопроводительное письмо Дюбрюкса на имя какой-то княгини (возможно, Е. И. Голицыной) от 21 февраля 1819 г. из Керчи с просьбой организовать подписку для сбора средств на раскопки. В «Извлечении» Дюбрюксом объединены два отчета — о раскопках 1816–1817 гг., дневник которых был представлен в АН, и о раскопках 1818 г., ведшихся на средства, собранные А. Ф. Ланжероном по подписке в 1817 г. (РА ИИМК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 11. Л. 45, 47–60; здесь же на л. 46, 61–81 об. копии).

В бумагах П. И. Кёппена хранится писцовая копия полного текста дневника «*Déscription des foilles faites à quelques tumulus de Kerche*», повествующая о раскопках 1816–1818 гг. Она снабжена подлинными рисунками и планами Дюбрюкса, а также позднейшими дополнениями автора, причем здесь он пишет о себе от первого лица (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 474. Л. 1–36, 48, 50).⁹ До нас дошел и неполный перевод дневника на русский язык — «Описание рытии в некоторых курганах (пригорках) при Керчи» (Там же. Л. 40–47 об.). Очевидно, что Кёппен намеревался опубликовать этот труд.¹⁰ Пытаясь проследить судьбу находок,

⁸ Латышев В. В. Неизданная рукопись Дюбрюкса: Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817 и 1818 годах // ЗООИД. 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 116–149.

⁹ Кёппен писал о своем знакомстве с Дюбрюксом в путевом дневнике 1819 г.: «В Керчи посещал я могилы разрытые г. Дюбрюксом: в одном месте находятся 16 склепов, в связи между собой состоящие. Склепики эти однако по уверению г. Дюбрюкса пред сим уже были кем-то ограблены. Для объяснения привезенного мною плана сих разрытых могил, нужно иметь полный, весьма любопытный журнал занятий г. Дюбрюкса, который им мне и обещан. Изображения найденных в могилах вещей доставлены были к его сиятельству г-ну графу Ланжерону, который уверил меня, что оные препроводил к господину министру духовных дел и народного просвещения. Крайне жаль, что все сии редкости не находятся в одном месте, ибо г-н Дюбрюкс по просьбам путешествовавших в Крым особ, большую часть найденных им древностей роздал в частные руки» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 129. Л. 26–26 об.).

¹⁰ Кёппен с 1816 г. являлся действительным членом Вольного общества любителей российской словесности (1816–1825), объединявшего цвет научно-литературной элиты Петербурга. Членом-корреспондентом общества был и П. Дюбрюкс, о чем

Петр Иванович в июле 1824 г. обратился за помощью к А. Н. Оленину, который предоставил ему «снимки с рисунков» греческих ваз, найденных Дюбрюксом. «Одна из сих ваз принадлежит кажется княгине Волконской, а другая графине С. Потоцкой. Когда я о сем старался получить чрез А. И. Ермолаева подробные сведения, то мне 23 июля ответствовано, что А. Н. [Оленин. – *И. Т.*] сего сказать не хочет, бояся, что я прежде его издам сии древности» (Там же. Л. 51). В 1841 и 1852 гг. копия дневника предоставлялась Кёппеном для ознакомления Д. В. Карейше и Ф. А. Жилю (Там же. Л. 49 об.). В 1850-х годах рукописью дневника Дюбрюкса или извлечением из него пользовался Э. Г. фон Муральт — он особо подчеркивал, что пантикапейские катакомбы были впервые раскопаны П. Дюбрюксом в 1816 г.,¹¹ а не А. Б. Ашиком, пытавшимся приписать приоритет их открытия себе.¹²

В марте 1820 г. известный меценат и коллекционер древностей граф Н. П. Румянцев, поручил у А. Ф. Ланжерона, с согласия министра внутренних дел, разрешение на производство раскопок П. А. Дюбрюксом на огромной территории от подножия горы Митридат до Алтын-Обы, длиной 5 верст и шириной полверсты, с

не было известно ни одному из его биографов. С 1819–1820 гг. ведущую роль в обществе играли декабристы: Ф. Н. Глинка (председатель), А. А. Бестужев, Н. А. Бестужев, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев, Н. И. Тургенев, а также Н. И. Гнедич, Н. И. Греч, А. С. Шишков, Е. А. Баратынский, Ф. В. Булгарин, А. А. Дельвиг, М. А. Корф, А. С. Грибоедов. С обществом был тесно связан А. С. Пушкин, формально не состоявший его членом. Целью общества провозглашалась помощь «бедным художникам и ученым людям трудами своими», членские взносы не предусматривались. Стараниями Дюбрюкса в обществе был создан «музеум редкостей»: «разные глиняные изделия, как-то статуйки Меркурия и царицы Омфалы, слепки с маски, которые римляне ставили на гробницах и за коими женщины скрываясь плакали о покойниках, лампы и пр. (Сии вещи доставлены обществу членом-корреспондентом его г. де Бруксом [*sic!* – *И. Т.*], имеющим поручение от правительства на приискание древностей в разрываемых могилах Керчи и Еникуля. В непродолжительном времени напечатается любопытный журнал его с приложением разного рода чертежей)». Цит. по: Публичное собрание в Вольном обществе любителей российской словесности // Отечественные записки. 1820. Ч. 2. № 3 (Июль). С. 95–96.

¹¹ См. протокол заседания Петербургского археолого-нумизматического общества от 10 октября 1849 г.: Записки Имп. Археолого-нумизматического общества. 1850. Т. 2. Вып. 1. С. 174; Муральт Э. Г. Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Босфора Киммерийского. Читано в заседаниях 18 апреля и 16 мая 1849 г. // Там же. 1850. Вып. 2. С. 307. Прим. 10, 327. Прим.

¹² Ашик А. Б. 1) Керченские катакомбы // Журнал министерства внутренних дел. 1845. Ч. 10. № 6. С. 400–408; 2) Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845.

единоличным правом собственности на найденные вещи.¹³ Раскопки на средства государственного канцлера (1500 руб.) были продолжены и в 1821 г. Известно, что Дюбрюкс представил отчет о раскопках и соответствующие планы своих работ 1820 г. близ Золотого кургана. Опись находок, отправленных в Петербург, сохранилась.¹⁴ Обстоятельств проведения работ на средства Румянцева касаются дошедшие до нас письма Дюбрюкса известному военному историку А. М. Михайловскому-Данилевскому, сопровождавшему Александра I во время его путешествия по Крыму 1818 г.,¹⁵ и П. И. Кёппену.¹⁶ Как свидетельствует последний документ, почти все вещи, украденные моряками Черноморского флота при выемке камня в кургане Н. Ю. Патиниоти 29 декабря 1820 г., Дюбрюксу удалось собрать и отправить Румянцеву.

Отличительной чертой характера керченского археолога было необыкновенное бескорыстие души. Дюбрюкс мог бы продать свое «древлехранилище» коллекционерам за несколько тысяч рублей, но, несмотря на свою крайнюю бедность, этого не сделал. Значительную часть находок он раздаривал своим вельможным покровителям и путешественникам, посещавшим Керчь. Среди лиц, которым были переданы находки 1816–1818 гг., Дюбрюксом упомянуты А. Н. Оленин, граф Н. П. Румянцев, герцог А. Э. де Ришелье, граф А. Ф. Ланжерон, И. А. Стемпковский, императрица Мария Федоровна, князь Гессен-Гомбургский, адъютант императора Саломка, лейб-медик Вилье, генерал О. Бетанкур. Собрание древностей Дюбрюкса было безвозмездно передано им основанному в 1826 г. Керченскому музею древностей, до 1833 г. размещавшемуся в одной из комнат его собственного дома, с арендной платой по 400 руб. в год (ИР ЦНБ. V, 1224–1516. Л. 131–131 об.).

¹³ Попруженко М. Г. К отысканию древностей в Новороссийском крае // ЗООИД. 1902. Т. 24. Отд. 3. С. 3–5; Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 88.

¹⁴ Филимонов Г. Д. Граф Н. П. Румянцев как археолог-собираатель // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. М., 1882. Вып. 1. С. 194–195; ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 129. Л. 23 («Вещи, привезенные от г-на Дюбрюкса для его сиятельства гр. Н. П. Румянцева»).

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 527. Д. 126. Л. 285 (письмо из Керчи от 18 ноября 1820 г.). О знакомстве с Дюбрюксом в Керчи в 1818 г. см.: Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1897. № 7. С. 92; Формозов А. А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. С. 32.

¹⁶ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 146. Л. 63–64 (письмо из Керчи от 13 июня 1821 г.).

Во время поездки в Петербург в апреле-мае 1820 г. П. А. Дюбрюкс был принят вел. кн. Михаилом Павловичем, который вновь выделил небольшую субсидию на раскопки в размере 500 руб. Михаил Павлович пожелал также получить более подробные сведения об остатках древности на европейском берегу Боспора Киммерийского, что послужило стимулом для создания главного труда Дюбрюкса — «Описание развалин и следов древних городов и поселений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море».

Несмотря на обуревавшие Дюбрюкса сомнения в собственных возможностях (он постоянно подчеркивал, что не является ученым), Павел Алексеевич начал пешие разведки с целью открытия и обследования строительных остатков в Восточном Крыму. В этом начинании его поддержал полковник И. А. Стемпковский (1788–1832), известный исследователь античных памятников Северного Причерноморья, которого Дюбрюкс искренне любил и уважал. Так, в 1820 г. они совместно снимали план Мирмекия и проводили разведки у Павловской батареи. В 1820-1821 гг. Дюбрюкс начал описания и съемку плана городища, расположенного между Кызаульским и Такиль-Бурунским мысами (он отождествлял его с Акрой, ныне локализуется как Китей), провел раскопки погребений на горе Опук; в 1822 г. им проведены пешие разведки на Таманском полуострове по берегу от Бугаза до станицы Тамань в поисках следов Ахиллия, Азиатского Киммерика, Корокондамы и Фанагории; в 1823–1824 гг. обследовалась система укреплений в районе горы Опук и соляного озера Элькен: развалины на восточном краю плато Опук — холм “А” — Дюбрюкс принял за акрополь Китея, городище на западном склоне считал за развалины Европейского Киммерика; в 1824 г. он провел раскопки погребений из тесаных плит на обрывистом западном склоне горы Опук ниже остатков циклопических стен, на высоте нескольких саженей вблизи моря; описания и раскопки развалин близ Павловской батареи у мыса Ак-Бурун, отождествляемых им с Нимфеем, и руин оборонительных сооружений с башнями, воротами, дорогами и остатками жилищ в районе Еникальского маяка и мыса Фонарь, идентифицированных им с Порфмием¹⁷; в 1825–1826 гг. Дюбрюкс

¹⁷ Натурные наблюдения на местности в настоящее время не подтверждают наличие значительных строительных остатков на расстоянии ок. 430 м. (200 саженей) к востоку от Еникальского маяка в районе мыса Фонарь. Однако необходимо учитывать не только сильную береговую абразию, но и то, что эта территория сильно пострадала во время боевых действий в годы Второй мировой войны. К

проводил съемку планов руин у Павловской батареи и раскопки под руководством первого директора Одесского и Керченского музея И. П. Бларамберга (1772–1831) в районе Золотого кургана, близ Еникале, на хребте горы Митридат и у городских ворот южнее Феодосийского шоссе¹⁸; в 1827 г. продолжил начатые в 1824 г. раскопки на горе Опук и, совместно с Бларамбергом занимался историко-археологическим обследованием Керченского полуострова от мыса Фонари до горы Опук: проверял планы руин у Павловской батареи, Пантикапея, Мирмекия, “Акры”, цитадели к западу от Чурубашского озера у дер. Кермеш-Келечик (или Керменджик, Джапар, ныне Ивановка; Дюбрюкс первоначально его отождествлял с «дворцом босфорских царей», который упоминается Диодором Сицилийским (Diod., XX, 22–24) в пассаже о войне за наследство Перисада, где восставший Эвмел вместе с царем фракийцев Арифарном оборонялся против своего брата Сатира, по локализации И. П. Бларамберга и др. ученых это Тиритака, по В. Ф. Гайдукевичу, точка зрения которого теперь общепринята, — Илурат); в том же году Дюбрюкс провел раскопки скальных погребений в одной версте от городища Илурат (в 15 верстах от Керчи); в 1828 г. — проверка планов городища у дер. Кермеш-Келечик совместно с И. А. Стемпковским; в 1829 г. — раскопки грунтовых погребений и кургана близ Замостского кордона; в 1830 г. — продолжение раскопок могильника на горе Опук и раскопки кургана Куль–Оба; в 1831 г. — исследования на акрополе Пантикапея; в 1833 гг. — обследование руин у Павловской батареи, укреплений у дер. Кермеш-Келечик и у дер. Куурдак, расположенных на крутом холме в 13 верстах к западу от Керчи, к северу от Феодосийского шоссе и в 8 верстах к северу от Илурата (Андреевка Северная?), которые отождествлялись Дюбрюксом с Дией Плиния и Тиритакой Птолемея.¹⁹

тому же в 1950-х гг., по наблюдениям керченского краеведа В. В. Веселова, на территории к юго-востоку от Еникольского маяка между пос. Глейки, пос. Жуковка, пос. Предмаячный и мысом Фонарь разрабатывались каменные карьеры, уничтожившие культурные напластования ряда поселений от эпохи бронзы вплоть до средневековья. См.: Архив КГИКЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 726. Л. 34–35, 83; Веселов В. В. Древние городища в районе Сипягино. (К вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. С. 227 сл.

¹⁸ См.: Тункина И. В. Раскопки И. П. Бларамберга в Керчи в 1826 г. // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Мат-лы научн. конф., дек. 1998 г. СПб., 1998. С. 96–102.

¹⁹ Городище Андреевка Северная, площадью около 0,9 га, частично раскопано И. Т. Кругликовой. Исследовательницей выдвинуто предположение о его

На протяжении 14 лет подряд, за исключением двух особенно ненастных и холодных сезонов, используя планшет с буссолью для промера углов и веревку для определения расстояний, Дюбрюкс занимался снятием и уточнением каждого своего плана, возвращаясь «как каторжник» на одно и то же место по 20-30 раз, порой отстоящих от Керчи на расстоянии до 60 км.²⁰ Он занимался разведками и архитектурно-археологическими исследованиями только в холодное время года (от октября до апреля), когда строительные остатки не были покрыты травой. «...Чтобы убедиться в существовании города, от которого теперь почти ничего не остается, надобны самые тщательные разыскания, надобно, так сказать, исследовать каждый камень, каждое возвышение; иногда самые ничтожные следы могут повести к самым любопытным открытиям», — писал Дюбрюкс. Возвращаясь вновь и вновь на уже обследованные памятники, он «всякий раз находил что-нибудь новое».²¹ Графическую фиксацию объектов Дюбрюкс осуществлял сначала в черно-белых черновых набросках, а затем в точно выверенных красочных планах и рисунках. Известно также, что чертежи ряда раскопанных или обследованных им памятников составлял городской архитектор Керчи Александр Дигби (ИР ЦНБ. V, 1224–1516. Л. 187).

Направляя списки своих исследований с описанием памятников боспорской археологии членам императорской семьи, известным ученым и меценатам, Дюбрюкс, конечно, надеялся не только на получение новых субсидий на раскопки, но на публикацию их результатов. Однако ни одна из его работ издана не была, т. к. из-за крайней бедности автор не имел на это средств. Мне известны лишь три мелких заметки во французском издании «Одесского вестника», скорее всего представленные в Одессу через Э. В. Тетбу де Мариньи.²² В результате неизданными рукописями и материалами

тождественности с городом Тароной, упоминаемым Клавдием Птолемеем (Ptol., III, 6,5). Другие исследователи колеблются в соотношении Тароны либо с Андреевкой Северной, либо с поселением Багерова Северное. См.: Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 125; Зубарев В. Г. Античная география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // Древности Боспора. М., 1998. Т. 1. С. 116.

²⁰ Schilts V. Histoires de Kourganés la redécouverte de l'or des Scythes: [Paris], 1991. P. 57, 117. Благодарю Е. В. Власову (ОАМ ГЭ) за указание на этот источник.

²¹ Дюбрюкс П. Описание... С. 50. Прим.

²² Du Brux P. 1) Découvertes des vestiges de Nymphée // Journal d'Odessa. 1833. № 74; 1834. № 5; 2) Château royal du Bosphore // Ibid. 1833. № 86. P. 341; 3) Description détaillée des sarcophages que l'on vient de découvrir dans l'acropole de Mirmikione // Ibid. 1834. № 39–40.

Дюбрюкса, простодушно представляемыми им всем желающим, пользовались многие ученые, прежде всего И. П. Бларамберг и А. Б. Ашик, даже не упоминавшие его имени. Известно, что собственноручно снятые им копии античных надписей Дюбрюкс предоставлял через Стемпковского и Бларамберга таким ученым, как Д. Рауль-Рошетт (Париж), А. Бёк (Берлин) и Е. Е. Кёлер (Петербург). Показательна история конфликта с И. П. Бларамбергом, о которой повествует сам Дюбрюкс: в конце 1827 г., не дождавшись окончания обмеров, директор музея приказал скопировать планы Дюбрюкса, причем ни один из них, за исключением плана Мирмекия и “Акры”, тогда еще не был завершен. Бларамберг представил их в Петербург как свои, за что якобы и был произведен в действительные статские советники. Оскорбленный Дюбрюкс обвинил коллегу в плагиате и даже, под предлогом ненастной погоды, на два года забросил работу по съемке планов. Пытаясь оправдаться перед Дюбрюксом в 1829 г., Иван Павлович клятвенно заверял, что сошлется на керченского археолога как на своего сотрудника в труде, который он собирается адресовать императрице.²³ «Какова бы ни была заслуга бедного, он почти всегда делается пролетарием богатого», — констатировал Э. В. Тетбу де Мариньи, безусловно, знавший суть конфликта.²⁴

Дюбрюкс имел в виду известную статью Бларамберга «Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride». Свое обещание автор не выполнил — в тексте опубликованного труда и в его архивном оригинале нет ни слова о работах Дюбрюкса. История статьи такова. 1 декабря 1827 г., находясь в Петербурге, Новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов, покровительствовавший Бларамбергу, обратился к А. Н. Оленину с просьбой «рассмотреть рисунки, чертежи, планы и изъяснения к оным археологическим изысканий», проведенных одесским антикварием, и высказать свое авторитетное мнение о них. Оленин ответил 12 января 1828 г. обстоятельным письмом, где высоко оценил труды коллеги, но не удержался от полемики по поводу интерпретации двух находок — стригиля и вазы.²⁵ Два года спустя, 17 мая 1829 г. Бларамберг представил М. С. Воронцову

²³ Дюбрюкс излагает эту историю, опущенную в опубликованном переводе «Описания следов...», в тексте одесской (киевской) рукописи (привожу здесь изложение сути конфликта с Бларамбергом, используя перевод А. Н. Анфертьева). Ср.: Дюбрюкс П. Описание следов... С. 4–5.

²⁴ Тетбу де Мариньи Я. В. Э. Павел Дюбрюкс. С. 231.

²⁵ См.: Латышев В. В. К истории археологических исследований в Южной России: Из переписки А. Н. Оленина // ЗООИД. 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 65–78.

рукопись статьи о результатах своих археолого-топографических поисков на западном побережье Боспора Киммерийского, с приложением карты берегов пролива и 5 планов («Киммерик, Акра, Нимфей, Мирмекий, Тиритака»). Автор просил содействия в публикации работы на средства казны. Воронцов обратился к министру народного просвещения кн. К. А. Ливену с целью исходатайствовать «высочайшее разрешение» на их издание. Министр представил рукопись на рассмотрение Академии наук — рецензировали труд Е. Е. Кёлер и Ф. Б. Грефе. Несмотря на общую положительную оценку, отзыв оказался неприемлемым для автора, т. к. академики не согласились с предложенной Бларамбергом локализацией ряда городов Европейского Боспора. В рецензии имеются существенные замечания, «клонящиеся к большему усовершенствованию сего сочинения». Согласие императора на публикацию было получено: стоимость издания с литографированными картами и планами определялась приблизительно в 1150 руб. при тираже 1200 экз. В январе 1830 г. рукопись была возвращена Бларамбергу для доработки (ИР ЦНБ. V, 1224–1516. Л. 326–326 об., 333–334, 381). В итоге этот труд был издан двадцать лет спустя, уже после смерти сочинителя.²⁶ Опубликованная статья иллюстрирована 5 искажающими оригиналы литографированными планами, с рисунков, восходящих к черновикам Дюбрюкса (копии выполнены сыновьями автора Михаилом и Владимиром Бларамбергом). К счастью, в фонде Кёппена сохранились снятые им на кальке цветные копии планов Пантикапея, «Нимфея» (руины у Павловской батареи), «Акры», «Китея», Мирмекия с «изъяснениями»²⁷ (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 474. Л. 203 об.–204, 207 об.–212).

²⁶ См. русский перевод: Бларамберг И. П. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 1–19. Табл. I. № 1 – Приблизительный план древнего порта Киммериона; № 2 – Следы города Акры; № 3 – Следы древней Тиритаки, по Птолемею; 4. Следы города Парфениона; Табл. II – № 1. Приблизительный план следов древнего Мирмикиона. Отзыв Кёлера и Грефе (АГЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 12) в переводе с немецкого, с язвительными замечаниями Бларамберга, был издан Ф. К. Бруном: Отзыв, представленный С.-Петербургской Императорской Академии наук академиками гг. Кёлером и Грефе о сочинении Бларамберга, под заглавием «Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride» // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 957–963.

²⁷ Вот любопытная запись П. И. Кёппена: «В начале 1834 г. граф М. С. Воронцов, вследствие желанья моего просммотреть все сочинения покойного статского советника Бларамберга, прислал мне следующие рукописи и планы:

I. Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride, suivies d'un expose sommaire du resultat des investigations locales effectuelles tout

Но вернемся к рукописям Дюбрюкса. Автографы двух его работ хранятся в Архиве Государственного Эрмитажа. Оба труда были направлены на имя императора самим Дюбрюксом, поэтому они отложились в делопроизводстве Министерства Имп. Двора. 22 марта 1832 г. статс-секретарь Н. Лонгинов обратился к министру Имп. Двора гр. П. М. Волконскому с просьбой рассмотреть прошение “титулярного советника дю Брюкса”, к которому были приложены «описание и план открытой в 1830 г. близ Керчи древней царской гробницы; замечания его о различных родах древних гробниц, находящихся в Керчи и в окрестностях сего города, и описание с планами других памятников древности». Подавая прошение на высочайшее имя, отправленное из Керчи 7 января 1832 г. (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1831. Д. 19. Л. 78–79, 80–81), Дюбрюкс надеялся на награду от правительства за свое участие в открытии склепа Куль-Обы и за свои 14-летние труды по исследованию античных поселений и могильников Европейского Боспора. Его самолюбие было уязвлено тем, что чиновник канцелярии Керчь-Еникальского градоначальника Д. В. Карейша,

-
- gesemement... 20 с[траниц] в 2 [долю листа]. С 1 планом или картой Боспора Киммерийского. При сем: 1. Приблизительный план Боспора Киммерийского. Это копия сей части 4-х верстной Мухинской карты, от того вала, которого следы видны между соленым озером Атал Алчин и Азовским морем до Фанагории, с указанием на оном нескольких древних мест (см. мои листы Мухинской карты), а именно: Парфений, Гераклий, Мирмекий, Пантикапей, древний порт Нимфей, Тиритака, руины Акры, древний порт Киммерий по Скимну и периплу Анонима, древний вал. Подпись на карте Михаил де Бларамберг, т. е. сын его.
2. Приблизительный план следов акрополя Пантикапея (масштаб в английском дюйме 90 сажень). См. копию.
  3. Приблизительный план следов древнего Нимфея (масштаб в английском дюйме 390 шагов/сажень).
- II. Article supplementaire se apportant a l'explorer des recherches locales effectuees recomment en Tauride par ordre de son Excellence Mr le Comte Woronzow (без года, 7 с[траниц] в 2 д[олю] л[иста]). На последней странице вклеена карточка: Plan particulier d'une partie du Bosph. Cimm. (мухинской карты мыс на конце Еникале, фонарь и фонтан, а с азиатской стороны северная коса и выше оной Ахиллий (подпись Михаил Бларамберг).
- III. Article extrait de ma dissertation sur la situation de quelques villes anciennes de la Tauride (статья о древнем киммерийском порте (Киммерик) 3 с[траниц] в 2 д[олю] л[иста] с картою — берег самого ЮВ от мыса Такиль бурун (древн. Акры) до мыса Елкен кая — селений Опук и Тузла — и с присовокуплением камней, находящихся в море, которые не показаны на мухинской карте)
- IV. Собрание планов развалин древних городов в Новороссийском крае. Отделение 2-е, содержащее планы Акры, Киты и Мирмекиона (и при них краткое изъяснение на 4 с[траницах] в 2 [долю листа], весьма плохо по-русски написанных (см. снятые мною копии)» (ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 474. Л. 201–210 об.).

по поручению И. А. Стемповского доставивший в Эрмитаж находки, получил в награду бриллиантовый перстень с гранатом стоимостью 496 руб., а также 2 тыс. рублей ассигнациями от Кабинета Его Имп. Величества на раскопки в окрестностях Керчи (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1831. Д. 19. Л. 37). Таким образом Дюбрюкс лишился права раскопок от имени и по поручению властей. По просьбе начальника I Отделения Эрмитажа академика Е. Е. Кёлера Карейша сделал описание привезенных древностей и обстоятельств открытия склепа, причем представил дело так, что “большая часть вещей была найдена им самим” (Там же. Л. 30–35). Молодой чиновник к тому же первым обнародовал в печати сведения о сенсационной находке.²⁸ О трудах Дюбрюкса, который под руководством Керчь-Еникальского градоначальника И. А. Стемповского с риском для жизни проводил изучение памятника, Карейша даже не упомянул.

Граф П. М. Волконский направил рукопись Дюбрюкса для ознакомления сначала А. Н. Оленину, а затем начальнику I Отделения Эрмитажа акад. Е. Е. Кёлеру. Оленин ответил 25 апреля 1832 г.: «Описание г. Дю-Брюкса, хотя весьма сбивчивое и планы его и разрезы весьма неисправные, открыли мне однако ж многие обстоятельства, которые могут служить к лучшей поверке изготовленного мною отчасти толкования предметам, найденным в сей гробнице и здесь нарисованным художником Солнцевым, для надлежащего поднесения государю императору. Жаль, что навык г. Дю-Брюкса находить и открывать древние гробницы, не отвечает его познаниям, не токмо в археологии, но даже в природном его языке. Тому причиною, что он подобными делами случайно токмо занимался, не менее того он по мнению моему достоин награждения за его усердие, которое заставляло его презирать и самую видимую опасность...» (Там же. Л. 108). А. Н. Оленин все же распорядился снять копию с рукописи «факсимильно, с сохранением содержания и орфографии», которая сохранилась в его бумагах (РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 19–37), и красочные копии всех прилагаемых к ней планов (Там же. Л. 39–44, 329–330).

В июне 1832 г. Е. Е. Кёлер направил свой отзыв о рукописи Дюбрюкса министру двора: «1)... замечания сочинителя о наружности разных родов старых гробниц близ Керча содержат много хорошего и справедливого; он дает при том известие для отыскания тех, которые отчасти заключают в себе достопамятных вещей и отчасти тех, которые до сих пор еще не были открыты;

²⁸ К...ша Д. Письмо к издателю «Одесского вестника» о древностях, открытых близ Керчи 22 сентября 1830 г. // Одесский вестник. 1830. 1 ноября. № 88.

2)... и рисунок со стен сих гробниц весьма хороший и точный, потому что он сходствует с теми, которые я сам во время двух моих путешествий в Крым видел; сей рисунок и тем достоин примечания, что строение сих гробниц ни в каком сочинении еще не описано, ни срисовано; 3) его известие об открытии последнего в 1830 г. открытого кургана в Кулобе и тем достойны замечания, потому что из оных узнаем расположение внутренности сей гробницы, где в ней лежали погребенные и где лежали разные золотые вещи, привезенные в Санкт-Петербург, и как они были расположены во внутренности оной; 4) исторические и топографические его замечания о местоположении разных мест в Крыме несправедливы и без пользы. Впрочем темный слог его сочинения и обстоятельность одного причиняют великие затруднения в понятии одного» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1832. Д. 2. Л. 1). Таким образом, мнение влиятельных столичных экспертов о рукописи (главным образом о ее археолого-топографическом разделе) было скорее отрицательным, чем положительным, поэтому проведение систематических раскопок на средства правительства, начатых в марте 1832 г., были поручены не Дюбрюксу, а Д. В. Карейше, вскоре причисленному к штату Кабинета императора, и А. Б. Ашику, занявшему пост директора Керченского музея после смерти И. П. Бларамберга. Однако обращение к императору все же возымело действие — Николай I повелел за представленное описание Куль-Обы наградить Дюбрюкса подарком на сумму 500 руб.: в Керчь был отправлен бриллиантовый перстень, украшенный аметистом, который в июле 1832 г. ему вручил И. А. Стемпковский (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1831. Д. 19. Л. 110–112, 116).

Лишившись основного источника существования — финансирования раскопок и разведок за счет казны — Дюбрюкс в декабре 1833 г. представил вел. кн. Михаилу Павловичу завершённую работу, включающую описания, обмеры и планы открытых им за 12 лет исследований памятников, в рукописи на французском языке под названием «*Descriptions et plans des vestiges encore apparents, des villes et des bourgs qui ont autrefois existé sur le Bosphore Cimmérien, depuis le phare d'Enicalé : jusque et compris la montagne d'Apouch sur la mer Noire*» (256 страниц текста описаний в четвертую долю листа, 14 планов, карта и три таблицы рисунков). О названии и объеме работы известно из недавно опубликованного письма Дюбрюкса от 27 сентября/9 октября 1834 г. на имя президента Парижской Академии надписей.²⁹ Эта наиболее полная

²⁹ Schilts V. *Histoires de Kourganés...* P. 116–117.

из существующих рукописей «Описания...», адресованная вел. кн. Михаилу Павловичу, пока не обнаружена, но надежды ее найти я все же не теряю.

В 1834 г. Дюбрюкс вновь подал письмо на высочайшее имя, препроводив с ним новый труд о развалинах близ Керчи и археологических открытиях 1834 г. Автор сообщал, что годом ранее представил вел. кн. Михаилу Павловичу описание и планы существующих доселе остатков древних городов Киммерийского Боспора, но не получил ответа, как воспринято его сочинение. Желая улучшить свой *opus*, он просил выделить ему через Керчь-Еникальского градоначальника кн. З. С. Херхеулидзева 200 руб. на разведки, а все снятые планы и описания руин представить туда, куда прикажет начальство. В январе 1835 г. кн. П. М. Волконский обратился к А. Н. Оленину с просьбой отрецензировать новый труд Дюбрюкса. На письме сохранилась помета Оленина с уничижительным приговором о необходимости «вывести обстоятельное заключение о бесполезности труда г-на Дюбрюкса». Он посчитал, что «приложенные... планы развалин очень дурны; ... если добавить, что г-н Дюбрюкс пишет дурным слогом, даже с разными ошибками противу правописания, то при всей скромности нельзя не сказать, что этот труд г. Дюбрюкса не стоит печати, и что подносить Его Величеству подобные вещи едва ли можно счесть приличным» (РА ИИМК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 132, 151–151 об.). Для Оленина было выполнено резюме этой работы — «Выписка из всеподданнейшего письма титулярного советника Дюбрюкса и приложенных к оному описаний развалин близ Керча и открытых в 1834 г. древностей» (Там же. Л. 144–149 об.). Просимые средства на разведки, само собой, правительство не выделило. Дюбрюкса могло порадовать лишь то, что великий князь Михаил Павлович вознаградил его за труды бриллиантовым перстнем.

Обе эрмитажные рукописи Дюбрюкса, переплетенные в одно архивное дело (АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1831. Д. 19), относятся соответственно к концу 1831 г. и к 1834 гг. Первая, представленная императору в январе 1832 г., включает описание открытия Куль-Обы³⁰ (*Déscription du tombeau découvert à six verstes de Kertch, le 19 Septembre 1831. et ouvert en presance et sous la direction de Mousieur de Stempkovski, gouverneur de cette ville, le 22 du même mois.* Л. 82–

³⁰ В рукописи из-за описки автора названа неверная дата открытия склепа Куль-Обы (Пепельного холма, имевшего и другое название — Рассыпной курган) — 19 сентября 1931 г., а не 19 сентября 1830 г. Однако в его сопроводительном письме на имя императора год указан правильно — 1830. Из отчета, опубликованного Жилем в ДБК, ошибочная дата перекечевала в ряд других публикаций.

86 об.; затем на л. 86 об. вставка рукой Стемпковского и на л. 86 об.–90 добавление (*suite*) Дюбрюкса, написанное в феврале 1831 г.), несколько замечаний о разного рода гробниц, находящихся в окрестностях Керчи (*Quelques remarques sur les différentes espèces de tombeaux qui se trouvent aux environs de Kertch*. Л. 90–93; здесь же на л. 93–94 два позднейших примечания (*notes*) – *A* и *A2*),³¹ описание развалин, находящихся в 4-х верстах выше озера Камыш-Бурун, называемого татарами Кермеш-Келечик на земле Джапар (*Déscription des vestiges qui se trouvent a 4 verstes en dessus du lac de Kamich broun, nomme par les tartares Kermich Kelechik, sur la terre de Japare (plan № 4)*. Л. 94–98 об.),³² описание руин Порфмия у маяка Еникале (*Déscription des vestiges de Port-mion près du phare d'Yenicalé*. Л. 98 об.–100; здесь же на л. 100–100 об. два примечания (*notes; observations*). К рукописи приложены шесть планов (Л. 101–106): план и вид кургана Куль-Оба (№ 1), план и разрез склепа Куль-Обы (№ 2), план верхней части, продольный разрез и рисунок выложенного галькой дна водоема, найденного при раскопках на горе Опук в 1827 г. (№ 3),³³ планы «акрополя» (№ 4) и

³¹ Десятилетия спустя В. Г. Тизенгаузен написал специальный реферат «Неизданные записки и труды Дюбрюкса», который по его просьбе был зачитан И. В. Помяловским на VI Археологическом съезде в Одессе (1884). На том же съезде В. В. Латышев выступил с рефератом о записке Дюбрюкса «Несколько заметок о различных родах гробниц, встречающихся в Керчи» (ГАОО. Ф. 275. Оп. 1. Д. 9. Л. 24 об., 25=Бюллетень VI Археологического съезда в Одессе. № 4. С. 14, 15). Текст этого фрагмента, но с купюрами, опубликован в русском переводе по копии, хранившейся в Имп. Археологической комиссии, причем без двух очень важных примечаний Дюбрюкса. См.: Тизенгаузен В. Г. Записка Дюбрюкса: Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1888. Т. 2. С. 135–139. В примечании *A* Дюбрюкс рассуждает о местности в окрестностях Кермеш-Келечика (Илурата) и отказывается от своей первоначальной гипотезы о локализации здесь дворца боспорских царей. Автор пишет, что ознакомившись с неопубликованным трудом И. А. Стемпковского по истории Боспора Киммерийского, написанного «с необычайной глубиной и осведомленностью», он согласился с доводами друга и отказался от своего предположения. В примечании *A2* рассказывается о низком методическом уровне раскопок Бларамберга 1826, 1827 и 1829 гг., а также о собственных работах Дюбрюкса 1829 г. по поручению И. А. Стемпковского.

³² В. Ф. Гайдукевич использовал рукописный текст и впервые опубликовал два плана Дюбрюкса. См.: Гайдукевич В. Ф. 1) Боспорский город Илурат // СА. 1950. Т. 13. С. 174–204; 2) Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 9–148.

³³ Текст использован, а планы опубликованы в статье: Кругликова И. Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947–1957 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 219–253. Рис. 1–2.

прилегающей к нему местности (№ 5) у дер. Кермеш-Келечик (Илурат) и плана руин Порфмия у Еникальского маяка (№ 6).

Вторая рукопись, законченная 24 сентября (с добавлениями от 16 ноября) 1834 г., имеет самостоятельную авторскую пагинацию (с. 1–30). Она объединяет описание и план развалин, расположенных неподалеку от татарской деревни Куурдак в 13 верстах к западу от Керчи, обнаруженных 18 сентября 1833 г. (*Déscription des vestiges qui se trouvent près du village tatar de Kouourdak; à 13 verstes à l'ouest de Kertch.* Л. 324–326 об.), некоторые замечания по поводу трех видов циклопических сооружений, найденных в окрестностях Керчи (*Quelques observations sur les trois especes de constructions cyclopeennes quil y a dans les environs de Kertch.* Л. 326 об.–328), подробное описание саркофагов, открытых в акрополе Мирмекия весной 1833 г. (*Déscription détaillée des sarcophages que l'on a découvert ce printems dans l'acropole de Mirmikion.* Л. 328–333 об.), с прибавлением описаний новых находок, сделанных в Керчи с 12 по 15 октября 1834 г. «официальными гробокопателями» Ашиком и Карейшей (*Déscription succincte, des nouvelles découvertes que l'on vient de faire ici, de belles antiquités en or.* Л. 337–338 об.). К рукописи приложены планы городища у дер. Куурдак (Андреевка Северная?), рисунки типов древних кладок на памятниках Восточного Крыма: Золотой курган, Кермеш-Келечик (Илурат), «циклопическая» стена на горе Опук (древн. Киммерик) и вертикальный разрез участка стены городища у дер. Куурдак, вертикальный разрез северного участка стены кольцеобразного сооружения на акрополе Мирмекия.

Хотелось бы процитировать критические замечания Дюбрюкса о методическом уровне работ И. П. Бларамберга, А. Б. Ашика и Д. В. Карейши. Он подчеркивает необходимость «тщательности и неторопливости при проведении раскопок», иллюстрируя это конкретными примерами. Так, в оставленном Бларамбергом кургане Дюбрюкс, сняв всего лишь аршин земли, открыл трупосожжение в урне. Ознакомившись с раскопками Карейши в 1834 г., он «обнаружил ту же ошибку, что и у г-на Бларамберга»: раскопки не ведутся до материка и курганы раскапываются без всякой системы и отбора. Краткое описание находок Ашика и Карейши в октябре-ноябре 1834 г. резюмируется так: «Единственный упрек, который можно сделать гг. Карейше и Ашику, что когда, казалось бы, сама фортуна направляла их раскопки в этом году, они не составили точного описания расположения предметов в погребениях, формы погребений, как размещены останки... и т. д., короче, всех

обстоятельств, которые могут навести на выводы и дать какое-то представление о времени и обычаях... древних народов» (Л. 93–94, 338 об.).

До конца своих дней Дюбрюкс за свой счет продолжал археолого-топографические исследования. За 24 года раскопок и разведок он окончательно подорвал свое здоровье, заработав множество болезней. Павел Алексеевич умер в полной нищете, ненадолго пережив Бларамберга и Стемповского, пожалуй, единственных специалистов в России того времени, которые понимали важность проводимых им работ. Показательна негативная оценка трудов Дюбрюкса в отзывах столичных ученых антикварного толка — Е. Е. Кёлера и А. Н. Оленина, типичных представителей художественно-эстетического направления в русской археологии, которым малограмотный провинциал не мог показаться серьезным исследователем, и об этом можно только сожалеть.³⁴ Неоцененный современниками скромный труженик науки через 170 лет своими трудами помогает археологам лучше понять и реконструировать исчезнувшие объекты античной эпохи. Задачи, поставленные еще в начале XIX в. Дюбрюксом и Стемповским в области археологического изучения городов и поселений Европейского Боспора, стали актуальными для отечественной археологии лишь с середины XX в.

Через шесть лет после смерти Дюбрюкса, 7 апреля 1841 г. на заседании Одесского общества истории и древностей (ООИД), основанного в 1839 г., действительный член Э. В. Тетбу де Мариньи сообщил о приобретении им у детей Дюбрюкса рукописи с рисунками, содержащей «исследования и описания местоположения нескольких древних эллинских поселений на Керченском полуострове, и об удовлетворении бедного семейства... какою-либо суммою». Общество постановило «рукопись П. Дюбрюкса, известного тем, что он первый начал в Крыму заниматься правильными и постоянными археологическими поисками, передать предварительно на рассмотрение секретаря и Тетбу де Мариньи, и в случае получения от них одобрительного отзыва, поместить в Записках общества, причем редакцию этой статьи просить принять на себя Тетбу. Наследникам Дюбрюкса сделать вознаграждение, за сочинение их отца, в 60 рублей серебром». Полгода спустя, 18 июня 1842 г. секретарь ООИД Н. Н. Мурзакевич получил письмо подпоручика 5 батальона Подольского егерского полка Александра

³⁴ Тункина И. В. А. Н. Оленин и древности южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографич. очерки. СПб., 1995. С. 23–24.

Павловича Дюбрюкса, старшего сына археолога, который ссылаясь на финансовые обязательства перед матерью, братом и двумя сестрами, требовал вознаграждение за рукопись, в противном случае он угрожал наложить запрет на её публикацию в трудах общества и, выполняя волю отца, отправить манускрипт в Париж. 20 июня Дюбрюксу-сыну было вручено 60 руб. серебром за то, что он передает рукописи в полное распоряжение общества, о чем сохранилась соответствующая расписка. Таким образом, рукопись известного «Описания...» приобреталась у наследников автора по частям, сначала Тетбу де Мариньи, затем секретарем общества Н. Н. Мурзакевичем.

Рассмотрев рукопись, 29 июля 1842 г. Тетбу сообщил ООИД, что «манускрипты П. дю Брюкса требуют необходимых исправлений как относительно содержания, так и относительно слога, и что он охотно возьмет на себя труд сей, если ему даны будут нужные писцы и копировщики на жалованьи общества». По данным Тетбу де Мариньи, приобретенная рукопись содержала планы и черновые наброски планов Пантикапея, Порфмия, части руин «Нимфея» на Ак-Буруне, «акрополь Нимфея», укрепления на Карабуруне, планы «Акры», Киммерика и «Китея», цитадели в Керменчике и небольшой крепости у дер. Куурдак (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 54. Л. 9–11 об.), описание Золотого кургана и несколько мелких разного рода замечаний относительно Европейского Боспора.³⁵ Общество постановило передать рукопись в Издательский комитет для окончательного решения вопроса о её публикации (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 об.–61, 109 об.). Но не закончив редактирование французского текста, Тетбу де Мариньи скончался 11 апреля 1852 г. Эта работа была продолжена каким-то другим лицом и доведена до конца. Рукопись французской редакции, написанная несколькими почерками с правкой третьего лица, хранилась в переплетенной тетрадке в библиотеке ООИД под шифром 182 23/D (современный шифр: ИР ЦНБ. V, 1033. Л. 1–57).

В апреле 1841 г. преемник Кёлера на посту начальника I Отделения Эрмитажа Ф. А. Жиль задумал издать описания и рисунки керченских древностей, хранящихся в императорском музее. Его план поддержал министр двора П. М. Волконский, а затем одобрил император Николай I. Через 13 лет, в 1854 г. вышло роскошное издание в двух томах с атласом, тиражом 200 экз., с параллельным текстом на русском и французском языках.

³⁵ [Мурзакевич Н. Н.] Приобретение обществом сочинений дю-Брюкса // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 652–653.

В «Историческом введении», написанном Жилем, опубликован фрагмент записки Дюбрюкса о раскопках Куль-Обы ³⁶, причем авторский текст подвергся сокращениям и редакции («мы исключили, — писал Жиль, — только некоторые подробности и лишние повторения», а также, добавлю от себя, исторические выводы и предположения Дюбрюкса). Рапорт об открытии Куль-Обы был также скопирован и отреферирован Ф. Дюбуа де Монпере по рукописному подлиннику во время его пребывания в Керчи в 1832 или 1834 г., причем швейцарский путешественник особо подчеркнул, что он «заимствовал общее описание и местоположение предметов из рукописного доклада г-на Дюбрюкса». ³⁷ Этому обстоятельству не поверил Жиль, писавший, что рапорт Дюбрюкса во время пребывания Дюбуа де Монпере в Крыму уже находился в архиве Министерства Имп. Двора. Флориан Антонович не подозревал, что Дюбрюкс собственноручно и неоднократно копировал свои работы, раздавал их списки интересующимся путешественникам и ученым, а также постоянно дополнял черновую рукопись новыми сведениями. Жиль предположил, что Дюбуа «пользовался только сокращенной копией» рапорта о раскопках Куль-Обы, т. к. он «пропустил некоторые подробности, а также и кое-каких отступлений от подлинных слов рапорта, которого держаться в точности мы сочли нужным». ³⁸ Узнав о приобретении рукописей Дюбрюкса Одесским обществом, Ф. А. Жиль обратился к его секретарю Н. Н. Мурзакевичу с просьбой предоставить их для работы, и получил положительный ответ. Судя по письму Мурзакевича Жилю от 21 декабря 1851 г., у старшего сына Дюбрюкса были приобретены только три черновых тетради (стр. 1–94). «Подлежащих к ней [рукописи Дюбрюкса. – *И. Т.*] объяснительных чертежей сохранилось не много, — пояснял Мурзакевич, — да и те изображают планы укреплений, изданных обществом при статье Бларамберга...». Здесь необходимо пояснить, что почти все планы и чертежи, отправленные в Петербург, имели авторские номера таблиц, которые иногда дублируются в разных редакциях рукописи и создают путаницу. С этим столкнулись Жиль, сверявший планы и чертежи с рукописями Дюбрюкса в архиве Министерства Имп. Двора, и Мурзакевич. Так, в Петербург было отправлено 8 планов и рисунков, частично являвшихся чертежами

³⁶ ДБК. Т. 1. С. X–XXXIV.

³⁷ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase; etc. P., 1843. Т. 5. P. 195–196. Note 1.

³⁸ ДБК. Т. 1. С. X.

Бларамберга, скопированных с оригиналов Дюбрюкса, в том числе план Пантикапея Бларамберга (по утверждению Мурзакевича, выполненный «с бруллионов» Дюбрюкса), три чертежа Дюбрюкса (вид, план и разрез склепа) кургана Куль-Оба, два вида и план курганов и гробниц (близ Золотого кургана, у Еникале и в 1 версте от Керчи), виды кладки камня различных памятников. В апреле 1852 г. Мурзакевич отправил в Петербург окончание записок Дюбрюкса в трех тетрадях (стр. 94–151). Жиль по частям возвращал рукописные тетради, принадлежащие ООИД, но в результате путаницы в авторской нумерации вернул только 5 из 8 принадлежавших обществу планов. Несмотря на это, 12 сентября 1854 г. Мурзакевич отправил в Эрмитаж еще 6 черновых чертежей, приобретенных им «от одного бывшего знакомого покойного археолога» (имя которого нигде не называется), а именно несколько планов руин на горе Опук, близ мыса Фонари, Павловской батареи, вид круглой башни, разрез гробницы и план какого-то укрепления, которые были возвращены в ноябре 1854 г. (ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 54. Л. 15–24; АГЭ. Ф. 1. Оп. 1–1943. Д. 26. Л. 246, 269–270, 272–273, 279, 286).

В Эрмитаже хранятся снятые Ф. А. Жилем списки с рукописей Дюбрюкса (АГЭ. Ф. 1. Оп. VI-М. Д. 9) и цветные копии приложенных к ним некоторых планов и чертежей (Там же. Д. 27/8, 15, 16). Таким образом, издатель «ДБК» располагал только планами руин близ Кермеш-Келечика, Куурдака, Еникальского маяка, видами и разрезами Куль-Обы и Золотого кургана, других планов Дюбрюкса ему обнаружить не удалось. Вероятно, по этой причине Жиль не стремился опубликовать текст «Описания...» Дюбрюкса, а ограничился лишь публикацией рапорта о раскопках Куль-Обы и использованием его сведений о топографии памятников Керченского полуострова.

Одесское общество истории и древностей также стремилось скорее ввести в научный оборот «Описание...» Дюбрюкса, планируя напечатать его в IV томе. В конце октября следующего, 1853 года, в Издательский комитет был передан русский перевод, выполненный жившим в Одессе членом-сотрудником ООИД (с 13 ноября 1848 г.) А. Г. Дюбрюксом (умер не позднее 1866 г.), публикация которого задержалась из-за Крымской войны (1858). Он снабжен всего тремя планами — Картой Европейской части Боспора с указанием на обследованные Дюбрюксом памятники, приблизительным планом следов акрополя Пантикапея, составленным в 1827 г. Бларамбергом, планом и видом Золотого кургана. Переводчик являлся внуком автора: «По смерти П. А. Дюбрюкса бумаги его, по некоторым домашним обстоятельствам, не попали к отцу моему, а переходили

через несколько рук и преимущественно таких лиц, которые не знали вовсе ни их содержания, ни их важности, пока наконец не были отысканы дядею моим [А. П. Дюбрюксом. — *И. Т.*], от которого Общество и приобрело эту рукопись, но без чертежей и планов».³⁹

Все собранные Одесским обществом планы, черновые наброски, вместе с текстом рукописи, письмом Дюбрюкса Бларамбергу от 16 марта 1828 г.,⁴⁰ найденном Мурзакевичем среди бумаг покойного директора Одесского музея, были переплетены в отдельную тетрадь и хранились в библиотеке ООИД под шифром 182 22/D. Мало кому известно, что значительная часть архива Одесского общества, частично вывезенного во время Второй мировой войны из Одессы в Румынию, впоследствии не была возвращена обратно, а оказалась в Киеве, в Институте рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной Академии наук Украины. Именно здесь я и обнаружила черновой автограф Дюбрюкса на французском языке под названием «*Descriptions des vestiges et des traces des anciennes villes et bourgs; qui ont existe autrefois sur la rive Europeenne du Bosphore Cimerien, depuis l'entré du détroit, près du phare d'Enikalé, jus que et compris la montagne d'Arouch, sur la mer noir*» (Описания остатков и следов древних городов и местечек, некогда существовавших на Европейской стороне Босфора Киммерийского, от входа в пролив у Еникальского маяка вплоть до горы Опук и включая её, при Черном море; ИР ЦНБ. V, 1034. Л. 1–77 об.; по авторской пагинации 151 страница). Многие страницы текста перечеркнуты, содержат авторскую правку, вставки в тексте и на полях и т. д. Некоторые приложенные к рукописи планы, чертежи и черновые наброски (Там же. Л. 84 об.–98, всего 17 рис.) дублируют рисунки, хранящиеся в Эрмитаже и ИИМК, а именно планы Илурата, Куль-Обы и Золотого кургана. Всего в тетради под шифром V, 1034 числится 98 листов по архивной нумерации, не считая литературных (90а, 92а, 93а, 94а, 95а, 96а, 97а). Таким образом в рукописи реально переплетено 105 листов, включая чистые. В заверительной записи библиотекаря ООИД А. Рыстенко от 21 апреля 1906 г. также указано 98 л., из которых л. 87–98 представляют чертежи. Одесская рукопись, ставшая после Второй

³⁹ Дюбрюкс П. Описание городов... С. 84.

⁴⁰ Письмо опубл. с купюрами в русском переводе А. Г. Дюбрюкса: Дюбрюкс П. Описание следов... С. 73. Прим.

мировой войны киевской, со времен Мурзакевича не утратила ни одного листа.

Один из списков труда Дюбрюкса я обнаружила в семейном фонде Уваровых в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 202. Л. 1–62 об.). Эта чистовая писарская копия, вероятно, была снята во время первого путешествия на юг России в 1848 г. для молодого археолога гр. А. С. Уварова. Архивистом, описывавшим фонд, рукопись была ошибочно принята за труд самого А. С. Уварова с указанием, что она якобы опубликована в известной серии «Древности. Труды Московского археологического общества» (Т. 2. 1869. Вып. 1–2. Вып. 3. 1870. С. 352 сл.). Московская копия структурирована, как и одесская, на две части, причем последовательность изложения в целом совпадает: сначала идет «Описание древних городов и укреплений, следы коих видны близ Керчи, на городской земле» (Новый маяк, Парфенион, Еникале; Мирмекий, Змеиный городок; Пантикапей, гора Митридат, Керчь; Золотой курган; Павловская батарея, развалины Нимфея), затем «Развалины, встречающиеся вне городской земли города Керчи» (Камышбурун и Карабурун; Кермеш-Келечик или дворец боспорских царей). Первоначально я предполагала, что копия была снята именно с одесской рукописи и, видимо, с разрешения Н. Н. Мурзакевича, хотя вполне возможно, что Уваров приказал скопировать её в Керчи у каких-либо родственников или друзей Дюбрюкса.⁴¹ Второе предположение ближе к истине, т. к. в московской рукописи отсутствуют описания, помещенные в конец второй части сочинения — руин у дер. Куурдак, «Акры», горы Опук, следов «Китея» и Европейского Киммерика, описание акрополя и главной возвышенности восточного холма г. Опук, описание развалин западного Киммерика.

Из публикации письма Дюбрюкса на имя президента Парижской Академии надписей от 27 сентября/9 октября 1834 г. нам известно, что керченский археолог, по совету состоявшего её членом-корреспондентом (1821) Стемпковского, направил в Париж несколько своих работ, но ни одна из них, как и в России, не была опубликована и не получила какого-либо отклика «бессмертных». Осенью 1834 г. Дюбрюкс отправил на родину копию своего рапорта царю о раскопках Куль-Обы, хранящегося в Архиве Института

⁴¹ Тункина И. В. А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х–начало 1850-х гг.) // Погибшие святыни. Охраняется государством. 4-я Российск. научн.-практич. конф. СПб., 1996. Ч. 1. С. 163-181.

Франции (Академии надписей и изящной словесности), из которого В. Шильтц воспроизводит фрагменты текста и рисунки (планы и разрезы) кургана. В парижской копии дата открытия склепа исправлена на верную — 19–22 сентября 1830 г.⁴² Дюбрюкс надеялся, что Академию заинтересует полная копия «Описания руин...», более ранняя версия которого под названием «*Vestiges apparents des villes et bourgs qui existent sur le Bosphore Cimmérien*»⁴³ была через Стемповского направлена в Париж. Эта рукопись, скорее всего, менее полна, чем одесская (киевская) и эрмитажные. Копии хранящихся в Париже работ Дюбрюкса пытался получить еще Н. Н. Мурзакевич, о чем свидетельствуют его письма к предводителю дворянства Херсонской губернии, члену ООИД и известному одесскому коллекционеру древностей Ивану Ираклиевичу Курису (1840–1898). В письме от 23 апреля/5 мая 1867 г. из Одессы в Париж он дает сочлену “серьезное поручение”: «В 1831 г. Дюбрюкс из Керчи препроводил, кажется, в Парижскую публичную библиотеку подробное описание находок в Золотом кургане [имеется в виду Куль-Оба. – *И. Т.*], и при нем рисунки. Узнайте, где все это находится, и испросите разрешение у кого следует — снять верную копию, и особенно рисунков» (ОР ОГНБ. Ф. 38. Карт. 1. Д. 526. Л. 5 об.–6). В следующем письме от 3 мая 1867 г. (ст. ст.) Николай Никифорович еще раз напоминает: «В Париже (как писал) хлопчите о снятии копии с рукописи и чертежей Дюбрюкса...» (Там же. Л. 4). К сожалению, ответных писем Куриса мне обнаружить не удалось. Мой запрос в Библиотеку Академии надписей через Лорана Лардинуа положительного результата не дал — в картотеке библиотеки сведений о Дюбрюксе нет. Возможно, рукопись «Описания руин...» действительно хранится либо в Парижской национальной библиотеке, либо в архиве Института Франции.

Всякий археолог-античник, пользовавшийся опубликованным переводом А. Г. Дюбрюкса, понимает неполноту, неадекватность и неточность переложения на русский язык топографических описаний Павла Дюбрюкса. Переводчик, не имевший специальной археологической подготовки и плохо знакомый с топографией

⁴² Schilts V. *Histoires de Kourganes...* P. 56–57, 60–61, 116–117. Название рукописной писцовой копии: «*Déscription du tombeau découvert à six verstes de Kertch, le 19 septembre 1830, et ouvert le 22 du même mois, par ordre et sous la direction de Monsieur de Stempkowski*» (P. 117–119).

⁴³ Тетбу де Мариньи Э. В. Павел Дюбрюкс. С. 231; Леонтьев П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // *Прописки*. 1851. Кн. 1. С. 75.

Восточного Крыма, во многих местах фактически исказил смысл труда деда. Он произвольно сократил текст оригинала, опустил непонятые им места, почти везде снял цифровые обозначения, соотносящиеся с планами. А. Г. Дюбрюксом или редактором перевода (Н. Н. Мурзакевичем?) вероятно, с целью сокращения объема публикации, были опущены пассажи, касающиеся свидетельств жизни и археологических работ автора, его взаимоотношений с коллегами (Е. Е. Кёлер, И. П. Благрамберг, И. А. Стемпковский и др.), важные для характеристики личности Дюбрюкса и его современников, детали быта обитателей Керчи и Еникале в первой трети XIX в. и т. п. Впервые это обстоятельство отметил еще в 1927 г. профессор Одесского института народного образования и директор Одесского государственного археологического музея С. С. Дложевский, сравнивший текст рукописи, хранившейся тогда в рукописном отделе музея, с публикацией. Так, на с. 5 в опубликованном переводе после слов «планы древних городов Боспора» опущено 28 строк оригинала, на с. 27 после слов «моими трудами» опущено 14 строк, и т. д.⁴⁴

Располагая ксеро- и фотокопиями нескольких рукописей Дюбрюкса (одесской или киевской, двух эрмитажных, московской писцовой копией) и всех перечисленных выше планов и черновых набросков, часть из которых остаются до сих пор неопубликованными, я пришла к выводу о необходимости полной реконструкции *всех без исключения текстов* Дюбрюкса 1820-х–1830-х гг. по архивным рукописям для их соответствующего комментированного издания параллельно на французском и русском языках. Необходимо заново издать «Описание...», рапорт о раскопках Куль-Обы, мелкие заметки Дюбрюкса по различным археологическим вопросам, включая все позднейшие авторские добавления. Подобное предприятие, безусловно, потребует значительных финансовых издержек. К текстологической работе необходимо привлечь не просто переводчика, а специалиста-палеографа, знакомого не только с французским языком первой трети XIX в., но и с проблематикой, о которой писал Дюбрюкс. Для реконструкции и выяснения истории авторского текста следует провести колляции всех дошедших до нас рукописей, причем желательно и тех работ Дюбрюкса, рукописи которых хранятся во Франции, а также заметок, опубликованных в «Journal d'Odessa». За

---

⁴⁴ Дложевский С. С. Де кілька невиданих місць з рукопису Павла Дюбрюкса // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. Т. 1 (58). С. 67–68.

эту трудоемкую работу в 1997 г. первоначально взялся к. и. н. А. Н. Анфертьев, на средства, выделенные мне по гранту РГНФ. В связи со спецификой данного памятника как исторического источника он предложил издавать французские тексты по дипломатическому типу, т. е. с сохранением всех орфографических и пунктуационных особенностей оригинала, а в русских переводах отразить купюры опубликованных работ Дюбрюкса. В моем распоряжении имеются подготовленные А. Н. Анфертьевым рабочие материалы к реконструкции французского текста и к переводу «Описания остатков и следов древних городов и местечек, некогда существовавших на берегах Босфора Киммерийского (европейская сторона) от входа в пролив у Еникальского маяка вплоть до горы Апук и включая её», включающие главы: «Нечто вроде вступления», «Маяк (современный), Порт-мион, Еникале», «<От маяка к Мирмикиону, Еникале>», «Мирмикион (Змеиный городок)», «Пантикапей, гора Митридат, Керчь», «Описание развалин, находящихся около татарской деревни Куурдак в 13 верстах к западу от Керчи», «Некоторые наблюдения над тремя разновидностями циклопических сооружений, имеющих в окрестностях Керчи», «Детальное описание саркофагов, найденных этой весной на акрополе Мирмикиона». Однако по ряду обстоятельств в 1998 г. мне пришлось прекратить сотрудничество с А. Н. Анфертьевым, и сейчас я вынуждена обратиться к другому специалисту для продолжения работы с текстами Дюбрюкса.

В планируемом издании комментарии должны включать текстологические, исторические, археологические и топографические пояснения. Я совершенно убеждена, что комментирование перевода Дюбрюкса должно осуществляться совместными усилиями группы ученых различных специальностей. Среди них ведущую роль должны играть археологи, хорошо знакомые с памятниками и топографией Восточного Крыма, проводящие раскопки Пантикапея, Мирмекия, Порфмия, Илурата, Китея и др., то есть тех, кто знает планировку этих городищ как никто другой. В будущем издании следует опубликовать все дошедшие до нас изобразительные материалы, в том числе и в цвете. Можно с уверенностью сказать, что новое издание труда Дюбрюкса введёт в научный оборот целый пласт неизвестных ранее материалов, имеющих первостепенное значение для специалистов по античной археологии Европейского Боспора.

АГЭ   Архив Государственного Эрмитажа
 ГАОО   Государственный архив Одесской области

ДБК	Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. СПб., 1854.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИР ЦНБ	Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной Академии наук Украины
КГИКЗ	Керченский государственный историко-культурный заповедник
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ОР ОГНБ	Отдел рукописей Одесской государственной научной библиотеки
ПФА РАН	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РА ИИМК	Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН
РГИА	Российский государственный исторический архив
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН
СА	Советская археология. М.; Л.
ЦГААРК	Центральный государственный архив Автономной Республики Крым

Е.В. ВЛАСОВА

ПОЛЬ ДЮБРЮКС И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КЕРЧИ

Эрмитаж, один из крупнейших музеев мира, имеет разнообразные богатые коллекции. Среди них можно выделить коллекцию археологических памятников. Всемирно известными экспонатами Эрмитажа являются вещи, найденные в 1830 году в кургане Куль-Оба близ города Керчи. Эти интересные, красивые находки, значительная часть которых сделана из золота, сразу привлекли огромное внимание. Ими заинтересовались члены императорской семьи, императорский двор, и в 1831 году найденные вещи поступили в Эрмитаж. Некоторые люди пытались получить выгоду от этих находок и приписывали открытие Куль-Обы себе. Речь идет о чиновнике Керчь-Еникальского градоначальства Д.В. Карейше, который первый сообщил о находках на Куль-Обе в газете “Одесские ведомости” (№88 за 1830 г.),

и которому поручено было везти находки в Петербург, и А.Б. Ашик, позже, в 1832 г., ставший директором Керченского музея.

На самом деле, на Куль-Обе раскопки произвел и подробно описал археологический памятник и все находки, а также сделал чертежи погребального сооружения Поль Дюбрюкс. (Paul Du Bruh), один из первых археологов-исследователей Боспорского царства. В России его называли Павлом Алексеевичем Дюбрюксом (1774 - 1835). Родом из провинции Франш-Конте, Поль во время французской революции с отцом и младшим братом покинул дом и вступил в корпус роялистов под командованием принца Конде. Отец и брат через несколько лет вернулись во Францию, а Поль с 1797 г. жил в Польше, позднее переехал в Петербург, откуда в 1811 г. перебрался в Керчь, где сначала был начальником Керченской таможни, затем - начальником соляных озер.

В Керчи, основанной на месте столицы и других городов Боспорского государства, Дюбрюкс заинтересовался античной историей и культурой; он часто совершал прогулки, изучая сохранившиеся античные памятники и собирая древности, которые он размещал в своем доме и во дворе дома, создав там собственный музей. Он изучал сведения античных авторов и сравнивал их информацию с сохранившимися на Керченском п-ове сооружениями античного периода, пытаясь правильно определить местоположение античных боспорских городов; он внимательно рассматривал все найденные в Керчи древние вещи. В 1816 г. он начал производить археологические раскопки, в основном, на свои собственные средства. Небольшие средства на раскопки Дюбрюксу дали граф Ланжерон и граф Н.П. Румянцев, которому Поль послал несколько найденных им монет и расписных ваз. Древние вещи, подаренные Дюбрюксом императрице Марии Федоровне, хранились в Павловском дворце. Когда в 1818 г. Керчь посетил Александр I, Дюбрюкс показал царю найденные им древности. Александр I одобрил его археологические исследования и разрешил ему считать все сделанные им находки собственностью, но не дал, к сожалению, средств на дальнейшее проведение раскопок. В 1820 г. Поль Дюбрюкс был в Петербурге и был принят Его Императорским Высочеством великим князем Михаилом Павловичем, который в 1818 г. обозревал следы некоторых древних построек Ольвии и на берегах Крыма. Он говорил с Дюбрюксом об остатках сооружений античного времени и желал иметь подробные сведения о том, что сохранилось от древних городов. После этого разговора Дюбрюкс начал описывать древние города и укрепления Боспорского царства и делать чертежи; он определял их местоположение, сравнивая

описания античных авторов и сохранившиеся развалины. После смерти Дюбрюкса было опубликовано его сочинение “Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского” (ЗОО-IV).

При жизни он не претендовал опубликовать то, что написал, так как не считал себя ученым: “Твердо решившись употребить всевозможную точность при моих исследованиях, я вполне уверен, что это будет единственным достоинством моего сочинения; не будучи ученым, я могу только сделать более или менее точные описания. Для измерения расстояний я употреблял веревку в 20 сажень, для более точного измерения углов - компас; планы мои я поверял до трех раз, чтобы означить со всевозможной точностью, что именно такие-то развалины суть остатки такого-то города или укрепления”.

Огромный интерес Дюбрюкса к истории, керченским древностям поддерживал Иван Алексеевич Стемпковский. С 1808 г. Стемпковский был адъютантом герцога де Ришелье. В 1814-1817 гг. он был с русским оккупационным корпусом в Париже и там получил доступ в Академию надписей и изящной словесности (l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres), где изучал сочинения древних авторов. Позже он стал членом-корреспондентом этой Академии. В Россию он привез из Франции большую библиотеку и 6 огромных томов выписок из сочинений древних авторов. В 1828 г. И.А. Стемпковский стал Керчь-Еникальским градоначальником. Он поддерживал интерес Дюбрюкса к античной истории, к археологическим раскопкам и давал ему читать во французском переводе сочинения античных авторов. Он полагал, что для организации раскопок, описания и изучения древних памятников следует создать научное общество и музеи древностей. При его жизни в 1825 году был открыт музей в Одессе, в 1826 г. - в Керчи. Фактически, Керченский музей был образован на основе коллекции Дюбрюкса, в состав которой входили найденные в Керчи и ее окрестностях золотые украшения, золотые фигурки животных, обломки статуй, стелы, надписи, медали, монеты, стеклянные сосуды, глиняные вазы, терракотовые статуэтки, фигурки из гипса и даже небольшая мумия, полученная Дюбрюксом от человека, прибывшего из Египта.

В 1830 г. отставных матросов из Севастополя переводили в Керчь. Для них нужно было соорудить казармы, и строительный материал решено было взять с покрытого камнем холма, названного “Куль-Оба”, что в переводе с татарского означает “холм пепла”.

Именно на этом холме был раскопан курган, ставший всемирно известным.

Обычно в литературе пишут, что курган был открыт случайно, но слово “случайно” отсутствует в отчете-рапорте Дюбрюкса. 10-12 сентября Дюбрюкс сопровождал Стемпковского на место добычи камня и, внимательно осматривая Куль-Обу, понял, что там находится гробница со входом на северной стороне: “Рассматривая вид холма, возвышавшегося на самой вершине горы, я убедился, что тут должна быть гробница. Занимаясь более 14 лет раскапыванием курганов в окрестностях Керчи, я был уверен в том, что не ошибся, и сообщил мое замечание Г. Стемпковскому. Г. Стемпковский приказал капитану, командовавшему работниками, усилить число их на северной стороне, где судя по виду кургана, я полагал вход в гробницу” (ДБК, с.XIV).

10.09.1830 градоначальнику сообщили, что на Куль-Обе обнаружили строение из тесаного камня. Придя туда, Стемпковский и Дюбрюкс увидели узкий проход в склеп и дверь в него. Дюбрюкс начал раскопки и 22 сентября проник в склеп, вынудив часть камней, которыми вход был заложен. Три дня, без перерыва, Дюбрюкс интенсивно работал. Значительная часть склепа была открыта, и в ней было обнаружено трое погребенных: двое мужчин и женщина, а также кости лошади и разнообразный, богатый погребальный инвентарь.

В ночь с 24 на 25 сентября Дюбрюкс и его помощники ушли, не доследовав южную часть склепа и часть восточной. К сожалению, караул не остался на ночь, и в склеп проникли грабители, подняли плиты пола, вскрыли могилу, которую в литературе обычно называют “тайником” и унесли все найденные вещи. Подробности об этом ночном происшествии Дюбрюкс узнал в феврале 1831 г. от одного из грабителей, грека Дмитрия Бавро, который рассказал ему об ограблении, о могиле и обо всем, что было найдено. По просьбе Дюбрюкса, этот человек доставшиеся ему вещи (большую золотую бляху в виде оленя и часть гривны с наконечником в виде головы льва, которую грабители разделили между собой, разрубив на три части) отдал Стемпковскому, который передал эти вещи в Эрмитаж. По просьбе Стемпковского Д. Бавро получил 1200 рублей. Позже второй наконечник гривны был куплен у французского ученого Сабатье, который приобрел его в Париже.

После окончания работ на Куль-Обе Дюбрюкс написал подробный отчет-рапорт о раскопках, о погребенных в склепе, о находках и сделал планы. Он старался все точно зафиксировать и подробно описать. Отчет хранился в градоначальстве и был

доступен для чтения. В 1832 г. отчет о раскопках Куль-Обы и план гробницы Дюбрюкс передал для Императорского Величества. В 1834 г. Дюбрюкс прислал копию отчета в Париж, и из нее получили сведения о Куль-Обе Рауль-Рошетт и Дюбуа-де-Монпере (Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, V. Paris, 1843, p.195).

При жизни Дюбрюкса его отчет о раскопках Куль-Обы напечатан не был, но его текстом пользовались даже после смерти автора, правда, не всегда на это ссылаясь. Например, директор Керченского музея А.Б.Ашик, издавший книгу “Боспорское царство”(1848), когда писал о Куль-Обе, использовал полностью текст отчета Дюбрюкса, не ссылаясь на это; он желал, чтобы его считали первооткрывателем Куль-Обы. На это обратил внимание Е. Шевелев, написавший рецензию, на книгу Ашика (ЗООИД, №2, с.725-738): “... по долгу справедливости не следует умалчивать и о тех людях, кои трудами своими, на поприще разысканий, много способствовали к обогащению Керченского музеума; но к сожалению остались забытыми в воспоминании автора, руководствовавшегося их трудами при составлении изданного им сочинения!.. Из числа их по всей справедливости заслуживает признательной памяти покойный Павел Алексеевич Дюбрюкс. Он с давних времен, поселившись в Керчи, занимался постоянно раскапыванием курганов, в классических окрестностях этого города, еще задолго до учреждения в нем музеума; да и впоследствии участие его в этом деле не бесполезно. При том достоверно известно, что большая часть предметов древности, составляющих Керченский музеум, собраны г. Дюбрюксом, который сообщал об них сведения Бларамбергу, Келеру, Стемповскому и др. иностранным ученым”.

В России немного сокращенный текст рапорта Дюбрюкса был напечатан в “Древностях Боспора Киммерийского” (1854) под редакцией Ф. Жилия. Там же были опубликованы сделанные Дюбрюксом план, разрез склепа и вид кургана (они были улучшены для публикации). По мнению Ф. Жилия, Дюбрюкс был “человеком прозорливым, проникнутым духом археологических исследований, переходящих в страсть”, и его поддерживала мысль, что “после его смерти труды его пригодятся ученым, которые употребят их на пользу археологической истины”.

Дюбрюкс сообщил точные сведения о кургане и сделанных там находках. Если измерить размеры вещей, дошедших до нас, то они полностью совпадают с размерами, данными Дюбрюксом.

В прошлом веке археологи не придавали значения антропологическому материалу; кости они не сохраняли и

указывали только пол погребенных и крайне редко их рост и возраст. Дюбрюкс дал точные размеры бедренной кости погребенного, которого обычно именуют “царем” (10,5 вершков); и по этому размеру позже определили рост погребенного (170-172 см). Сохранилась нижняя челюсть этого погребенного. В приложенном к челюсти документе-аттестате, написанном доктором Пьером Лангом, инспектором врачебной управы Таврической губернии, который тоже однажды приходил на Куль-Обу в момент раскопок, сказано, что челюсть ему отдана Стемпковским, и что она полностью соответствует описанию Дюбрюкса. В своем отчете Дюбрюкс писал: “В нижней челюсти царя недоставало двух коренных зубов, а третий, возле них, был больной, отчего челюсть в этом месте напухла; этот последний зуб лежит гораздо глубже остальных, которые очень хороши, совершенно здоровы и принадлежат человеку от 30 до 40 лет”. Д.Г. Рохлиным (Болезни древних людей. М-Л, 1965, с.248-250, рис.115) по нижней челюсти возраст погребенного был определен в 35-40 лет, что близко определению Дюбрюкса. Дюбрюкс первый предположил, что погребенный, имевший такую челюсть, изображен на одном найденном в Куль-Обе сосуде.

Дюбрюкс обратил внимание на то, что дверь погребальной камеры снизу на половину высоты была заложена большими камнями, выше - камнями средней величины, не скрепленными смазкой, отсутствие которой свидетельствует о том, что камни заклада двери, когда было нужно, без труда разбирались и собирались, вероятно, для очередного захоронения. По мнению Н.Л. Грач (Grač N. Der Kurgan Kul'-Oba. - Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bonn, 1997, S.155-157), эта деталь, а также теснота в склепе и плотность находок свидетельствуют о том, что в Куль-Обе было многоактное захоронение, и достоверность сведений Дюбрюкса несомненна. По ее мнению, дата последнего захоронения в кургане, 345-335 гг. до н.э., определяется по найденной там фасосской амфоре, клеймо которой Дюбрюкс сообщил, описывая находки.

Дюбрюкс первым отметил скифский характер коллективного царского захоронения в Куль-Обе, т.е. он первым понял его как иллюстрацию к рассказам Геродота. Позже такое понимание кульобинского комплекса стало общепринятым.

Дюбрюкс понял, что холм Куль-Оба использовался для захоронений неоднократно. Начав раскопки на Куль-Обе, не глубоко от поверхности он обнаружил две каменные гробницы, в каждой из которых было несколько погребенных и инвентарь в виде глиняных

сосудов. Он полагал, что сохранившиеся в западной части холма остатки круглых стен свидетельствуют о том, что и там были насыпи, подобные насыпям на восточной части, но они были давно разобраны.

24 сентября 1820 г. А.С. Пушкин написал своему брату письмо о Крыме, где, рассказывая о Керчи, упомянул Поля Дюбрюкса, не назвав его имени: “Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками; какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий - но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится”. Вероятно, поэт слышал о Дюбрюксе в Одессе у Стемпковского, который был тогда адъютантом герцога Ришелье.

Керченский музей древностей, открытый при жизни А.С. Пушкина 3/15.06.1826 и созданный на основе коллекций Дюбрюкса, и сначала располагавшийся в его доме, в 1937 г. получил имя А.С. Пушкина.

В.П. ТОЛСТИКОВ

УТРАЧЕННЫЙ ПЛАН ПАНТИКАПЕЯ ПОЛЯ ДЮБРЮКСА

(К проблеме реконструкции.)

В четвертом томе Записок Одесского Общества Истории и Древностей за 1858 год на стр. 16-28 опубликовано описание древних строительных остатков Пантикапейского городища, составленное первым исследователем Античного Боспора Полем Дюбрюксом. В ряду не столь уж многочисленной, а, главное, подробной и надежной информации относительно археологической топографии Пантикапея это описание, выполненное в течение первой четверти XIX столетия, точнее в 1823-1827 годах, занимает совершенно особое место. Это связано прежде всего с самой личностью Поля Дюбрюкса - энтузиаста-археолога, историка боспорских древностей и неутомимого исследователя, наделенного исключительной наблюдательностью, умом и подлинной страстью к топографическим изысканиям на археологических памятниках, необходимость и научная важность которых будет понята учеными (да и то далеко не всеми) значительно позднее - лишь к концу прошлого столетия. Кроме того, Дюбрюкс фиксировал и описывал те, тогда еще достаточно многочисленные, строительные остатки на территории древней столицы Киммерийского Боспора, которые в последствие, в особенности во второй половине XIX столетия, были полностью уничтожены выборками камня и планировочными работами по мере быстрого развития города Керчи, значение

которой как крупного порта и индустриального центра на Юге России все более возросло.

Особенность данного описания Дюбрюкса состоит в том, что оно служило экспликацией к обширному рукописному, иллюминированному от руки, плану Пантикапейского городища, составленному исследователем непосредственно на местности с привязками к существовавшим в то время в городе Керчи ориентирам в виде конкретных улиц, зданий, ветряных мельниц, скальных выходов и т.п. К сожалению, уже к моменту опубликования рукописи в ЗООИД план был утрачен, и его местонахождение неизвестно (с.16, прим.*)). Мои попытки отыскать следы этого плана в различных архивах до сих пор не увенчались успехом.

Насколько можно судить из описания, план был основан на шагомерной съемке, а также на измерениях в саженьях, выполненных, по-видимому, с помощью мерной цепи или иного инструмента, например, деревянной мерной сажени.

Всем древним строительным остаткам, а равно и важнейшим топографическим ориентирам Дюбрюкс присвоил на плане цифровые или буквенные обозначения, так, например, здание новой таможни, располагавшейся в то время по дороге из карантинна, то есть на северной стороне городской территории, на пути от Карантинного мыса, обозначено литерой **A**, две ветряные мельницы - **№7**, три “кургана” - **№8**, огромный скальный массив с античными подтесами, оформляющий северо-западный угол участка вершины горы Митридат к западу от Первого кресла, получившего в литературе наименование “западное плато”, обозначен **№50**. Сама скала “Митридатова кресла” стоит под **№71**. Литерой **S** в экспликации обозначена часовня И.А.Стемпковского - первого градоначальника Керчи, ученого и покровителя, с которым Поля Дюбрюкса связывала 22-летняя дружба. Остатки южной оборонительной стены акрополя названы “главной оградой” и помечены литерой **K**.

Казалось бы, наука располагает ценнейшей информацией относительно археологической топографии Пантикапея, и достаточно нанести буквенные и цифровые обозначения Дюбрюкса на современную геоподоснову Керчи, как мы получим подробную схему, однако, к сожалению, это далеко не так. Дело в том, что к настоящему времени на территории современного города не сохранилось почти ни одного из ориентиров, указанных в описании к плану Дюбрюкса, позволяющих надежно воссоздать маршрут, по которому двигался автор плана. Исключение составляет лишь

церковь Иоанна Предтечи, которая именуется в экспликации как “Греческая церковь”.

В 1978-1979 годах при разработке проекта исторического опорного плана города Керчи, выполнявшегося группой специалистов-архитекторов “Союзреставрации” Министерства культуры СССР в составе: руководитель проекта Б.Л.Альшуллер, архитекторы И.И.Кроленко, Е.В.Брыкина при участии старшего научного сотрудника Института теории и истории архитектуры М.Б.Михайловой и, в качестве археолога-консультанта, начальника Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С.Пушкина, автора этих строк. В результате этих совместных усилий, прежде всего углубленных архивных изысканий, удалось существенно уточнить план Керчи первой половины XIX века и локализовать на нем местоположение ряда ключевых ориентиров плана Поля Дюбрюкса, а именно: новой таможни (А), уездного училища, Русской церкви (Троицкого собора), двух ветряных мельниц (№7). Это, в свою очередь, позволило надежно восстановить маршрут Поля Дюбрюкса, пролежавший от пункта пересечения современных улиц Кирова и Пролетарской по направлению к тому участку современной улицы 23 мая 1919 года, где она соединяется с переулком Новый проход. Далее исследователь двигался на запад до того места, где находился “конец большого рва” (№9) и лежал курган (№10), который рассматривался Дюбрюксом как башня городской стены. Южнее этой башни начинались фундаменты двух стен, шедших параллельно на расстоянии 10.6 м одна от другой в южном направлении, причем западная из них пролежала по краю “большого рва” (№9). Этот “ров” существует и сегодня, соответствуя тому участку Госпитальной улицы, который поднимается вверх по склону от места ее пересечения с улицей 23 мая 1919 года и идет в сторону холма Второго кресла Митридата. Очевидно, этот “ров” №9 представляет собой искусственно углубленную в древности балку, образывавшую естественную западную границу Пантикапея. В описании этого западного участка городских укреплений столицы Боспора Дюбрюкс приводит ценные сведения о башнях (№№15, 16, 17), калитке в стене и следах проемов ворот с указанием расстояний между этими объектами в сажнях (№№12, 14, 18). В качестве своего рода варианта проверки этих данных экспликации к утраченному плану Дюбрюкса следует указать на то, что указанные проемы западных городских ворот довольно точно совпали с участками современных улиц Челова (бывшая 2-я Эспланадная) и 1-й Эспланадной. Эта информация Дюбрюкса подтверждается и планом и описаниями швейцарского путешественника Фредерика

Дюбуа де Монпере, указывающего, что “среди огромных куч мусора, которыми покрыта территория городища, еще можно различить следы главных улиц, которые подходили к важнейшим воротам города”. Не исключено, что именно эти городские ворота запечатлены на боспорской меди первых веков н. э. (сестерции Рескупорида I, Савромата I).

Сведения Дюбрюкса о наличии круглых башен (например, №№15, 19) подтверждаются результатами раскопок, также как и его информация о наличии двух линий стен на западном рубеже городской обороны. В 1905 и 1907 годах на участке к северу от второго кресла Митридата, а именно на углу Эспланадной улицы и продолжения улицы Госпитальной, на территории, занятой дворами домов Сургучевой. Калинина и Косаря, В.В.Шкорпиллом был раскопан отрезок западной городской оборонительной стены, в основании которой оказались использованы вторично надгробные стелы IV в.до н.э. Позднее, в 1923 и 1924 годах Ю.Ю.Марти было открыто продолжение стены, а также основание круглой в плане башни диаметром около 12 м.

Из описания Дюбрюкса следует, что западная линия обороны Пантикапея включала в себя холм Второго кресла Митридата, который был превращен в мощный узел обороны, своего рода форт, снабженный довольно сложной системой укреплений (№№20, 21, 25-27, 30-32), который исследователь именуется “небольшим акрополисом”. В настоящее время от них сохранился лишь один выход скалы, обработанный системой тщательно выполненных подтесов для квадратной кладки.

В описании Дюбрюкса под номером 36 содержится описание скалы со следами подтесов и гнездами для четырех бревен, которые, по словам исследователя, “поддерживали крышу над этой скалой”. В.Д.Блаватский высказал предположение, что эта скала соответствует скале с нишей, раскопанной К.Р.Бегичевым в 1849 году. На самом деле эти раскопки были произведены несколько ранее, вероятно, еще в 1846 году, поскольку в архиве Государственного Эрмитажа хранится отчет К.Р.Бегичева (Ф. I, оп. I, 1846 г., д.34), в котором на лл.86-87 приведена следующая информация об этом интереснейшем объекте: “На покатости горы Митридат с северной стороны, возле самой террасы, находится группа скал, имеющих со стороны террасы вид огромной ниши. На боковых сторонах ее, представляющих неправильные ряды камней, заметно по четыре углубления, иссеченные в скале на равном расстоянии одно против другого и идущие от самого входа уступами по верху. Углубления эти, вероятно, служили для помещения в них

деревянных брусьев и устройства здесь крыши или рода навеса. Внутренняя плоскость ниши заключала до 4-х квадратных сажень и была земляная. При раскопе ее на глубине почти сажени оказался слой земли, смешанной с золою и углем. На середине плоскости открыт каменный четырехугольный столб, поставленный вертикально, без всякой видимой цели; на столбе не было ни надписи, ни изображений. В стене ниши, противоположной входу, была устроена небольшая полукруглая ниша, в которой найдена опрокинутою мраморная четырехсторонняя колонка в аршин длиной, увенчанная тремя женскими головами вместе (то есть гекатейон - В.Т.). Под нишей, в земле, найден маленький мраморный торс женщины, хорошо датированный, и несколько глиняных черепков от амфор, между коими была одна ручка с греческою надписью”. Впоследствии местоположение этого уникального архитектурного объекта было на долгие годы утеряно, и о нем высказывались лишь неопределенные предположения.

Опираясь на реконструированный план и экспликацию Поля Дюбрюкса нам удалось вновь открыть это скальное святилище на участке к северу от Второго кресла Митридата. Оно расположено в настоящее время в пределах домовладения №29 по ул. Челова и скрыто за хозяйственной постройкой, пристроенной к скале. Показательно, что святилище Гекаты находится примерно в 20 - 15 м к востоку от главных западных ворот Пантикапея. Повторное открытие “ниши Бегичева” явилось одним из надежных подтверждений правильности воссоздания утраченного плана Поля Дюбрюкса.

Из описания ясно, что двигаясь от Второго кресла в восточном направлении Дюбрюкс фиксирует под №43 холм, известный как “Скалистый выступ” и приводит описание ряда связанных с ним объектов оборонительного характера. Описывая местность к востоку от Скалистого выступа, исследователь сообщает: “... в 25 саженьях на восток от маленькой двери №45 (вылазной калитки в “главной ограде” К) пространство представляло ровную поверхность, к которой примыкала дорога, разделявшаяся на два рукава (№47). Посреди этого места была воронкообразная яма. Князь Херхулидзе приказал разрыть ее; на 2 саженьях глубины найдены две стены с восточной и западной стороны из прекрасно обтесанного камня ...”. Котлован от этих раскопок читается еще и сегодня, что вновь подтверждает правильность восстановления плана.

Далее к востоку Дюбрюкс описывает под №50 еще один важнейший, сохранившийся до настоящего времени, ориентир –

крупный выход скалы, образующий северо-западный угол западного плато Первого кресла Митридата. Говоря об этой скале он пишет: “Эта скала превосходно обтесана в виде стены во всю свою высоту, и в длину на 7 сажень от юга к северу. У подножия скалы лежит маленькая площадка ...; под этой площадкой была яма в 1.4 аршина глубины ...”. Все сказанное точно соответствует действительности. Северный фас этого скального массива и высеченная в скале внизу перед ним цистерна были расчищены в 1886 году в ходе раскопок Ф.И.Гросса. Горловину этой водосборной цистерны и зафиксировал на плане Дюбрюкс.

Завершает описание вершина Первого кресла горы Митридат, где скала, давшая ей название, помечена №71 и относительно которой Дюбрюкс приводит ряд интересных наблюдений.

Оценивая итоги работы по воссозданию утраченного плана Пантикапейского городища, следует отметить, что, несмотря на ряд нелокализованных объектов, этот ценнейший документ, являющийся еще одним свидетельством пытливого ума, наблюдательности и подвижничества неумолимого исследователя, можно считать в главных частях восстановленным. Эту работу хотелось бы рассматривать как нашу дань уважения светлой памяти российского ученого-энтузиаста Павла Дюбрюкса.

Е.А. МОЛЕВ

ПЛАНЫ КИТЕЯ, СОСТАВЛЕННЫЕ П.ДЮБРЮКСОМ И Ю.Ю.МАРТИ, КАК ИСТОЧНИК ПО ТОПОГРАФИИ ГОРОДА

Город Китей расположен в центре узкой равнины на южной окраине европейского Боспора. Он упоминается античными авторами практически на протяжении всего периода античной истории (с IV в. до н.э. по VI в. н.э.). Во всех случаях он именуется как город, что свидетельствует о важной роли его в истории государства. Исследование территории древнего городища началось еще в XIX веке и продолжается по настоящее время.

Первым исследователем топографии боспорского города Китея был П. Дюбрюкс, который в 1820 и 1821 гг. обследовал территорию городища и составил общий топографический план города ⁴⁵(рис.1). На плане наиболее четко прослеживается линия укреплений (рва, ворот и крепостных стен), “круглое здание” в юго-восточной части городища и менее четко просматривается центральная часть,

⁴⁵ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского // ЗОО., 1858. IV. С. 68-69.

которую автор определил как акрополь. Береговая линия моря, представленная на плане, не оставляла сомнений у последующих исследователей, что поблизости от города не было удобной бухты для стоянки кораблей. По описанию П. Дюбрюкса город был окружен двойной крепостной стеной с севера и востока, однорядной стеной с запада, имел ворота с восточной стороны, 5 башен и полубашен и ров, который шел вдоль всей линии крепостных стен. Толщина внешней линии восточной и северной стен составляла 2,3 м (3 аршина), внутренней — 1,8 м (2,5 аршина). Внутренняя стена шла параллельно внешней на расстоянии 4,3 м (2 сажени) от нее. Перед внешней стеной шел ров шириной в 6,4 м (3 сажени). Западная стена имела толщину 2,8 м (4 аршина). Перед ней шел ров шириной 14,9 м (7 сажений). За исключением фундамента северо-западной башни, имевшей прямоугольную форму, все остальные башни были полукруглыми (П. Дюбрюкс определяет их как полубашни) или овальными. Общая протяженность линии крепостных стен составляла 416 м (195 сажен).

На вершине центрального холма на городище П. Дюбрюкс отмечает наличие едва заметных остатков крепостных стен с двумя башнями по углам и остатки стен жилых домов. Акрополь окружал хорошо заметный во времена П. Дюбрюкса ров шириной 10,6 м (5 сажен). Напротив крайней юго-восточной башни находилось большое “круглое здание”, внешний диаметр которого составлял 17 м (8 сажен). Толщина стен этого здания составляла 2,13 м (3 аршина).

Судя по плану городища и описанию виденных П. Дюбрюксом остатков стен, основу оборонительной системы Китея составляли две башни: северо-западная и северо-восточная. Это самые большие и наиболее мощные точки обороны. Причем северо-западная башня в какой-то период истории города, по-видимому, была перестроена, поскольку овальная башня длиной 8,5 м (4 сажени) была заключена здесь в почти квадратную башню размерами 10,5 x 10,5 м (5 x 5 сажений). Какой была изначальная форма башни неясно, так как раскопки в этом районе провести не удалось из-за наличия в этом районе взрывоопасных предметов. Северо-восточная башня имела овальную форму диаметром 19 м (9 сажений) и два входа с внутренней стороны. Столь значительные размеры башен говорят сами за себя.

Наличие ворот с восточной стороны как будто свидетельствует о том, что основная дорога связывающая Китей с другими городами Боспора, шла вдоль берега моря к мысу Такиль и далее. Судя по отсутствию на плане в приморской части стен и башен, береговая

линия города была обрывистой уже в то время (1821 г.) и, по-видимому, разрушалась морем.

Завершая краткий обзор наблюдений П. Дюбрюкса, отметим, что в то время, когда он снимал план городища, “во многих местах не существовало даже и фундаментов...”⁴⁶, хотя в предыдущем году даже стены возвышались над поверхностью земли. Возможно, данное обстоятельство и обусловило некоторые несоответствия в его описании и описаниях последующих лет.

Следующий план Китэя по результатам разведки и небольших по объему раскопок был составлен Ю.Ю. Марти в 1927-28 гг.⁴⁷ (рис.2). Сразу бросаются в глаза изменения в сравнении с предыдущим планом и в начертании линии крепостных стен, и “круглого здания”, и холма в центре городища. Северная линия стены теперь уже выглядит не прямой, а “преломляется посередине, образуя тупой угол в 170°”⁴⁸. На восточной линии появившаяся балка “Казан” поглощает южный участок стены с воротами. От “круглого здания” в результате интенсивной абразии берега остается чуть больше его половины. Несколько изменились и очертания холма в центре городища. Также как и его предшественник Ю.Ю. Марти считает его акрополем.

Кроме того, в топографии городища появились и новые элементы. Прежде всего, на северной линии крепостных стен были прослежены остатки ворот и сделан визуальный разрез рва перед крепостной стеной. Наибольшая глубина рва составила 3,2 м. В северо-восточной части городища на плане Ю.Ю. Марти четко выделяется еще один холм, описания которого автор не дает.

В результате раскопок Ю.Ю. Марти удалось: выявить на южном конце восточной линии укреплений остатки ворот над самым обрывом балки “Казан”, уточнить мощность двойной же линии стены — около 6 м⁵⁰ (В.Ф. Гайдукевич дает цифру 5,5 м⁵⁰); диаметр закругленной части угловой северо-восточной башни — 11 м⁵¹, время ее первоначального сооружения — V-IV вв. до н.э. и

⁴⁶ Там же, с. 69.

⁴⁷ Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи: Киммерик, Китэй, Акра// Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь. 1928. Т. II, 59; Марти Ю.Ю. Раскопки городища Китэя в 1928 г. // Известия

Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь. 1929. Т. III

⁴⁸ Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства... Отд. оттиск. С. 23

⁴⁹ Марти Ю.Ю. Раскопки городища Китэя... Отд. оттиск. С. 8.

⁵⁰ Gajdukevic V.F. Das Bosporianische Reich. Berlin. 1971. S. 194.

⁵¹ Марти Ю.Ю. Город Китэй на Боспоре в свете новейших раскопок // Архив ЛОИА. ф.2. оп.1. 1929. № 155. С. 3.

перестройки в первые века н.э. Кроме того были открыты остатки прямоугольной башни римского времени к северу от восточных ворот и прослежена структура насыпи холма в центре городища. Отмечено, что холм этот весь насыпной и мощность культурных напластований здесь составляет около 10 м.

Таким образом, по результатам обследований территории городища Китея с 1820 до 1928 года было достаточно четко установлено, что Китей был типичным боспорским городом, существовавшим с V в. до н.э. по V-VI вв. н.э., имевшим необыкновенно мощные укрепления внешней оборонительной линии и акрополь.

Материалы аэрофотосъемки и топоъемки городища в период 1970-1996 гг. показывают, что в целом картина топографии городища только уточнялась, не изменяясь кардинально (Рис. 3). Так, на северной линии укреплений, там, где и предполагал Ю.Ю. Марти, были четко прослежены крепостные ворота, фланкированные с обеих сторон прямоугольными башнями, уточнен характер ворот и стен в восточной части городища. Выявлены остатки южного конца западной линии крепостной стены, где также открыты остатки прямоугольной башни⁵². На восточной линии укреплений открыта еще одна прямоугольная башня, располагающаяся примерно в 18-19 м к северу от башни, открытой Ю.Ю. Марти. Судя по датирующему материалу, стало совершенно очевидно, что первоначально форма крепостных башен Китея была прямоугольной, приближающейся к квадрату.

Раскопки на участке “круглого здания” привели к открытию комплекса помещений и вымосток по границам участка и совершенно пустому пространству во внутренней части предполагаемого здания. Остатки деревянных кольев, бревен и круглых опорных каменных плит в сочетании с находкой керамического тессера на центральном зольном холме, как будто дают возможность видеть в этом здании остатки театра или какого-то иного, несомненно, общественного сооружения.

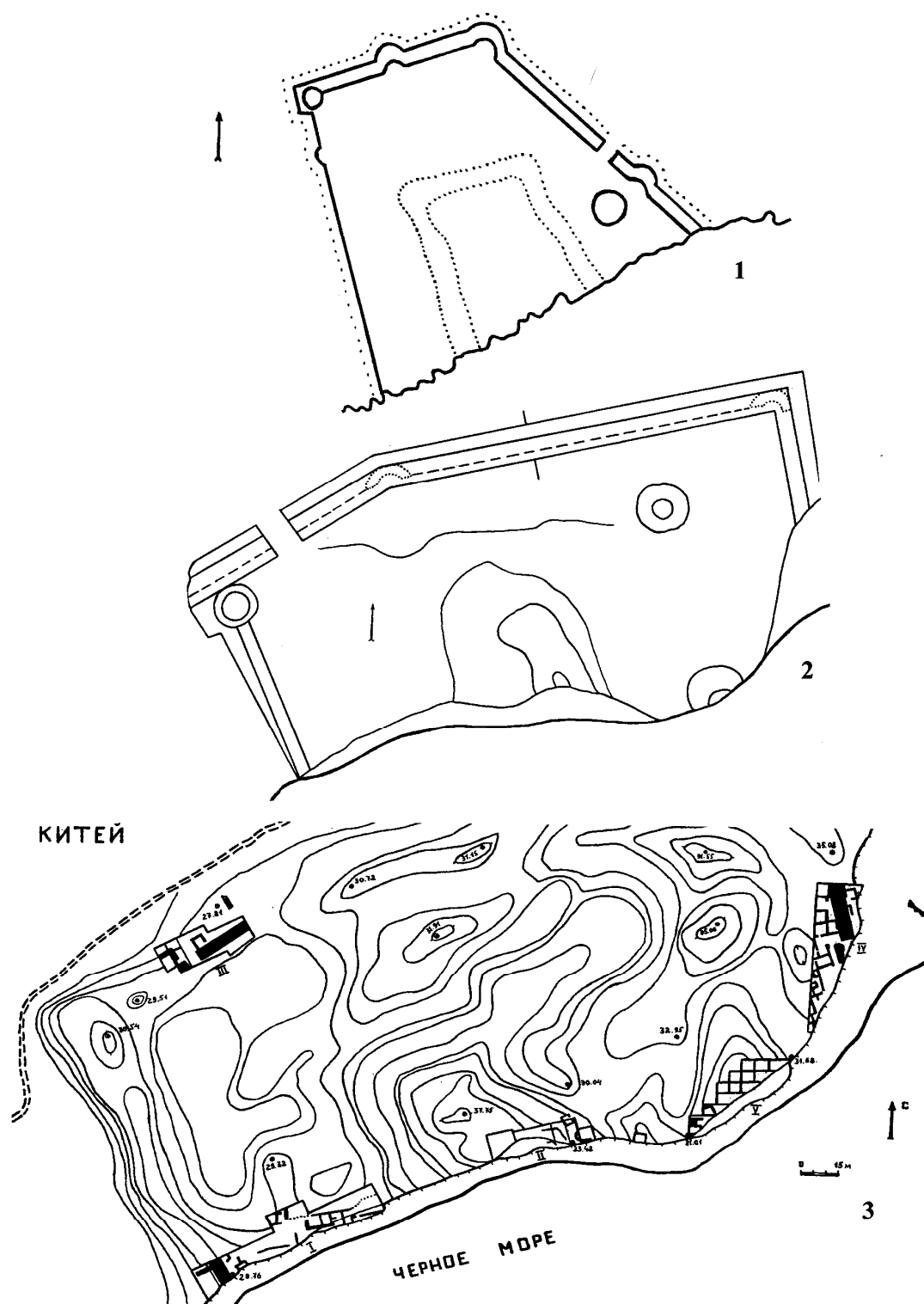
Исследования на центральном холме показали, что это, скорее всего, не акрополь, а храмовый участок, представляющий собой комплексное святилище с расщелинами в материковой скале и архитектурными постройками разного времени с V в. до н.э. до начала IV в. н.э. На холме в северо-восточной части городища была

⁵² В 1957 г. в этом же районе открыт небольшой участок крепостной стены при работе отряда Боспорской экспедиции. См. Белова Н.С. Археологические разведки в Китее // КСИА. 1961. № 83. С. 83-90.

сделана зачистка грабительского раскопа, которая показала, что и этот холм имел слоистую золистую структуру насыпи и также, вероятно, был связан с каким-то культовым сооружением.

Таким образом, исследования П. Дюбрюкса и Ю.Ю. Марти обеспечили достаточно надежную базу для дальнейших исследований городища Китея, которые, несомненно, должны быть продолжены.

\

1 - план Китея, составленный П. Дюбрюксом;
 2 - план Китея, составленный Ю. Ю. Марти;
 3 - современный план Китея

В.А. ХРШАНОВСКИЙ

«БАШНИ», «КРУГИ», «СВЯТИЛИЩА»...

(Сюжет из истории исследований некрополя Илурата ⁵³)

Честь открытия некрополя Илурата, как и многих других античных памятников Боспорского царства, принадлежит Полю Дюбрюксу. На территории, примыкающей с юга и юго-востока к акрополису «дворца царей Босфорских», за крепостной стеной, он видел развалины передовых укреплений внешней стены, множества башен и следы селения. А в 200 саженях к югу от трех последних зданий – кладбище (Дюбрюкс. 1858. С. 58-60; Гайдукевич. 1953. С.180-182, рис. 1а). «Могилы высечены горизонтально в скале, в виде гротов, но над ними нет курганов. Я провел линию на плане, чтобы указать на место этого кладбища, хотя и не сохранил должного расстояния, не желая без пользы увеличивать план» - писал Дюбрюкс. Он отметил, что на дне гробниц находятся «человеческие остовы и простая глиняная посуда грубой работы» (Гайдукевич. 1950. С. 189). По последним данным (см. материалы И. Тункиной в этом же сборнике) одну могилу даже раскопал, и, таким образом положил начало археологическим исследованиям некрополя.

Вопрос о том, что же находится на южных и восточных подступах к городищу Илурата, занимал и В.Ф. Гайдукевича, проводившего там разведку в 1939-1940 гг. Интерпретация пристроек к юго-восточной стене и башен (№№ 17, 18,19,21,34, 38 – 40 на плане Дюбрюкса) как части фортификационной системы, кажется ему сомнительной. Для оборонительных сооружений остатки стен были недостаточно мощными. Далеко не все находились на линии предполагаемой внешней крепостной стены и были круглыми в плане, что в свое время побудило Дюбрюкса считать их остатками башен. Встречались и полукруглые, и овальные и четырехугольные. К тому же, их кладка совершенно не походила на регулярную кладку оборонительных стен. Скорее, это были примитивные ограждения, сделанные из подручного материала (Гайдукевич. 1950. С. 188).

Мысль о возможном культовом назначении (кромлехи?), по крайней мере, части этих сооружений, Гайдукевичем была

---

⁵³ Археологические экспедиции ГМИР последних лет проведены при неизменной финансовой поддержке ОАО АБЗ-І. Пользуясь случаем выражаем, нашу глубокую благодарность генеральному директору Владимиру Валентиновичу Калинину и заместителю генерального директора по экономике Серафиме Александровне Шишиловой

высказана. Он обращает внимание на то, что один из «кругов» находится вблизи катакомбного могильника, открытого Дюбрюксом. Но, не обнаружив после разведочных раскопок в двух таких же «кругах» могил, склоняется к другой версии. Культурный слой, обнаруженный внутри исследованных «кругов» (зольные отложения, кости животных, фрагменты керамики и кусок каменного жернова), по его мнению, относился к III-IV вв. или еще более позднему времени, и таким образом эти конструкции уже не связаны с античным городом Илуратом, а представляют собой «остатки какого-то значительно более позднего кочевнического стойбища (Гайдукевич. 1950. С.188). Позже Гайдукевич еще больше укрепился в своей версии и считал наиболее вероятным, что «круги» - остатки загонов для скота и обрамления юрт кочевнического стойбища раннесредневекового (VIII-IX вв.) времени (Гайдукевич. 1958. С. 138).

Интерпретация «кругов» П. Дюбрюксом и В.Ф. Гайдукевичем во многом была предопределена их представлениями о том, что же находилось на этой территории – в 0,6-0,8 км. к югу и юго-востоку от стен городища. Первый размещал здесь селение, окруженное еще одной внешней крепостной стеной. Второй – городскую свалку из золы и мусора, на которой после прекращения ее функционирования и появляются «круги». Археологический контекст «кругов» начал меняться, после того как в 1947 году примерно в 300м. к юго-востоку от южной башни городища и примерно в 600м. к северо-востоку от «катакомбного» могильника, на краю илуратского плато был открыт склеп №1 (Кубланов. 1948.С. 48-53) и, соответственно, северный участок некрополя. То, что «круги» теперь оказываются на территории некрополя, Гайдукевичем было отмечено (Гайдукевич. 1958. С. 139). Но, считая, что они относятся к разным эпохам, он никак не связывал их между собой.

После того как в 1996-98 годах, в 200м. к западу от «гrotов» Дюбрюкса были открыты еще два вырубных склепа (№№ 160 и 180) стало очевидно, что, по крайней мере, на дальних подступах к городищу, на расстоянии от 800 до 300 м. от юго-восточной и южной стен находится некрополь, и значительная часть «кругов», таким образом, находится на его территории. Это заставило вернуться к вопросу об их хронологическом соотношении.

Склеп №1 был найден разграбленным, но по сохранившимся материалам датировался I в. н.э. Подавляющее большинство обнаруженных и исследованных здесь в 80-90-х годах грунтовых могил, склепов, тризн и захоронений животных (всего более 100 погребально-поминальных комплексов) относились к I - началу II

вв. н. э. (Кубланов, Хршановский. 1989. С. 8-27.; Хршановский. 1998. С. 77-87), Встречались и более ранние амфорные остатки II-I вв. до н. э. (Горончаровский, Хршановский. 1994. С. 84 – 86). Но, одновременно, здесь встречались и плитовые могилы с материалами II-III вв. По всей вероятности, к тому же времени относятся следы перестроек и вторичного использования уже существовавших склепов. На южном (скальном) участке некрополя, где в основном велись работы в 1968-1984 гг. и было открыто около 70 погребально-поминальных комплексов, преобладают вырубные могилы, катакомбы с пещеровидными скальными сводами, и склепы, сложенные из блоков известняка, хотя встречаются и грунтовые могилы. Хронологическая ситуация здесь зеркальна по отношению к северному участку. Подавляющее большинство погребальных сооружений датируется II-III, но есть и материалы I в. н. э. (Кубланов. 1983. С. 104-129.; Кубланов, Хршановский. 1989. С. 29-42) В вырубных склепах на западном участке преобладал материал III-IV в., однако встречались и фрагменты эллинистических амфор. Таким образом, хотя в целом хронологическая вилка античного некрополя - I-V вв. н. э. - оказывается несколько шире, чем городища, большинство могил ему синхронны, и датируются I - III вв.

Среди 200 памятников, открытых с 1968 по 1999 год на некрополе Илурата было 7 «кругов» и одно близкое к ним по типу и конструкции сооружение подпрямоугольной формы. Последнее (№162) и два «круга» (№№67 и 161) находились в северо-восточном углу плато, ограниченном с севера крутым берегом древней реки, а с востока – балкой, спускающейся к руслу этой же реки от южного участка некрополя. Два «круга» (№№102 и 103) были обнаружены и исследованы по другую сторону балки, на противоположном – юго-восточном склоне. Еще один – на той же стороне, но южнее, неподалеку от «гrotов» Дюбрюкса (не его ли в свое время заметил Гайдукевич?). Один из двух оставшихся находился – в юго-западном углу плато, неподалеку от вырубных склепов, по которым сегодня определяется западная граница некрополя. Другой – к северу от нее – ближайший к южной угловой башне городища. Собранный материал позволил уточнить их хронологию и, исходя из нового археологического контекста, предложить новую версию их функционального назначения.

Раскопанные «круги» имели диаметр 6-7м., под прямоугольник – 4х5м. Конструкции их были однотипны. По всей окружности (или периметру) скальное основание надстраивалось однослойной кладкой из грубо обработанных известняковых плит, небольших

блоков и камней. Толщина таких стен-ограждений колебалась от 0,3 до 0,8м. У «кругов» стены имели небольшой отрицательный уклон, так что внутренний диаметр сооружения с высотой уменьшался. В трех случаях с западной стороны внутрь сооружений вели лестницы. Следы перекрытий обнаружены не были. Есть основание считать, что все эти комплексы после последнего использования были забросаны камнями.

После того, как была раскопана одна из первых конструкций (№ 67), вновь было высказано предположение, что это обсервационная сторожевая башня (Кубланов, Хршановский. 1989. С.27-29). Однако, по мере накопления и осмысления материала, версия эта не находила себе подтверждения. Напротив, повсеместно встречавшиеся следы огня (зола, скопления угольков, обожженные камни), большое количество костей диких и домашних животных (лошади, коровы, овцы, свиньи, козы, собаки, зайца, птиц – гуся или утки, курицы, а также рыб) наводили на мысль, что раскопанные «круги» - скорее своеобразные святилища – «тризницы». Подтверждением этого можно считать и блок известняка кубической формы – алтарь(?), сориентированный к тому же по сторонам света, и воронковидное углубление, вырубленное в скале посередине пола– жертвенная яма (?), обнаруженные внутри одного из комплексов

(№ 67) (Хршановский. 1988. С.16-20). Небезынтересно, что примерно в этом месте П. Дюбрюкс отмечает две «башни» – №17 и 18 (Гайдукевич. 1953. Рис. 1а.С. 177) Не исключено, что исследованный комплекс – одна из них.

В 1997 году на том же северном участке некрополя было открыто сооружение, близкое по конструкции «кругам», но подпрямоугольной формы. В центре него находился сложенный из нескольких довольно больших камней алтарь-жертвенник, а возле него - скопление костей лошади. «Пойманное» по светлomu пятну в темном грунте овальное воронковидное углубление (диаметр в верхней части 0,8-0,5м., в нижней – 0,5-0,35м, глубина – 0,3м.), завершающееся внизу подрубкой и трещиной в скале, вполне могло служить жертвенной ямой – ботросом. Бесспорным же доказательством культового характера памятника явилось множество выгородок на скальном полу, образующих своеобразный лабиринт, найденный здесь *in situ* жернов-жертвенник (обломок жернова зафиксировал в одном из разведанных «кругов» и Гайдукевич), под которым лежали яйцевидная галька, и несколько фрагментов керамики, а рядом с жерновом – железный лабрис. Абсолютным хронологическим ориентиром является найденная в

святилище монета - сестерций Савромата I (93/94 – 123/124 гг. н.э. (близкая аналогия у Н.А.Фроловой относится к V серии 115-118 гг.) (Ханутина. 1998. С. 45-47).

Вещевой материал, обнаруженный внутри исследованных «кругов» достаточно скуден и поразительно однообразен. Это, как правило, невыразительные керамические остатки, среди которых амфорные фрагменты (розовоглиняные, красноглиняные боспорские, светлоглиняные южнопонтийские) составляли более 1/2, кружальные красноглиняные – от 1/3 до 1/4, а все остальное – краснолаковые, сероглиняные и лепные. Датируются они II-III вв. н.э. Фрагменты средневековой поливной керамики единичны и, по всей вероятности, случайны.

В трех случаях зафиксированы бесспорные следы вторичного использования «кругов». Один был перепланирован дважды или трижды, и в последний (!) раз – возможно в VII-VIII вв. (Кубланов. 1979. С.96-97). В другом было обнаружено впускное погребение, датируемое по комплексу материалов, включая монету - малый медный номинал императора Аркадия – 395-408 гг., первой половиной V в. (Хршановский. 1988. С. 20-27). В третьем, наряду с античным материалом были обнаружены выгородки, сделанные средневековой кладкой – “елочкой”.

Таким образом время создания и первоначального функционирования исследованных “кругов” оказывается синхронно большинству погребений илуратского некрополя и относится к первым векам н.э. В этом случае и их функциональное назначение, как культовых погребально-поминальных комплексов на территории некрополя оказывается понятно и оправдано.

Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурад // Советская археология XIII. М-Л. 1950.

Гайдукевич В. Ф. Илурад // Материалы и исследования по археологии СССР. № 85. М-Л. 1958.

Горончаровский В. А., Хршановский В. А. Раскопки верхнего некрополя Илурата // Археологические исследования в Крыму. 1993. Симферополь. 1994.

Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка, до горы Опук включительно, при Черном море / Пер. А. Г. Дюбрюкса // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1858. Т. 4. Отд. 1.

- Кубланов М.М. Итоги археологических изысканий в районе деревни Ивановка (Керченский полуостров) в 1947 году. // Учен. Зап. Ленингр. Пед. Ин-та. Им. А. И. Герцена. Т. 68. Л. 1948.
- Кубланов М.М. Новые погребальные сооружения Илурата // Краткие сообщения Института археологии №159. М. 1979.
- Кубланов М.М. Раскопки некрополя Илурата: Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях. Сб. науч. тр. / ГМИРиА. Л. 1983.
- Кубланов М.М., Хршановский В.А. Некрополь Илурата: раскопки 1984 – 1988 годов // Проблемы религиоведения и атеизма в музеях. Сб. науч. тр./ ГМИРиА. Л. 1989.
- Ханутина З. В. Святилище на некрополе Илурата // Боспорское царство как историко-культурный феномен. М-лы научной конференции / ГМИР. Спб. 1998.
- Хршановский В.А. Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // Научно-атеистические исследования в музеях. Сб. научн. Тр./ ГМИРиА. Л. 1988.
- Хршановский В.А. Погребения I–II вв. н.э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата // Эллинистическая и римская керамика с Северном Причерноморье / Труды ГИМ. Вып. 102. М. 1998.

В.Ю. ЗУЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА М.И. РОСТОВЦЕВА

Боспорское царство, его история и культура, были одной из главных тем в творческой биографии академика М. И. Ростовцева (1870–1952). В 1913 г. он подготовил к печати монументальное исследование по истории античной декоративной живописи на юге России (Ростовцев. 1914), которое, несмотря на завершенность работы и ее колоссальный объем, Ростовцев рассматривал лишь как своеобразное вступление, «первый том» его штудий по истории Боспора. Планы ученого в тот год были поистине грандиозны. Он намеревался в ближайшем будущем написать историю Боспорского царства, подготовить к изданию каталог боспорских монет и приступить к публикации всех материалов некрополя Пантикапея. Реализацию этого плана Ростовцев начал с написания книги об истории Боспора на немецком языке (Зуев. 1997. С. 50–83). К сожалению, мы чрезвычайно мало знаем о судьбе этого произведения М. И. Ростовцева. Известно лишь, что свою работу

ученый начал в 1913 г. по предложению немецкого издателя Вигеля и что она должна была называться «*Studien zur Geschichte des Bosporanischen Reichs*» (О первых упоминаниях этой книги см. в письмах М. И. Ростовцева к Э. Х. Миннзу от 17 декабря 1913 и 6 января 1914 годов: Бонгард-Левин. 1997. С. 308). Ростовцев предполагал поначалу, что данная книга станет вторым томом «Античной декоративной живописи на юге России», но в процессе работы его намерения кардинально изменились. Вот что писал он в письме своему московскому коллеге А. В. Орешникову 6 апреля 1914 г.: «... Все время занят теперь своей большой немецкой работой. Думал, что все это так легко сделать, а оказалось, что двигаюсь вперед очень медленно. Уголок мира маленький, а количество сложных и трудных вопросов бесконечно. В работе моей надеюсь дать и очерк культурной истории скифов, сарматов и боспорцев. К этому еще не приступал. Все сидел над источниками и политической историей Скифии и Боспорского царства» (ГИМ. ОПИ. Ф. 136. А. В. Орешников. Оп. 1. Ед.хр. 41. Л. 167–168.).

Работу над книгой Ростовцев завершил в последних числах июля 1914 г. и сразу же повез ее в Берлин. Там ученого застала внезапно разразившаяся Первая мировая война. Спешно покинув Германию через Данию и Швецию, Ростовцев вернулся в Россию, оставив текст рукописи на попечение профессора из Гронингена В. Вебера. За годы Первой мировой войны текст книги Ростовцева потерялся и сейчас трудно представить, что именно писал в нем ученый об истории и культуре боспорцев, скифов и сарматов. Мне удалось лишь выяснить, что на основе черновиков текста книги «*Studien zur Geschichte des Bosporanischen Reichs*» Ростовцев написал в 1916 г. три статьи для Нового энциклопедического словаря, издававшегося товариществом «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон». Назывались эти статьи: «Пантикапей», «Сарматы» и «Скифы» (Зуев. 1997 а. С. 209). Для датировки этих очерков важно указание Ростовцева в обзоре литературы на количество выпусков «Известий Императорской археологической комиссии». Шестдесят второй выпуск «Известий» вышел во второй половине 1916 г., когда, вероятнее всего, и были написаны упомянутые статьи для энциклопедического словаря. Ни одна из них по причине революции не появилась в печати, а до наших дней сохранилась в виде корректуры лишь первая из них, содержащая изложение политической и культурной истории Боспорского царства (Публичная библиотека. Зал справочной литературы. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 30. Шифр: 101/1912). Учитывая большое значение этого очерка для истории

изучения Боспора, ниже я публикую полный текст этой статьи М. И. Ростовцева, раскрыв лишь сокращения, принятые в словаре, и обновив орфографию. Дополнения пропущенных в корректуре слов выделены прямыми скобками.

- Бонгард-Левин. 1997 – Г. М. Бонгард-Левин. М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннз: От Скифии до Китая и Японии // Скифский роман. М., 1997.
- Зуев. 1997 – В. Ю. Зуев. М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М., 1997.
- Зуев. 1997 а – В. Ю. Зуев. Материалы к библиографии М. И. Ростовцева // Скифский роман. М., 1997.
- Ростовцев. 1914 – М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., ИАК, 1914. Т. 1. XVIII. 537 с. Атлас. СПб., ИАК, 1913. 4. 10. 2. 1 с. 112 л. илл.

М.И. РОСТОВЦЕВ

ПАНТИКАПЕЙ

Пантикапей (Боспор или Босфор, Боспорское царство; $\text{Ἰαίδηρος Παντικαπείων}$) – греческая (милетская) колония на европейском берегу Боспора Киммерийского (нынешнего Керченского пролива), на месте нынешней Керчи.

I. Политическая история

Пантикапей, как и другие греческие колонии на берегу Черного моря, вырос из торговой фактории в крупный центр греческой жизни в результате торговой экспансивности малоазийских греков (главным образом Милета, Клазомен, Самоса), с одной стороны, в результате роста двух крупных иранских держав – Персидского царства на юге и скифской державы на севере (см. *Скифы*) – с другой. Обе державы, ища выхода к морю, тяготели к нему и стремясь для сбыта своих продуктов к связи с остальным культурным миром, никогда не были морскими государствами и предоставляли грекам на севере, финикийцам на юге, находившимся в вассальной от них зависимости, быть их посредниками в деле морских сношений и морского обмена. Такими посредниками сделались на северном берегу Черного моря и на кавказском побережье греческие рыболовные поселения и торговые фактории, основанные на наиболее удобных местах по берегам Черного и Азовского морей, около больших водных путей. Наиболее блестящее развитие суждено было городам кавказского побережья,

Таманского полуострова и Керченского пролива, прежде всего потому, что здесь греческие поселенцы застали, частью покоренное скифами, местное сравнительно культурное население, находившееся под сильнейшим влиянием старых восточных культур – малоазийской, хеттской и южно-кавказской, халдской. К числу этих племен побережья принадлежали жители Таманского полуострова, может быть, занимавшие и европейский берег Керченского пролива – синды и ряд соседних им племен по берегам Кубани и по Азовскому морю, обозначавшихся греками общим именем меотов. Блестящее культурное прошлое этих племен вызывало с древнейших времен связь восточной части скифского царства с греками Малой Азии, что отразилось в древнейшем легендарном предании Эллады – в рассказах об Аргонавтах и об их экспедиции за золотым руном – и в легендах об амазонках, приурочиваемых к южному побережью Черного моря и к берегам Азовского моря (Меотиды). Основавшиеся здесь постепенно поселения малоазийских греков занялись с древнейших времен эксплуатацией богатейших рыбных промыслов, торговлей продуктами скотоводства, а также утилизацией больших торговых путей из Азии в Европу. Возможно, что в богатейшей равнине Кубани издавна развилось и земледелие. С упрочением большого скифского царства по сю и по ту сторону Дона особое развитие получили в восточной части Черного моря Пантикапей и Фанагория, в западной – Ольвия. Большое значение имела неудача персидского царя Дария, стремившегося включить и скифское царство на Черном море в состав своего мирового государства. Неудача эта укрепила скифское царство и связала его через греческие колонии теснейшим образом с миром греческих политий. Как раз к этому времени относятся первые точные исторические сведения о Пантикапее и соседних городах. Тогда же начинается обильный чекан серебряной монеты эгинской системы тех же типов, которые характерны для Лесбоса, Самоса, отчасти Эфеса и Милета. Диодор, восходящий в конце концов к местному преданию, сообщает о начале в Пантикапее власти рода Археанактидов (с 480 по 439 гг. до Р. Хр.). Если даже хронология Диодора искусственна и фиктивна, то факт упрочения государственности Пантикапея в это время несомненен и весьма вероятно появление сильной центральной тиранической власти вроде той, которая несколько раньше и одновременно типична для всего греческого мира. Победа, одержанная греками и специально Афинами над персами, повела к первым попыткам Афин включить в сферу своего политического влияния мир ионийских колоний на берегах проливов Мраморного и Черного морей. Целью

Афин была торговая морская гегемония, долженствовавшая сменить ионийско-персидское морское господство на Средиземном и Черном морях. В сферу афинских интересов вошли и города северного побережья Черного моря, и специально Пантикапей, причем сюда влекла Афины и специальная цель – богатство Крыма и Тамани рыбой и хлебом, которые обеспечивали бы возможность торгового и промышленного развития Афин и других городов Эллады. В связи с этим стоит как подчинение Афинам Синопы и Амиса на южном берегу Черного моря, так и ближайшая связь Афин с Пантикапеем и городами Таманского полуострова. Неслучайно, что в это время, мы слышим о ближайшем отношении к Понту Аристида и о морской экспедиции в Понт Перикла (435–4 гг. до Р. Хр., Plut., Per., 20). В связи с этим стоит упрочение в Пантикапее военной тирании Спартока (438–7 гг.), может быть, одного из союзных Афинам фракийских династов, а также появление аналогичной тирании в области синдов с центром в Горгиипии и занятие афинянами Нимфея. Ослабление скифского царства после похода Дария и военная поддержка Афин способствовали эмансипации греческих городов и синдов от тесной зависимости, в какой их держали скифские цари. Поддержке Афин обязана своим упрочением и династия Спартока, благодаря ей, вероятно, Спартоку наследовал сын его Сатир (433/2–407/6 гг.) при котором Пантикапей вступил в длительную борьбу с независимой от Афин могущественной дорийской колонией Гераклеей, стремившейся включить в сферу своего влияния противоположащий ей берег Крыма. Объектом спора Гераклеи и Пантикапея была превосходная гавань Феодосия, составлявшая естественный выход для всего степного Крыма, с его огромными естественными богатствами. Дальнейшему развитию Пантикапея способствовало то, что неудачная для Афин Пелопоннесская война положила конец тесной, почти вассальной зависимости от Афин и дала возможность использования естественных богатств территорий греческих городов и соседних племен. Признаком этой эмансипации является передача около времени битвы при Эгоспотамах афинским комендантом Гилоном Нимфея Сатиру и изменившийся характер отношений к Афинам преемников Сатира Левкона I и Перисада I. После неудач в борьбе со Спартой, Афинам особенно важно было поддержать во что бы то ни стало тесную связь с Боспором, так как потеря Афинами всего западного хлебного района, ставила их в ближайшую зависимость от восточного. Отныне Пантикапей и его властители могли диктовать свои условия Афинам, богатели более чем раньше и, при поддержке Афин, развили широкую завоевательную политику, пользуясь тем,

что центр скифского могущества все более перемещался на запад, где скифы встретили сильное сопротивление со стороны возраставшей мощи фракийцев. При таких условиях преемникам Сатира, Левкону, а затем Перисаду, удалось победить сопротивление Гераклеи, прочно завладеть Феодосией, объединить в одних руках власть над городами западного и восточного берегов керченского пролива, сделаться царями синдов и ряда меотийских племен, успешно бороться со скифами, широко развить земледельческое хозяйство в пределах своей территории и территории подвластных им племен и выговорить себе у Афин полную свободу хлебной торговли, предоставляя только известные привилегии главному своему контрагенту – Афинам. Благодаря этому эпоха Левкона (387–347), Спартока II (347–342) и Перисада I (347–309) называется эпохой накопления огромных богатств в руках династии, вассальных им царей и греческих городов, о чем свидетельствуют богатейшие, полные золотом погребения Пантикапея, соседних ему городов и Тамани; процвело земледелие в Крыму и на Тамани, блестяще развилась греческая культура, как в городах Боспора. Тогда же начался кратковременный обильный чекан великолепных пантикапейских золотых статеров, с художественно исполненными изображениями (особенно тонки изображения головы Силена или Сатира – главного типа этого чекана, в котором видят *armes parlantes* города – греческая этимология для местного имени города Пантикапея). Эти статеры сменили официальное торговое золото афинской державы – электровые кизикены и золотые лампсакены. Начался также обильнейший чекан серебра с рядом новых типов. Колебания мировой политики того времени мало отражались на Пантикапее, так как при всех этих колебаниях Греция всегда в одинаковой мере и до Александра, и после него находилась в зависимости от все расширявшегося хлебного рынка Крыма, Тамани и побережья Азовского моря. На это время, то есть на IV в. до Р. Хр., падает наибольшее количество литературных и эпиграфических свидетельств о Боспорском царстве. Большую роль играют Боспор и его тираны в речах Исократы, Эсхина и Демосфена, а также в афинских надписях того времени. Благоприятным остается положение Пантикапея и в эпоху раннего эллинизма. Благополучие и богатство боспорских архонтов все росло, земледельческая территория, вывозившая свой хлеб почти исключительно через гавани боспорской державы, все расширяется, так как скифское царство продолжает еще быть прочным. Тесная связь с Пантикапеем не только Тамани и Прикубанья, но и всего

Крыма, всего Придонья и даже степей между Доном и Днепром, доказываются богатейшими царскими скифскими гробницами этого времени (конец IV – первая половина III вв. до Р. Хр.), рассеянными по всей этой области и полными массой золота и серебра в виде оружия, утвари, женских [украшений и т.п.]. Особенно характерна теснейшая связь скифов с городами Боспора; часть богатых и знатных скифов несомненно жила в греческих городах, как показывают их гробницы под курганами в окрестностях Пантикапея, Нимфея, Фанагории, Горгииппии и других городов (Кульбаба около Керчи дает наиболее яркий и характерный пример). Со скифским феодальным царством у Пантикапея существовали постоянные, по большей части дружественные отношения. Если принять во внимание существование и в это время почти беспрепятственного мирового обмена, то ясным станет, что и III в. до Р. Хр. был эпохой высшего расцвета. Очень характерно, что в это время Спарток III, правнук Левкона I, заключает настоящий союзный договор с Афинами, так что о какой-либо зависимости его от Афин не может быть и речи, а преемники его в документах Делоса и Дельф фигурируют наряду с другими эллинистическими царями. Типично и то, что в это же время в Пантикапее начинается чекан настоящей царской, а не городской монеты (золото, серебро, медь); владыки Боспора проявляют тенденцию называть себя царями, а не архонтами, как было до этого времени, и в местных эпиграфических документах. Все это далось, однако, не без борьбы. Отголоски этой борьбы дошли до нас в подробном рассказе Диодора о розни между сыновьями Перисада I – Сатиром II, Пританом и Евмелом (Diod., XX, 22 слл., 309 г. до Р. Хр.). В результате борьбы Евмел, пользовавшийся поддержкой греческого гражданства – сделал ему ряд уступок. Весьма возможно, что оппозицией гражданства против царей, архонтов объясняются и позднейшие смуты в жизни Боспора. Сын Евмела, рано умершего (правил 309/8 до 303), Спарток III, союзник Афин, правивший с 303 до 284 гг. до Р. Хр., передал власть свою сыну своему Перисаду II. Спарток III – последний из царей, упоминаемый Диодором. Его внуки, Спарток IV и Левкон II, впервые чеканившие царскую монету, одно время соправительствовали, но затем пошли семейные смуты, в результате которых погибают и Спарток, и Левкон; на их место становятся, вероятно, известные только по монетам и штемпелям кирпичей архонт (а не царь) Гигиенонт и может быть царь Акес. Смуты эти закончились восстановлением старой династии и воцарением, может быть, сына Левкона II – Перисада III и его жены Камасарии, дочери Спартока, вероятно Спартока IV), которого вскоре сменил сын его

Перисад IV, соправительствующий с матерью. События после смерти Перисада II падают, вероятно, на вторую половину III в. до Р. Хр., правление Перисада III, Камасарии и Перисада IV – на II в. до Р. Хр. Блестящие времена Боспора прошли. Скифское царство сжато было и с запада и с востока и отодвинуто в степной Крым и прилегающие к нему степи. На востоке господствовали сменявшие одно другое сарматские племена, двигавшиеся все далее на запад. Дело разрушения Скифии, успешно начатое фракийцами, продолжили македонские цари – Филипп и Александр, затем Лисимах, кельты и вновь фракийцы, в лице нарождавшегося гетского царства. Тем не менее Боспор сохранил свою самостоятельность и продолжал вести обширную торговлю хлебом. Особенно опасно было для греков Крыма возродившееся во II в. до Р. Хр. сильное крымское царство скифов, объединенное Скилуrom с его многочисленными сыновьями. Скилуr направил свои усилия прежде всего на Херсонес, давно уже связанный через свою метрополию Гераклею с все более крепнувшим понтийским царством. В конце II в. до Р. Хр., в минуту особо грозной скифской опасности, граждане Херсонеса призвали на помощь своего старого союзника – Понт, где правил молодой царь с широкими завоевательными планами – Митридат VI Евпатор. Его полководцам удалось справиться со скифами и с их союзниками и сделаться господами всего северного побережья Черного моря, включая и Боспорское царство, последний царь которого (Перисад V, вероятно, сын Перисада IV) добровольно отдал свою власть в руки Митридата. Митридат во все время своего правления владел всем северным и кавказским побережьем Черного моря. Одно время власть над Боспором он передал сыну своему Махару, изменившему ему во время второй войны с Римом, и за измену поплатившемуся жизнью. Последним прибежищем Митридата во время борьбы Понта с Помпеем был Боспор, где он и погиб, преданный своим сыном Фарнаком. В награду за это Помпей отдал Боспор Фарнаку, где тот и правил до 47 г. до Р. Хр., когда он, пользуясь междуусобицами в Риме и стесненным положением Цезаря в Александрии, попытался восстановить понтийское царство отца. Оставленный им в Пантикапее наместником Асандр способствовал своей изменой победе Цезаря над Фарнаком при Зеле и покончил с Фарнаком, когда тот, разбитый Цезарем, попытался вновь утвердиться на Боспоре. Цезарем Асандр признан не был; борьбу с ним Цезарь поручил знатному полугреку, полукельту Митридату Пергамскому, называвшего себя побочным сыном Митридата VI. Поход Митридата Пергамского (по побережью Кавказа) на Боспор

не удался. Асандр, женившийся на дочери Фарнака Динамии был утвержден архонтом Боспора Антонием, а затем признан и Октавианом, получил титул царя и чеканил как золото, так и медь. Во все время правления Митридата и его сыновей города Боспорского царства, и прежде всего Пантикапей, сохраняли известную автономию и чеканили, как и другие греческие города понтийского царства, автономную медь и мелкое серебро. Асандр правил на Боспоре сравнительно долго. Около 17 г. до Р. Хр. он был устранен претендентом Скрибонием, выдававшим себя, может быть не без основания, за внука Митридата и женившегося впоследствии на жене и преемнице Асандра Динамии, чеканившей в 17 году до Р. Хр. на Боспоре свое золото. Беспорядки на Боспоре вызвали вмешательство Рима. Боспор был важен Риму, как житница Греции, и анархия там отнюдь не была в римских интересах. Август поручил привести в порядок дела Боспора Агриппе, который в 14 г. до Р. Хр. намеревался вооруженной силой восстановить порядок, но предпочел отдать дело в руки знатного грека Полемона, управлявшего Понтом, тем более, что Скрибоний к этому времени устранен был самими боспорцами. Вместе с Боспорским царством Полемон получил и руку Динамии, но вскоре прибытия в свои новые владения вынужден был считаться с крупными недоразумениями. Весьма вероятно, что он покинул Динамию и женился на Пифодориде, Динамия же, совместно с сыном своим Аспургом, при поддержке сарматских дружины или племени Аспургиан начала с ним борьбу, кончившуюся его смертью. Многие данные говорят за то, что после смерти Полемона Динамия, а затем сын ее Аспург, признаны были (в 8 г. по Р. Хр.) Августом законными, но вассальными владетелями Боспора, чеканившими свою монету, но с изображением римлян на золоте и только с монограммой правителей. Весьма вероятно, что главные города их царства – Пантикапей и Фанагория – временно получили автономию с переименованием в Кесарию и Агриппию и с правом чеканки меди. Тиберий в самом начале своего правления признал за Аспургом право на титул царя. Аспург женат был на фракийке Гепеирии, может быть на внучке Пифодориды. Женился он на ней в конце своего правления и имел от нее двух сыновей – Митридата и Котиса. После его смерти (в 38 г. по Р. Хр.) и временного номинального владычества Полемона II, править Пантикапеем стала Гепеирия, совместно со старшим сыном Митридатом (с 41 г.), Митридат мечтал править не как вассал Рима, а самостоятельно, что ярко сказывается на его монетах. Он не нашел поддержки ни у матери своей, ни у своего брата Котиса, который с помощью

римских войск устранил брата и сделался вассальным Риму правителем Боспора. О последующем времени мы имеем сведения, главным образом из монет и надписей, о серии царей, потомков Котиса, имена которых говорят о том, кого они считали своими родоначальниками и на чем основывали свое право на власть. Как вассалы Рима, они были римскими гражданами и носили, как первый вассальный царь Боспора римский гражданин – Аспург, имя императора Тиберия – Тиберий Юлий. Их личные имена – или фракийские (Котис, Рескупорид, Реметалк), или напоминают великого Митридата (Евпатор), или указывают на их связь (через Динамию, мать которой вероятно была сарматкой) с сарматами (Савромат). Отношения их к Риму колебались в зависимости от хода дел римской империи в дунайских провинциях и на Востоке. Взгляд римских императоров на Боспорское царство оставался в общем неизменным. Боспор был прежде всего для Рима житницей все более и более бедневшей Эллады, этапом на большом торговом пути из Азии в Европу, большим резервуаром натуральных продуктов, главным образом, рыбы, для все более выросавших торговых и промышленных городов провинций Понта и Вифинии. Эта экономическая роль Боспора ярко сказывается в том, что он во все время римского владычества чеканит свое золото и медь, подогнанные к римской монете. Он не мог быть государством-буфером против все более и более грозного движения сарматских племен, но служил превосходным пунктом для наблюдения за этим движением. На его долю выпала защита греческих городов Крыма от крымских скифов, царство которых временами значительно крепло. Первоначально Рим считался с возможностью превратить постепенно Крым в новую римскую провинцию – Scythia Taurica. Такова была идея Августа и Агриппы; этим объясняется их политика подчинения царей-вассалов Боспора Риму. После смут при Клавдии дело казалось близким к завершению. Нерон в конце правления Котиса прекратил автономную чеканку монет Боспора, причем полководцу его Плавтию Сильвану было поручено покончить со скифским царством Крыма; но затея кончилась неудачей. Сложные политические задачи на Дунае, рост Дакийского царства, заставляют уже Веспасиана, сознававшего невозможность вести большую политику на северном побережье Черного моря наличными силами дунайской армии, дать большую автономию сыну Котиса I Рескупориду I, а смутное время на Дунае при Домициане и Траяне делает преемника Рескупорида I, Савромата I, еще более самостоятельным; [он] пользуется денежной поддержкой со стороны Рима для борьбы со скифами. Его поддержке Савромат

был обязан своими военными успехами. Такая политика продолжается при Адриане и Антонине. Но даже денежная поддержка не могла гарантировать полной безопасности Крыма. Крымские скифы, получавшие постоянный приток новых сил от родственных им сарматов, были опасным противником. Это сказалось во II в. по Р. Хр. при Савромате I и его приемниках. Адриан и Антонин принуждены были для охраны побережья создать укрепленную границу как области Херсонеса, с центром в Херсонесе, так и Боспорского царства, включив Ольвию в состав провинции Мезии. Боспорскую границу охраняли боспорские войска, Херсонесскую – римские легионы и вспомогательные отряды; имелся римский гарнизон и в Ольвии. Защита Крыма вызвана была вероятно тем, что Боспору, начиная со времени Евпатора, пришлось не только бороться со скифами, но отражать еще более грозную силу – надвигавшихся с востока алан, стремившихся овладеть возрожденным при Савромате I после разрушения его Полемоном Танаидом и городами Таманского полуострова. Особенно трудным становится положение Боспора при Марке Аврелии, Коммодe и Северах. Борьба на Дунае с германцами и сарматами, смуты в римской империи не давали возможности Риму помогать войском Боспору. Правление боспорских царей занято в это время постоянными войнами в Крыму и на азиатском берегу, равно как и постоянной борьбой с противниками на море. Сначала цари, судя по их надписям, удачно справляются с этой задачей, но в середине третьего века к прежним врагам присоединяются еще готы, избравшие Пантикапей местом для своей морской базы в набегах на римскую империю и разрушившие Танаид. Боспорское царство временно принуждено было стать к ним в отношении вассальной зависимости. Цари Боспора конца III и в первой половине IV вв. по Р. Хр. (от 234/5 до 341 гг.?) известны нам только по монетам и очень небольшому количеству надписей. Частью они носят старые династические имена (Рескупорид и Савромат), частью появляются новые варварские (Ининсимей, Ходарз, Фарсанз, Фофорс, Радамсадий). Боспор продолжает существовать и играть известную роль, продолжает находиться в ближайшей связи с римской империей, продолжает быть крупным центром торговли (не хлебной), но судьбы его в это время нам мало известны. Еще скуднее наши сведения для того времени, когда прекращается чекан боспорских монет, что обыкновенно считают временем прекращения или гибели боспорской династии. Мы знаем только, что уже в IV в. по Р. Хр. Боспор имел своих христианских епископов и предполагаем, на основании некоторых находок, что в

Пантикапее во второй половине IV в. по Р. Хр. владычествовали готы. Во всяком случае, Тамань в эпоху императора Юстиниана оказывается занятой готами-тетракситами. Возможно, что владычество готов в Пантикапее продолжалось в течение всего V в. по Р. Хр., хотя несомненно, что и в это время языком жителей Пантикапея продолжал оставаться греческий, а господствующей религией – христианство. В начале VI в. по Р. Хр., при императоре Юстине I (518–527), Боспор вновь связан с империей, мы вновь слышим о боспорских царях, связывающих себя со старой династией. Для 521 г. по Р. Хр. засвидетельствован царь Тиберий Юлий Диуптун. То же положение, за исключением, может быть существования царской власти, продолжается и при Юстиниане (525–565). Временно, в 576 г., Пантикапей захвачен был турками, двигавшимся по следам аваров; но уже в конце VI в. по Р. Хр. Боспор вновь оказывается в прямой зависимости от Византии, объединенным в управлении с Херсонесом. В VII в. по Р. Хр. Боспором и Фанагорией завладевают хазары и господствуют там вплоть до похода Владимира в Херсонес, когда Тамань, под именем Тмутаракани, сделалась русским уделом. Весьма вероятно, что в состав этого же удела вошел и Боспор, под именем Кърчева (о надписи князя Глеба 1068 г. см.: Спицын, «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», XI, 103 слл.). Русское владычество здесь прекращается здесь уже в конце XI в., когда Русь от Черного моря отсоединили половцы, а позднее – татары. С прекращением власти Руси Тамань и Боспор вновь вошли в состав византийской империи, причем в торговле все более видную роль начали играть генуэзцы, которых интересовали, главным образом, рыбные богатства страны. В XIII в. появились в Крыму татары, причем города бывшего Боспорского царства несомненно сделались их данниками. С 1318 г. генуэзцы прочно осели в Пантикапее, который они называли Воспро или Пондикопера. Судя по описанию Ибнбатутты, Пантикапей в XIV в. был сравнительно ничтожным поселением. Владычество итальянцев продолжалось в городах побережья до конца XV в., когда они взяты и покорены были (1475) турками и татарами. С этих пор и до завоевания Крыма Россией Пантикапей был незначительной турецкой крепостью, с таким же поселением около нее.

II. Политический, религиозный и культурный строй

Духовная культура Пантикапея нам мало и плохо известна. Мы знаем только, что в нем существовала собственная историческая традиция

и собственная, вероятно, историческая литература, главным образом в эпоху расцвета, то есть в III в. до Р. Хр. Некоторые метрические надгробия, несомненно местного происхождения, говорят за постоянный приток греческих культурных сил и за сравнительно чистый облик некоторой части греческого культурного населения. О том же свидетельствуют греческие имена граждан городов, греческие культы и эллинский образ жизни. Сила греческой культуры сказывается и в интенсивной эллинизации покоренных синдов и меотов и в сильном влиянии, которое оказывали греки Боспора на скифов и сарматов. Характерен и очень типичный создавшийся под влиянием местных условий политический уклад, где видны с раннего времени и влияния как фракийской, так и иранской государственности. Боспорская тирания, развитие которой мы можем проследить на протяжении почти восьми веков, ярко отражает все особенности культурной жизни Пантикапея. Чисто ионийская сначала она приобретает военный и вместе с тем династический облик, не без влияния Фракии и иранства, в IV и III вв. до Р. Хр., переходит в иранизирующую эллинистическую монархию в III и II вв. до Р. Хр., получает еще более сильный варварский, специально ирано-понтский налет в I в. до Р. Хр. и в I в. по Р. Хр., вновь подвергается, сделавшись вассальной Риму, сильному влиянию фракийства, и, наконец, приобретает, оставаясь вассальной, определенный характер иранской монархии, напоминающей Парфию, а затем сасанидскую Персию. В административном строе этого последнего времени заметны сильнейшие влияния строя римской империи. Та же картина смены влияний представляется и в религии, и во внутренней, и во внешней культуре. Рядом со старыми ионийскими греческими культами, мы видим все усиливающееся влияние местного, наиболее древнего и сильного культа великой женской богини, приобретающего постепенно значение главного государственного культа. В греческом облике этот культ отождествляется с культами родственных греческих богинь – Афродиты, Артемиды и Деметры, причем особенно ярко подчеркивается его мистический характер. Особый оттенок получают в Боспорской среде и другие культы, не исключая иудейства и даже раннего христианства. Особый отпечаток носит и внешняя культура, начиная от вооружения и одежды, где смешиваются на греческой базе элементы иранские, фракийские и даже кельтские, и кончая своеобразным социальным и экономическим укладом, дающим особый отпечаток быту крупных помещиков и скотоводов, крупных торговцев, экспортеров и

импортеров, имеющих дело и с греческим миром (преимущественно миром припонтийских городов), и с местными племенами кочевников и полукочевых земледельцев, часть которых зависима от местных царей, храмов и крупных землевладельцев и состоит к ним в отношениях крепостной зависимости. Особенно типична постепенная иранизация даже высших классов, сказывающаяся в своеобразных местных полурелигиозных, полувоенных, с политическим оттенком, коллегияльных организациях эпохи римской империи. Характерна также выработка в тоже время особого национального письма, не получившего однако надлежащего развития и не пустившего глубоких корней. Больше всего знаем мы, на основании долговременных раскопок городских и степных некрополей, о художественных особенностях находимых в пределах Пантикапея вещей как художественных произведений, так и предметов обихода и художественной промышленности. Наряду с необычайно обильным ввозом из различных центров греческого культурного мира – Малой Азии, припонтийских городов, Афин и даже Сирии и Александрии, а в римское время, может быть, и из италийских промышленных центров – мы имеем предметы несомненно восточного происхождения и особенно в области ювелирных изделий – продукты местных мастерских. О высоте художественных достижений этих последних свидетельствуют великолепные монеты V, особенно же IV и III вв. до Р. Хр., а также некоторые монеты более позднего времени. Это, а также оригинальность некоторых ювелирных изделий, не имеющих исчерпывающих аналогий в Азии, Египте и Элладе, заставляет признать возможным развитие в Пантикапее, начиная с конце IV в. до Р. Хр., ювелирных мастерских, работавших по греческим и восточным образцам, но вырабатывавших постепенно и свой собственный стиль, приспособленный ко вкусам и потребностям по преимуществу иранских клиентов Пантикапея. Стиль этот расцветает главным образом в эпоху II в. до Р. Хр. и продолжает жить, под именем так называемого готского, до позднеримских времен. Некоторые особенности этого стиля и ряд других аналогичных особенностей мы находим и в живописи пантикапейских погребений, за развитием которой мы можем проследить начиная с IV в. до Р. Хр. и до III–IV вв. по Р. Хр.

III. Топография

Топография и памятники зодчества в Пантикапее нам плохо известны. Систематических раскопок на свободной от застройки

части древнего Пантикапея – на конце горного кряжа, подходящего к морю, носящем название горы Митридата – произведено не было: имеются только повторные разведки и одна попытка систематического расследования, давшая незначительные результаты. Тем не менее, из описаний Страбона, съемок путешественников начала прошлого века и случайных находок во время разрушения турецкой крепости и города и возникновения русского города, мы можем приблизительно определить ход городской оборонительной стены, время возникновения которой до сих пор не выяснено; можем с уверенностью сказать, что склоны Митридатова холма были застроены, частью, может быть, общественными зданиями; можем предполагать, что на вершине холма скорее всего находилось святилище, у подножия холма расположена была гавань, а около нее, на месте старой турецкой крепости, где поныне стоит старая церковь Иоанна Предтечи, находилась агора с рядом святилищ около нее. Открыты и кое-какие остатки водопровода, питавшего город. Лучше известен некрополь, хотя и он не был расследован систематически. Особенно поражают ряды курганов, с монументальными каменными сооружениями в них, на хребте Юз-оба, на гряде, кончающейся холмом Митридата и в степи, вероятно, главным образом, вдоль дорог, расходившихся из города в степь. В высокой степени интересны и ряды камер, высеченных в глине на скате склонов холма Митридата и прилегающей цепи холмов, давшие интереснейшие образцы декоративной живописи. Курганные погребения относятся ко времени от IV в. до Р. Хр. и до II–III вв. по Р. Хр. Среди них до сих пор сохранились и доступны монументальные гробницы в так называемых Царском кургане, в кургане Мелек-Чесменском и расписная камера кургана в бывшей усадьбе Зайцевой. Поразительное сооружение в так называемом Золотом кургане разрушено сознательно в сравнительно недавнее время. Не целиком разрушены, но недоступны монументальные склепы курганов Юз-обы. Все эти памятники представляют высоко интересные образчики погребальной архитектуры, находящие ближайшие аналогии в склепах курганов Малой Азии, Македонии, Фракии и Этрурии. Главным образом с понтийскими и малоазийскими некрополями в скалах связаны более поздние комнатные погребения – так называемые катакомбы (главным образом, с I в. по Р. Хр.), часть которых может быть посещена и теперь (склеп, открытый Стасовым, склеп 1891 г., два христианских склепа). Большая часть и этих склепов разрушена или местонахождение их забыто. Роспись их интересна не только в художественном отношении, но и в

бытовом, и в религиозном отношении. Менее оригинальны погребения обычных типов в грунте, расположенные далеко в степи за стенами города. Высоко интересны до сих пор не расследованные большие оборонительные сооружения в степи, валы с башнями и крепостцами, время постройки которых до сих пор не определено. Найденные в могилах и на пространстве города вещи хранятся в огромном большинстве в Императорском Эрмитаже в Петрограде, незначительная часть – в Керченском музее древностей; эпиграфические памятники, кроме Эрмитажа, в Керчи, в Царском и Мелек-Чесменском курганах.

IV. Главнейшие публикации

Тексты древних авторов по истории Юга России см.: *V. Latyshev*, «Scythica et Caucasica» (Т. I и II, с картами); подготавливаются к изданию тексты византийских авторов. Надписи: *V. Latyshev*, «Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini» (Т. I, II и IV; Т. I ныне во 2-ом издании). Новые надписи публикуются в «Известиях Императорской Археологической Комиссии» (Вып. 1–62).

Монеты: *П Бурачков*, «Общий каталог монет» и т.д. (М., 1884); ср.: *А. Л. Бертье-Делагард*, «Поправки общего каталога монет П. О. Бурачкова» (М., 1907). Работа Бурачкова – единственная сравнительно полная, но неточная и некритическая сводка, к тому же с рисунками искажающими стиль и неверными. Лучшие воспроизведения и более научные описания в работах Гиля, Орешникова, Бертье-Делагарда (см. их перечисление у *Minns*, «Scythians and Greeks», Кэмбридж, 1913).

Археологические памятники. Классическое роскошное издание «Древности Босфора Киммерийского» (более дешевое издание с сокращенным текстом сделано в Париже *S. Reinach*). Превосходные публикации в «Отчетах Императорской Археологической Комиссии» (порусски и по-немецки с текстом Стефани до 1881 г.; после этого только порусски; с 1889 г. без атласов с плохими цинкографиями; все рисунки из новой серии до 1898 г. в особо изданном альбоме рисунков). В более полном виде отчеты о раскопках помещаются в «Известиях Императорской Археологической Комиссии» (с 1901 г.), там же ценные отдельные исследования; много ценных памятников и исследований в «Материалах по археологии России. Древности Южной России». Отдельные статьи в «Записках Императорского Русского Археологического Общества», в «Записках Одесского Общества истории и древностей», в «Трудах Московского Археологического Общества», в «Отчетах Исторического Музея в Москве», в

«Известиях Таврической ученой архивной комиссии». – Ср.: *Watzinger*, «Die griechischen Holzarkophagen»; *Kieseritzky, Watzinger*, «Griechische Grabreliefs aus Südrussland» (Berlin, 1909); *М. Ростовцев*, «Античная декоративная живопись на Юге России» (СПб., 1913–1914). Попытки общей сводки материала: *Кондаков, Толстой*, «Русские древности» (Вып. I, II; имеется и французский перевод); *Minns*, «Scythians and Greeks» (Кэмбридж, 1913).

Обзоры истории Боспора. Основные и новейшие сводки: Латышев во введении к «*Ios. P. E.*», II; то же по-русски в «*Ἰὸς Π. Ε.*» (СПб., 1909. С. 60 слл.); *Minns*, ук. соч., где остальная литература. После появления книги Миннза: *Ростовцев*, «Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре» («Известия Императорской Археологической Комиссии», Вып. 49); *его же*, «Бронзовый бюст Боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа» («Труды Московского Археологического общества». «Древности», Т. XXV); «Научное значение истории Боспорского царства» («Сборник статей в честь Н. И. Кареева»); «Боспорское царство и южно-русские курганы» («Вестник Европы», 1912, 6); «Амаго и Тиргатао» («Записки Одесского Общества истории и древностей», Т. XXXII); «Страбон как источник по истории Боспора» («Сборник статей в честь В. П. Бузескула») и ряд статей в «Известиях Императорской Археологической Комиссии». Для времени после IV в. – *Ю. Кулаковский*, «Прошлое Тавриды» (2-е издание, 1914).

Л. М. ЛАЗЕНКОВА

КЕРЧЕНСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ. ОСНОВАТЕЛИ

В 1774 г., согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, Керчь была присоединена к России. Новые власти начали перестраивать город, расширять его границы.

Впервые историческую ценность археологических находок, случайно обнаруженных при строительстве домов, обработке земли, разборке древних руин поняли П. Дюбрюкс и И. Стемпковский.

Поль Августин Де Брюкс или Павел Дюбрюкс (1773-1835). Дворянин, родился во Франции, в девятнадцать лет поступил на военную службу. Во времена Великой Французской революции сражался на стороне короля. После его поражения покинул родину. Бедный эмигрант в возрасте двадцати трех лет поступает в чине капитана на русскую службу – вначале военную, через три года сменяет ее на гражданскую. В 1811 г. Дюбрюкс был определен начальником Керченской таможни, а в 1817 г. назначен начальником соляных озер. Не слишком обремененный служебными

обязанностями, керченский чиновник бродил по окрестностям, собирая древние монеты, керамику, камни с рельефными изображениями и надписями, увлекшись археологией, стал читать древних авторов, записывать свои наблюдения, делать зарисовки и чертежи.

Павел Дюбрюкс первый открыл следы многих знаменитых древних поселений: Киммерик, Пантикапей, Мирмекий, Тиритаку, с которых снял планы. На свои скудные сбережения он раскапывает керченские курганы, а в своем доме устраивает “древлехранилище”, которое, по сути, и явилось первым музеем в Керчи.

Музея Дюбрюкса навещали знатные путешественники, русские и иностранные, обзревавшие древности края; дом стоял у выезда из города в Феодосию. В числе именитых гостей в 1818 г. этот дом посетил император Александр 1. Восхищенный подвижничеством обруселого француза, просвещенный монарх предоставил ему право раскопок в Керчи, а все находки, собранные им на казенных землях, оставил ему в собственность.

К этому времени в Керчи уже появились образованные люди, понимавшие археологические задачи края. Прежде всего, это общественный деятель Новороссии – Иван Алексеевич Стемповский (1789-1831). Полковник Стемповский участвовал в Отечественной войне 1812 года, вступил с русскими войсками в Париж. В Европе у него была возможность ознакомиться с просветительными идеями и состоянием археологической науки: он прошел школу Парижской Академии надписей и в греческих монетах и надгробиях разбирался не хуже европейских ученых. Адьютант выдающегося государственного деятеля России – герцога Ришелье, Стемповский участвовал в его экспедициях, когда император назначил герцога генерал-губернатором Одессы и Новороссийского края. Влияние Ришелье, “гуманность его и культурность, весьма редкие в те времена на высших административных постах в России” несомненно отразились на стремлении Ивана Алексеевича приложить свои знания в деле благоустройства нового края. Изучению черноморских древностей как нельзя более способствовало назначение его градоначальником Керчи в 1829 г. Известный своими трудами по истории Керчи, Стемповский и вошел в историю как первый русский археолог.

Сотрудничество двух замечательных людей – Павла Дюбрюкса и Ивана Стемповского продолжалось до конца жизни Ивана Алексеевича, а результаты совместного исследования были изложены его другом, пережившим Стемповского на три года.

“Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно при Черном море” – так длинно называется это сочинение Дюбрюкса, опубликованное в Записках Одесского Общества истории и древностей. Рукопись была написана по-французски и в 1857 г. переведена его внуком Александром Де Брюксом. В примечании внука мы находим не потерявшие своей злободневности и сегодня слова: “...передавая труд деда моего на родном языке почти буквально, я льщу себя надеждою, что через эту точность я сохраняю верность описания таких развалин, которых в настоящее время или вовсе нет, или же временем и небрежностью местных археологов приведены в такое положение, в каком они не скажут уж ничего и самому почтенному ученому!”

Дюбрюкс начинает свою археологическую деятельность: снимает и чертит планы развалин. Работа тянулась медленно. Вот как сам он ее описывает: “Выбиралось время, когда трава не покрывала развалин... время самое неблагоприятное для подобных занятий: дожди, бури и сильные ветры, господствующие здесь в это время, позволяли трудиться мне только урывками... для измерения расстояний я употреблял веревку в 20 сажень, для более точного измерения углов – компас...”. Оценивая свою деятельность критически, продолжает: “Знаю, что в моих трудах мало учености: я ограничиваюсь описанием того, что нахожу на месте”.

При описании руин горы Митридат Дюбрюкс делает небольшое лирическое отступление: “На восточной стороне площади, почти на краю ската, находится гробница... мимо которой никто не пройдет, не отдав ей долга почтения, - это могила достойного, доброго Стемповского, человека благотворительного без напыщенности, ученого без гордости: он положил основание Керчи, ему она обязана своим училищем, публичным садом, разными привилегиями: по его ходатайству Керчи отпущено 50 000 рублей на ее постройку и украшение”. И далее о Стемповском: “...он имел один порок: - это беспредельную доброту, которая происходила не от слабости, как многие думали, но от чистоты его души, страшившейся даже подумать, не только сделать зло другим... Пусть простят мне это отступление, - продолжает автор, - могу ли я молча пройти эту могилу? Двадцатидвухлетняя дружба будет лучшим моим оправданием!” Гробница, упоминаемая Дюбрюксом, возвышалась над городом до момента своего разрушения в 1944 г. при строительстве обелиска Славы.

Часовня-мавзолей представляла собой сооружение классической формы и была построена благодарными гражданами над могилой Ивана Алексеевича Стемповского в 1834 г.; позже здесь был похоронен и сам Дюбрюкс.

Слова в адрес друга звучали искренне и достоверно: в начале XIX века по сути происходило возникновение нового города на развалинах древней столицы. В 1817 г., по свидетельству того же Дюбрюкса, число жителей города не превышало 600 душ, а спустя 15 лет это число возросло до 3 000 и состояло из греков, русских, евреев, армян: “Город строится быстро и со вкусом”.

Идея основания музея в Керчи, прародителем которой являлся Пантикапей, впервые была высказана Стемповским в заметках “Путешествие по Тавриде”, опубликованных в Санкт-Петербурге в 1823 г., и в докладной записке на французском языке, датированной тем же годом, на имя сиятельного князя М.С. Воронцова. Перевод названия записки “Мысли относительно древностей в Новороссийском крае”. Исходная установка “Мыслей...” не утратила своей значимости и в наше время: “Ничто не может быть утешительнее для ума просвещенных людей и достойнее их благородных усилий, как стараться спасти от совершенного забвения существующие еще в отечестве нашем остатки образованности народов столь отдаленной древности, ничто не может доставить им более удовольствия, как находить по истечению 20 столетий памятники, которые могут дать самые достоверные свидетельства относительно религии и правления, наук и художеств, деяний и нравов поколений, столь давно угасших. Таковыми исследованиями мы можем некоторым образом извлекать удовольствие и пользу из самого праха”.

Таким образом, благодаря усилиям двух энтузиастов – Ивана Стемповского и Поля Дюбрюкса 15 июня (2 июня по ст. ст.) 1826 г. в Керчи был открыт государственный музей.

Директором Керченского музея Древностей был назначен Бларамберг, являясь одновременно и директором Одесского Археологического Музея, открытого годом ранее.

Жан Маре де Бларамберг (1772-1833), впоследствии взявший русское имя Иван Павлович, родился во Фландрии. В четырнадцать лет начал военную службу, в шестнадцать лет произведен в офицеры генерального штаба. Но в отечестве оставался недолго: в 1795 году, по случаю революции в Голландии, перешел на жалованье английского правительства, с согласия которого вскоре отправился в Россию. В 1804 г., отказавшись от английского содержания, Жан Маре вступил на русскую службу по таможенному ведомству, затем

состоял чиновником особых поручений при новороссийском генерал-губернаторе князе М. С. Воронцове. Особенно плодотворной деятельностью Бларамберга была в Одессе, где он обосновался с 1812 г. Здесь, на юге, он сблизился со Стемпковским и Дюбрюксом, “глубже пристрастился к занятиям археологии южной России и по своим многочисленным и плодотворным трудам справедливо может быть поставлен наряду с названными археологами”.

К. Зеленецкий, деятель Одесского общества, представляя жизнь и ученую деятельность Ивана Павловича, в заключение своего рассказа рисует портрет этого неординарного человека: “Бларамберг был высокого роста, полон и вместе с тем свеж и бодр, хотя в последние годы похудел и одряхлел. Он был очень живого характера, что сообщало даже некоторую оригинальность его наружности, и столь же живого и быстрого ума. Он любил ученые беседы, был прекрасным каламбуристом, и вообще отличался увлекательностью и остроумием разговора. Он был женат на девице Куртнер, принадлежавшей французскому семейству, и имел от нее 12 детей, из коих в живых остались три дочери и четыре сына...”. Младший сын, Михаил, по официальному назначению был помощником отца при его археологических занятиях, как искусный рисовальщик. Как свидетельствует тот же Зеленецкий, Бларамберг похоронен в Одессе рядом со своей супругой, которой лишился в 1818 г. и чью смерть переживал тяжело до конца своих дней.

Так как директор жил в Одессе, Музей в Керчи по-прежнему оставался в ведении Дюбрюкса. Воодушевленные любовью к античности, Стемпковский и Дюбрюкс фиксировали остатки былого: раскопки документировались с максимальной полнотой, важнейшие памятники спасали от разрушения. Но развитие археологии в России протекало не без трудностей. Вскоре в Керченском Музее все изменилось к худшему. Нелегким и противоречивым для Музея был период руководства следующего директора – Ашика.

Антон Балтазарович Ашик (1802-1854) – серб родом из Далмации, служил в Керчи с 1822 г. в управлении, организованном генуэзцем Р. Скасси для ведения разменной торговли на Кавказе. Своими познаниями в археологии обязан Стемпковскому, который и ходатайствовал о назначении Ашика директором.

А.Б. Ашик почти 20 лет директорствовал в полном смысле слова (1833-1852). В первый же год ему на раскопки было отпущено 5 000 рублей – деньги немалые, вспомним, что чуть ранее Ивану Алексеевичу на строительство города отпускалось 50 000 рублей.

Музейное дело в то время находилось в ведении Министерства внутренних дел, руководство раскопками возлагалось на Керчь-Еникальского градоначальника, в подчинении у которого были директор Музея и чиновник градоначальства В.Д. Карейша.

Без какой-либо научной подготовки, неоднократно проявлявший невежество в своих публикациях, Ашик обладал иным “достоинством”: знал, как угодить начальству. Его кредо изложено в книжке “Часы досуга...”, где, в частности, Антон Балтазарович с умилением рассказывает о приезде Николая I в Керчь. К этому времени надо было выкопать что-нибудь особенное. В разных частях города спешно раскапывались склепы и курганы. На обнаруженном в одном из погребений “серебряном блюде царицы Рискупорис” торжественно поднесли хлеб-соль осчастливившему своим посещением государю-императору.

Раболепие сочеталось у Ашика с безответственным отношением к своему делу. Именно при его правлении начался процесс депаспортизации и разбазаривания коллекций Музея. Одесский профессор Н.Н. Музаркевич при знакомстве с Керченским Музеем в конце 1830-х годов выразил свое потрясение в “Записках”: “Ашик и Карейша..., желая получить подарок или крест за находку..., старались раскопать побольше курганов... Лично они не присутствовали почти никогда... Описания или рисунков на месте не делали... Вещи двойные, тройные, четверные, по произволу упомянутых господ, раздавались, кому им нравилось, или сбывались за границу... Множество монет и золотых вещей Ашиком передавались за границу, а частью мастерами золотых дел растоплялись в плавильном мешке, множество глиняных предметов разбивалось на месте находок... Курганные гробницы не только не сохранялись и не поддерживались, но вследствие неизъяснимого равнодушия официальных кладоискателей разбивались на городские постройки... У Ашика я заметил большие запасы ваз, сосудов, вещей, монет, которые, лежа все в куче, служили магазином, из которого ежегодно отправляли в Эрмитаж вещи, сказывая в рапорте, что такие-то и такие-то вещи были в сем году отысканы там-то и там-то. Вазы, виденные мною в 1836 г., Ашиком предъявлялись в 1838 г.”

И, тем не менее, соперничая друг с другом и завидуя друг другу Ашик и Карейша чрезвычайно обогатили Эрмитаж.

Среди находок значатся мраморные статуи супружеской четы прекрасной работы римского времени, украшающие Эрмитаж и поныне, с которыми связан неблагоприятный поступок директора: Антон Балтазарович намеренно утаил имя настоящего “находчика”

этих памятников, желая приписать себе славу открытия и присвоить денежное вознаграждение. Но обман был обнаружен, и Ашику было приказано подать прошение об отставке.

После увольнения со службы в Музее в 1853 г. он переселился в Одессу и занял должность библиотекаря городской публичной библиотеки. А.Б. Ашик в разное время опубликовал ряд сочинений, из которых наиболее популярно “Боспорское царство”, изданное в 1848 г. в Одессе. Но его работы скорее представляют мемуары любителя-археолога, “дающего посильное описание произведенных раскопок”.

Дюбрюкс, Стемпковский, Бларамберг, Ашик – деятели науки, в разной степени занимавшиеся памятниками Боспора, с их именами связан “золотой век” развития российской археологии, в частности основание и становление музея в Керчи.

В 1833 г. Музей из дома Дюбрюкса переносится во вновь построенный для гауптвахты дом, назначается караульный. Первая музейная мебель – “шкап и стол” – сделана была, с соизволения градоначальника, из древних гробовых досточек можжевело-кипарисного дерева, найденного Ашиком в склепах. Тогда же при нем было положено начало музейной библиотеке, первоначально состоявшей из 15 книг.

Музей постоянно пополнялся древностями. В 1835 г. по плану античного храма Тезея в Афинах было выстроено здание Музеума. Автор проекта – одесский архитектор Д. Торичелли.

Насколько здание Музеума (так называли новый музей) вызывало интерес в художественном отношении, представляя великолепный образец дорического стиля, господствуя над всем городом, видный издали с моря, - настолько здание было непрактично: через верхний люк, откуда падал свет, проникал дождь, крыша музея срывалась ветром, здание не отапливалось и требовало постоянного ремонта.

В период Крымской войны и оккупации Керчи неприятелем Музеум был разорен и превращен в пороховой склад. С этого времени Музей “ютился в наемных квартирах, подвергаясь всем неудобствам постоянного перемещения”.

Несколько слов о штатах Музея 1-й пол. XIX в.: кроме директора, с 1835 г. полагалось два художника (скульптор и рисовальщик) для зарисовки предметов и памятников и их реставрации. Фактически обе должности соединялись в одном лице. В период Ашика в Музее работали художники Яворский, Стефанский, Бегичев. Музей охранялся военным постом. При ведении раскопок нанимались рабочие.

II. ГРЕКИ НА БОСПОРЕ

Н.Ф. ФЕДОСЕЕВ

ФЕНОМЕН БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Тем, кто впервые посещает Керчь трудно представить, что этому городу более 25000 лет, и что некогда на этом месте была столица крупнейшего на Понте Евксинском Боспорского царства. Слова И. И. Муравьева - Апостола, написанные в 1820 году о том, что «Здесь в Керчи, приятней заниматься воспоминанием прошедшего, нежели созерцанием настоящего ...» применимы и к сегодняшнему дню.

Основанная милетцами на горе, получившей позднее название «Митридат», колония, по всей видимости, называлась Аполлония, в честь верховного божества этой ионийской метрополии. Позднее, с приходом к власти негреческой династия Спартокидов, название полиса также сменилось на негреческое - Пантикапея. Под этим именем город и стал известен в античном мире.

Государство с негреческой правящей династией, с нехарактерной для Эллады формой правления - тиранией, с негреческим названием главного полиса и большим процентом не греков в составе жителей, по сути, оставалось греческим по культуре и языку.

Уже в первые столетия своего существования Пантикапея объединяет вокруг себя целый ряд боспорских городов (Порфмий, Парфений, Мирмекий, Гераклий, Нимфей, Тиритаку, Китей, Акру и др.), которые получили в литературе название «малых боспорских городов». Такое количество боспорских городков, которые не имели статуса полисов, однако по своему градоустройству и оборонительной системе вполне могли бы быть самостоятельными полисами, не характерно для других областей Причерноморья.

После присоединения в 1783 году Крыма к России первых путешественников поражало обилие курганов на Керченском полуострове. Еще в начале XIX в. их насчитывалось более двух тысяч. Они располагались на скалистых вершинах, на склонах холмов и в долинах, цепочки курганов тянулись вдоль древних дорог. Порой некрополи городов Боспора сливались и не имели ярко выраженных границ. Под многими были найдены монументальные склепы, не имеющие аналогов в других областях Северного Причерноморья. Уступчатые склепы, своды и купола которых перекрыты напуском рядов кладок, являются самыми редкими и

наиболее интересными с архитектурной точки зрения погребальными памятниками Боспора.

Циклопическая кладка Золотого кургана послужила основанием для отнесения его некоторыми исследователями к сооружениям легендарных киммерийцев, а жители 19 века считали, что здесь находится могила Митридата Евпатора.

Грандиозность сооружения другого кургана, его размеры (высота погребальной камеры от каменного пола до высшей точки купола 8.84 м) послужила поводом для его названия - Царский курган.

Курган, который татары называли Куль-Оба (холм пепла), в 1830 году стал центром внимания всей просвещенной России. Находки, сделанные в этом кургане, положили начало «золотой лихорадки» на юге России и заняли достойное место в коллекции «золотой кладовой» Императорского Эрмитажа.

При строительстве домов для матросов, участников восстания в Севастополе, строители брали камень из кургана и вскоре и наткнулись на заложенный камнем вход в гробницу. Блеск находок из кургана Куль - Оба и по сей день остается не превзойденным.

Кто был погребен в кургане Куль-Оба? Исследователи, раскопавшие склеп, были уверены, что раскопали гробницу боспорского царя Перисада; позднее ученые пришли к выводу, что это захоронение одного из скифских военачальников. Между тем это объяснение не позволяет решить всех вопросов и вопрос «кто был погребен в Куль - Обе» до сих пор остается открытым. Возможно, ответ на этот вопрос можно будет дать после полной публикации комплекса, который и по сей день остается не изданным, как остаются не изданными и курганы некрополя Юз-Оба (сто холмов). Образованная как поднятие морского рифа, холмистая гряда была использована древними греками для сооружения некрополя. На вершине холма возводился каменный склеп и, затем над ним насыпался курган. Высота курганов была различна, но величественная цепочка на горизонте современного ландшафта свидетельствует о грандиозности большинства из них. Принято относить этот некрополь к правившей Боспором династии Спартокидов. В большинстве курганов были сделаны богатые находки (например, вазы мастера Ксенофанта, перстень Дексамена и др), не оставляющие сомнения в принадлежности погребенных к верхушке боспорского общества. Так, количество амфор, обнаруженных в тризне на вершине Второго Змеиного кургана, может оказаться самым большим в истории античной археологии.

На Керченском полуострове сегодня известно около 70 монументальных склепов, 40 из которых являются уступчатыми. Большая их часть благодаря активной деятельности человека, исчезла, но волнистая гряда Юз-Обы и некоторые сохранившиеся курганы дают представление об усыпальницах древних боспорян.

Керченский полуостров пересекают несколько валов, которые связывают с киммерийскими валами, упоминаемыми у Геродота. Один из них, так называемый «Тиритакский» вал, как указал в рецензии на книгу А.Б. Ашика Е.Шевелев, на самом деле относится ко времени Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Генерал Бринк, командующий отрядом войск, находясь в крепости Ени -Кале, приказал войскам в лагерях вне оной окопаться шанцами, начиная от Алтын-Обы (Золотой -курган) до моря и наблюдать в них за появлением татарских партий, взбунтовавшихся против Шангин-Гирея. Повторенное в 1960 году В. Веселовым это утверждение осталось без внимания. Исследования А.А. Масленникова подтвердили позднюю датировку вала, и вместе с тем показали, что в древности Керченский полуостров в этом месте пересекал другой вал. Дальнейшая работа по датировкам валов позволит разрешить спорные моменты в истории Боспорского царства.

В 4 в. до н. э. Боспор становится основным поставщиком хлеба в Грецию, в честь чего в Афинах боспорским царям был установлен почетный декрет. Демосфен сообщает о том, что в Афины ежегодно поступало с Боспора 800 000 медимнов хлеба (это более половины всего импорта), что составляло четыре миллиона драхм.

Боспор был знаменит и своей рыбой, которой было посвящено даже стихотворное произведение греческого поэта Архестрата. О богатстве государственной казны свидетельствует чеканка местной золотой монеты - явление достаточно редкое для городов Понта. На золотых статерах Пантикапея изображен грифон - мифический хранитель богатств, которых держит в зубах хлебный колос, а внизу осетр - символы власти Боспора.

Обширный экспорт с Боспора не мог не вызвать волну импорта товаров из Эллады и других греческих центров. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что насыщенность культурного слоя на боспорских поселениях превосходит все другие памятники Понта. Подавляющее число синопских клейм найдено на Боспоре, что объясняется особыми не только экономическими, но и политическими связями этих двух греческих центров. Число найденных здесь фасосских клейм, превышает количество известных клейм во всем Средиземноморье, включая и сам остров Фасос. Несмотря на то, что долгое время находки из Керчи

поступали в различные музеи мира, коллекция керамических клейм (более 20 тысяч) и транспортных амфор (более 1000) считается одной из самых крупных в мире.

Обилие найденной здесь чернолаковой керамики, позволило выделить собственный стиль росписи, получивший название «керченский стиль». Только в Керченском музее хранится более 1000 сосудов этого стиля.

На территорию Боспора с 6 в. до н. э. и вплоть до римского времени поступали сосуды, связанные по своему предназначению и по сюжетам росписи с Панафинеями. Жители этого района не только имели информацию о празднике, но и принимали непосредственное участие в соревнованиях. Наибольшее количество панафинеийских амфор и других сосудов, связанных с Панафинеями (20 из 35), найдено на территории Боспорского царства.

Панафинеийских призовых амфор сейчас известно семь, так называемых псевдопанафинеийских - три, миниатюрных амфорисков - восемь. Кроме того, встречаются и другие типы ваз, на которых изображены сцены, связанные с Панафинеийскими праздниками, например, скифосы с изображением совы. Из этого следует, что боспоряне не только участвовали в празднике Великих Панафинеий, но и побеждали в беге, боксе, музыкальных соревнованиях.

Летом 1895 года на территории города Анапа (древняя Горгиппия) при постройке дома была обнаружена белая мраморная плита высотой более двух метров, с надписями на обеих сторонах. Это список из 225 имен, который вошел в историю как «агонистический каталог». Каждый из четырех столбцов имел заглавие. Сохранились: «Следующие победили на длинной дистанции в честь Гермеса», «Крепостью тела победили». Найденная плита была приобретена членом Императорской Археологической Комиссии профессором Н.И. Веселовским для Керченского музея, где она находится в настоящее время (КБН №1137). Палеография надписи указывает на 3 в. до н. э.

Очевидно, что списки победителей, расположенных в длинный ряд, составлялись на протяжении ряда лет, по всей видимости, с самого основания состязаний. Вполне возможно, что это были так называемые «Боспорские игры». Имена в списках повторяются, и таких случаев насчитывается 39, причем в различных столбцах. Это может означать, что эти лица занимали призовые места в различных видах состязаний.

Подтверждением развития спорта на Боспоре может служить и находка в апреле 1860 года мраморной стелы с надписью (КБН № 129), где в стихотворной форме говорится, что некий Фарнак сын

Фарнака из Синопы, изучив профессию учителя гимнастики, юношей отправился путешествовать и осел в Пантикапее, где и похоронен.

Из литературных источников известно, что боспорский учитель музыки (3 в. до н. э.) принимал участие в дельфийских соревнованиях. Известен в античном мире и боспорский философ Смикр. Описание правления боспорского царя Эвмела, сделанное неизвестным боспорским историком, включил в свою «Историческую библиотеку» Диодор Сицилийский.

Расцвет боспорского царства в 4 в. до н. э. сменился междоусобной борьбой сыновей Перисада, победителем из которой вышел младший брат Евмел. С его именем связаны акции по очищению Понта от пиратов, помощь таким далеким от Боспора городам как Синопа, Византий, Калатис, а также первая попытка объединения всех понтийских государств вокруг Боспора. К этому времени границы Боспорского царства простирались от Феодосии до современного Новороссийска на востоке и Ростова-на-Дону на севере.

События 107 г. до н. э. в Пантикапее вошли во все советские школьные учебники истории. Исторический миф о восстании рабов на Боспоре во главе с Савмаком, как нельзя лучше соответствовал идеологическим требованиям коммунистической эпохи. Он родился из неверного перевода надписи в честь военачальника Митридата Евпатора - Диофанта. Возможно, это ложное толкование вскоре было бы исправлено, но идея, что рабские восстания, подобные восстанию Спартака, расшатали рабовладельческий строй, была подхвачена самим И.В. Сталиным.

В действительности же события развивались совсем иначе. Царь крепнувшего на южном побережье Черного моря Понтийского царства Митридат Евпатор, стремился объединить под своей властью все причерноморские государства. В Центре Крыма усилилось другое царство - Скифское, которое, как и Понтийское, стремилось подчинить себе ослабевшие греческие государства. Во главе одного из скифских отрядов находился Савмак. Воспользовавшись слабостью Боспора, Савмак захватил столицу, убил боспорского царя, однако, настоящий воспитанник Перисада и военачальник Митридата Евпатора - Диофант, собрав войска, разгромил скифов Савмака, последний был пленен и отправлен в столицу Понта - Синопу. Таким образом, Савмак из «неблагодарного бунтаря» и «защитника рабов» превратился в вождя воинственных скифов. Хозяином почти всего Крыма стал

Митридат Евпатор, получая от населения Крымского полуострова громадное количество хлеба и серебра в виде дани.

Его судьба также тесно связана с Боспором. Присоединение Боспорского царства к Понтийскому сделало Боспор непосредственным участником борьбы Митридата против Рима. Финал этих событий волею судеб также свершился в центре Боспора. Потерпев поражение от римлян у себя на родине, Митридат Евпатор прибыл в Северное Причерноморье, чтобы сделать эти страны основной базой для своей дальнейшей борьбы. Его новая армия была не столь хорошо обучена как прежняя, и во время вспыхнувшего мятежа Фарнака, восставшего против своего отца, выступила против Митридата. Царь вместе с небольшим отрядом укрылся на акрополе Пантикапея. Мольбы о пощаде престарелого Митридата к сыну оказались напрасными и он погиб на вершине горы, носящей теперь его имя.

Затруднения римлян побудили Фарнака выступить против Рима с тем, чтобы вернуть владения своего отца. Разбитый войсками Юлия Цезаря в 47 г. до н. э. Фарнак вернулся на Боспор, но оставленный им в качестве наместника Асандр отложился от Фарнака и объявил себя независимым правителем Боспора.

В конце 3 в. н. э. на Боспоре появляется христианство. Первое изображение креста зафиксировано при раскопках Пантикапея в цистерне рубежа 1 -2 вв. н. э. В 325 году Боспорскую общину на Никейском соборе представлял епископ Кадр. В последующие века Боспор был ареной различных исторических событий, одни народы сменяли другие, одна религия другую, но вернувшиеся в 10 веке византийцы ознаменовали свою победу строительством храма во имя святого Иоанна Предтечи. Храм сохранился до наших дней и является древнейшим на территории Содружества.

С 10 века города Восточного Крыма вошли в состав древнерусского Тмутараканского княжества. Именно в это время в древнерусской письменности впервые встречается новое название города Корчева, ставшее впоследствии Керчью. В 1068 году князь Глеб мерил по льду Керченского пролива расстояние от Тмутаракани до Корчева – событие, зафиксированное на знаменитом «Тмутараканском камне».

Первые исследования на юге России в области классических древностей были сделаны именно в Керчи. С изучением Боспорского царства связаны и имена таких ученых как И.А. Стемпковский, П. Дюбрюкс, А.Е. Люценко, В.В. Шкорпил, Ю.Ю. Марти, К.Е. Думберг. Керчанин, профессор геологии Андрусов, женившись на дочери Г. Шлимана принимал участие в раскопках

Микен. Список современных исследователей Боспора чрезвычайно обширен и боспорская земля благодарна всем отдавшим силы на изучение ее памятников.

С. Р. ТОХТАСЬЕВ

ВОСПОРОС

Насколько мне известно, впервые название Βόσπορος – в приложении к Босфору, но без эпитета «Фракийский» – зафиксировано симонидовской эпиграммой от имени Мандрокла из Самоса, строителя моста через пролив для Дария (Hdt. IV, 88 и др. = IV, 93 Page Epigr. gr.). Киммерийский Боспор, возможно, упоминал уже Гекатей Милетский⁵⁴, вполне определенно он был известен Эсхилу (Prom. 733)⁵⁵.

Настойчиво повторяемое вслед за древними (например, Et. M. s.v. Βόσπορος) мнение, что Βόσπορος это обозначение многих проливов и первоначально якобы даже апеллатив со значением 'пролив'⁵⁶, беспочвенно. Один только тот факт, что древность знает лишь два Боспора, говорит сам за себя. «Meerenge in Indien, St. B.» в словаре Папе – Бензелера – недоразумение. Стефан пишет: ἔστι καὶ ἄλλη τῆς Ἰνδικῆς. Под ἄλλη может подразумеваться только πόλις, ср. начало статьи: Βόσπορος· πόλις Πόντου κτλ., т.е. Пантикапей, как называли столицу Боспора некоторые аттические ораторы (Aeschin. III, 171; Dem. XX, 33; 36; ср. также Plin. n.h. IV, 78: Panticapaeum quod aliqui Bosporum vocant). Название индийского города, если за всем этим вообще не стоит какая-то путаница (что нередко в эпитоме Ἐθνικά), вероятно, не более, чем грецизация местного топонима по созвучию (тем более, что в результате похода Александра [ср. Strab. XI, 5, 5; XV, 1, 8] на греческой карте Индии появились и Кавказ, и Гипанис [см. ниже], точно так же, как в соседней Средней Азии – река Танаис [ср. Strab. XI, 7, 4]).

⁵⁴(FGrHist I F 197); см. См. С.Р. Тохтасьев в кн.: А.Ю. Алексеев, Н.К. Качалова, С.Р. Тохтасьев. *Киммерийцы: этнокультурная принадлежность* (СПб 1993) 23; S.R. Tokhtas'ev. Die Kimmerier in der antiken Ueberlieferung // *Hyperboreus* 2 (1996): 1, 16.

⁵⁵С.Р. Тохтасьев. "Киммерийская топонимия" I // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья* (Москва 1984) 142 слл.

⁵⁶См. особенно Th. Reinach. Le Bosphore chez Aeschyle // *REG* 36 (1923) 62 suivv.; idem. A propos de βόσπορος // *ibid.* 349 suiv.

Гипотеза о греческом происхождении названия, также унаследованная от древних, – якобы через гиферезу из Βοόσπρος⁵⁷ – придумана ad hoc. Во-первых, коль скоро аппеллатива βόλορος 'морской пролив вообще' в действительности не существовало, как объяснить название семантически? Керченский пролив в VII – V вв. до н.э. был мельче современного не менее чем на 3-4 м, предполагается, что иногда его действительно можно было (именно – в северной части) переходить вброд,⁵⁸ но Босфор никогда в историческое время не был столь мелок: современная его глубина варьирует от 36 м в южной части до 120 в северной⁵⁹.

Далее, греческие *татпуруша* (как имена собственные, так аппеллативы) с βοῦς в первой части бывают лишь четырех видов, из которых первый не является собственно композитом: Βοῦς αὐλή⁶⁰, Βοῦς κεφαλαί (Eratosth. apud Steph. Byz. s.v.) с сингулятивным Βοός, подобно Κυνόσουρα и т.п. (и, как видим, без гиферезы!) и Βούλορθμος (см. прим. 15), βουκέφαλα, βουκόλος (уже в микен.: qo-u-ko-ro) < *g^Wou-, перед гласным – βοαγός, βοάγριον < *boF- (ср. микен. Qo-wa-ke-se-u[- - -], антропоним), более поздний тип – βοβόσκος < *boFo-. И особенно важно для нас отметить наличие аппеллатива βούλορος (Hdt. II, 135, 4 и др.). Насколько материал поддается обзору, аналогично обстоит дело и с композитами, содержащими прочие дифтонгические основы в первой части, не считая относительно поздних Διοσκούροι (собственно – Διός κούροι),⁶¹ νεώσοικοι (Hdt. III, 45, 4 и атт.).⁶² Композитам с Βου-,

⁵⁷ G. Meyer. *Griechische Grammatik* (Lpz. 1896³) 224; Hj. Frisk. *Griechisches etymologisches Woerterbuch I* (Heidelberg 1954) 254; P. Chantraine. *Dictionnaire Etymologique de la langue grecque I* (Paris 1968) 187.

⁵⁸ См. с лит. П.В. Федоров. *Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья* (М. 1963) 29, 141, 143; Е.Ф. Шнюков и др. *Керченский пролив / Геология шельфа УССР* (Киев 1981) 7 слл.; А.В. Куликов. К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // *Проблемы истории, филологии, культуры II* (Москва – Магнитогорск 1995) 100.

⁵⁹ С.Н. Матвеев. *Турция (Азиатская часть – Анатолия). Физико-географическое описание* (Москва – Ленинград 1946) 101.

⁶⁰ Strab. X, 1, 3, пещера на Эвбее, связанная, между прочим, – как и название острова – с мифом об Ио: ὄλου τὴν Ἴω φασι τεκεῖν Ἐλαφον, καὶ ἡ νῆσος ἀπὸ τῆς αὐτῆς αἰτίας ἔσχε τοῦτο τοῦνομα.

⁶¹ Ср. Διός κόροισιν, Διὸς κόροιον *Del.*³ 38, 430. См. A. Debrunner. *Griechische Wortbildungslehre* (Heidelberg 1917) 22 f.

88

βοF-, βοFo- соответствуют лат. bu-caeda (но ср. и позднейшее аналогическое bovicidium), bu-star, bo-star 'βουστάσιον' (CGL) и особенно индоиранские (если отвлечься от специфических древнеиндийских форм с вариантом ступени *гуна* go-, встречающимся наряду с gav-), ср. древнеиндийские и древнеиранские сложения с go- / gav-, gava- resp. авест. gao-, gauua-, др.-перс. gau-: gavasthi-, авест. gauuaza- (формально = спарт. βο(υ)αγός, ср. LSJ), gauua-daenu-, др.-перс. gau-pati- и др.⁶³, имена Gotama-, Godhana- (др.-инд.), Gaomant- (авест.), Gaumata- (др.-перс.) и под.⁶⁴ Хотя в древнеиндийском детерминативные композиты из двух существительных с первым членом в значении и в форме gen. довольно многочисленны уже в "Ригведе"⁶⁵, в целом это тип поздний⁶⁶, а сложения с go-/gau- в gen. известны только в классическом санскрите, да и тех всего три: gos-pada- и (gen. plur.!) gavam-sakha-, gavam-pati-; архаичными, но также не восходящими к индоевропейской древности, являются имя Divo-dasa- ("Ригведа") и эпич. divas-pati-.

Как ни странно, в отличие от лингвистов, некоторые филологи и историки представляют себе вопрос совершенно ясно и правильно⁶⁷.

Показательна сама стабильность формы Βόσπορος. Разумеется, не могут приниматься в расчет искусственные resp. псевдоэтимологические написания Βούσπορος⁶⁸, а также

⁶² Искусственная форма, образованная, несомненно, во избежание гнаты; нормальным было бы pausi-, может быть, vau-, ср. синонимичное др.-исл. pau-st – vaústaθmou.

⁶³ См. J. Wackernagel. *Altindische Grammatik*. II 1 (Goettingen 1905) 63 f., 246 ff.; A. Debrunner, J. Wackernagel. *Altindische Grammatik* III 1 (1929) 218 ff.; M. Mayrhofer. *Etymologisches Woerterbuch des Altindoarischen* I (Heidelberg 1986) 478 ff., материал и лит.

⁶⁴ J.A. Van Velze. *Names of Persons in Early Sanscrit Literature* (Utrecht 1938) 92; M. Mayrhofer. *Die Altiranischen Namen / Iranisches Personennamenbuch* I:1 (Wien 1979) 46 f., I:2, 20 f.

⁶⁵ Wackernagel. *Op. cit.* 246 ff.

⁶⁶ Ср. Т. Барроу. *Санскрит* (М. 1976) 200.

⁶⁷ См., например, H.J. Rose. *A Commentary on the Surviving Plays of Aeschylus* (Verhandl. der koninkl. Nederl. Akad. v. Wetensch., Afd. Letterkunde, N. R., LXIV: 1, Amsterdam 1957) 298, ad *Prom.* 729 sqq.; E. Meyer. *Bosporos // Der Kleine Pauly* I, 934.

⁶⁸ Isyll. 62 (= Βούσπορφομος в Арголиде *?*) Paus. II, 34, 8; см. U. von Wilamowitz-Moellendorff. *Die Glaube der Hellenen* I [Darmstadt 1981] 386, Anm. 1); в отношении Боспора Киммерийского см.: *BCH* 52 (1928) 190, N 5, l. 5 = *FD* III 3, N 207: Βοσπορίτηι, III в.до н.э., Дельфы: к ном. plur.?

Βοόσπορος⁶⁹, содержащее аллюзию на миф об Ио в версии, известной начиная с «Прометея прикованного», resp. на этимологию от (ἡ) βοῆς, ср. βοὸς πόρος Ἰναχιώνης, откуда пришли киммерийцы, посягнувшие на храм Артемиды Эфесской, Callimach. in Dian. 254.⁷⁰

Гидронимы с πόρος крайне редки: реки Ἐλλέπορος и Ἐπτάπορος (она же – Πολύπορος); Ὑσπορος у Нонна, Dionys. XXVI. 168, – «eine blosse Nachbildung zu Βῆσπορος»⁷¹.

Таким образом, гораздо правдоподобнее, что Βόσπορος 'Босфор' – лишь грецизированная форма⁷² фригийского⁷³, анатолийского⁷⁴ или, скорее, фракийского⁷⁵ наименования пролива; едва ли случайным является созвучие с фракийским топонимом Βόσπαρα (Procop. *de aed.* IV, 11, 20, p. 146 Haury – Wirth). Это крепость в области племени бессов, в верхнем течении Гебра (совр. Марица). Элемент -пара, очень часто встречающийся в фракийской топонимии, тем надежнее вычленяется в Βόσπαρα, что рядом находились Βεσούπαρον (Bessorara других источников) и Βηρίπαρον (Procop. *ibid.*); вполне возможно, что он происходит от того же и.-е. *per-, что и греч. πόρος⁷⁶. Поскольку о догреческом фракийском населении Боспора всерьез говорить не приходится (и сами

⁶⁹ КБН 40 и др., римское время; В.В. Латышев. *Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России* (СПб 1896) 99, 4: 590 г., согласно В.В. Латышеву, см. его комменарий к надписи там же и *Понτικά* (СПб 1909) 200-211; TAM IV 1, 239 (Никомедия); Orph. Argon. 1076; Const. Porphyg. *DAI* 11, 2 – исправлено на Βοσπόρου в codices descripti!

⁷⁰ То же см. *POxy* LXII 4306, fr. 1, col. II, 22 sqq., мифографический компендий I-II вв.; Orpian. *Hal.* I, 167; ср. Ps.-Apollod. II, 1, 3.

⁷¹ R. Schmitt. Nachlese zur achaimenidischen Anthroponomastik // *BNF N.F.* 6 (1971): 1, 19 f., вслед за Швицером, *GG I* 377, Anm. 8.

⁷² Ср. Schwyzer. *Ibid.*

⁷³ Так VI. Georgiev. Hellespontos und Bosporos // *LB III* (1961): 2, 26 f.

⁷⁴ Так Rose. *Ibid.*

⁷⁵ В.Н. Топоров. Еще раз об и.-е. *budh- (:*bheud-) // *Этимология* 1976 (М. 1978) 139 сл.

⁷⁶ См. к проблеме с материалом и лит. D. Detschew. *Die thrakischen Sprachreste* (Wien 1976²) 356 f.; Вл. Георгиев. *Траките и техният език* (София 1977) 187 сл.; Ив. Дуриданов. *Езикът на траките* (София 1976) 78 сл. Однако Βοο- не может соответствовать греч. βοο-, если соглашаться с принадлежностью фракийского к группе сатем (в анлауте было бы Г-), ср. вполне надежную этимологию, где, правда, не и.-е. *g^w, а *g^wh (что в данном случае неважно) отражено в фракийском (в греческой передаче, конечно) как γ: Γέρμη (πόλις Ἐλλησπόντου Steph. Byz., т.е. по соседству с Βοόσπορος) и другие подобные топонимы: к *g^wherm- 'θερμός', см. Detschew. *Op. cit.*, 102.

киммерийцы фракийцами не были)⁷⁷, постольку вывод о перенесении названия Βόσπορος с Босфора на Керченский пролив оказывается единственно возможным.

Этот вывод, однако, ставит перед нами очередную проблему: насколько мне известно, примеры переноса географических названий подобного рода и при этом негреческого происхождения надежно не засвидетельствованы. Название Ὑπαις носили как Южный Буг, так и Кубань, однако едва ли за этим перенесением стоят греки, как в случае с Ὑπαις = Ὑφαις, или, предположительно, с городом Боспор в Индии, о котором говорилось выше. Указания Стефана Византийского и Гезихия, явно имевших общий источник, что Борисфеном прежде назывался Геллеспонт, выглядят крайне сомнительно.⁷⁸ Дело, судя по всему, в том, что в период освоения греками берегов Керченского пролива (по меньшей мере ко времени Эсхила) название Βόσπορος ('Босфор') было давно переосмыслено и воспринималось ими как синонимичное βοῦπορος или βοῦπορθος, хотя оно едва ли уже тогда было увязано с мифом об Ио. Топоним, обладающий этимологической прозрачностью, естественно приближается к статусу апеллатива, а это в определенных условиях облегчает перенесение его на другие объекты, в том или ином отношении походящие на тот, который носил данное имя первоначально; в самом деле, Керченский пролив, подобно Босфору, соединял два больших водных бассейна, сходны также их общие контуры и габариты; кроме того, Босфор лежал на пути колонистов, отправившихся заселять устья Меотиды.⁷⁹

Дальнейшая история термина Боспор в главном известна. Боспор, соединяющий Пропонтиду с Понтом получил отличительный эпитет от примыкавшей к нему с запада Фракии, а его тезка на Севере Понта, соответственно – Κιμμέριος или

⁷⁷ С.Р. Тохтасев. Из ономастики Северного Причерноморья II: Фракийские имена на Боспоре // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья* (СПб. 1992) 178-199; idem. Thrakische Personennamen am kimmerischen Bosphoros // *Pulprudeva* 6 (Sofia 1993) 178-188; idem. Cimmerians // *Encyclopaedia Iranica* V (1991) 565a.

⁷⁸ W. Tomaschek // *RE* III, 739.

⁷⁹ Здесь нелишне отметить, что в греческой ойкумене не было других проливов, имевших аналогичные параметры, конфигурацию и, так сказать, функции, не считая Дарданелл (Геллеспонта) и, пожалуй, Мессинского пролива. При этом Геллеспонт, который упоминает уже Гомер (*В* 845, *М* 30), получил свое имя скорее всего, еще до того, как грекам стал известен фракийский Боспор (с его негреческим, как я стремлюсь показать, названием); а в сфере интересов италийских и сицилийских греков Черноморские проливы не лежали никогда.

Κιττιερικός, от названия области Киммерия⁸⁰, по-видимому, лежавшей на крайней восточной оконечности Керченского полуострова (χώρη Κιττιερίῳ Hdt. IV, 12).⁸¹ Едва ли можно сомневаться, что у местного населения как на том, так и на другом Боспоре обиходным было укороченное название, т. е. Βόσπορος без эпитета; на севернопонтийском Боспоре топоним в таком виде со временем превратился даже в официальное наименование основной части государства, включавшей в себя территории по обеим берегам пролива;⁸² это обозначение было воспринято позднейшими писателями, но уже в приложении ко всем землям, которыми владели боспорские правители (см., например, Diod. XII, 31, 1 и др.). Термины Βόσπορος Θράκιος и Βόσπορος Κιττιέριος (Κιττιερικός), родившиеся, несомненно, в локальной греческой среде, конечно, стали книжными κατ' ἐξοχήν.⁸³ Как уже говорилось выше, у аттических ораторов встречается употребление Βόσπορος как синонима для 'Пантикапея'. Поразительно, что много столетий спустя, в конце VI в. н. э., это, прежде никогда не имевшее хождения на Боспоре употребление, вдруг выплывает в одной местной надписи.⁸⁴ Византийские писатели знают уже только это название для бывшей столицы Боспорского государства,⁸⁵ и трудно сказать, что стало здесь определяющим – наследие ли аттицизма (имея ввиду Прокопия или Менандра), или же влияние боспорского употребления. Точно так же не вполне ясны и причины замены Παντικαπείων на Βόσπορος в местной среде; учитывая общее одичание культурной жизни на Боспоре того времени, литературное

⁸⁰ См. Тохтасьев (см. прим. 1) 36 сл.; Tokhtas'ev (см. там же) 30 f.

⁸¹ К локализации см. Тохтасьев (см. прим. 2) 144.

⁸² Первые свидетельства относятся к правлению Левкона I: *КБН* 6, 8, 1037, 1038, 1111; см. также: С.Р. Тохтасьев. К чтению и интерпретации посвятивительной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Hyperboreus* 4 (1998): 2, 289. Необходимо учитывать, что мы пока не располагаем надписями с титулатурой боспорских правителей, предшествующими времени Левкона, поэтому определение первоначального объема Боспорского государства является предметом контрверз. Из последних работ с лит. см.: А.Н. Васильев. К вопросу о времени образования Боспорского государства // *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья* (СПб 1992) 120-128.

⁸³ Любопытно в этой связи, что, например, Мессинский пролив в древности, вообще говоря, не обладал каким-либо собственным именем; обычно его называли просто Πορθμός (Strab. VI, 1, 2 и др.); Σικελικός πορθμός (Strab. VI, 1, 4 и др.), скорее всего, употреблялось одними писателями.

⁸⁴ Латышев (см. прим. 16) ошибочно полагал, что термин обозначает в этой надписи не город, а территорию.

⁸⁵ См., например: Procop. *B.* I, 12, 7; *de aed.* III, 7, 10; 12; Menandr. Prot. fr. 43; Malalas, 431, 21; Cost. Porph. *DAI* 11 (и др.): τὸ κάστρον Βόσπορος.

влияние во всяком случае представляется невероятным. Для решения проблемы важно отметить охвативший на рубеже античности и средневековья всю греко-римскую ойкумену процесс смены топонимии. Между прочим, он затронул и интересующее нас название: Уже у Малалы (см. прим. 32) находим переосмысление Βόσπορος от βοῦς и φόρος (боспорцы якобы платили римлянам дань коровами!), давшее впоследствии обычное в средневековье написание Βόσφορος, откуда идет современное Босфор, Bosphor.

Ю.В. ОТКУПЩИКОВ

ДРЕВНЕЙШАЯ ГРЕЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

1. Этимологизация имен собственных — самый сложный, пожалуй, раздел этимологической науки. К сожалению, ономастическая этимология уже давно находится в глубоком кризисе. Еще А. Мейе писал, что «языковеды, которые интересуются преимущественно этимологией собственных имен, часто становятся авантюристами от лингвистики и лишь немногие из них строго соблюдают требования метода». Р. Катичич отмечает, что в области ономастики очень многие этимологии современных ученых практически не отличаются от типичных народноэтимологических фантазий. Поскольку надежность анализа имени собственного не имеет опоры на семантическом уровне, а значение гидронима, например, практически может быть почти любым, широкое распространение получили «любительские упражнения» (выражение В.А. Никонова) в подыскании созвучных слов в том или ином языке. Особенно часто анализ ономастики ведется фактически с заранее известным ответом. Так, имена собственные (чаще всего — топонимы) на обширных пространствах объявляются то финно-угорскими (А. Орлов), то иранскими (А. И. Соболевский, В. И. Абаев), то хетто-лувийскими (Л. А. Гиндин), то индоарийскими (О.Н. Трубачев) и т. д.

2. Естественно, что каждый исследователь ищет родственные корни в тех языках, к которым он пытается отнести анализируемые слова. Так, у фракийского имени **Καμασαρουη** обычно выделяют «корень» *sar-. Но В. И. Абаев считает, что этот корень имеет значение «голова», О.Н. Трубачев — «женщина», а И. Дуриданов — «река, ручей». Но дело в том, что -σ- в этом имени представляет собой первичный, а -ρ- вторичный суффикс. Основа **Καμασ-** засвидетельствована и с другим вторичным суффиксом (ν). Ср. также Anti-ss-a и город во Фракии Anti-s-ar-a, фриг. имя **Μαυι-σ-ας**

и **Μαυι-σ-αρ-ος** и др. Вообще вычленение суффиксальной части слова в качестве второго компонента словосложения и деление имени собственного «по принципу шарады» — очень распространенное явление в ономастической этимологии. Принципиально подобная процедура ничем не отличается от вычленения слова *asinus* “осел” из лат. *carbasius* “полотняный”, слова *овцы* из топонима *Черновцы* и т. п. Что же касается ориентации на какой-то один язык, то, например, в именах собственных *Neptūnus*, *Romānus*, а также **Κάλυνδα** *Lietuvà*, *Верховина* вполне можно «выделить» лат. *-ūnus*, *-ānus*, *-unda*, *-uva*, *-ovīna* и т. п. К сожалению, подобного рода «вивисекция» имен — излюбленный методический прием при этимологизации ономастической лексики. А поскольку созвучные слова в заранее намеченном языке имеют семантику, не согласованную с исследователем, сплошь и рядом получают «этимологии», которые подстать юмористическим анекдотам. Так, О.Н. Трубачев имя, засвидетельствованное в надписи из Одессы, интерпретирует как «испускающий газы гусь». И. Дуриданов одно фракийское имя трактует как «ein unruhiger Mensch, der kein Sitzfleisch hat» и т. д., и т. п.

3. Ссылки на наличие близких и даже идентичных (в письменной форме) цельнолексемных имен собственных во многих случаях могут быть всего лишь случайными совпадениями. Например, *Матала* — город в Анголе и город на Крите, *Нейва* — город в Колумбии и река в Свердловской области, *Сабана* — архипелаг у сев. побережья Кубы и город в Индии, *Алор* — о-в в Индонезии и река в Иллирии и очень многое другое. Кроме того, с чем можно сопоставить, например, название реки **Μάργος** (совр. *Морава*)? Этот гидроним сопоставляли с лат. *margo* «граница» (В. Георгиев), с рус. диал. *мурá* «сенокос, луг» (О.Н. Трубачев). Можно гидроним **Μάργος** возвести к лит. *maŕgas* «пестрый» или к греч. **μάργος** «яростный, неистовый». Еще более сложный случай, когда в рамках одного языка слово имеет два или более разных значений: греч. **ἀργός** «белый, сверкающий», «быстрый» и «медленный». Город в Норвегии *Kirkenes*, казалось бы, можно связать с греч. **Κίρκη** (**κίρκη**) и **νησος** («остров Кирки», «ястребиный о-в» или «круглый о-в»), а также с лит. *kirkinis* (прилагательное к *kirka* «чайка»). На самом деле этот топоним образован от норв. *kirke* «церковь» и *nes* «мыс».

4. Поиски корня или корней у имени собственного с целью определить, к какому языку оно принадлежит, далеко не всегда

оказываются результативными — даже в тех случаях, когда вопрос о корне не вызывает никаких сомнений. Взять хотя бы ряд фамилий: *Петров, Петренко, Петреску, Петросян, Пе/ятраускас, Петрелли* и др. (более 20 примеров). Здесь всюду одна и та же этимологическая основа, но фамилии принадлежат к ономастической системе разных языков. Напротив, в случаях *Баскаков, Федоров, Фортунатов, Князев, Абрамов* этимология основ восходит к разным языкам, но все эти фамилии, несомненно, относятся к русской ономастике.

5. Что касается Северного Причерноморья, то на протяжении многих лет здесь безраздельно господствовала идея об иранском происхождении большинства топонимов, антропонимов и этнонимов. Жившие на обширных территориях к северу от Черного моря ираноязычные скифы, казалось бы, служили надежной реальной базой для этимологических гипотез, ориентирующихся на иранские языки. В. И. Абаев категорически заявил, что в Северном Причерноморье «все, что не объяснено из иранского, в большинстве вообще не поддается объяснению». Этот «паниранизм» (выражение О.Н. Трубачева) сочетается с весьма сомнительной методикой анализа (все тот же «принцип шарады»). Так, в имени **Καμασαρουη** он выделяет иран. *kāma-* «отверстие» и *sar-* «голова», интерпретируя его как «с непокрытой головой» (?!). Другое мужское имя **Δαλοστηκος** он делит на три части, сопоставляет каждую часть с осет. *däl, os* и *äg* и переводит как «муж, находящийся в подчинении у жены». К сожалению, это не случайные неудачи, а общие принципы этимологического анализа ономастики у В. И. Абаева.

6. В последние десятилетия, развивая идеи К. Риттера, П. Услара и П. Кречмера, пытается реанимировать индоарийскую гипотезу этих ученых О.Н. Трубачев. Начав с синдов, он продвигается в поисках индоарийских следов все далее на запад, дойдя до Трансильвании...Эта гипотеза встретила негативную реакцию в науке. Так, Э. А. Грантовский и Д. С. Раевский уверены в том, что О.Н. Трубачевым «не указано ни одного явно индоарийского имени во всей припонтийской ономастике», несмотря на то что им предложено более двухсот «индоарийских» этимологий. О.Н. Трубачев пытается интерпретировать как индоарийские, несомненно, греческие имена и топонимы: **Ἀλεξάνδρῳ** (в др.-рус. источниках), **Ἀλωπεκία**, **Ἀντικείτης**, *Antissa*, **Θεοδώρῳ** и др. «Индоарийскими» у него оказываются явные тюркизмы: *Бадрак, Балаклава, Джалман, Кандаур, Салгир, Туак* и др. Даже *Белосарайская коса* (явная калька с тюркск. *Ак-*

sarai) у О.Н. Трубачева отнесена к числу индоарийских топонимов. Отправляясь, как и его предшественники, от явной описки у Гезихия: **Σίνδοι· ἔθνος Ἰνδικόν**, О.Н. Трубачев строит свои дальнейшие целенаправленные поиски. Описку Гезихия (или его переписчика) исправляет Фотий: **ἔθνος Σχυθικόν**. Несомненную правильность поправки Фотия подтверждает сам Гезихий: **Σινδῖς· ἡ Σχυθία**. Фракийское имя **Μαδαγαυα** О.Н. Трубачев переписывает из одной статьи, в которой допущена опечатка (**Μαγαδαυα**) и это (женское!) имя считает рефлексом др.-инд. mahā-devā- «великий бог» (sic!). Без колебаний О.Н. Трубачев исправляет Serrī у Плиния на Serbī, название Дона Sinus — на «синдо-меотское» *Sindus. Между тем, большой Таганрогский залив (лат. sinus— “залив”), естественно переходящий в устье Дона (при плавании с юга на север) все ставит на свое место и делает конъектуру О.Н. Трубачева не только излишней, но и бессмысленной.

7. Насколько легко, пользуясь методикой О.Н. Трубачева, составлять индоарийские или иные этимологии, можно проиллюстрировать на сотнях и тысячах примеров. Так, явно не связанный с Индией полинезийский топоним Гавайи (Hawajī) ближе к др.-инд. gavauī «корова», чем многие сопоставления О.Н. Трубачева. Имя древнего германца Ariovistus великолепно распадается на др.-инд. aṛyā- «благородный» и viṣṭā «кал, экскременты». Если, согласно О.Н. Трубачеву, этноним **Δανδάριοι** означает «камышовые арии» (к др.-инд. daṇḍā- «палка»), то почему бы **Τυνδάριοι** не сопоставить с др.-инд. tunda «пузо, брюхо» и не интерпретировать это имя как «пузатые арии»? Мужское имя из Ольвии **Σιρδουχανσος** О.Н. Трубачев сопоставляет с созданным им самим др.-инд. *śīd(h)u-hansa- и переводит его как «гусь, выпускающий газы». С таким же успехом к др.-инд. śardh- «испускать газы» можно отнести, например, имя художника Шардена. Македонский царь **Περδικκασ**, очевидно, «испускающий газы конь»: балто-слав. perd- + иллир. **ἴκκος** (= ἵππος). А **Πηδάσα** — это «няня, выпускающая газы» (лат. pedo + assa). Очевидно, что опора на созвучия (сопоставления «по сходству звона» — по В.К. Третьякову) — при отсутствии какой бы то ни было информации о значении имени собственного — приводит к крайнему субъективизму в ономастической этимологии, позволяющему сопоставлять анализируемые имена с лексикой любого заранее намеченного языка. Поскольку фонетический и семантический аспекты исследования не решают проблемы его

объективности, обратимся к аспекту словообразовательному. И остановимся только на одной словообразовательной модели.

8. В топонимике греческого происхождения имеется огромное количество названий, образованных с помощью суффикса $-(\varphi)\epsilon\nu\tau-$ плюс флексия мужского рода $-ς$ и женского рода $-y-\alpha$. Причем, эти производные чаще всего формировались от слов, относящихся к области флоры, фауны или географического ландшафта. Так, от $\delta\acute{\alpha}\varphi\nu\eta$ «лавр» образован топоним $*\Delta\alpha\varphi\nu\text{-(}\varphi)\epsilon\nu\tauς > *Δαφνόεις > Δαφνοῦς$ «изобилующий лавром». В женском роде: $*\Delta\alpha\varphi\nu\text{-(}\varphi)\epsilon\nu\tau-y-\alpha > Δαφνόεσσα > Δάφνου(σ)σα$. Нередко формы на $-όεις$ и $-οῦς$, на $-όεσσα$ и $-οῦσσα$ выступают как варианты одного и того же названия (как одного и того же объекта, так и разных). Возьмем несколько примеров мужского рода: Καρνοῦς ($\kappa\acute{\alpha}\rho\nu\omicron\varsigma$ «овца»), Δρυοῦς ($\delta\rho\ddot{\upsilon}\varsigma$ «дерево, дуб»), Ἐλαιοῦς ($\acute{\epsilon}\lambda\alpha\acute{\iota}\alpha$ «олива»), Ἐλικοῦς ($\acute{\epsilon}\lambda\iota\chi$ «плющ, лоза»), Κερασοῦς ($\kappa\acute{\epsilon}\rho\alpha\sigma\omicron\varsigma$ «вишневое дерево») и мн. др. Известная морфологическая универсалия, когда форма наиболее частотного винительного падежа вытесняет форму падежа именительного, хорошо известна в истории языков. В русском языке давно исчез древний именительный падеж *камы*. Его место занял винительный падеж *камень*. Др.-греч. пом. s. $\lambda\alpha\mu\pi\acute{\alpha}\varsigma$ не только был вытеснен бывшим асс. s. $\lambda\alpha\mu\pi\acute{\alpha}\delta\alpha$, но при этом слово перешло в иной тип склонения.

То же самое произошло с топонимами на $-οῦς$. Др.-греч. Μαραθοῦς (к $\mu\acute{\alpha}\rho\alpha\theta\omicron\nu$ «укроп») в форме асс. $\tau\acute{\omicron}\nu \text{Μαραθοῦντα}$ проникает в именительный падеж и дает форму женского рода $\eta \text{Μαραθοῦντα}$ ($-οῦντα$ в произношении: [-unda]). Такого же происхождения топонимы Μεριοῦντα ($\mu\epsilon\rho\acute{\iota}\kappa\eta$ «тамариск»), Ὀροῦντα ($\omicron\rho\omicron\varsigma$ «гора») и мн. др.

9. Думается, что в свете изложенных фактов можно окончательно решить вопрос об этимологии топонима *Пицунда*. В древнегреческих источниках засвидетельствовано множество топонимов Πιτυόεσσα и Πιτυοῦσσα — к $\pi\acute{\iota}\tau\upsilon\varsigma$ «сосна». На месте современной Пицунды находилась греческая колония Πιτυοῦς . Еще один такой же город находился в Мисии. Над ним, по свидетельству Страбона, возвышалась гора, покрытая сосновым лесом. $\text{Πιτυοῦς} \rightarrow \text{Πιτυοῦντα}$, $\text{Κερασοῦς} \rightarrow \text{Κερασοῦντα}$ (*Керасунда* — в Лоции Черного и Азовского моря 1903 г.), $\text{Τραπεζοῦς} \rightarrow \text{Τραπεζοῦντα}$ — обычное преобразование не только в метрополии, но также и в греческих колониях Причерноморья. Что касается фонетической стороны этимологии топонима *Пицунда*, хорошо известно, что υ (в

произношении [i]) в положении перед гласным и в других позициях приводит в новогреческих диалектах (в частности, на Хиосе) к палатализации: $\tau\iota > \tau\sigma\iota$, $\tau\iota\upsilon > \tau\sigma\upsilon$. Кстати, топоним **Πιτυοῦντα** (или **Πιτσοῦντα**) находится не только в Причерноморье, но также и на острове Хиос, который и сам в древности назывался **Πιτυοῦσσα**. Таким образом, гипотезы о туземном происхождении топонима *Пицунда* или о его «индоарийских» корнях следует признать полностью несостоятельными.

10. По этой же модели были образованы: 1) речка в Гурзуфе *Авунда* < ***Αὐοῦντα** – к **αῦος** «сухой», в семантическом плане ср. др.-греч. **αὐόνη** и река на русском Севере – *Сухона*; 2) крымский топоним *Мургунда* – с не совсем ясной этимологией. Другой крымский топоним того же словообразовательного типа реконструируется как: **κόραξ** «ворон» → **Κοραχοῦς** → **Κοραχοῦντα** → *Каракунда* (с обычным русским аканьем). Близкая словообразовательная модель (видимо, малоазиатского типа) может быть отмечена в случаях с топонимами *Марсанда* (ср. личное имя из Писидии **Μορσανδα**) и *Ореанда* – к **ὄρος**, **ὄρεος** «гора» (ср. город в Писидии **Ὀρόανδα**).

11. До сих пор не было предложено ни одной убедительной этимологии засвидетельствованного у Плиния Старшего названия Азовского моря – *Темагунда*. Плиний сообщает, что в языке скифов это название означает «мать моря». Контаминацией идей А.И.Соболевского (tam- «темный») и Б.И.Наделя (хетт. *aruna*- «море») является этимология, предложенная О.Н.Трубачевым: *Tem-arun-da* «кормилица Черного моря», причем третий компонент «шарады» интерпретируется исходя из и.-е. ***dhē-** «кормить грудью». К сожалению, изложенная этимология О.Н.Трубачева уязвима во многих отношениях. Прежде всего, ни Плиний, ни его источники не знали языка скифов. Подобного рода псевдоскифских «переводов» – достаточно много в античных источниках. Затем, корень *tem-* (ср. рус. *темный*) невозможен в индоарийском, ибо изменение *e > a* произошло еще до разделения индийской и иранской ветвей (др.-инд. *tamasá*-«темный»). Др.-инд. *arṇa-* (видимо, родственное хетт. *aruna-*) означает не «море» (*arṇavá-*), а «волна, поток». Более же близкое к *Tem-arun-da* др.-инд. *arṇá-* означает «красноватый». Финальное *-dhā* (в конце древнеиндийских композитов) имеет значение «ставящий, сажающий», а не «кормящий». Кстати, «кормилица» – это др.-инд. *dhātṛī*, а не **dhā*. Вычленение корней

(или «корней») без малейшего намека на словообразовательный анализ представляет собой типичный пример «корнеотсылочных» этимологий, которые не объясняют, каким образом было сформировано слово, давая широкие возможности для всякого рода субъективных интерпретаций. Наконец, «атомарный» подход к топониму, который оказался исключенным из целой серии древнегреческих по своему происхождению образований на *-унда* (ср., например, *Темарунда* и *Керасунда*), также заставляет крайне скептически отнестись к этимологии, предложенной О.Н.Трубачевым.

12. Др.-греч. *τέμνω* «разрезаю», *τόμος* и *τμήμα* «разрез» отражают разные степени огласовки корня. На ороним *Τμάρος* = *Τόμαρος* ссылается Страбон (УП,7,9), когда он говорит об Иллирии и Эпире, сильно *изрезанных* горами. На основании производных того же корня *τέμαχος* «кусок» и *τέμενος* «земельный участок», можно реконструировать, наряду с *Τμάρος* и *Τόμαρος*, форму с огласовкой *ε*: **τέμαρος* «рассекающий» (для горы) и «рассеченный» → «разрез (берега)» → «залив». Отсюда, как и в случаях *Πιτυοῦντα* («изобилующая сосной»), *Κερασοῦντα* («изобилующая вишневыми деревьями») и мн. др., **Τεμαροῦντα* → лат. *Temarunda* естественно должна иметь значение «изобилующая заливами». Очень сильная изрезанность береговой линии Азовского моря (особенно – сравнительно с Черным морем) отмечается всеми лоциями и даже энциклопедиями – с указанием на обилие заливов, лиманов и песчаных кос. Иначе говоря, предлагаемая этимология не только опирается на широко представленную в топонимике как метрополии, так и колоний Причерноморья древнегреческую словообразовательную модель, но и хорошо отвечает реалиям.

13. Однако не у всех древнегреческих образований на *-οῦς* имело место вытеснение форм именительного падежа винительным. Многочисленны также топонимы типа *Ἐλαιοῦς* «изобилующий оливами» (к *ἐλαία* «олива»), *Ὀφιοῦς* (*ὄφις* «змея»), *Θολοῦς* (*θολός* «грязь»), *Ψαμαθοῦς* (*ψάμαθος* «прибрежный песок») и т.д. Этого же типа топонимы широко представлены и в Северном Причерноморье. Остановимся только на некоторых выборочных примерах. Др.-греч. *κτεῖς*, *κτενός* «гребешок» (вид морского двустворчатого моллюска – *Pecten Ponticus*) → *Κτενοῦς* (*Κτενυς*) – прежнее название а) Инкермана, б) Северной бухты в Севастополе. Др.-греч. *ῥτος* «(ушастая) сова» → **Ῥτοῦς* (*Отус*) «изобилующий совами». Конечное *-с* в результате тюркизации закономерно

переходило в *-з*. Обе формы могли существовать параллельно (например, *Отус* и *Отуз*, *Кореис* и *Кореиз* и др.). Др.-греч. **καρπός** «плод» дало *Карпуз* (из ***Καρποῦς**). Тюркизация шла также и по другой линии: по гармонии гласных конечное *-ус* переходило не только в *-уз*, но и в *-ис* или *-из*. Топоним *Симеиз* подвергся двойной тюркизации, по-видимому, сравнительно недавно. Во всяком случае, П.Паллас в конце ХУШ века приводит это название в форме *Simäus*, а П.Сумароков (1805 г.) – *Симеусь*. Овраг *Измеис* в Крыму отражает еще одну особенность тюркизации: здесь произошло озвончение начального *С-* с протезой или метатезой, ср. др.-греч. **Σμύρνη** и *Измир*. Вот почему попытка А.А.Белецкого видеть в основе этого топонима др.-греч. **σημαία** «знамя» в новогреческой форме **σημαῖες** нельзя признать удачной. Между тем, др.-греч. **σιμόν** «крутизна, возвышение» (Гезихий) дает хорошую основу для реконструкции формы ***Σιμεοῦς** «изобилующий возвышенностями» (ср. большое количество небольших холмов по западному склону горы Кошки). Типологически (в семантическом плане) ср. др.-греч. **τύλη** «возвышенность» и **Τουλεοῦς** крепость в Родобах, **κωρέα· ἄκρα** (Гезихий) → **Κωρεοῦς** → *Кореиз*. В Греции: **ὑψος** «высота» → **Ἵψόεις** (Элида), **ἄκρα** «вершина» → ***Ἀκροῦς** → **Ἀκροῦντα** (Кипр). В словообразовательном плане ***Σιμεοῦς** (*Симеусь*) целиком совпадает, например, с топонимом **Πτελεοῦς** – к **πτελέα** «вяз». Такого же происхождения – с совершенно «прозрачной» этимологией – крымские топонимы *Киркинеис*, *Лимнеиз*, *Олеиз*.

14. О.Н.Трубачев, опираясь на поздние формы ряда топонимов на *-из* (< *-ус*), сопоставляет конечную (суффиксальную!) их часть с др.-инд. ***iḥ** [idḥ] «жертвенник». В результате появляются «петушиный», «вороний» и «совиный» жертвенники. Хотелось бы, конечно, увидеть хотя бы 1-2 примера с подобными топонимами в самой Индии. Впрочем, это невозможно, т.к. в древнеиндийском языке вообще нет слова **iḥ** «жертвенник», Его автор извлекает из слова **ṛtvīḥ** «жрец». В «петуха» при этом превратилось древнеиндийское слово со значением «вид куропатки», а в «ворону» – «морской орел». Все эти «этимологии» вызывают крайнее недоумение. А именно на них покоится вся реанимированная О.Н.Трубачевым гипотеза о топонимических следах индоариев в Северном Причерноморье.

15. Приведенный обзор двух вариантов всего лишь одной словообразовательной модели среди древнегреческих топонимов

Причерноморья не опирался ни на близкие или отдаленные созвучия (сопоставления «по сходству звона»), ни на субъективные семантические интерпретации. Цель настоящего доклада – показать, что ни фонетический (нельзя исключить случайные созвучия), ни семантический анализ (значения имен собственных нам неизвестны) не могут быть решающими в ономастической этимологии. Главную и определяющую роль здесь должен играть анализ словообразовательный.

Н.Х. КЕРАСИДИ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ АВТОРЫ О ЗЕМЛЕ КИММЕРИЙЦЕВ

Истории и культуре Северного Причерноморья посвящено немало исследований. Мы же непосредственно обратимся античным авторам: какими знаниями обладали греки, жившие в 8-7 вв. до н. э., о Таврике - Крыме, точнее о северо-восточной его части. Первые сведения мы получаем из поэм Гомера. В «Илиаде» громовежец Зевс с горы Иды обратил взор на народы, живущие к северу от фракийцев, т.е. у противоположного берега Черного моря (Понта Евксинского). Там обитали гиппомолги (доители кобылиц)- причерноморские кочевые племена, о которых известно, что они питались молоком. Упоминает Гомер и о некоем племени абиев, отличавшимся справедливостью.

Первое знакомство греков, по свидетельству Гомера, с Таврическим полуостровом связано с прибытием Одиссея в страну лестригонов (возм. современная Балаклавская бухта). Следующее посещение греками Таврического полуострова связано уже с землёй киммерийцев - северо-восточным побережьем Крыма. Одиссей, прежде чем направить свой корабль к родным берегам острова Итаки, по совету волшебницы Кирки /Цирцеи/ отправляется в царство Аида, чтобы спросить прорицателя Тересия о своей судьбе (X. 504-515). Одиссей, получив от Кирки подробное описание местности, где находится вход в царство Аида, беспрепятственно достигает цели.

*Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос....
Ночь безотрадная искони там окружает живущих.
(Пер. Гнедича. XI. 13-19)*

Итак, северные народы привлекают внимание любознательных греков с гомеровских времён. Народ, названный в «Илиаде»

гиппомолгами, древнейшие авторы относили к скифам (Геродот, Страбон) или к киммерийцам (Каллин). Из «Одиссеи» мы уже получаем некоторые сведения о местности: ландшафте, растительности, климате. Понт (Чёрное море) Гомером назван Океаном, ибо на его водных просторах греки не встречали островов, как в Эгейском или Средиземном морях.

По представлению древних греков, Океан омывает всю землю, а за его пределами находится потусторонний мир. Земля киммерийцев, куда прибыл Одиссей для встречи с душами умерших, и есть рубеж между миром живых и миром мертвых, т.е. преддверие царства Аида.

Киммерийцы - древнее население северо-восточной части Тавриды - были вытеснены скифами, пришедшими из Азии, как свидетельствует Геродот (IV. II).

Образ нового жителя древней Тавриды, скифа, отражен в поэзии Анакреонта поэта-лирика VI-V вв. до н. э., воспевавшего радости любви, вино, веселье.

*Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно;
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.*

Скифы не отличались умеренностью в употреблении вина, чем и вызвали неудовольствие поэта. Вино дано людям для беспечного настроения и веселого общения, а не для пьянства.

Древнегреческие поэты-драматурги также оставили нам свидетельства о Таврике-Крыме. В «Прикованном Прометее» Эсхила хор Океанид, сочувствуя страданиям Прометея, говорит, что о его горьком жребии скорбят все народы земли. В их числе:

*Плачут скифские кочевья
На далеком краю земли,
Возле вод Меотийских*

(Перевод С. Апта)

Страна, где кочуют скифы у вод Меотийских, в представлении древних греков все еще остается краем земли. Прометей предсказывает судьбу несчастной Ио, возлюбленной Зевса. Путь ее лежит из Европы в Азию через переправу, которая впоследствии, в память о ее пребывании на киммерийской земле, будет названа Боспором - «Коровьей переправой». Ведь ревнивая Гера превратила, согласно мифу, Ио в корову.

*Ты выйдешь к перешейку Киммерийскому.
 К воротам узким моря, безбоязненно
 Пересечешь теснину меотийских вод.
 И вечно среди смертных славной памятью
 Об этой переправе будет имя жить-
 «Боспор» - «Коровий брод». На материк придешь
 Азийский из Европы.*

Об этом проливе упоминается еще однажды.

*Поток у кромки двух материков проплыв.
 К восходу солнца, на восток пылающий,
 Ступай от моря шумного....*

Итак, Керченский полуостров, согласно Эсхилу, назывался Киммерийским перешейком, а узкий Керченский пролив, Боспором Киммерийским, в отличие от Боспора Фракийского, ныне Босфора.

Таким образом, по представлению античных авторов, киммерийская земля - это край земли, область между миром живых и миром мертвых, место мрачное и печальное. Ранняя история этой земли связана с греческими мифами об Ио, Прометее, амазонках, Геракле и др. Более подробно о Таврике - Крыме, нравах и обычаях скифов мы узнаем из «скифского рассказа» Геродота.

А.Е. КИСЛЫЙ

ФЕНОМЕН АНТИЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ: БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ, КИММЕРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА НА БОСПОРЕ

Известен живой интерес греков к тем землям и народам, с которыми приходилось им сталкиваться во время колонизации дальних неизведанных стран. Благодаря своим многочисленным путешествиям, эмпориям, полисам, государствам колонисты получили уникальную возможность наблюдать жизнь друших этносов на разных этапах развития первобытного общества, становления протогосударств, перехода к цивилизации, сравнивать увиденное с достижениями греческой культуры. Очевидно, что не в последнюю очередь именно такие наблюдения послужили основой представлений об орудийной периодизации мировой истории, отраженной в учении Эпикура и изложенной Лукрецием Каром в поэме «О природе вещей». Ясно, что у греков-колонистов, знавших о передовых достижениях античной исторической мысли, находки первобытных орудий труда должны были вызывать совершенно однозначные представления и аналогии.

С территорией Боспора античная традиция наиболее стойко связывала имя киммерийцев – этноса некогда населявшего эти земли. По сию пору в науке нет четкого ответа на вопрос, почему именно так произошло. Археологическое отождествление культуры киммерийцев с древностями Северного Причерноморья IX - первой половины VII вв. затруднено тем, что собственно степная археологическая культура киммерийцев оказалась довольно слабо представленной на Керченском полуострове (известно семь погребений в целом датированных предположительно названным временем). Имеется только одна попытка объяснить это ссылкой на закономерность «возникновения названия мест, обязанных этническими наименованиями прежде всего в зонах контактов различных племен и народов» (Тереножкин, 1976, с.11). Однако таких контактных зон античной цивилизации и киммерийцев (если следовать только археологическому представлению об их культуре) было много, но письменная традиция сохранила их имя прочнее всего связанным именно с Боспором (Кислый, 1993, с.168). В трудах некоторых авторов весь феномен был сведен к проявлению греческого мифотворчества (Ельницкий, 1977; Яковенко, 1992).

Действительно, в какой-то мере известные сведения античных авторов дают повод говорить о легендарности представлений о киммерийцах. Прежде всего, складывается впечатление, что киммерийцы никогда не представлялись этносом, прямо предшествовавшим грекам. Греки непосредственно с киммерийцами в пределах Северного Причерноморья не сталкивались, поэтому для них киммерийцы отождествлялись со всем, что было до какого-то периода перед их приходом. С населением, с которым они столкнулись, например, с таврами, киммерийцы четко дифференцируются. *То есть, любой этнос, если бы грекам стало известно, что он населял Боспор до скифов, они отождествили бы с киммерийцами, обитавшими там «издревле»* (Геродот, 1У,11).

С другой стороны, киммерийцы согласно сведениям античных писателей должны были оставить после себя не только погребения, но и следы поселений. Более того, если следовать легенде, то культура и обычаи киммерийцев, в целом, в значительной мере были связаны с морем. Это и поселения на морском побережье, и переправы через пролив киммерийцев. Пути их продвижения на юг также были связаны с морским побережьем. Заняли киммерийцы, как известно, не степные и пустынные пространства Малой Азии, а территорию у морского побережья, там, где позже размещался эллинский город Синоп (Геродот, 1У, 12). *То есть, отождествляя киммерийцев со степняками-кочевниками или с населением,*

знавшим долговременные крупные поселения, знавшим культуру морепользования (иначе зачем им строить города на побережье?), греки должны были отдать предпочтение последним.

На всем протяжении эпохи бронзы и начального периода раннего железного века существует только одна культура, с остатками которой могли познакомиться греки и, судя по особенностям которой, она могла быть греками отождествлена с киммерийцами. Это каменная культура Восточного Крыма, датируемая сегодня XVIII – XV вв. до н.э. Начало регулярным раскопкам на эпонимном поселении культуры близ г. Керчи было положено ленинградскими (петербургскими) исследователями В.Ф. Гайдукевичем и В.Д. Рыбаловой (1952-1953; 1956-1959; 1961-1962 и 1965 гг.). Причем, В.Ф. Гайдукевич, начиная пробные раскопки, ожидал на поселении Каменка увидеть остатки культуры именно киммерийцев. Идея была развита И.Т. Кругликовой. Часть памятников каменского типа она считала киммерийскими (Кругликова, 1955, с.74).

Однако, по нашему мнению, каменная культура не обязательно должна быть отождествлена с киммерийским этносом. Не была также мифологической или легендарной привязка остатков киммерийской культуры к территории Восточного Крыма. Просто греческие поселенцы Боспора, как люди достаточно просвещенные, в силу своих возможностей и интересов первыми начали исследование археологических остатков каменной культуры, считая ее «киммерийской».

Для подкрепления сделанного вывода обратим внимание на следующее. Каменная культура дает наиболее яркие и наиболее часто встречаемые в Восточном Крыму памятники местного населения по сравнению с иными культурами эпохи бронзы и раннего железного века. Поселения этой культуры сосредоточены группами в степной части полуострова и наиболее яркие и характерные из них находятся недалеко от морского побережья либо на берегу моря (Каменка I, II, Глейки I, II, Маяк I, II, Чалки I, II, Меганом, Планерское, Киммерик, I,II, Феодосия, Тихая Бухта и др.).

Среди характерных черт каменной культуры, отличающих ее достаточно рельефно среди иных культур степной зоны, выделяется особая привязка ее поселений к древним дорогам и водным (морским) путям, сравнительно развитая культура морепользования (Кислый, 1996).

Об активном освоении ресурсов моря свидетельствуют многочисленные находки костей рыб, в основном, крупных пород.

В коллекции находок из Каменки, Маяка, Глеек, Алчака, Чалок много рыболовных грузил, выполненных в большинстве случаев из морской гальки. На поселении Алчак-Кая обнаружен клад из 13 грузил характерной подовальной формы с выемками для привязывания, уложенных в аккуратно выполненной ямке 0,5 м глубины.

Поселение Каменка, расположенное непосредственно перед спуском к морской заплаве, долгое время играло роль крупного перевалочного пункта у переправ. Именно здесь имелись наиболее удобные спуски к морю, вернее к многочисленным отмелям пролива. Согласно картам Керчь-Еникальского градоначальства середины и конца XIX в. прямая грунтовая дорога из Керчи на восток шла через Каменку. Аналогичная по направлению дорога античного времени открыта в верхних слоях поселения эпохи бронзы. Древнейшие формы каменной керамики свидетельствуют о тесных контактах с культурами Кавказа, низовий Дона, катакомбной культурой юга Украины, а важная находка – роговой дисковидный псалий с шипами связывает Каменку с Древним Востоком (Газа, Рас Шамра) и Грецией (Микены).

В 1981 г. раскопками на крайнем восточном мысу Керченского полуострова (м.Фонарь, поселение Глейки) были обнаружены остатки культурного слоя каменного времени у очажной ямы. Объект был интерпретирован как своеобразный маяк на высоте, в точке поворота береговой черты и выхода из акватории пролива в Азов. Такая интерпретация объясняет факт неоднократного розжига кострища на открытой высокой площадке. Немаловажно отметить, что недалеко на высотах над мысом Фонарь расположен современный маяк. Вероятно, для поддержания огня древнего маяка применяли самородную нефть, источники которой расположены поблизости. Эти поселения, так же как и подобные у г.Опук (Киммерик) могли восприниматься греческими поселенцами как остатки киммерийских городов.

Обращает на себя внимание скудность поселений у Керченского рога - на северо-восточной окраине полуострова. Очевиден факт, что на Керченском полуострове кроме античных поселений Боспора на разных этапах развития античной цивилизации, только каменные поселения эпохи бронзы с датировкой в сравнительно узких хронологических рамках, составляют столь же плотную и схожую структуру распространения.

То есть, при строительстве античных городов их жители не могли не находить предметы, относимые сегодня именно к каменной

культуре, и не могли не выделить их среди иных возможных, но гораздо более редко встречаемых находок.

Как было показано выше, культурная почва для такого анализа, соответствующей интерпретации однотипных находок у греков-колонистов была. Закономерен вопрос, а собирали ли жители античных городов специально, целенаправленно предметы каменной культуры? И здесь также можно ответить утвердительно. Находки предметов эпохи бронзы на античных поселениях Керченского полуострова широко известны (Лесков, 1961, Масленников, 1995 и др.). Но именно находки XVIII – XV вв. происходят не просто из нижних слоев городищ, условия их обнаружения говорят о том, что они специально собирались и, возможно, хранились, о чем достаточно четко свидетельствуют раскопки А.А. Масленникова. Интересно совпадение выводов А.М.Лескова и заключение Н.Я. Мерперта, приведенное в работе А.А. Масленникова: в подавляющем большинстве находки ранних эпох из античных поселений датируются первой половиной-серединой II тыс. до н.э. и в редких случаях – концом бронзового века. Многие подобные материалы, представленные А.А. Масленниковым для анализа, по нашему мнению, могут быть соотнесены со временем существования каменной культуры.

Таким образом, оставляя пока в стороне проблему боспорских киммерийцев, как этноса, у нас есть веские основания феномен привязки киммерийцев к Боспору в античной традиции в значительной мере объяснять реальными наблюдениями и изысканиями греков-колонистов.

А..Н. ВАСИЛЬЕВ

ОДРИССКИЙ ДИНАСТ ВО ГЛАВЕ БОСПОРА?

Проблема происхождения династии Спартокидов, стоявшей во главе Боспорского государства на протяжении трех столетий, остается до сих пор дискуссионной. Этническая принадлежность Спартока определялась по-разному: как местная варварская (скифская или синдо-меотская), как фракийская и, наконец, как эллинская. Каждая из названных гипотез имеет варианты. Иногда предлагались весьма экзотические решения вопроса. Так, князь А..А.Сибирский (1878) видел в Спартоке представителя знатного афинского жреческого рода Эвмолпидов; В.В. Григорьев (1851) допускал, что боспорские греки призывали к себе на архонтство царей соседних варваров с азиатской стороны пролива (отметим в скобках, что но-вую жизнь эта мысль получила в работе М.И. Артамонова (1974), где Спарток - сын синдского царя Евмела

становится архонтом нуждавшихся в поддержке синдов боспорских городов); А.В. Мишулин (1937; 1950) предполагал, что династия Спартокидов была связана с захватом царского престола племенами спартов, известными из цикла мифов о Кадме и реально обитавших на севере Греции. Оставим без комментариев эти предположения. любопытные только с чисто историографической точки зрения.

"Фракийская" гипотеза по-прежнему имеет своих приверженцев, в частности, предположение о фракийце Спартоке - предводителе наемников разделяет Е.А. Молев (1997). В то же время наблюдается отказ от определения социально-правового или профессионального статуса Спартока с констатацией просто фракийского этноса нового правителя (Ю.Г. Виноградов. 1980; 1983; 1989; Ф.В. Шелов-Коведяев, 1983; 1985). Никаких новых аргументов, кроме ранее высказанных и традиционно переходящих из одной работы в другую (фракийский характер некоторых имен членов династии, свидетельство Страбона со ссылкой на Хрисиппа (VII,3,8), мифологическая родословная Спартокидов), не появилось. Следует отметить, что за последние годы произошла переоценка главного (а по сути дела, единственного) аргумента в пользу "фракийства" Спартока. Так, С.М. Крыкин (1993) предполагает, что оба фракийских царских имени Спартокидов - Спарток и Перисад (последнее уже давно признавалось иранским по происхождению), - восходят по этимологии к малоазийской антропонимии иранского или же древнеанатолийского происхождения. Однако в последнее десятилетие двумя исследователями - Д.А. Мачинским и В.А. Анохиным (очевидно, независимо друг от друга) было предложено неординарное решение вопроса о происхождении Спартока. В 1989 г. Д.А. Мачинский на конференции памяти М.И. Ростовцева представил развернутые тезисы конференции под названием "Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина" (опубл. 1993). Не рискуя анализировать всю концепцию, остановимся лишь на одном из развернутых тезисов, предложенном в качестве гипотезы: "На наш взгляд все многочисленные связи спартокидов с династиями фракийцев-одрисов хорошо объясняется, если допустить, что брат фракийского царя Ситалка Спарадок (Спардок), чеканивший во Фракии монету ок. 450-430 гг. и Спаторок (Спардок, Спартак), основавший династию на Боспоре в 438/37 гг. - одно лицо. Вероятно, одним лицом является фракийский Спарадок и тот брат Ситалка, что скрывался (по Геродоту) у скифов и был выдан ими Ситалку, который, однако, не казнил его. В таком случае, Спарадок, кочуя с царскими скифами во время пребывания у них и ежегодно посещая зимой Нимфей, мог быть хорошо знаком с обстановкой на

Боспоре" - (в цитате сохранены все особенности текста оригинала - А.В.)

Эту гипотезу поддержал А.Ю. Алексеев, дополнив своими соображениями (1991; 1992; 1996). Он полагает, что не исключено, что Спарадок, после вынужденного возвращения во Фракию, позднее удалось вернуться в Северное Причерноморье и при неизвестных обстоятельствах захватить власть на Боспоре, Видимо, как считает А.Ю. Алексеев, с одновременным появлением в Скифии и на Боспоре династов - родственников отношения между двумя государствами приобрели дружественный и стабильный характер. Улучшение отношений позволили Боспору усилить внешнюю экспансию и присоединить Нимфей, долгое время находившийся в сфере интересов скифов.

Позволим себе несколько замечаний по поводу вышеизложенного. Исходное положение Д.А. Мачинского вызывает недоумение: о каких "многочисленных связях Спартокидов с династиями одрисов" может идти речь, если нам вообще ничего неизвестно о каких-либо связях между двумя династиями. Далее - мы все-таки воздержались бы от утверждения об одновременном (или почти одновременном) приходе к власти новых правителей на Боспоре и в Скифии, поскольку датировка переворота, совершенного Октамасадом в Скифии, дискуссионна.

Условно это событие датируют сер. V в. Если даже и признать, что безымянный брат Ситалка и Геродота это Спарадок, который затем оказался во главе Боспора, то как можно говорить о дружественных отношениях между Спартоком и Октамасадом (время правления которого, кстати сказать, вообще неизвестно). Ведь последний выдал Спарадока Ситалку в обмен на Скила, и вряд ли дядя мог сохранить хорошие воспоминания об этом эпизоде и о поведении племянника и пойти затем с ним на сближение. И совсем непонятна логика в умозаключении об окончательном сближении Скифии и Боспора после того, как Боспор подчинил Нимфей - опорный пункт скифов, по мнению А. Ю. Алексеева.

Гипотезу о тождестве фракийского Спарадока и боспорского Спартока предложил и В.А. Анохин, (статья: *Die Pontische Expedition des Perikles und der Kimmerische Bosporos* (437 v.Chr), 1998). Ее суть. Одной из целей Понтийской экспедиции Перикла было желание расправиться с частью самосцев, сумевших после взятия афинянами Самоса бежать на берега Боспора Киммерийского и осесть там в Нимфее, в основании которого Самос некогда принимал участие. Другой целью Перикла была замена неугодного Афинам правительства Археанактидов, поддерживавшего

олигархический Самос. Периклом был подобран кандидат в боспорские правители - одрисский династ Спарадок. Будучи старшим сыном основателя Одрисского царства Тера, он стал его преемником и правил ок. 470-450 гг.; к этому же времени относится чеканка Спарадоком серебряной монеты. Около середины V в. его младший брат Ситалк произвел переворот, и Спарадок был вынужден искать убежище в Скифии у своего племянника Октамасада. Свидетельством пребывания Спарадока в Скифии В.А. Анохин предлагает считать находку его монеты (диаболо) в Тире. Далее происходит описанный Геродотом сюжет о противостоянии царей - скифского Октамасада и одрисского Ситалка, в результате которого, по инициативе последнего, происходит обмен беглецами. По мнению В.А. Анохина, у нас нет никаких оснований думать, что Спарадок разделил участь Скила, т.е. был убит. Ситалку было невыгодно расправляться с братом - он дядя (как, впрочем, и сам (Ситалк - А.В.) могущественного скифского царя. К тому же, в случае убийства Спарадока, было бы непонятно чрезвычайно высокое положение его сына Севта при дворе Ситалка. В.А. Анохин допускает, что Спарадок отказался от притязаний на трон, а Ситалк, возможно, обещал ему, что царская власть перейдет после его смерти не к его собственному сыну, а к сыну Спарадока - Севту (который, действительно, стал царем после гибели Ситалка в 424 г.). И именно Спарадок заинтересовал Перикла в качестве претендента на боспорский трон. Кроме высокого социального статуса кандидата, он был родственником скифского царя, был знаком с политической ситуацией в Северном Причерноморье. Для утверждения Спарадока у власти ему был предоставлен отряд телохранителей; в числе свиты находился Селевк, сын Евмела, в будущем - опекун и соправитель Сатира - сына Спарадока (Спартока).

Не трудно убедиться, что в отличие от предположения Д. А. Мачинского В. А. Анохиным представлена подробная реконструкция событий. Вопрос в том, насколько она реальна.

Ранняя история Фракии нам известна плохо. Отсутствуют данные о времени правления первого одрисского царя Тера; считается, что оно закончилось не позднее 431 г. (Т.Д. Златковская, 1971). Не знаем мы и когда начал править Ситалк. О Спарадоке имеются лишь косвенные свидетельства: Фукидид, дважды говоря о Севте, сообщает, что он сын Спарадока, а из того факта, что Севт назван племянником Ситалка, делается вывод, что Спарадок и Ситалк - братья (нельзя полностью исключить и того, что Ситалк и Спарадок не являлись братьями, т.к. Севт мог быть сыном

Спарадока и неизвестной нам сестры Ситалка). Об их взаимоотношениях нам ничего неизвестно. Существует несколько гипотез по этому поводу. Согласно одной, Спарадок - старший сын Тера, он ему наследует, но вскоре умирает; по другой - Тер поделил царство между сыновьями; по третьей - Теру наследует Ситалк, а Спарадок являлся парадинастом (см. обзор мнений: Златковская, 1971).

Отсутствует единое мнение и по поводу датировки монет Спарадока. В.А..Анохин датирует чеканку 470-450 гг.; однако высказывались и другие точки зрения: В. Добруски (1897) и Н. А.. Мушмов (1925) - 450-424 гг.; М. Тачева (1994) - 464-446 гг.; Т.Д. Златковская - 3-я четв. V в. В.А..Анохин при обосновании своей датировки исходит из сходства аверса одного из номиналов монет Спарадока с аверсом монет македонского царя Александра I (498-454; по другой датировке - ок. 495-450 гг.) Однако следует учитывать, что аверс другого номинала монет Спарадока сходен с аверсом монет другого македонского царя - Пердикки (454-413 гг.) - (см. Добруски). А по мнению Т.Д. Златковской, аверс монет Спарадока сходен с монетой племени бизалтов (конец VI- начало V вв.) и нет необходимости искать аналогии с монетами Александра I.

Несерьезной представляется ссылка и на находку в Тире монеты Спарадока в качестве доказательства его пребывания в Скифии. Можно привести сколько угодно объяснений появления здесь этой монеты. И уж если исходить из логики рассуждений В.А..Анохина, следовало бы ожидать таких находок и на Боспоре, и воздействия нового правителя на монетное дело в Пантикапее, которое однако не прослеживается, что отмечалось в более ранней работе и самим В.А..Анохиным (1986).

Неоднозначна ситуация и с тождеством Спарадока и не названного по имени брата Ситалка у Геродота, выданного Октамасадом в обмен на своего брата Скила. Источники сообщают только о двух сыновьях Тера Ситалке и Спарадоке и дочери, не названной Геродотом по имени, матери Октамасада. Однако отсутствие сведений о других детях Тера, еще не означает, что их не могло быть. Тем не менее допустим, что Геродот имел в виду именно Спарадока (что признается далеко не всеми исследователями). О судьбе Скила мы знаем - Октамасад сразу же отрубил ему голову, что же касается другого беглеца, то Геродот сообщает, что Ситалк "взяв брата, увел его с собой". Дальнейшая судьба этого человека Геродота не интересовала. Почему мы должны думать, что участь этого "брата" отличалась от участи Скила. Ведь Ситалк, чтобы заполучить брата, пошел на нарушение законов

гостеприимства и выдал срывавшегося у него Скила. Очевидно же, что брат ему был очень нужен. Датировка всех этих событий, опять-таки, неясна, обычно говорят о сер. V в. (см. комм.: Доватур, Каллистов, Шишова, 1992). Однако допустим вместе с В.А. Анохиным, что братья помирились, иначе, действительно, трудно объяснить и понять высокое положение Севта при Ситалке (объяснимое и понятное, если принять, что братья не ссорились, и Спарадок никуда не убежал, или вслед за некоторыми исследователями допустить "ненадежность" сведений Геродота о столкновении фракийского и скифского царей - см.: Фол, 1975). Правда, условия соглашения между братьями, предполагаемые В.А. Анохиным, вызывают удивление: Ситалк лишает своего сына Садока права наследования в пользу племянника.

Пойдем дальше по пути предположений: Спарадок вместе с афинянами прибывает на Боспор и с помощью приданного ему отряда приходит к власти; народное собрание Пантикапея, при этом, избирает его архонтом. Археанактиды, их сторонники, а также самосцы из Нимфея (о которых выше упоминалось, но судьба которых нас сейчас не интересует) бегут в Феодосию. Возможно ли подобное развитие событий?

Плутарх (Рег.30) сообщает нам о действиях Перикла в Синопе, где жителям города для борьбы против тирана Тимесилея он оставил 13 кораблей и отряд солдат, а затем провел в народном собрании постановление о посылке в Синопу 600 афинян для поселения. Ничего подобного о действиях Перикла на северном берегу Понта Плутарх не сообщает. Однако допустим, что афиняне побывали и в Северном Причерноморье, хотя существует и противоположное мнение. Пойдем еще дальше и предположим, что на Боспоре имела оппозиция Археанактидам, которая обратилась за помощью к Периклу (по аналогии с Синопой). Осталось сделать еще два предположения для того, чтобы признать допустимой гипотезу о тождестве Спарадока и Спартока. которые, однако, нам представляются невероятными, возможными для художественной литературы, но не для научной гипотезы.

Трудно представить, чтобы Перикл - вождь афинской демократии, способствовав устранению одного авторитарного режима, заменил его другим, еще более авторитарным. Еще труднее допустить, чтобы факт правления на Боспоре и во Фракии на протяжении десятилетий родных братьев - в начале Спартока и Ситалка, а затем Сатира и Севта. не нашел бы отражения в античной традиции, особенно учитывая тесные отношения Афин с Боспором и Фракией в IV в.!

А.М. БУТЯГИН

ОСОБЕННОСТИ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА АРХАИЧЕСКОГО БОСПОРА

Своеобразие Боспора, как одного из регионов античного мира проявилось уже на самом раннем этапе пребывания греческих колонистов на побережье Керченского пролива. Ниже будет рассмотрен только один из аспектов сложного клубка проблем, связанных с жизнью первых поселенцев - домостроительная традиция.

Широкие работы в различных областях Северного Причерноморья (особенно в Ольвии и на ее хоре) дали массу строительных комплексов, которые позволили более-менее точно проследить этапы развития домостроительства в регионе. Первоначально сооружаются заглубленные строения (землянки и полуземлянки), которые через какое-то время сменяются наземными домами. Механизм этого перехода до сих пор вызывает разноречивые мнения ученых. В.Д. Крыжицкий предполагал, что землянка является одной из форм дома колониста (сначала полуземлянка, потом заглубленный дом и, наконец, нормальная наземная постройка с сырцовыми стенами на каменном цоколе) (Крыжицкий 1982,11). С другой стороны, высказывалось мнение о принадлежности землянок варварскому населению, а переход к каменному наземному домостроительству, таким образом, связывался с выводом постоянной колонии (Соловьев 1993, 41).

Если мы обратимся к материалам, открытым на Боспоре, то вскоре увидим, что они противоречат как той, так и другой точкам зрения. Первый этап развития поселения почти повсеместно представлен землянками и полуземлянками. Они открыты в Пантикапее, Мирмекии, Нимфее (хотя, здесь не все так просто), Тирамбе, поселении на месте Анапы, Героевке-1, а также на ряде сельских поселений Таманского полуострова. Обычно, первые землянки имели круглую в плане форму, иногда фиксировались приступки и лежанки. Любопытно, что круглая форма землянок на первом этапе развития поселений отмечена как на памятниках основанных в первой половине VI в. до н.э., так и на тех, которые возникают на рубеже VI-V вв. до н.э. На причинах этого явления мы остановимся несколько позже. Впоследствии круглые постройки сосуществуют с четырехугольными, количество которых постепенно возрастает. В некоторых случаях (в Мирмекии) в последней четверти VI в. до н.э. стенки полуземлянок укреплялись каменными стенками (Виноградов 1992, 105; Бутягин 1997).

Наконец, во второй половине VI - начале V вв. до н.э. греческие колонии переходят к наземному каменному домостроительству. В крупных поселениях (Пантикапей, Нимфей) это происходит раньше, в мелких - позже. Судя по всему, переход к наземному домостроительству не был постепенным. Землянки засыпаются одновременно и поверх них строятся дома с сырцовыми стенами на каменном цоколе. Возникают сразу целые кварталы. В целом, эта картина не отличается от той, которую мы видим в других областях Северного Причерноморья.

Однако, некоторые моменты несколько портят эту более-менее стройную картину. В первую очередь, необходимо упомянуть каменную постройку, открытую на поселении Торик. Эта большое, судя по всему, четырехугольное здание с внутренним двором, безусловно принадлежащее грекам, было построено не позднее середины VI в. до н.э., то есть в то время, когда мы не знаем наземных построек даже в Пантикапее (Онайко).

При раскопках в южной части Фанагории были открыты крупные каркасно-столбовые постройки (авторы именуют их "глиняно-плетневыми"), сооруженные на поверхности почвы из своеобразных плетней обмазанных глиной (Долгоруков, Колесников). Эти дома были построены в основном в первой половине V в. до н.э. В этой связи можно упомянуть и небольшой навес (?), открытый около мирмекийской скалы - от него сохранились только промазки пола. Хотя домом это небольшое сооружение никак не назовешь.

Кроме того, при раскопках Киммерика было открыто заглубленное здание с сырцовыми стенами на каменном цоколе (Кругликова). Правда, определенные обстоятельства позволяют предполагать археологическую ошибку, возможно, здесь мы имеем дело с наземной постройкой возведенной непосредственно над землянкой.

Здесь же можно упомянуть небольшую каменную оборонительную стену, перекрывающую подходы к мирмекийскому акрополю. Она была возведена в третьей четверти VI в. до н.э., т.е. в то время, когда на поселении строились только заглубленные постройки (Виноградов).

Все эти сооружения несколько меняют взгляд на общую картину развития боспорского домостроительства. Какие же причины привели к одновременному появлению таких разнообразных по конструкции построек на близких по времени и местоположению памятниках?

В первую очередь, хотелось бы остановиться на этнической принадлежности строителей землянок и ранних наземных построек. Представляется, что соотносить все или большую часть заглубленных строений с варварами неверно. Во всяком случае, об этом однозначно свидетельствует керамический комплекс поздних землянок и ранних наземных построек, открытых в Мирмекии, где не происходит существенных изменений в соотношениях и составе различных категорий керамики (Бутягин 1997, 98-100). Кроме того, наблюдаются существенные различия между заглубленными постройками на варварских памятниках (в первую очередь, поселениях лесостепной зоны) и открытыми на греческих памятниках (Бутягин 1999, 22-23), так что можно говорить скорее о параллельном существовании двух традиций, чем о каком-либо заимствовании. Последнее, конечно, могло иметь место, но не было существенным.

Единственным центром среди боспорских памятников, где с высокой долей вероятности можно констатировать принадлежность заглубленной постройки к негреческому населению, является Нимфей. Речь идет не о так называемом “скифском селище”, среди разновременных ям которого только одна может предположительно считаться землянкой (Butjagin 1998). На раскопе “Г” были частично открыты две постройки, которые, без сомнения, являются землянками. От других подобных строений на территории Боспора их отличает сложная форма и наличие печи, а также некоторых конструкций, слепленных из суглинка поверх пола (в отличие от обыкновенной для Северного Причерноморья “вырубки” из материкового суглинка). Отличается этот комплекс и по составу керамики, где доля лепных сосудов достигает трети (!) от всей керамики (Бутягин 1998, 85-87). Все это заставляет считать нимфейские землянки постройками, принадлежащими носителям кизил-кобинской культуры.

Отметим, однако, что устройство и керамический комплекс других боспорских землянок не позволяют считать их варварскими жилищами или сооружениями хозяйственного назначения.

Теперь обратимся к другой крайности - строительству наземных сырцово-каменных домов, известных в то время, когда на других памятниках господствует земляночное домостроительство. Каменная постройка в Торике сооружена практически на скале, где строительство какой-либо землянки было невозможно. Кроме того, в районе поселения отношения с окружающими варварами могли быть более острыми, чем в других районах, и требовали более

серьезной постройки, с целью обороны в случае неожиданного конфликта.

В целом, можно констатировать крайнюю гибкость греческой строительной традиции в зависимости от количества жителей поселения, наличия строительных материалов и окружающей обстановки. К возведению наземных построек приступали только через 50-70 лет жизни поселения, когда население колонии существенно возросло (Виноградов, Рогов, 1997).

В условиях, когда силы колонии были невелики, греки строили заглубленные постройки, когда же ее возможности возрастали - одновременно переходили к строительству наземных зданий. В тех случаях, когда сооружение землянок было невозможно, строились нормальные дома. Только крайняя необходимость могла заставить первопоселенцев строить что-то помимо землянок. Это, в первую очередь, относится к стене в районе мирмекийского акрополя. В тоже время, в случае ухудшения ситуации греки могли возвратиться к сооружению землянок, как это происходит во второй половине V в. до н.э. в Пантикапее и Мирмекии (Толстикова; Виноградов, Тохтасьев).

Заметим, что глиняно-плетневые постройки открыты в Фанагории, т.е. на Таманском полуострове, где источников строительного камня сравнительно немного, зато много камыша и другой растительности. Напомню, что в Керкинетиде (хотя это, конечно, не Боспор) были открыты землянки с сырцовыми стенами (Кутайсов), что, видимо, также связано с первоначальными трудностями в добыче камня.

В самом факте строительства заглубленных или глиняно-плетневых построек для греков не было ничего удивительного. О постройках из плетней, как об одном из этапов развития домостроительства, пишет Витрувий. Известный пассаж Павсания о полисе Паноупеи, где люди живут "в крытых углублениях похожих на горные лачуги", также хорошо известен. Можно предположить, что греки часто строили землянки на сельских поселениях. К сожалению, мне не известны раскопки архаических сельских поселений в Ионии и материковой Греции. Однако последние раскопки на сельских поселениях Боспора открыли как жилые, так и хозяйственные землянки относящиеся к классическому периоду. В качестве хозяйственных сооружений землянки использовались на всем протяжении от архаики до эллинизма, о чем свидетельствуют два подобных комплекса, открытые в этом году в западной части Мирмекии.

Таким образом, изменчивость греческой (или только ионийской) строительной традиции позволяла первым поселенцам быстро приспособиться к разнообразным природным условиям и варварскому окружению Боспора, закрепиться и заложить основу для дальнейшего развития колоний.

- Бутягин А.М. 1997 О переходе к каменному домостроительству на городище Мирмекий - Stratum+ПАВ, СПб-Кишинев.
- Бутягин А.М. 1998 Лепная керамика архаического Мирмекия - Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы конференции. СПб.
- Бутягин А.М. 1999 К вопросу о генезисе земляночного домостроительства в Северном Причерноморье - VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. ТД 21-22 мая 1999 г., М.
- Butjagin A.M. 1998 Archaic dug-outs at Nymphaion - Archeologia XLVIII, Warszawa, W-wo IAE PAN .
- Виноградов Ю.А. 1992 Мирмекий - Очерки археологии и истории Боспора. М.
- Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. 1997 Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье - Stratum+ПАВ, СПб-Кишинев.
- Крыжицкий С.Д. 1982 Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев
- Соловьев С.Л. 1993 О формировании городской и полисной структуры Березанского поселения - ПАВ No 3 .
- Онайко Н.А. 1980 Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.

Д.Е. ЧИСТОВ

ЗАПАДНАЯ ОКРАИНА МИРМЕКИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ III ВВ. ДО Н.Э.

На протяжении 1982-1994 гг. изучение Мирмекийского городища велось силами отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР (РАН) (начальник отряда – Ю.А. Виноградов). Приостановленные в силу ряда экономических и политических причин, работы на памятнике были возобновлены в прошедшем полевом сезоне совместной экспедицией, образованной Гос. Эрмитажем и ИИМК РАН.

На протяжении последних полутора десятилетий основное внимание исследователей памятника было сосредоточено на изучении западной части городища, а именно - территории вдоль

западного склона, и района, примыкающего к скале Мирмекийского акрополя (раскопы «П», «Р», «С»). Немалая часть результатов этих раскопок уже введена в научный оборот. (Виноградов 1992 С.101-105; Бутягин 1997 С.151-152). Прежде всего, речь идёт о серии позднеархаических комплексов – землянок и наземных сооружений, открытых в 80х – 90х гг. и исключительно важных для понимания ранних этапов развития города. Отсутствие регулярной застройки эллинистического и римского времени, подобной открытой В.Ф. Гайдукевичем в восточной части Мирмекия, позволило здесь в полной мере исследовать более ранние напластования.

В данном сообщении мы желали бы обрисовать картину западной части городища в позднеклассический-раннеэллинистический периоды, такой, как она представляется на данный момент. Количество комплексов, датируемых второй половиной V – первой половиной IV в. до н.э., существенно уступает здесь числу позднеархаических сооружений, открытых на той же площади (последних насчитывается около 20, включая наземные сооружения и полуземлянки). Рассмотрим интересующие нас комплексы в хронологической последовательности.

Важным этапом в истории города стало возведение в конце первой трети V в. до н.э. оборонительной стены, 11.8 м. участок которой был открыт на раскопе «Р». Судя по направлению кладки, линия укреплений защищала не всю территорию города, а лишь его северо-западную возвышенную часть, непосредственно прилегающую к скале акрополя. Вероятно, что эта стена функционировала недолго. В третьей четверти V в. до н.э. появляется прямоугольная полуземлянка (VII), южным углом примыкающая к внешнему фасу крепостной стены. Не исключено, что в это время стена уже теряет своё оборонительное значение (Виноградов, Тохтасев 1994 С.60). Напомним, что в начале IV в. до н.э. возводятся стены, по всей видимости, охватывающие всю территорию древнего Мирмекия (открыты на раскопах «Б» и «М»: Гайдукевич 1952 С.136; Пругло 1960; Гайдукевич 1987 С.151-153), хотя в западной части городища они до сих пор не прослеживаются.

На участке «П», т.е. на территории, находившейся на тот период за пределами городских стен, исследованы семь позднеархаических комплексов (наземных и полуземлянок), однако сооружения середины V в. до н.э. не найдены. Третьей четвертью V в. до н.э., (т.е. тем же временем, что и полуземлянка VII) датируются остатки одного небольшого (3.5X2.8м) однокамерного здания - помещения I (Виноградов 1991 С.76; Виноградов 1983 С.10-11).

В 1986-87 и 1994 гг. на раскопе «С» были открыты остатки двух зданий, погибших в пожаре примерно во второй четверти IV в. до н.э. Первое из них состояло из двух помещений (VI, VII) и небольшого коридора. На полу помещения VI, под слоем рухнувшей черепичной крыши, обнаружен выразительный керамический комплекс, относящийся ко второй четверти IV в. до н.э. Это сооружение имело полы с плотной известняковой промазкой, и, возможно, сырцовые стены на каменном основании. Также были обнаружены остатки помещения VII, которое представляло собой часть здания, возведенного в середине IV в. до н. э. на месте руин помещения VI, непосредственно после гибели последнего. Его стены были построены на известковом полу сгоревшего здания и, более того, поверх керамических развалов его перекрывавших (Виноградов 1992 С.108,109). Ко времени существования этих сооружений близки девять открытых на участке «С» ям (№№35,36,40,42-44,46).

Строительный комплекс XXVI вероятно, представлял собой наземную каменно-сырцовую постройку, примыкавшую в своей восточной части к скале мирмекийского акрополя. Керамические материалы из слоя пожара позволяют датировать гибель здания также второй четвертью IV в. до н.э. К тому же времени относится и яма 142, использовавшаяся в качестве небольшого подвала для хранения амфор (Виноградов 1997 С 59-61; Чистов 1996 С.74-76)

По всей видимости, все постройки на данном участке городища погибли в одном пожаре, охватившем этот район Мирмекия во второй четверти IV в до н.э. Вскоре жизнь в западной части городища возобновляется, и на месте сгоревших домов возводятся новые.

Четвёртым веком до н.э. датируются также три комплекса, обнаруженные на раскопе «Р», неподалёку от крепостной стены V в: остатки одного наземного здания (помещение X) и двух полуземлянок (помещения XI и XII). Помещение X было исследовано не полностью, поскольку оно перекрывается стенами оборонительной башни римского времени. Открыты две стены здания, образующие угол, и остатки сильно разрушенной вымостки (Виноградов 1988 С.20-22). Помещение XI представляет собой округлую полуземлянку диаметром 2 м., впущенную в материк на глубину около полуметра. Пол покрыт слоем светлой глины, однако следов каких-либо конструкций, столбовых ямок и пр. не зафиксировано. Полуземлянка XII, очевидно, относится к несколько более позднему времени, она прорезает полуземлянку XI. Её котлован, по форме приближающийся к четырёхугольному,

размерами 2.3X1.85м, заглублен в материк примерно на 0.5 м. Глинистых промазок не зафиксировано, однако в полу обнаружены несколько ямок разной глубины, возможно, от столбов, некогда поддерживавших кровлю. (Виноградов 1988 С.23)

Ко второй половине IV - началу III в. до н.э. относится время возведения стены с контрфорсом (№1), перекрывающей крепостную стену V в. до н.э. Функциональное назначение этой стены не ясно до сих пор. Её размеры (ширина 0.9 м., сохранившаяся высота – до 1 м.) не достаточны, чтобы считать её частью оборонительных сооружений. Вероятнее всего, стена №1 исполняла роль ограда, которой был обнесён какой-то участок в районе скалы акрополя (Виноградов 1983 С.21; Виноградов 1984 С.248; Виноградов 1987 С.10).

Примерно тем же временем могут быть датированы и комплексы, обнаруженные в ходе работ сезона 1999г. У западного склона мирмекийского холма открыты две полуземлянки подпрямоугольной формы (I и II), керамический материал из заполнения которых датируется последней четвертью IV- III веками до н.э. Поскольку не обнаружено никаких элементов конструкции, указывающих на жилую функцию этих комплексов, следует считать их хозяйственными, подвальными помещениями.

В целом, развитие западной части города представляется нам следующим образом. Примерно во второй четверти V в. до н.э. возводится оборонительная стена, причём одновременно с этим западная окраина городища за пределами городских укреплений подвергается запустению (Виноградов 1991 С.76). В третьей четверти этого столетия строительство здесь возобновляется, хотя регулярная городская застройка данного периода нам не известна; примерно в то же время крепостная стена утрачивает своё значение. Второй четвертью IV столетия датируются следы крупного пожара. Следует заметить, что следы масштабных разрушений на акрополе Нимфея датируются также первой половиной IV в. до н.э. (Чистов 1998 С.137-138).

Комплексы, которые могли бы относиться ко второй половине IV – первой половине III в. до н.э., в общем, довольно невыразительны и не богаты находками керамики. Существенную их часть составляют заглубленные в землю сооружения – полуземлянки или подвалы, которые использовались для различных нужд. Возможно, в указанный период регулярная жилая застройка на данной территории вовсе отсутствовала, а район, располагавшийся вдоль западного склона мирмекийского холма,

использовался горожанами преимущественно в хозяйственных целях.

- Бутягин 1997 – Бутягин А.М. Некоторые проблемы изучения архаического Мирмекия// V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. ТД. Киев, 1997 С.151-152
- Виноградов 1983 - Виноградов Ю.А. Отчёт о работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1982г. Л., 1983. Архив ИИМК Ф.35 оп. 1. 1982. Д.№81
- Виноградов 1984 – Виноградов Ю.А. Раскопки Мирмекия //АО 1982 г. М., 1984. С. 248
- Виноградов 1987 - Виноградов Ю.А. Отчёт о работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1986г. Л., 1987. Архив ИИМК Ф.35 оп. 1. 1986. Д.№79
- Виноградов 1988 - Виноградов Ю.А. Отчёт о работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1987г. Л., 1988. Архив ИИМК Ф.35 оп. 1. 1987. Д.№78
- Виноградов 1991 – Виноградов Ю.А. Исследования на западной окраине Мирмекия.//КСИА 204 М., 1991 С.71-78
- Виноградов 1992 – Виноградов Ю.А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992 С. 99-119
- Виноградов 1997 – Виноградов Ю.А. Раскопки на городище Мирмекий //АИК 1994 г. Симферополь, 1997
- Виноградов, Тохтасьев 1994 – Виноградов Ю.А. Тохтасьев С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия //ВДИ №1 М., 1994. С.54-63
- Гайдукевич 1952 - Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. //МИА.1952.№25. С.36 и сл.
- Гайдукевич 1987 – Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987
- Пругло 1960 – Пругло В.И. Восточные кварталы Мирмекия в свете археологических исследований 1957 г.// ЗОАО 1960. Т.1(34). С.266-274
- Чистов 1996 – Чистов Д.Е. Новые данные о Мирмекии IV в. до н.э. //Проблемы археологии и истории Боспора. ТД юбилейной конференции к 170-летию Керченского музея древностей. Керчь, 1996
- Чистов 1998 – Чистов Д.Е. Акрополь Нимфея в первой половине IV в. до н.э. //Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. СП-б, 1998. С.136-138

АИК – Археологические исследования в Крыму
АО – Археологические открытия
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

Н.В. МОЛЕВА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КИТЕЙСКОГО СВЯТИЛИЩА

Одним из наиболее значительных культовых сооружений Боспора и всего северопричерноморского региона является Китейское городское святилище, раскопки которого проводились в течение 25 лет. Оно занимает доминирующее положение на городище, располагаясь в его центральной части, и составляет почти четверть территории сохранившейся части города. По своему внешнему виду святилище представляет собой большой зольный холм, мощность культурных напластований которого превышает 12 м. Площадь этого культового комплекса в древности достигала не менее 5000 кв.м. В настоящее время, в связи с интенсивным разрушением берега, от нее осталось около 3750 кв.м.

Впервые внимание на этот памятник обратил П. Дюбрюкс. Он рассматривал его как акрополь и отмечал наличие рвов, окружавших его. На его плане акрополь имеет прямоугольную конфигурацию и занимает около четверти территории городища.

Спустя чуть более 100 лет этот памятник привлек внимание Ю.Ю. Марти, проводившего разведки к югу от Керчи. Позднее он провел небольшие раскопки на городище, в том числе и на рассматриваемом нами участке. Он также считал его акрополем, имевшим стратегическое назначение, и отметил искусственный характер насыпи, насыщенной фрагментами краснофигурной посуды.

В 1957 г. на городище производились разведки отряда Боспорской экспедиции под руководством Н.С.Беловой. Однако никаких соображений о зольном холме в центре городища она не высказала. Сам этот памятник, тем не менее, уже тогда вызывал большой интерес у В.Ф. Гайдукевича, который в свое время участвовал в раскопках Ю.Ю. Марти, а позднее во время раскопок городища Мирмекия обнаружил там аналогичный зольный холм. По его мнению, такие “зольники” являлись сакральными комплексами, аналогии которым он отыскивал в Греции и в Малой Азии. Эта гипотеза была подтверждена дальнейшими раскопками Китея.

С 1971 г. на китейском зольнике начинаются стационарные раскопки. Анализ материалов этих исследований позволяет сделать следующие выводы относительно структуры святилища и особенностей его функционирования

Культовое сооружение в центре Китея возникло вместе с городом во второй половине V в. до н.э. Оно ведет начало с жертвоприношений в природные скальные расселины, которые в начале IV в. до н.э. были расширены, подтесаны и образовали ряд фависс разных размеров (самые значительные — до 4 м в диаметре). В это же время была гладко подтесана и материковая скала, превратившаяся в этом районе в ровную площадку прямоугольной формы. Факт существования именно такой площадки подтверждается и планом П. Дюбрюкса, и современной топосъемкой городища. Заполнение фависс и находки на подтесанной площадке свидетельствуют, что в самый ранний период святилище функционировало без храмов, а жертвоприношения были типичными для общегреческого земледельческого культа Деметры — Керы. Постепенно фависсы заполнялись и над ними начинают расти холмы-эсхары, которые к III в. до н.э. сливаются в большую единую насыпь, несколько раз подвергавшуюся нивелировке.

С восточной стороны к территории святилища примыкала большая площадка свободная от построек. Она образована за счет гладкой подтески материковой скалы, на которой имеются прямоугольные заглабления и довольно глубокие ровные борозды. Находок на этой площади сделано мало, но они позволяют предполагать, что эта территория составляла единый сакральный комплекс с эсхарой и функционировала с IV в. до н.э. Площадка, очевидно, предназначалась для ритуального забоя скота. Затем отсюда жертвенное мясо поступало в само святилище. О возможности именно такой интерпретации свидетельствуют находки каменных ритуальных ножей и топоров на участке. Борозды же и заглабления, вероятнее всего, служили для стока крови.

Девять веков непрерывного существования этого крупнейшего культового комплекса способствовали уникальной мощности культурных напластований, насыщенных золотом и самыми разнообразными находками. В святилище выделяется 5 слоев, характеризующих основные периоды его функционирования:

- слой второй половины V — первой половины IV вв. до н.э., имеющий зеленоватый оттенок, насыщенный глиной, сажой, золотом и пеплом; мощность его без учета фависс от 0,5 до 1 м. Среди многочисленных находок преобладают фрагменты хиосских и

фасосских амфор, чернолаковых киликов. К вотивным приношениям следует отнести кости свиней, горшочки из грубой глины, статуэтки богини, сидящей на троне, фаллические хлебцы и лепешки из глины, светильники и граффити на чернолаковой керамике, содержащие аббревиации ΔН, ΔК. Перечисленные материалы, а также сам обряд приношений в расселины позволяет ассоциировать ранние слои китейского святилища с отправлением культа Деметры — Коры;

- слой второй половины IV — III вв. до н.э. близок к предыдущему, но более рыхлый, с прослойками камки, местами прорезанный ямами. Мощность его от 3,6 до 5 м. Среди многочисленных и разнообразных амфорных фрагментов преобладают гераклейские. Парадная и столовая посуда представлена обломками киликов, канфаров, рыбных блюд, горшков и светильников. Некоторые из них с граффити. Есть также терракоты и монеты. Много костей домашних животных, створок устриц, осетровых жучков. К середине IV в. до н.э. в слое относятся остатки архитектурного сооружения, представлявшего собой, вероятнее всего, ограду теменоса с внутренним водостоком, ведущим в примыкающую к нему цистерну. Во внутренней части ограды и снаружи находились несколько алтарей и ритуальная площадка. Сооружение это функционировало до конца IV в. до н.э. Затем над ним начинает расти зольный холм, который сливается с насыпью над уже упоминавшимися фависсами. Следует заметить, что именно в этом месте впоследствии, вплоть до IV в. н.э. воздвигались алтари разной формы и совершались жертвоприношения. Терракоты, граффити и различного рода вотивы позволяют полагать, что с середины IV в. до н.э. китейское святилище приобретает комплексный характер. В нем отправляются культы различных божеств, несущих идею плодородия: Афродиты, Диониса, Геракла, Кибелы, Деметры — Коры, Артемиды. Особенностью всех сакральных церемоний является их подчеркнута хтонический характер. На протяжении III в. до н.э. холм святилища достигал такой крутизны и высоты, что его дважды пришлось нивелировать.

- слой II — I вв. до н.э. является единым для всего культового комплекса. Мощность его от 1,8 до 3,2 м. Он перекрывает и сливается в одно целое ранние холмы. В нем кроме золистых отложений присутствует много глины и бутового камня (ракушечника), что связано с появлением строений на территории святилища. Ассортимент находок прежний. Среди позднеэллинистического

материала преобладают амфоры южнопонтийских центров (прежде всего Синопы) и Боспора. Появляются мегарские чаши и посуда (буролаковая) с рельефными медальонами с эротическими сценами и изображениями богов. Увеличивается количество терракот. Гораздо реже встречаются граффити. Появляются алтари, составленные из плит, поставленных на ребро. И этот слой свидетельствует о полифункциональности святилища, в котором обряды в честь различных богов отправлялись в разные календарные сроки. Особой популярностью в то время отличались культы Афродиты, Диониса и Геракла. Культ Деметры — Керы в его классическом варианте прослеживается теперь слабо. Сооружения, построенные на территории святилища в то время, невелики по размеру, просты по планировке и носят подсобный характер. Почти полное отсутствие находок внутри них свидетельствует о том, что они использовались, скорее всего, как хранилища инвентаря для сакральных действий.

- слой I — II вв. н.э. достигает мощности от 0,5 до 2,8 м. Кроме обычной золы, пачины, костей животных и раковин мидий он насыщен обломками черепицы и известняком. Здесь обнаружены 3 кладки, образующие два частично раскрытых помещения, составлявших часть какого-то большого здания, построенного в первой половине I в. н.э. В четырех метрах к югу от него располагалась полукруглая ритуальная площадка, вымощенная бутовым камнем. Среди находок слоя преобладают амфоры южнопонтийских и боспорских центров. На них и на краснолаковой столовой посуде изредка встречаются граффити. Попадают также изделия из стекла, кости и монеты. Терракот в этом слое не найдено. Открыт ряд алтарей, сложенных на скорую руку из каменных плиток. Много костей животных и створок раковин мидий.

- слой III — IV вв. н.э. имеет мощность от 0,5 до 1,6 м. Он насыщен бутовым камнем, костями животных, раковинами виноградных улиток и концентрируется только в центральной части святилища, общая площадь которого к тому времени сильно сократилась. Керамика, в основном, представлена фрагментами боспорских амфор и посуды местного производства. Много лепной керамики. Встречаются фрагменты стеклянных лампад, монеты. Терракот и граффити нет. Самой значительной находкой, связанной с этим слоем, следует считать известный культовый стол с надписью в честь Бога Высочайшего. В надписи упоминается сооружение храма этого божества и община кититов, исповедующая этот культ. Здесь же были найдены и мраморные солнечные часы, украшенные

головой быка, которые, по мнению Ю.Ю. Марти, стояли в этом храме.

Находок, выходящих за пределы IV в. н.э., на зольнике нет. Отправление обрядов в языческом святилище прекратилось, очевидно, с распространением христианства, которое к концу IV в. н.э. стало преобладающей религией на Боспоре. Жизнь в Китее существовала еще на протяжении двух веков, но центральная часть прежнего святилища оставалась заброшенной и незастроенной.

Несмотря на уникальность китейского зольника, этот памятник не является чем-то исключительным для Боспора. Подобные комплексы известны в Мирмекии, Илурате и на мысе Такиль. И везде можно отметить их комплексный, полифункциональный характер. Заметно и их подчеркнута хтоническое значение. Все это, несомненно, связано с условиями формирования боспорской религии и культуры, проходившими под влиянием местных идеологических традиций (особенно скифской и сарматской). Аналогичные зольники известны в Скифии и связаны с древнейшим огнепоклонством, характерным для иранского этноса. Культ солнца, огня и, связанного с ними домашнего очага был ведущим у этих народов. Особенно много варварских черт прослеживается в обрядовой стороне боспорской религии. Среди жертвоприношений олимпийским богам встречаются такие негреческие вотивы как наконечники стрел, фрагменты зеркал, точильные камни, комочки красной охры, камка. Самостоятельного исследования заслуживает обряд ритуального захоронения собак.

Все эти традиции пришли в боспорскую религию вместе с потоком варварского населения, влившегося в состав жителей городов и способствовавшего возникновению своеобразного этноса — боспорян. Явления “срастания” греческих и местных культов, связанных с плодородием земли, людей и животных, прежде всего, проявились в тех сторонах боспорской религии, которые были общими для древнегреческих (земледельческих) и местных (скотоводческих) верований.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

СЕЛЬСКИЕ СВАТИЛИЩА АНТИЧНОГО БОСПОРА

Предваряя основное изложение, следует сказать, что, во-первых, еще некоторое время назад сама постановка такой темы была невозможна. Во-вторых, и сейчас все наши суждения в силу ряда причин будут носить весьма предварительный характер. И, наконец, мы сознательно опускаем примеры и находки,

происходящие из раскопок боспорских памятников, отождествляемых с теми или иными городами. Это кажется уместным для более объективного воссоздания в будущем общей картины религиозного мировоззрения именно обитателей хоры.

Впрочем, и здесь допустимы определенные оговорки например: некоторые сакральные объекты на сельской территории могли быть построены и «эксплуатировались» так сказать центральной властью и т. п.

Итак, представляется, что все соответствующие археологические памятники (и находки, их фиксирующие) можно условно разделить на две большие группы, исходя из их общественной значимости: частные (семейные) и коллективные (общественные) святилища.

Следы первых мы находим почти исключительно при раскопках сельских домов и помещений. Это прежде всего известные нам пока в единичном числе миниатюрные домашние каменные или терракотовые алтарики, повторяющие форму крупных аналогов (пос. Чокракский мыс, Белинское, соответственно I в. до н. э. и IV–V вв. н. э.). Затем – довольно часто встречающиеся при раскопках поселений античного типа эллинистического и позднеэллинистического времени рюмкообразные, как правило, красноглиняные сосудики курильницы (мыс Зюк, Генеральское западное, Бакланья скала, Золотое восточное, Салачик, Полянка, Крутой берег, Андреевка южная и некоторые др.). Отметим, что на так называемых варварских селищах IV–III вв. до н. э. они пока не фиксировались.

Скорее всего, ту же роль продолжали играть еще более широко распространенные в первых веках н. э. лепные курильницы (светильники): конические или ладьевидные вместилища на высоких круглых реже квадратных или треугольных в сечении ножках, с круглым основанием. Иногда они украшались несложным орнаментом и имели на дне вместилища шиповидный выступ. Чаще всего вместе с другими предметами их находят вблизи либо внутри весьма характерных для позднеантичного времени домашних жертвенников.

Последние представляли собой относительно небольшие и неглубокие ямки; сложенные из плоских камней «ящички» или специально сделанные пустоты в стенах. Заполнение их состояло из печной золы и морских раковин, а также почти постоянного набора предметов: лепной либо гончарный светильник, (курильница) лепной явно вотивный горшочек и отдельные кости мелкого рогатого скота, свиньи или собаки. Иногда присутствовали одна,

реже несколько, как правило, медных боспорских монет III–IV вв. н. э.

Особые небольшие «закрома» с золой или сегментовидные возвышения из камней встречались и внутри ряда помещений поселений и усадеб эллинистической эпохи (Пустынный берег, Золотое восточное, Бакланья скала). Известно, что очаг и очажная зола играли определенную сакральную роль в домашних культах древних греков и их индоевропейских соседей. Разумеется, находки терракотовых статуэток и соответствующих граффити – наиболее яркие свидетельства индивидуальных или коллективных священнодействий. Но *in situ* они чрезвычайно редки, поэтому по их местонахождению в помещениях далеко не всегда можно установить: где именно располагалось домашнее святилище или жертвенник и имелся ли он вообще. Характеристику же терракот, как и содержание граффити мы в данном случае сознательно опускаем. Ясно лишь, что если в ранний период (IV–I вв. до н. э. – I в. н. э.) это вполне конкретные, понятные и известные во всем античном мире персонажи, то позднее, как правило, их сменяют образы некоего женского синкретического божества. Несколько ранее практически исчезают и соответствующие граффити.

В отдельных, правда особых случаях (Генеральское западное, Полянка, Илурат, Артезиан) в силу некоторой специфики (особо выделенное пространство – помещение, алтари обычной формы и размеров и т. п.) возникает вопрос: не вышло ли отправление культа за рамки семейного, домашнего круга? Думается, в первую очередь именно благодаря только что упомянутым особенностям и, прежде всего, образованию особого сакрального пространства, мы вправе отвечать на него утвердительно. Места коллективных религиозных действий (теме носы, храмы, святилища) либо располагались непосредственно в границах основной застройки того или иного поселения (каждого или нет – не вполне пока ясно), либо вне его, но в ближайших окрестностях. Показательные примеры первого случая только что были упомянуты выше и датируются соответственно IV–III; I вв. до н. э. и II–III вв. н. э.

Ко второй группе можно отнести недавно открытые памятники: близ городищ Генеральское восточное, Сиреневая бухта, Золотое восточное и, видимо, Зеленый мыс. Каждое из них располагалось на возвышенности, иногда весьма солидной (Золотое восточное) и в сущности являлось своего рода теменосом, т. е. специально огороженным пространством. Внутри его, по периметру ограды, размещались культовые постройки – собственно святилища, а, быть может, и какие-то подсобные помещения. Первые – как правило

небольшие по площади (не более 60 м²). Но помимо простых, прямоугольных в плане конструкций мы имеем примеры и более сложных строений. Так на теменосе поселения Генеральское восточное есть постройки с четким делением помещений (наос, пронаос, адитон?). Это уже скорее своего рода протохрамы. Все данные строения ориентированы строго по сторонам света, почти всегда по продольной оси: восток-запад. Вход в них вел с востока. Лишь в одном случае (Сиреневая бухта) продольная ориентация была иной: север-юг, а вход был с юга.

Вторая особенность – наличие в центре некоторых из них особых квадратных или круглых в плане возвышений, аккуратно сложенных из необработанных камней. По видимому, их можно рассматривать, как простенькие алтари или специальные подалтарные «пьедесталы». Судя по находкам, на них стояли терракотовые статуэтки, светильники, курильницы, блюда и чаши, миниатюрные алтарики и даже вотивные рельефы. (Генеральское восточное).

Ответ на вопрос о месте алтаря в храме и святилище весьма не прост и не однозначен. Это подтверждают и наши наблюдения. Так, по-видимому, есть примеры расположения алтарей, аналогичных вышеописанным, под открытым небом, рядом с культовыми помещениями (Сиреневая бухта) внутри их по центру или сбоку, у стен. Переносные маленькие каменные прямоугольные алтарики стояли в одном из святилищ близ поселения Генеральское восточное.

Третья специфика почти всех таких строений – наличие внутри, вдоль стен особых, сложенных из плоских камней «скамеек-пристенков». Вероятно, они предназначались для размещения различных приношений и предметов культа, что отчасти подтверждается и находками.

В ряде случаев (Генеральское восточное) также внутри помещений имелись отгороженные плоскими, поставленными вертикально камнями «ящички», заполненные золой и морскими раковинами. В них, как и в домашних алтарях, находились вотивные сосуды и даже терракоты. В центре одного из помещений-святилищ был устроен специально обложенный плитами очаг (алтарь для сожжений?) (Зеленый мыс).

Особых культовых ям (эсхар, ботросов) пока на раскопанных памятниках не выявлено, хотя места массового сброса обломков посуды и терракот зафиксированы, причем в пределах «священной ограды» (Сиреневая бухта, Генеральское восточное). Быть может, это следствие конкретной атрибуции именно этих святилищ.

Вместе с тем, нам известен и пример святилища, вернее основной постройки, иного рода. Так на вершине горы близ поселения Золотое восточное, в центре специально огороженного пространства, находился небольшой, видимо, несколько углубленный естественный грот в скале, со специально оформленным входом. Его заполнение не оставляет сомнений в сакральном предназначении.

Возможно, подобно соответствующим эллинским традициям, на боспорской хоре существовали и иные разновидности святилищ. Например: располагавшиеся на мысах, вблизи водных, грязевых или минеральных источников, расщелин или иных чем-либо примечательных природных объектов (близь горы Бориса и Глеба на Таманском п-ве, на мысе Такиль, на мысе Зюк, на Темир-Горе).

Наконец, мы должны упомянуть еще об одной, пожалуй наиболее известной (но не изученной) разновидности общественных святилищ (алтарей?): зольниках. Они находятся опять-таки или в черте поселений, что встречается весьма редко (Золотое восточное), или вне их, но всегда рядом. Число, а также размеры зольных холмов различны. Чем обуславливалось первое обстоятельство остается неясным. (Родовые, семейные или территориально квартальные; разнокультурные или разновременные) Но в том, что эти своеобразные археологические объекты, характерные кстати как будто бы лишь для европейской части Боспора, помимо всего прочего служили и сакральным целям, признается всеми исследователями. Иное дело, конкретное содержание, смысл проводившихся тут действий. Здесь очень многое еще неизвестно, либо малоубедительно. В плане хронологии, вероятно, можно говорить о позднеэллинистической эпохе, как времени появления зольников, хотя и при этом необходимы оговорки, как впрочем, и в отношении их типологии. (Зольные скопления на мысе Такиль, мысе Зюк и старше и иного облика, чем большинство иных зольников) Соответствующие аналогии по большей части (но не всегда) уводят нас за пределы античного мира.

Второй круг вопросов, связанных с предлагаемой тематикой, это сложнейшая проблема возможно более полной и достоверной интерпретации, отождествления упомянутых артефактов. Определяющим при этом является анализ всех сопутствовавших постройкам и алтарям находок и археологических деталей, и последующий поиск более или менее отвечающих им примеров, в том числе в свидетельствах античных авторов. Об особенностях набора предметов из домашних святилищ выше уже упоминалось. Что же касается прочих раскопанных объектов этого рода, то здесь

картина не столь однозначна. В большинстве случаев (посел. Полянка, Артезиан, Генеральское восточное, Сиреневая бухта, возможно, Зеленый мыс) мы практически не встречаем костных остатков. Разумеется, это не относится к так называемым зольникам. Совершенно отсутствуют тут и граффити. Очень редки обломки амфор, монет. Зато заметно преобладание различных форм открытых сосудов (чаши, кубки, блюда, тарелки). Встречаются флаконы, бальзамарии, лекифы и фрагменты кухонной посуды. Существенное место занимают подсылки и заполнения из морских раковин. На территории теменосов нет следов долговременных кострищ.

По своему специфичен и довольно многочислен набор терракотовых статуэток. Как правило, преобладают изображения женских божеств (Деметра, Кора, Афродита, Артемида, Кибела) и просто женских фигур, естественно, с соответствующими стилистическими и хронологическими особенностями. Встречаются статуэтки их мужских паредров (Геракл, Аттис, Митра), но по большей части не «прямых», а как бы опосредованных, скрытых (фракийский всадник, воин со щитом). Впрочем, последние могли нести и самостоятельную культовую «нагрузку». Есть примеры жанровых сценок (мальчик с собакой, петухом, девочка с виноградной гроздью и т. п.) Но и тут, скорее всего, первоначальный, основной смысл нам просто менее понятен. Отмечены также отдельные фигурки животных и птиц (лошадь, дельфин, собака, бык, голубь, гусь, петух, львенок). Связь их с теми или иными божественными персонажами очевидна. Попадаются и чисто магические изображения – символы: кисть руки с особым образом сложенными пальцами, глиняные «хлебцы», плоды граната, косточки миндаля и т. п.

В святилищах другого типа, напротив, найдено много костей мелкого и даже крупного рогатого скота, свиней, обломков больших лепных горшков, кастрюль целых и разбитых амфор. Явны также следы огня (Золотое восточное).

Специфика находок на зольных святилищах совершенно очевидна. Здесь также встречаются различные, в основном женские терракотовые статуэтки, монеты, кости животных и рыб. Но все это, как и их местоположение, относительно самой основной насыпи холма и ряд других деталей остаются, к сожалению, очень слабоизученными. Напомним, что до сих пор ни один зольник специально, как особого рода археологический памятник на территории хоры полностью не раскапывался. (Некоторые исключения: частично исследованные зольники Илурата, в районе

Куль-Тепе, на мысе Казантип, Такиль и особенно на поселении Золотое восточное, где раскопана практически половина одного из двух холмов).

Находки из известных в настоящее время общественных святилищ внутри поселений сильно разнятся между собой. Так на пос. Полянка это очень яркий и, видимо, показательный для данной эпохи (вторая половина I в. до н. э.) «синкретический» набор терракотовых статуэток. Кстати, он почти полностью повторяет соответствующий «набор» с другого крупного и синхронного культового объекта: Таманского Толоса, вернее – резиденции Хрисалиска. Кроме того, это довольно большое «собрание» разнообразной посуды как столовой и отчасти кухонной, так и явно вотивной. Показательны великолепные, покрытые краской и позолотой импортные высокие амфоровидные курильницы. также аналогичные «Таманским» экземплярам. Монеты и кости животных единичны. Напомним, данное святилище занимало отдельное солидное (по масштабам этого поселения, естественно) помещение почти в центре городища. И, быть может, не случайно непосредственно рядом с ним был обнаружен крупный монетный клад. (Монеты не были спрятаны, а просто хранились в амфоре, стоявшей на полу, в углу: т. е. это скорее приношение или хранение в храме) Об особой специфике более позднего, но гораздо более известного Илуратского святилища писалось уже достаточно.

Немаловажно для прояснения назначения того или иного сельского святилища и его местоположение относительно окружающего ландшафта, административных и иных границ, степень удаленности от важнейших центров государства и н. др. Разумеется, это касается памятников вне поселений. Так все выявленные пока в Восточном Крыму святилища находятся на возвышенных местах, иногда на господствующих высотах. Как правило, с них открывается широкий обзор живописных окрестностей. (Эстетический фактор имел, как известно, у эллинов, да и варваров тоже, немалое значение при выборе места для совершения культовых обрядов и соответствующих построек).

Другие святилища располагались в важных с точки зрения географических ориентиров или путей сообщения пунктах (Мыс Такиль, мыс Зюк, мыс Ахиллий и т. д.).

Третьи служили не только чисто религиозным, но и «пропагандистским» целям. Мы имеем в виду монументально-мемориальные сакральные комплексы, существовавшие в районе горы Бориса и Глеба и горы Куку-Оба на Таманском п-ве (святилище Артемиды-Агротеры, Санерга и Астары, «могила»

Сатира I) и, возможно, на Темир-Горе (святилище Асклепия) близ Пантикапея. Первые были своего рода памятниками апофеоза боспорских Спартокидов, маркировавшими одновременно границы их владений. Вполне возможно, эта традиция продолжала бытовать и в эпоху последующей династии.

Наконец, не исключено, что одни из святилищ служили нуждам жителей одного конкретного поселения (общины, семьи), другие – целой округи, а некоторые – всего государства или фиксировали греко-варварское пограничье. Хронологически они охватывали практически весь античный (дохристианский) период боспорской истории. Применительно к хоре европейского Боспора это приблизительно середина IV в. до н. э. – III–IV вв. н. э. Каждое святилище имело свою историю, но последние изыскания показывают, что даже самые поздние из них не доживают до окончательного распада этого государства и прекращения жизни на его сельской территории.

Что же касается «персональной» принадлежности святилищ, то совершенно очевидно, что она определялась самим расположением их в сельской местности. В основном они служили для отправления культов божеств, покровительствовавших земледелию, в меньшей степени – охоте; олицетворявших природную стихию и животный мир. Прежде всего, это культ божеств элевсинского круга (Деметра, Кора, Триптолем), затем Кибела и позднее – Верховное женское Божество. Велика, надо думать, была роль культа Артемиды Ортии, Артемиды Агротеры, Артемиды Акрии или Пиронии. Определенное место занимали и их мужские паредры: Аполлон, Геракл, Посейдон, Дионис, Аттис, Пан. При этом особо следует подчеркнуть степень распространенности и влияния элевсинских норм и традиций. Новейшие раскопки и изыскания в этой области демонстрируют все больше подтверждений данному выводу.

В заключении можно констатировать, что боспорские сельские святилища и, прежде всего – в Восточном Крыму, в целом ряде деталей находят многочисленные аналогии как в античной письменной традиции, так и среди соответствующий археологических памятников Греции и иных районов античной Ойкумены. Все это лишний раз свидетельствует о необыкновенной силе и уникальной адаптации эллинских религиозных представлений к новым условиям и обстоятельствам, в том числе и на далекой Северопонтийской периферии.

И.Ю. ШАУБ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТА ДИОНИСА НА БОСПОРЕ В IV В.ДО Н.Э.

До начала правления династии Спартокидов о существовании на Боспоре культа Диониса могут свидетельствовать лишь немногие терракоты, изображающие его спутников - сатиров и селенов, а также, быть может, статуэтки в виде возлежащих мужчин с киликами или ритонами в руках.

В IV в. до н.э. мы имеем на Боспоре уже столько данных о культе Диониса, что можем, смело утверждать, что он был здесь одним из самых популярных богов.

Хотя следов античного театра в Пантикапее, несмотря на предпринимаемые поиски, еще не обнаружено, В.Ф. Гайдукевич резонно предположил, что театр, столь тесно связанный у греков с культом Диониса, должен был находиться поблизости от его святилища. О том, что театры в Пантикапее и ряде других городов Боспора существовали, во всяком случае уже в первой половине IV в. до н.э., мы знаем из рассказа Полиена (V, 44).

Театр в представлениях боспорцев IV в.до н.э., как и в народных верованиях обитателей других периферийных областей греческого мира, сохранял свою исконную связь с культом Диониса, поэтому нет сомнений в том, что с этим культом связаны не только терракоты, изображающие самого бога и его спутников (сатиров и селенов и их маски), но и несравненно более многочисленные изображения комических актеров, найденные на территории Боспорского царства. Тот факт, что многие из них найдены в могилах, позволяет говорить о наличии здесь представлений, связанных с Дионисом хтоническим.

В связи с хтоническим Дионисом первостепенное значение имеют терракоты из склепа 4 кургана Б. Близница. Кроме ряда терракотовых статуэток (комических актеров, селенов, пьяного Геракла, возлежащей супружеской пары), которые П. Александреску связал, на наш взгляд, справедливо, с этим культом, на него недвусмысленно указывает украшение калафа из этой же могилы, на котором представлена вакхическая сцена с участием менад в исступленном танце с тирсом или ножом и частью растерзанного животного в руках, а также менад, спокойно восседающих на грифоне или барсе (с канфаром в руке), и пляшущих сатиров. Кстати, бляшки в виде пляшущих менад с тирсами, аналогичные бляшкам из Б. Близницы, но трактованные в варварском духе, украшали калафообразные головные уборы скифянок (вероятно,

жриц) из Деевского и Рыжановского курганов, где были найдены также и сатиropодобные изображения (на бляшках и перстнях). О хтоническом характере этой композиции свидетельствует участие в ней грифона.

В склепе N1 Б. Близинцы были обнаружены 12 украшавших одежду жрицы золотых бляшек, изображающих пляшущих юношей (или девушек) в восточном костюме с соединенными над головой руками. Этот же танец запечатлен на золотых серьгах и в терракоте из гробницы того же кургана. Изображение этого танца, характеризующегося похлопыванием руками над головой, а также припаданием на одно колено, встречается и среди терракот, (а также на перстнях), найденных в погребениях европейского Боспора.

Л. Стефани первый идентифицировал танец, запечатленный в этих терракотах, с окласмой, считая его присущим культу элевсинской Деметры. Однако большинство изображений (на вазах и резных камнях), приводимых этим ученым в качестве аналогий, указывает на характерность этой пляски для персонажей круга Диониса.

Тех же танцоров в варварских одеяниях, прихлопывающих руками над головой, видим мы и на двух краснофигурных вазах конца V в. до н.э. (арибалле из Лондона и амфоре из Вены). Л. Курциус остроумно доказывает, что центральным персонажем росписи обеих vaz является Сабазий.

Можно предположить, что найденные в гробницах Боспора характерные изображения пляшущих варваров связаны с культом Сабазия или (фракийского) Диониса. Как известно, резкой грани между этими божествами фракийские и малоазийские культы не проводят, а некоторые античные источники прямо указывают, что Сабазий - это фракийский Дионис (например, Schol. Aristoph. Vesp. 9; Orph. h. 48). Сабазий в верованиях мистов давал надежду на вечную загробную жизнь, поэтому неудивительно, что изображения танцоров его культа могли помещаться в могилы.

С начала IV и вплоть до середины III в. до н. э. неизменным типом аверса пантикапейских монет становятся головы бородатых силенов и безбородых сатиров, которые, по мнению М.И. Ростовцева, являются изображениями "местного, возможно, фракийского, божества, великого бога растительности, который стал греческим Дионисом и который иногда фигурирует в виде бородатого силенна на монетах греко-фракийских городов".

Гипотеза М.И. Ростовцева вызвала возражение Д.Б. Шелова, который связывает головы пантикапейских монет "с другими

местными культами, происхождение и распространение которых еще недостаточно выяснено".

Однако параллелизм двух аспектов божества, представленного на монетах Пантикапея: бородатого пожилого и юного безбородого - черта, свойственная не только нашедшему распространению во всем Причерноморье (в том числе и на Боспоре) культу кабиров, но и культу диморфного бога Диониса, - является, на наш взгляд, достаточным аргументом в пользу гипотезы М.И. Ростовцева. Д.Б. Шелов поддерживает мнение А.Н. Зографа, считающего, что приобщение сатиropодобного божества к дионисийскому кругу произошло только с появлением у него плющевого венка, то есть на рубеже 40-30-х гг. I в. до н.э. Однако сосуществование еще и в III в. до н.э. в типологии пантикапейских монет бородатых и безбородых сатиropообразных божеств в венках с аналогичными персонажами без венков делает точку зрения обоих почтенных нумизматов неубедительной.

О хтоническом характере этого сатиropодобного божества свидетельствуют два факта. Во-первых, популярность его изображений на бляшках от погребальных одежд жителей как Боспора, так и скифов приднепровских курганов. Во-вторых, связь этого божества со змееной богиней - местным великим женским божеством в его хтоническом аспекте. Эта связь фиксируется не только бляшками из Куль-Обы и с Тамани, где змееногая богиня держит в руках голову сатиropообразного божества, но и совместными находками бляшек с изображением этих персонажей в погребениях 3 и 4 Б. Близницы (в погребении 4 голова, совершенно аналогичная изображению на бляшках, представлена на ожерелье).

Важным свидетельством существования на Боспоре культа хтонического Диониса являются сюжеты росписи "боспорских пелик": изображение Диониса на грифоне, преследующего девушку; пелики с этим сюжетом происходят только из женских могил, для мужских погребений характерны пелики, на которых представлена борьба грифонов с аримаспами, которых К.Шефольд считает слугами Диониса, а их поражение в борьбе с грифонами - символом пути через смерть к бессмертию. Таким образом, если принять толкование швейцарского исследователя, символика этого сюжета может быть близка к значению сцен терзания грифонами животных.

По мнению К. Шефольда, очень популярный на боспорских пеликах сюжет женской головы вместе с протомой грифона и лошади, который традиционно считается головой амазонки, является изображением Великой богини в функции владычицы

потустороннего мира. В таком случае, появляющаяся на одной пелике бородатая голова во фригийском колпаке между протомами грифона и лошади должна принадлежать дублету Великой богини в ее загробном аспекте; все вышеизложенное позволяет предположить, что в таком виде мог изображаться не кто иной, как хтонический Дионис.

М.В. СКРЖИНСКАЯ

СЦЕНЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НА РОСПИСЯХ ВАЗ VI-IV ВВ. ДО Н.Э. ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ

Ежедневная жизнь большинства эллинов была заполнена тем или иным трудом, но его изображение редко привлекало внимание античных художников. Рисуя своих персонажей за работой, они либо иллюстрировали мифы (например, сатиры, собирающие виноград или готовящее вино), либо показывали не будничные занятия, а некие ритуальные действия, связанные с работой.

К последнему типу сюжетов относится уникальный фрагмент клазоменской вазы третьей четверти VI в. с изображением человека, давящего виноград. Под звуки аулоса он исполняет своеобразный танец в корзине, из которой льется отжатый сок. Наверное, вазописец рисовал не просто выжимку винограда, а какой-то связанный с ним ритуал, может быть, так под музыку открывался сезон виноделия. Рисунок на вазе напоминал жителям Пантикапея о традициях приготовления вина в метрополии; сами же они в VI в. еще только начинали акклиматизировать виноград на своей новой родине.

Краснофигурная ойнохоя, расписанная в 60-е годы V в. - редчайшая в Северном Причерноморье ваза с изображением ремесленного производства. В кузнечной мастерской с висящими на стенах инструментами сидит ее хозяин перед наковальней. В одной руке у него меч, в другой - молоток. Не отрываясь от работы, мастер беседует с посетителем, который принес ему для ремонта стригиль. Вазописец, конечно, рисовал афинскую мастерскую, но подобные, вне сомнения, существовали и в Пантикапее.

Корзины для шерсти, изображенные на многих вазах около женщин, указывают на их постоянное занятие: прядение и ткачество. Однако изображений этого вида труда не встречается на росписях ваз, найденных на Боспоре.

Прочие сцены повседневной жизни связаны с досугом и праздниками. Любимым времяпровождением эллинов в вечернее время были дружеские застолья, симпозионы. Граффити из Пантикапея свидетельствуют, что и здесь греки собирались на

симпозионы. Их иллюстрируют фрагменты краснофигурных сосудов с изображением виночерпия, держащего килик и киаф, а также юношей, пирующих с гетерами. На симпозионы приглашали танцовщиц, исполнявших военный танец пиррихий. Фигура такой танцовщицы сохранилась на фрагменте вазы IV в.

Танцами у всех греков сопровождалось религиозные празднества, театральные представления, свадьбы и другие семейные праздники. Ритуальные танцы у алтарей нарисованы на двух крышках лекан V- IV вв. и на ойнохое IV в. На лекане мастера круга Дуриса танцуют двое мужчин под аккомпанемент аулоса, на двух других вазах танец исполняют женщины под звуки аулоса и лиры,

Свадьба изображена на нескольких вазах конца V- IV вв., найденных в Пантикапее, и на одной из Горгиппии. Последнюю украшает многофигурная композиция свадебного шествия из дома невесты в дом жениха. В колеснице вместе с новобрачными едет девочка, держащая лутрофор, в этом сосуде редкой формы, называемом также свадебным лебетом, доставляли воду для ритуального омовения невесты. Такой лутрофор с росписью мастера Мидия имеется в коллекции ваз из Пантикапея. Шествие сопровождает юноша, ведущий под уздцы коней, запряженных в колесницу, факелоносец, две музыкантши, играющие на аулосе и лире, и танцующие юноша и девушка. Роспись этого сосуда имеет исключительно важную познавательную ценность, потому что сохранилось очень мало иллюстраций свадебных процессий на второй день праздника, и эта едва ли не самая детально изображающая его участников.

Из свадебных обрядов вазописцы чаще всего выбирали подношение подарков невесте на третий день торжеств. Лучшие образцы таких рисунков сохранились на лутрофоре мастера Мидия и кальпиде мастера Марсия. Последняя, принадлежащая к немногим широко известным вазам из Северного Причерноморья, постоянно включается в отечественные и зарубежные альбомы, посвященные греческой вазовой живописи. В центре картин на обеих вазах находится невеста, сидящая в кресле; ее голова на одном рисунке увенчана венком, на другом - диадемой, в уши вдеты серьги, шея обвита ожерельем, хитон из тонкой ткани расшит узорами, а накинутое на него покрывало оторочено цветной каймой. Подруги невесты также в праздничных нарядах и украшениях, но более скромных. Они подносят новобрачной шкатулки, туалетные сосуды, ткани, расшитые повязки и ленты.

Упомянутые вазы найдены в погребениях. Вероятно, они сопровождали в последний путь девушек, не успевших вступить в брак. Ведь греки считали их невестами Аида, о чем упоминается в боспорских эпитафиях, а погребальные обряды имели немало общего со свадебными.

В число туалетных принадлежностей более или менее состоятельных гречанок входили леканы. В них хранили благовония, украшения, ленты, повязки, фибулы и др. Афинские вазописцы IV в. часто расписывали крышки лекан сценами в женской половине дома и свадебными сюжетами. Среди пантикапейских находок есть много фрагментов и несколько целых лекан с подобными росписями. Лучшая принадлежит кисти Элевсинского мастера.

Сложная композиция росписи этой крупной леканы состоит из нескольких групп. Некоторые представляют подготовку к свадьбе: подруга поправляет диадему на голове невесты, а эрот завязывает ей сандалию; служанка готовит воду в лутерии для ритуального омовения перед свадьбой; здесь же стоит особого вида треножник, изображавшийся исключительно в свадебных сценах; девушка достает из шкатулки ткань, наверное, фату, и, наконец, жених стоит у кресла невесты. Наряду с этим на крышке леканы представлены разнообразные сцены из жизни гинекея. Одна женщина смотрит в зеркало, две другие увлеченно играют в какую-то игру. Между женщинами на полу нарисованы их домашние любимцы: собака, гусь, птица в клетке. Домашние животные и птицы встречаются также на росписях других ваз IV в., особенно, рядом с детьми. Чаще всего они играют с собаками, иногда с гусем.

Многочисленные рисунки женщин в нарядных одеждах и украшениях представляли жительницам Пантикапея своеобразный журнал мод. Глядя на вазы, они узнавали, как одевались и причесывались в Афинах, какие носили украшения и какие употреблялись туалетные принадлежности.

Многое из того, что изображено на рассмотренных привозных вазах, использовалось в быту жителей Пантикапея. Например, здесь найдены все виды сосудов, которые рисовали вазописцы. Таким образом, перечисленные сюжеты росписей, с одной стороны, знакомили боспорян с повседневной жизнью афинян и служили образцом для подражания, с другой - вызвали ассоциации с собственной жизнью владельцев ваз.

Л.И. ДАВЫДОВА

ТРИ МРАМОРНЫЕ ГЕРМЫ ИЗ КЕРЧИ

(интерпретация и датировка)

В собрании причерноморских древностей, хранящемся в Эрмитаже, скульптурный раздел сравнительно небогат и почти полностью опубликован. Однако появляющаяся новая литература или новые находки, или какая-то музейная необходимость, как правило, позволяют внести некоторые коррективы в старые публикации, а порой и увидеть памятники под несколько иным углом зрения. Такой интересной, на наш взгляд, является группа из трех мужских голов, найденных в разное время в Керчи в районе Митридата. Объединение их в группу герм сделано чисто визуально по качеству проработки задней поверхности головы, форме и рисунку волос, характеру сколов в нижней части скульптур.

Первая из этих голов по времени находки - обнаружена в 1865 г. - представляет собой мраморный фрагмент (инв.№ П.1865.38) высотой 15.5 см в виде мужской бородатой головы с пышной прической, перехваченной узкой гладкой лентой. Выбиваясь из-под повязки, волосы образуют надо лбом и над затылком как бы широкий валик. Сзади они сплошной массой спускаются на спину; две широкие пряди волос, отделяясь, падают на грудь. Лицо выполнено довольно обобщенно, но с небольшими наплывами на скулах. Глаза узкие, почти плоские, расположены прямо под надбровными дугами, нижние веки только процарапаны, верхние - обозначены в виде тонкого ободка. Лоб прямой, совпадающий с линией носа. Рот приоткрыт. Верхняя губа почти закрыта длинными усами, концы которых загибаются кверху. Вьющиеся пряди бороды прорезаны неглубокими волнистыми линиями. Хотя голова имеет четко выраженную фронтальную постановку, плечи, вернее только их часть, расположены на разном уровне: левое выше правого. Кроме того, левое плечо имеет четкую вертикальную грань. На спине ниже волос у камня такая же плоская поверхность, что и позволяет говорить о гермообразной форме памятника, выполненного из мелкозернистого белого мрамора. В нижней части фрагмент сбит под косым углом от бороды к спине, сзади часть головы от темени к затылку выбита, на поверхности многочисленные мелкие сколы и выбоины.

Голова была найдена в Керчи в 1865 г., как значится в описи: "... во дворе дома итальянца Калькани на Босфорской улице". Ее публикацию в несколько строк можно найти у О.Ф. Вальдгауера в I

томе "Античной скульптуры в Эрмитаже"⁵⁴. По мнению исследователя, голова выполнена в позднеимперское время, но по типу V или IV вв. до н. э., возможно, изображавшему философа Епименида. На наш взгляд, вряд ли можно в данном случае говорить о портретном повторении. Скорее это обобщенный образ, созданный под влиянием мужского бородатого божества. В нем заметны черты, близкие, например, и к образу Посейдона латеранского типа⁵⁵ (форма и характер прядей бороды и волос надо лбом), а также и к так называемому Гермесу Пропилей Алкамена⁵⁶, к которому в своей основе восходит описанная выше сложная прическа нашего персонажа. Поэтому данный памятник следует рассматривать, видимо, как контаминацию разновременных типов, созданную специально для декоративных целей. Отсутствие четко выраженного иконографического типа и стиля говорит о том, что герма была создана, вероятно, вдали от классических образцов, возможно, на Боспоре или в какой-то другой провинциальной мастерской в римское время, но, как представляется, не позже II в. н. э. В отличие от своих прототипов, функционально предназначавшихся в храм в качестве *ex voto* и потому более строго следующих иконографии того или иного божества, керченский фрагмент можно охарактеризовать скорее как декоративную герму, созданную, вероятно, для украшения какого-то частного или общественного здания.

Таким же декоративным характером исполнения отличается и следующий фрагмент - мужская бородатая голова, найденная на "пепелище" Митридата во время раскопок 1867-1868 гг. (инв.№ П.1867/1868.1052). В отличие от первой, в этой голове четко "читается" тип изображения, взятый скульптором за основу. По мнению О.Ф. Вальдгауера⁵⁷, это голова Зевса, созданная местным мастером под влиянием греческих образцов IV в. до н. э. Высота скульптуры, выполненной из белого крупнозернистого мрамора, 13 см. Абрис головы, если на нее смотреть в фас, напоминает треугольник, стоящий на основании. Вытянутое лицо и шея обрамлены пышными волнообразными прядями волос, спускающимися на спину, как и в предыдущем случае, сплошной непроработанной массой. Вокруг головы волосы перехвачены узкой рельефно выделенной повязкой. Гладкий слегка сужающийся к

⁵⁴ Waldhauer O. Die antiken Skulpturen der Ermitage. Berlin u. Leipzig, 1928. Bd.1, S.83, Nr.79, Taf. XLVII.

⁵⁵ Ср. LIMC (Lexicon iconographicum mythologiae classicae), VII, 2, No.14, p.380.

⁵⁶ Boardman J. Greek sculpture. The classical period. London, 1985, p.212, ill.189.

⁵⁷ Waldhauer, Op.cit. S.84, Nr.81, Taf. XLVIII.

середине лоб прорезан неглубокой горизонтальной линией, отчего надбровные дуги кажутся более объемными. Глаза миндалевидной формы с четко обозначенными нижним и верхним веками, поставлены прямо, однако создается впечатление, что они лежат не в одной плоскости, а левый глаз как будто слегка "ушел в глубь". Подобная "мелочь" вместе со схематично изображенной бородой, расчлененной на отдельные вертикальные пряди, перерезанные короткими горизонтальными линиями, и декоративный подход в трактовке волос, обрамляющих лицо, создают впечатление образа, решенного довольно условно, либо как самостоятельный декоративный элемент, либо как часть декоративного комплекса. Что же касается типа Зевса, послужившего, по мнению О.Ф. Вальдгауера, ориентиром мастеру, то, видимо, исследователь имел в виду так называемого Зевса Отриколи, приписываемого скульптору IV в. до н. э. Бриаксису⁵⁸. Однако сравнение с оригиналом говорит о том, что боспорский (?) скульптор был весьма далек от пластических задач греческих мастеров эпохи поздней классики. Только внешнее отдаленное сходство может указывать на связь с греческим прототипом.

Наконец, третий фрагмент (инв. № П.1900.59), открытый К.Е. Думбергом в Керчи в 1900 г. на Митридате «между мощным двором, колодцем и зданием, где была найдена герма Геракла» (см. ОАК за 1899, с.22), был опубликован и как "голова бородатого Диониса"⁵⁹, и как "голова бородатого бога"⁶⁰. Материал, использованный скульптором, близок к тому, из которого выполнен предыдущий фрагмент - белый крупнозернистый мрамор. Близка и его высота - 12.8 см. Однако иконографически данная голова выбивается из ряда подражаний греческим образцам и, прежде всего, формой бороды, напоминающей ассирийские образцы, и выступающими скулами. Лицо, не закрытое волосами над лбом и бородой, имеет почти квадратный контур. Объемы нависающих надбровных дуг и выступающих щек тщательно промоделированы и контрастируют с сухим и грубым рисунком прядей волос, по сторонам от шеи просто процарапанных. Удивляет и неправильное положение ушей на голове - маленьких оттопыренных и как будто поддерживающих тяжелый валик волос, выбивающийся из-под ленты, опоясывающей голову. Итак, двойственность, выражающаяся в греко-ассирийском типе лица и в обработке камня, позволяет

⁵⁸ Fuchs W. Die Skulptur der Griechen. Munchen. 1969. S.565. Abb.685.

⁵⁹ ОАК за 1900, с. 23.

⁶⁰ Waldhauer, Op.cit. S.84, Nr.82, Taf. XLVIII.

говорить и об ее провинциальном происхождении, и об ее, вероятно, также декоративном "статусе".

Выше уже отмечалось, что все три памятника были найдены на Митридате. Но скудость данных о месте находок не позволяет точно локализовать их нахождение в районе Митридате и связать с какой-то конкретной постройкой римского времени. Можно только повторить, что создавались они, вероятнее всего, как элемент декора - это мог быть и фрагмент ножки стола (ср., например, с оформлением китейского стола⁶¹), и часть декоративного убранства интерьера частного или общественного здания, например, в виде гермы, стоявшей на консоли или какой-то подставке. Важно отметить, что в это время для мастера, создававшего подобную вещь уже не важна была "чистота" типа, точное следование иконографии определенного образа, т. е. то, что должно было выдерживаться, если бы речь шла о подношении в храм какого-то божества или какому-то конкретному божеству, будь оно выполнено в виде гермы или тем более круглой скульптуры.

В.Н. ЗИНЬКО

ГИДРОТЕХНИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ БОСПОРСКОГО ГОРОДА НИМФЕЯ

Гидротехнические сооружения являлись важнейшими составляющими компонентами античного градостроительства. Условно их можно разделить на несколько групп: 1) источники (колодцы, родники, фонтаны); 2) водосборные сооружения (водохранилища, цистерны) и 3) водоводные системы (водопроводы, водостоки и др.). Длительность исследования боспорского города Нимфея (само название говорит о многом), вероятно, дало много материалов по этой тематике. К сожалению, эти артефакты за редким исключением практически не известны (КБН №913; Н.Л. Грач, 1989, с.77; А.Н. Щеглов, 1999, с.91-94). Следует заметить, что эта тема слабо затронута специальными исследованиями и для других северопонтийских городов. Поэтому вновь найденные гидротехнические комплексы в окрестностях Нимфея дают толчок к дальнейшему изучению этих элементов древнегреческой культуры.

При обследовании в 1997г. большой балки, расположенной в 2 км к западу от городища, в восточном борту старого карьера «Черноморский 1» были выявлены остатки сооружения из необработанных известняковых камней. У основания борта лежала

---

⁶¹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л. 1949. С.377. Рис.61.

размытая дождями и обрушившаяся западная стена этого сооружения. При зачистке было установлено, что это смотровой колодец древнего водопровода. Колодец представлял собой четырехугольное сооружение, слегка расширяющееся к низу. Кладка стен постелистая, двулицевая, с сохранением рядности, на глинистом растворе, с углами в переплет (рис. 1). Верхние камни стенок колодца находятся на глубине 0,70-0,85 м от современной дневной поверхности. Внутренние размеры колодца: глубина – 2,01 м, ширина сверху – 0,60 м, внизу – 0,85 м. На дне колодца находилось квадратное конусовидное корыто, выдолбленное из цельного известнякового блока размерами 0,72x0,72 м. (рис. 2). С южной и северной стороны в корыто, через специально сделанные пазы, впущены керамические трубы. В слое, перекрывающем колодец и в его заполнение, встречены 4 фрагмента хиосских и гераклеийских амфор 4 в. до н. э.

В шурфе, заложенном с северной стороны смотрового колодца, на глубине 2,35 м в материковом суглинке, было выявлено перекрытие из одного-двух рядов плоских необработанных известняковых камней (рис. 3а). Под перекрытием находился канал шириной 0,30-0,35 м и высотой 0,10-0,15 м, сложенный из необработанных известняковых камней. Кладка постелистая, однолицевая, на отдельных участках – двухрядная. Дно канала – песчаный суглинок светло-желтого цвета. В канале лежали керамические водопроводные трубы длиной 0,91 м, внутренний диаметр – 0,10 м (рис. 3б). Трубы вставлялись одна в одну в специальные пазы и закреплялись белым известняковым раствором (рис. 4). Судя по глине, можно предположить их гераклеийское производство. Заполнение труб и канала, в котором они лежали, темно-коричневый грунт.

С целью выявления направления древнего водопровода, к северо-востоку от исследованного комплекса, на площади около 2500 кв. м. К. Мискевичем (ИАЭ ПАН г. Варшава) была проведена электроразведка. Однако в связи со значительным перепадом высот на этом участке местности, а также большим фоном помех от проходящей рядом линии электропередачи, каких-либо положительных результатов не удалось достигнуть. В верховьях балки были обнаружены 3 заброшенных колодца, уровень грунтовых вод находится на глубине от 1 до 1,5 м. Колодцы круглые в плане, стены обложены известняковыми камнями, верхние ряды которых скреплены цементом. Судя по всему, эта балка на протяжении длительного времени использовалась местным населением для получения пресной воды.

В целом, выявленный водопровод, сооружение которого можно датировать IV в. до н. э., представляет собой уникальное сооружение для хоры Боспора и был предназначен вероятнее всего для снабжения водой Нимфея.

Этому способствовал и рельеф местности, плавно понижающийся в эту сторону, перепад высот составляет около 2 м. Следует отметить, что на городище (раскоп М) в слое V-IV вв. до н.э. были обнаружены несколько фрагментов керамических водопроводных труб аналогичных нашим. Кстати, трубы такой длины и близкого диаметра были открыты в Олинфе, в слоях датированных последней четвертью V в. до н.э. (Olyntnus, VIII).

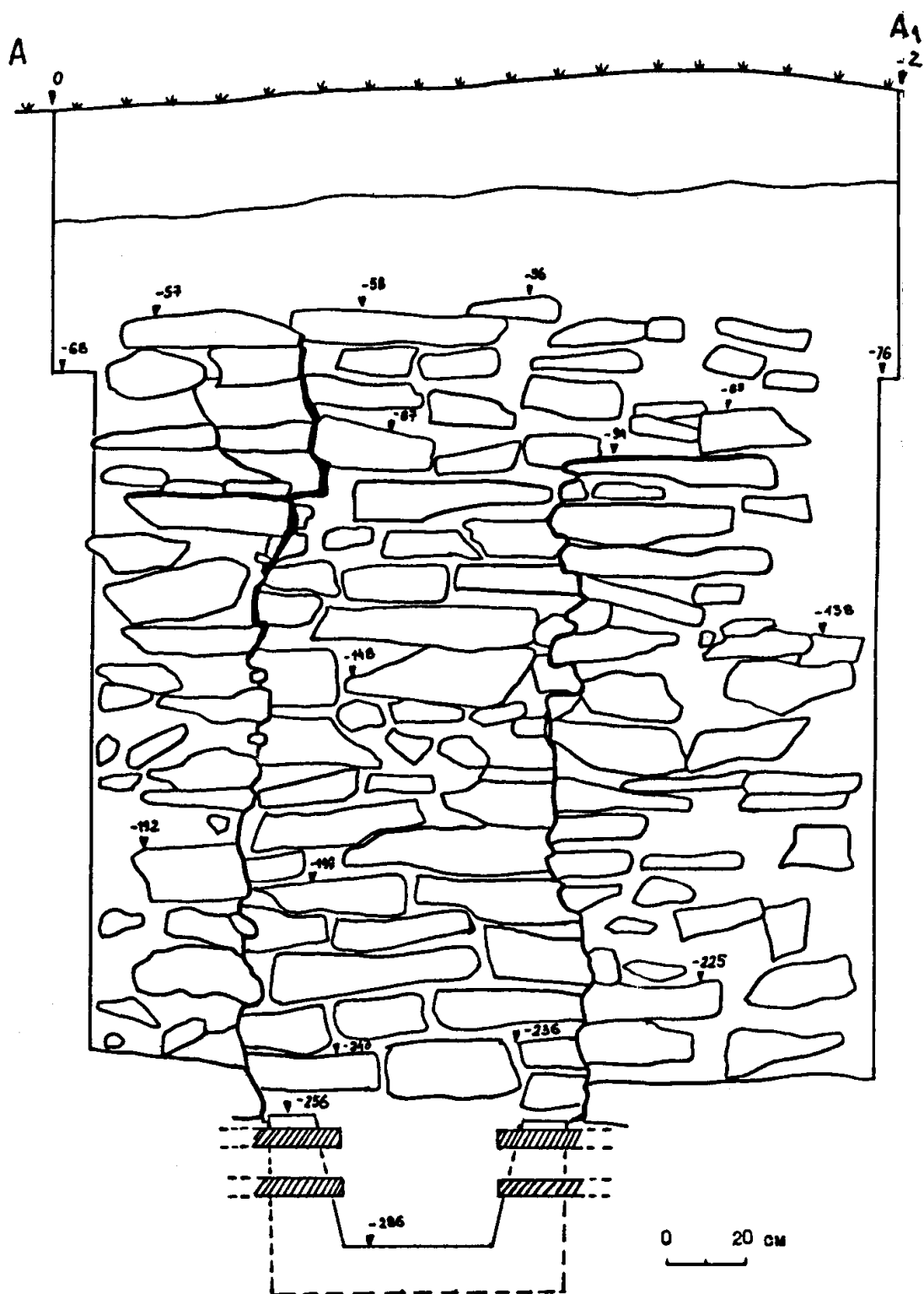

Рис. 1

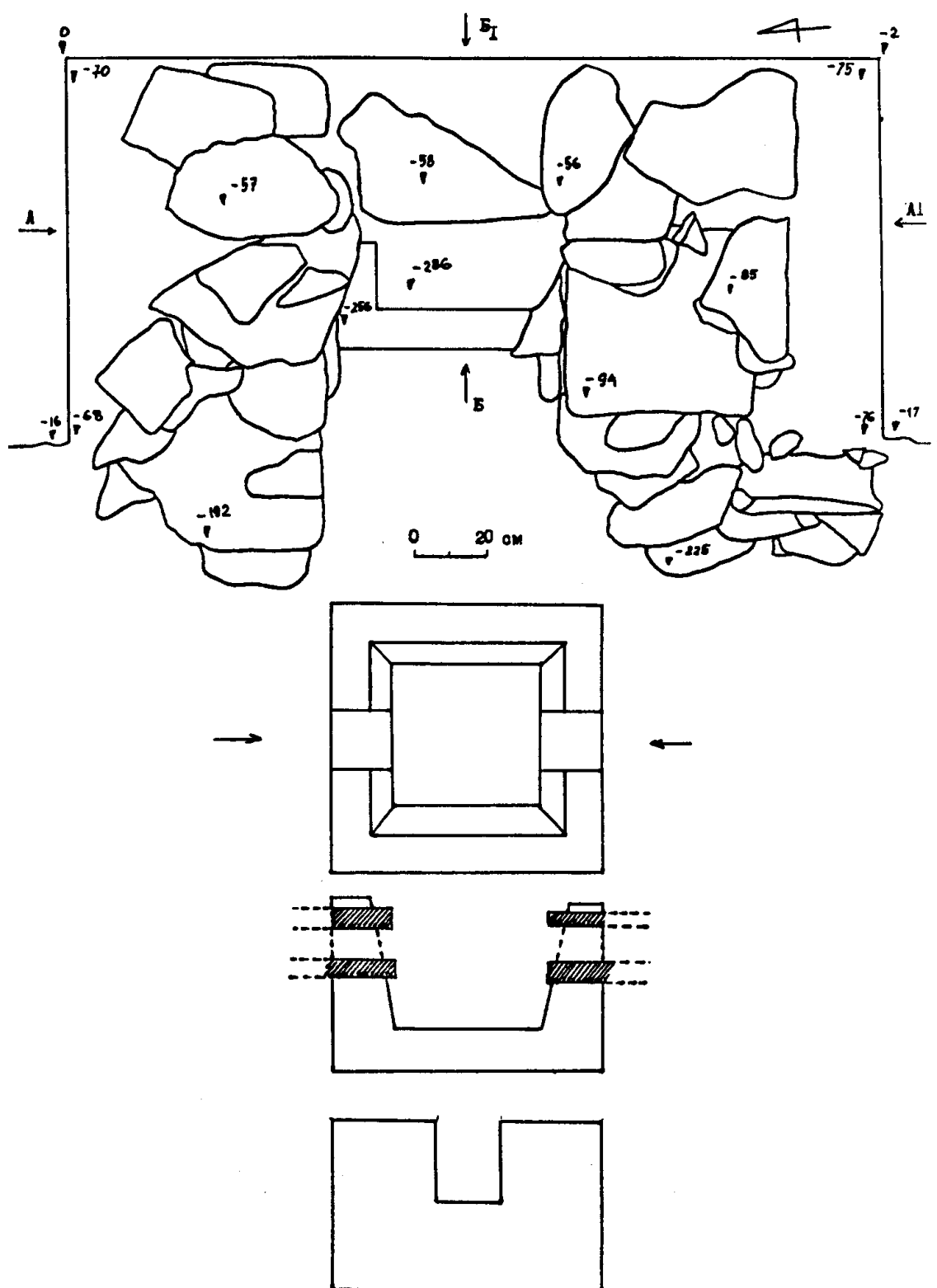
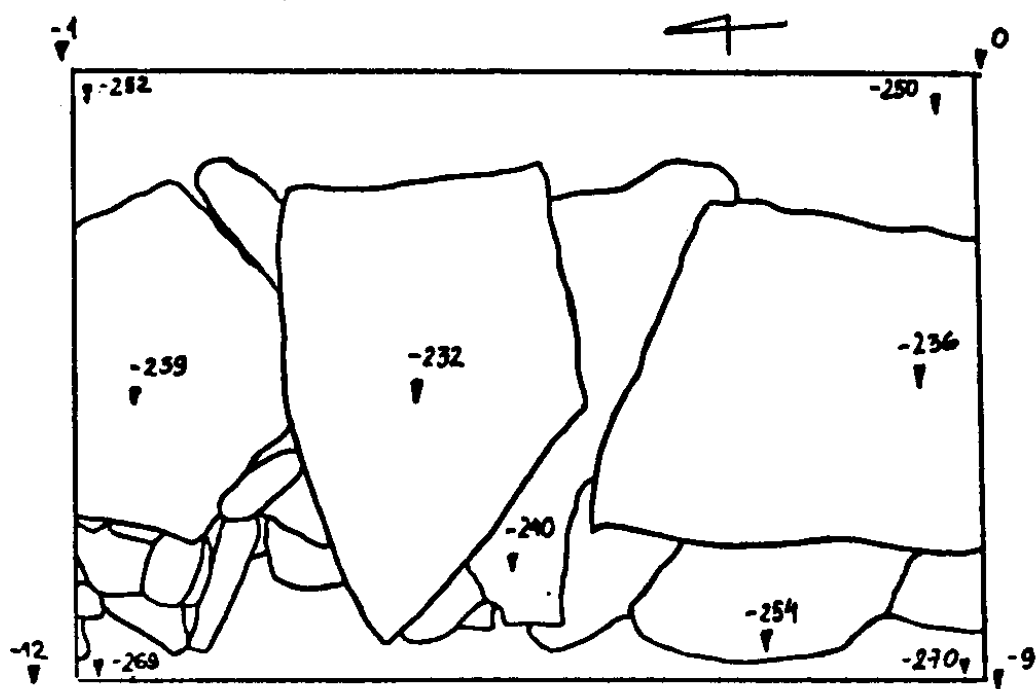
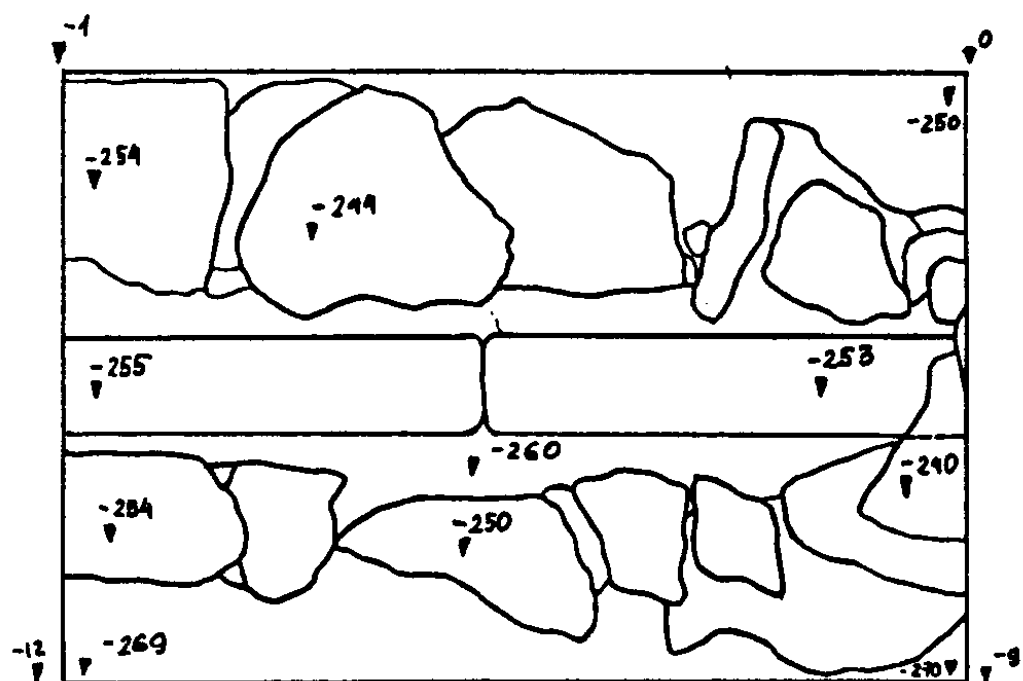

Рис. 2

A

0 20 cm

Б

Рис. 3

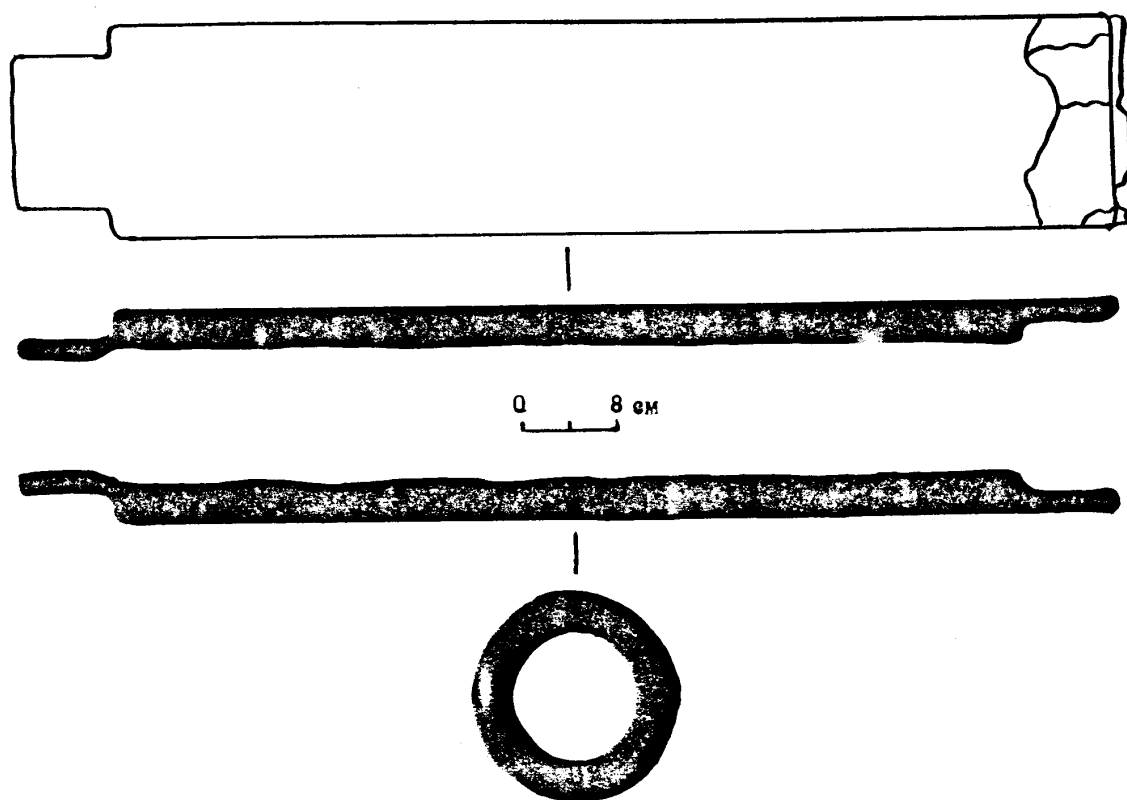

Рис. 4

Я.М. ПАРОМОВ

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ПОСЕЛЕНИЙ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В работах, посвященных сельской территории отдельных регионов античного Северного Причерноморья, типологии поселений уделяется значительное место (Кругликова. 1975; Щеглов. 1978; Крыжицкий, Буйский, Бураков, Отрешко. 1989; Масленников. 1993; 1998). В некоторых статьях этот вопрос рассматривается специально (Щеглов. 1970; Масленников. 1989). Все авторы единодушны в том, что опора на письменные источники при разработке классификации поселений практически невозможна. И.Т. Кругликова предложила типологию поселений Европейского боспора, основанную на отсутствии укреплений и ландшафтных особенностях размещения поселений. Поселения Северо-Западного Крыма рассматриваются А.Н. Щегловым отдельно для греческого (херсонесского) и для скифского периодов. Для первого (конец IV- середина II вв. до н. э.) на основе планировочных и фортификационных признаков выделено шесть типов населенных

мест, для второ-го (середина II в. до н. э. - III в. н. э.) - два типа. Данная классификация охватывает почти все памятники.

Типология поселений сельской округи Ольвии рассматривается С.Д. Крыжицким и другими авторами поэтапно для периодов первичной массовой колонизации, классического и эллинистического времени, рубежа эпох и первых веков новой эры. Она основана на планировочно-пространственных, конструктивно-строительных, этнических и функциональных особенностях поселений, что сближает её по предпосылкам с разработками А.Н. Щеглова.

Развитая многоступенчатая классификация населенных мест европейского Боспора, базирующаяся практически на тех же предпосылках. Разработана А.А. Масленниковым. Также поэтапно им рассматриваются поселения раннего периода (VI-V вв. до н. э.), времени расцвета (IV-середина III вв. до н. э.), «темного» периода (вторая половина III - начало I вв. до н. э.), римского времени (I в. до н. э. -III в. н. э.), позднеантичного и ранневизантийского периода (60-70 гг. III в. н. э.- третья четверть VI в. н. э.). Особое внимание уделено фортификации и организации обороны сельской территории, что определяет специфику всей его типологии.

Первые попытки дифференцирования поселений Таманского полуострова были сделаны А.А. Миллером (Миллер. 1932.с.45), В.Д. Блаватским (Блаватский. 1959.с.47), Н.И. Сокольским (Сокольский.1963.с. 19-22). А.А. Масленников сделана попытка включения памятников Таманского полуострова в свою типологическую схему, однако в силу её специфики, весь массив античных сельских поселений (более 200 памятников) не был охвачен. Это понятно, поскольку классификации поселений, разработанные по материалам раскопок, почти не применимы к памятникам, известным лишь по данным обследований. Дело не только в соотношении разведанных (сотни) и в той или иной мере исследованных (десятки) памятников. Те ограниченные раскопки, которые проводились на поселениях Таманского полуострова, за редким исключением не дают возможности классифицировать эти памятники по планировочным, этническим или функциональным признакам. Данные обстоятельства побуждают к поиску нетрадиционных подходов при анализе всего массива античных поселений Таманского полуострова и разработки их типологии (Паромов. 1994. С.74-84). Искомая схема прежде всего должна быть адекватна материалам и сведениям о поселениях, которыми мы располагаем. В основном это данные разведок и обследования памятников, которые могут быть использованы, разумеется, после

их осмысления и установки определённых методических рамок. Кроме того типология должна быть «пластична» - наиболее характерные для определённого периода свойства и особенности поселений должны выступать в ней на первый план. Иными словами мы должны идти от памятников к классификации, исходя из того что мы знаем о них, а не наоборот.

Говоря о поселениях Таманского полуострова, следует иметь ввиду, что каждое из них являлось составной частью высокоразвитой античной системы расселения, основными элементами которой были собственно поселения, дороги и земельные наделы. В этой триаде нельзя выделить главного. Рассмотрение поселений в отрыве от инфраструктуры нецелесообразно.

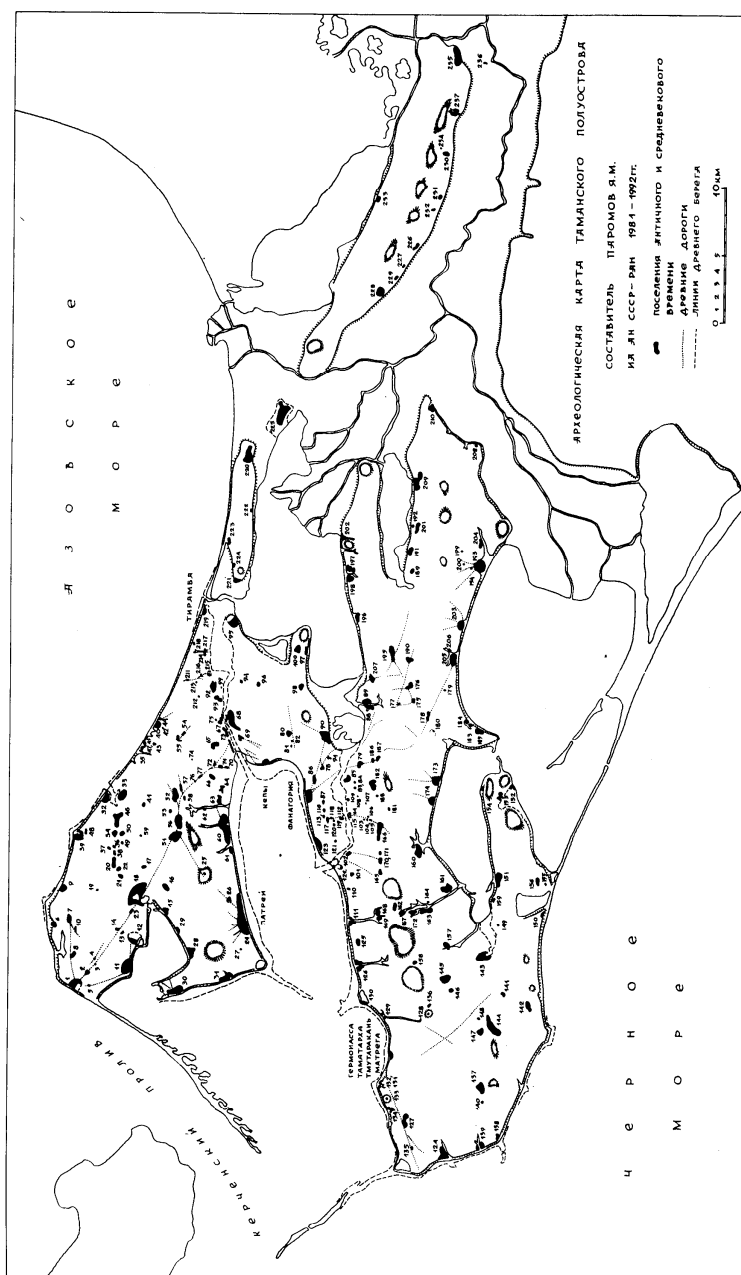
Поселения раннего периода (вторая половина VI-V вв. до н. э.) в рамках данной методики можно классифицировать по двум главным признакам - датировке и месту расположения. По первому признаку они рассмотрены в отдельной работе (Абрамов, Паромов. 1993). По второму признаку среди них можно выделить береговые и глубинные. Сравнение ранней хоры Ольвии и европейского Боспора, где поселения расположены практически только у берегов с поселениями Таманского полуострова, имевшими свободный характер размещения, свидетельствует о беспрепятственном и сплошном освоении этих земель уже на самых первых этапах колонизации. По признакам второго порядка некоторые из ранних поселений могут квалифицироваться как придорожные, маячные и переправы.

Наивысшего развития античная система расселения на Таманском полуострове достигла в IV-II вв. до н. э. Количество поселений в это время возросло до 211, развилась и окончательно оформилась сложнейшая дифференцированная дорожная сеть, земельные наделы заняли около половины всей территории полуострова (Паромов. 1994; 1998; 1999). Для этого периода главным критерием оценки становится площадь поселения. Только в период расцвета границы и площади поселений, определённые при их обследовании, наиболее близки истинным величинам.

Зарождение и развитие любой системы расселения немыслимо вне иерархии населенных мест (Хаггерт. 1968. С. 149-155). Анализ площадей поселений позволяет выделить среди них четыре условные типа населенных мест.: малые поселения или усадьбы размерами менее 1 га, средние поселения - от 2 до 10 га, крупные поселения - от 14 до 20 га и доминирующие поселения - размерами

более 25 га, образующие вместе с городами пятиступенчатую иерархию поселений.

Следует особо отметить одну закономерность общего характера. Площади городской усадьбы (дома), усадьбы на сельском поселении и земельного надела отличаются на порядок- в самом общем виде их соотношение близко 1 : 10 : 100. Величина первой составляет около 0,02 га (Крыжицкий. 1985), второй- 0,4- 0,5 га (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко. 1989. С. 32-33), и третьего- около 5 га (Блаватский. 1953.с.47-49). Эти данные являются одними из основных при палео-экономических и палеодемографических расчетах.

- Абрамов А.П., Паромов Я.М. 1993. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник 2. М. С.25-98.
- Блаватский В.Д. 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В.Д. 1959. Пятый год работы в Синдике //КСИИМК Вып.74. С. 41-48
- Кругликова И.Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Крыжицкий С.Д. 1985. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси. С. 94-103.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.В., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.
- Масленников А.А. 1989. О типологии сельских поселений европейского Боспора в античную эпоху // СА. № 2. С.66-78.
- Масленников А.А. 1993. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. (Система расселения и этнический состав населения). Авто-реф. Дисс. ... докт. ист. наук. М.
- Масленников А.А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.
- Миллер А.А. 1932. Выставка работ экспедицией Государственной и Академии материальной культуры // Сообщения ГАИМК. № 7-8. С. 43-50.
- Паромов Я.М. 1994. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Дисс. ... канд. ист. наук // Архив ИИМК РАН. Ф.35. оп.2Д. № 518,519.
- Паромов Я.М. 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // Древности Боспора. Т.1. М. С. 216-225.
- Паромов Я.М. 1999. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // Археологические вести. № 5. СПб.
- Сокольский Н.И. 1963. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica/ София. С.11-26.
- Хаггет П. 1968. Пространственный анализ в экономической географии. М.
- Щеглов А.Н. 1970. Поселения Северо-западного Крыма в античную эпоху // КСИА. Вып. 124. С.19-24.
- Щеглов А.Н. 1978. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л.

Е.Я. РОГОВ

УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В истории античных государств в Северном Причерноморье есть два успешных примера создания целостной и достаточно эффективной системы обороны, каждая из которых служила целям защиты значительной территории.

Первая была создана во второй половине IV - начале III вв. до н. э. в процессе обустройства сельскохозяйственной территории Херсонесского государства на Гераклейском полуострове и в Северо-западном Крыму (Щеглов. 1978). Заслуга открытия второй принадлежит Н.И. Сокольскому и базируется на результатах его многолетних раскопок на Таманском полуострове.

Как показывают археологические исследования, во второй половине I в. до н. э. на территории нынешнего Фанталовского полуострова (в древности острова) появляется ряд мощных крепостей, т.н. «батареек», образующих замкнутую оборонительную систему острова. Н.И. Сокольский связал возникновение этой системы с деятельностью боспорского царя Асандра, проводившего работы по укреплению европейской и азиатской территории своего государства, и его сына Аспурга (Сокольский. 1957; 1976 с.107).

Действительно, большая часть крепостей появляется именно во второй половине I в. до н. э. (крепость на Ильичевском городище, Кучугуры 2, Каменная батарея, Красноармейская батарея, Батарея 1, Батарея 2); однако время сооружения некоторых крепостей этой системы достоверно все же не установлено (Татарская батарея, Фанталовская батарея, Тирамба). Есть укрепления, возникшие намного раньше - т.н. резиденция Хрисалиска на месте Таманского толоса. Все крепости строятся на уже существующих поселениях; при выборе места умело используются особенности местности - балки, овраги, перепады рельефа, которые, как правило, дополняются искусственными защитными рубежами - рвами и валами. На валах возводятся мощные сырцовые стены с башнями. Укрепления обычно имеют квадратную или прямоугольную в плане форму и подняты над окружающей поверхностью на 5-10 м. По существу, все они являются цитаделями. За исключением, пожалуй, одной Фанталовской батареи, контролировавшей стратегическую дорогу в центре «острова», все остальные находятся на побережье либо моря, либо лиманов.

Углубленные исследования территории Таманского полуострова, проводившиеся в последние два десятилетия (Паромов. 1992), позволяют прийти к заключению, что укрепление территории не ограничивалось только границами Фанталовского полуострова.

В число памятников, на которых были возведены т.н. батареи или на которых имеются какие-либо фортификационные сооружения, следует включить поселения Голубицкая 1 и Голубицкая 4 на Голубицком острове, Темрюк 3 и Красный октябрь на острове Кандаур, Ахтанизовскую батарею и Кепы, разумеется, помимо самой Фанагории на Фанагорийском острове (см. Паромов. 1992. № 220, 223, 227, 235, 95; 1994. С. 175-178).

Особого внимания заслуживают восточная и южная линии обороны, проходящие по западному коренному берегу древней поймы Кубани.

Восточную линию составляют два городища - Старотиторское 14 и Стрелка 2. Первое имело укрепление площадью 0,36 га, обнесенное рвом и валом, на котором зафиксирована мощная сырцовая стена. Второе более крупное городище имеет площадь около 10 га и также укреплено рвом и валом (Паромов. 1992 № 202, 210).

С южной стороны Таманского полуострова по берегу Кизилташского лимана, скорее всего, ещё во II в. до н. э., было предпринято строительство четырех крепостей, расположенных в 4-6 км друг от друга.

Самая западная из них - Вышестеблиевская батарея (Вышестеблиевская 11) - построена на высоком крутом берегу Кизилташского лимана на поселении, существующем с VI в. до н. э. (см. Паромов. 1992. С. 575-576. № 183). Укрепление имеет вид прямоугольного в плане возвышения с плоской вершиной размерами 80 x 100 x 90 x 105 м., высота над уровнем поселения 3-5 м. Крутой восточный склон образован береговым обрывом, северный - глубокой балкой, по подножию западной и южной сторон прослеживаются остатки рва глубиной не менее 1.5 м и шириной до 20 м. Въезд на цитадель был с юга, по всей видимости, фланкирован башнями. Раскопками, проводившимися Фанагорийской экспедицией, открыты строительные остатки II-III вв. до н. э. (Басовская и др. 1978. С. 105), однако до материка раскопки доведены не были (Яйленко. 1987. С. 112). По нашим наблюдениям, крепость возведена значительно раньше - еще во II в. до н. э.

В 6 км к востоку на древнем береговом мысу лимана находится поселение Старотиторовское 17 (см. Паромов. 1992.С.627-630. №205). Северная, восточная и южная границы памятника образованы лиманом и очень широкой, разветвленной Капустиной балкой, бывшей, весьма вероятно, в древности заливом. Мысовая часть поселения площадью около 12 га с западной стороны защищена широким и глубоким рвом и валом. Со стороны лимана также прослеживаются остатки искусственно созданных оборонительных рубежей. Поселение существует с VI в. до н. э. до времени позднего средневековья, мощное укрепление на поселении, судя по всему, сооружается в римское время.

В 4 км к северо-востоку на поселении Старотиторовская 15 располагается Токаревская батарея. Поселение вытянуто вдоль лимана, занимает площадь около 20 га и, судя по подъемному материалу, существует с VI в. до н. э. В центральной части поселения, на берегу между двумя небольшими, но глубокими балками, образовавшимися, возможно, на месте рвов, находится укрепление (батарея) - холм почти правильной четырехугольной формы размерами 85 x 75 м. Остатки рва прослеживаются у северного подножия холма, южная стена крепости возведена на уступе береговой террасы. Раскопки памятника проводились Фанагорийской экспедицией в 1975 г., на укреплении зафиксированы слои IV-III вв. до н. э. и I в до н. э. - II в.н. э. Ни на самом поселении, ни на укреплении материала позднее III в.н. э. не зафиксировано.

Самая крупная крепость из расположенных на побережье Кизилташского лимана находится в восточной части неподалеку от впадения в лиман древнего русла Кубани. Здесь также зафиксировано поселение, существовавшее с VI в. до н. э. до времени позднего средневековья, площадь его не менее 48 га (Паромов.1992.С.597-600. №193).

Укрепление возведено на левом берегу одного из отрогов Сухой балки, в древности, скорее всего, бывшей заливом лимана. С юга, запада и востока укрепление защищено естественными природными преградами - высоким крутым берегом лимана и балками, с севера глубоким и широким рвом и валом. Площадь крепости в пределах укрепленной территории не менее 16 га. Судя по подъемному материалу, крепость возведена и функционировала в римское время.

Перечисленные памятники, близки как типологически, так и хронологически т.н. батареям Фанталовского полуострова, что и приводит к заключению о единстве системы обороны не столько

Фанталовского, сколько всего Таманского полуострова. Есть вполне резонные основания полагать, что система, а, точнее, некоторые ее элементы стали складываться еще до времени Асандра. Он удачно использовал уже существовавшие укрепления, добавил к ним ряд вновь возведенных крепостей, создав таким образом единую линию обороны всей азиатской части Боспорского государства. На европейском Боспоре из подобных крепостных сооружений мы знаем лишь одну Кутлакскую крепость, автор раскопок которой, не без основания, усматривает синхронные планировочные аналогии в таманских крепостях (Ланцов. 1997.С.72). Раскопанная почти полностью, Кутлакская крепость дает основание для суждений о функциях подобного рода сооружений. По всей видимости, в каждой из таких крепостей находился небольшой гарнизон, контролировавший свой участок территории.

Нельзя не обратить внимание на то, что подавляющая часть крепостей построена на побережье, они контролировали, прежде всего, береговую границу; весьма незначительная часть крепостей была построена для охраны сухопутных путей.

По данным Н.И. Сокольского, крепости северо-западной части Таманского полуострова прекращают свое существование во времена Савромата I - в начале II в. н. э. (Сокольский.1976.С.113), однако укрепления на южной и на восточной границе азиатской части государства продолжают существовать, судя по всему, до IV в.

- Басовская Н.И., Долгоруков В.С., Кузнецов В.Д., Шавырина Т.Г., Яйленко В.П. Исследования в Фанагории. // АО 1977. М., 1978
- Ланцов С.Б. Кутлакская крепость второй половины I в. до РХ - I в. //Археология Крыма. Т.1. Симферополь 1997.
- Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М.,(ИНИОН РАН № 47103 1.10.1992).
- Паромов Я.М. Ахтанизовская «батарея» (укрепленное поселение на Таманском полуострове). // Боспорский сборник. № 4. М. 1994.
- Сокольский Н.И. Крепость на городище у хутора Батарея I. // СА.1963. №1.
- Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарея II. // КСИА. Вып.109.1967.
- Сокольский Н.И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. София 1963.

- Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М. 1976.
 Щеглов А.Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. Л. 1978
 Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике. // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья М. 1987.

С.И. ФИНОГЕНОВА

СТРАТИГРАФИЯ АНТИЧНЫХ СЛОЁВ ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА

Таманское городище, основанное в середине VI в. до н.э., на протяжении тринадцати веков своего существования меняло размеры и границы. Длительный период его существования объясняет многослойность городища и его своеобразную специфику: оно единственное на европейской части России имеет толщину культурного слоя 13 - 14 метров, причём античные слои сверху перекрыты средневековыми напластованиями толщиной от 4 до 6 м.

Мощность культурных слоёв и длительное время, которое требуется для их изучения до материка, позволяет изучить город лишь на отдельных участках (раскопах), что в свою очередь не даёт возможности воссоздать целостную картину города и его планировку. В особенности это сложно для ранних этапов его существования, когда не всегда удаётся полностью открыть объект, часть которого уходит в близлежащий борт.

Интерес к городищу возник ещё в начале XVIII века, но на этой стадии изучения исследователи не ставили целью определения его стратиграфии и планировки . Первые научные планомерные раскопки начались с 1930 года, когда А.А. Миллер на небольшом береговом раскопе площадью около 100 кв. м. впервые в истории городища дошёл до материка. Проанализировав материал, он дал первые стратиграфические намётки, выделив 4 хронологических уровня: раннеантичный, позднеантичный, раннесредневековый и позднесредневековый. Столь суммарное определение слоёв в настоящее время неприемлемо, поскольку благодаря последующим раскопкам известно множество исторических периодов в жизни города, менявшего в разное время не только свои границы, планировку, этнический состав, но и наименование.

Таманское городище является чрезвычайно сложным объектом для определения стратиграфических слоёв. С.А. Плетнёва, пытавшаяся составить таблицы стратиграфических слоёв для средневековой Тамани, пришла к выводу, что " хронологическая

разница между раскопанными на Таманском городище участками настолько велика, что не позволяет составить общую чёткую послонно-штыковую схему для городища в целом".

Кроме того С.А. Плетнёва отмечает, что на каждом исследуемом участке слои располагались по вертикали по разному: например, на Восточном участке слои середины XI века начинаются с поверхности, на Юго-Западном - с глубины 3-х метров, а в центре - с 1,5 м. Таким образом разница в глубинах хронологических слоёв столь велика, что ориентироваться на них нельзя. Основным ориентиром в таком случае остаётся массовый материал.

Стратифицирование античных слоёв Таманского городища было предпринято И.Б. Зеест, опирающейся на материалы раскопок десяти археологических сезонов. Ею определены хронологические рамки каждого исторического периода, а также время появления на городище первых поселенцев в первой половине VI в. до н.э. Последующие раскопки в основном подтвердили правильность её выводов. И.Б. Зеест разделила культурный слой городища на 18 исторических периодов, половина из которых относится к античному периоду жизни города.

А.К. Коровина, руководившая раскопками Таманского городища с 1971 г. также много внимания уделяла его стратиграфии. Её достаточно дробная периодизация, которая во многом согласуется с выводами И.Б. Зеест, расчленяет культурные слои городища на крупные исторические периоды, внутри которых выделены ещё более мелкие хронологические рамки. В основе определения лежит керамический материал, ограничивающий временные рамки каждого слоя.

Опираясь на работы предшествующих исследователей античной Гермонассы, мы попытались воссоздать конкретную историческую картину жизни города, его планировку, границы и особенности его градостроительства на отдельных исторических этапах. В нашем распоряжении был материал четырех раскопок, на которых велись работы с 1952 года и по настоящее время: Нагорный, Юго-Восточный, Северный и Северо-Восточный. Только на Северном раскопе удалось дойти до материка.

Таким образом, самые ранние слои относятся ко времени середины VI - начала V вв. до н.э. Материал этого времени, полученный исследователями в разное время в ходе раскопок, маловыразителен и незначителен: это в основном несколько ям с фрагментами керамики этого времени. Из архитектурных остатков сохранилось каменное основание под сырцовую кладку, состоящее из мелкого камня, уложенного в один ряд. Рядом располагались

остатки жилых построек, ориентированные в направлении юго-восток - северо-запад. К этому же времени относятся жалкие остатки жилых построек с печами и черепяной вымосткой. По-видимому, в ранний период существования города в нём были бедные жилые постройки из сырцового кирпича с каменными основаниями. Все эти объекты находились восточной и центральной части городища. К северо-востоку от них какая-либо архитектура вообще отсутствует, этот период прослежен только по материалам, наполненным керамикой этого времени. Можно предположить, что в середине VI - начале V вв до н.э. здесь была окраина города.

От слоя конца IV - III вв. до н.э. на Северном раскопе сохранились остатки комплекса, в который входят дворик площадью около 50 кв.м. и остатки сооружений в непосредственной близости от него. Дворик представляет собой керамический завал. Стены примыкающего к нему помещения имеют ориентировку по сторонам света: север-юг - запад-восток. С запада от помещения шёл водосток, пересекавший наискось дворик и впадавший в цистерну, устье которой было обложено сырцовыми кирпичами. В конце IV в. до н.э. с юга к дворику было пристроено монументальное сооружение, от которого сохранилась стена длиной 15 м. Наиболее насыщен постройками был Нагорный (Центральный) раскоп, где открыто монументальное сооружение с внутренним двориком, покрытым известняковой крошкой. Здание определено И.Б. Зеест как общественное и названо зданием с " пастадой ". Оно включало в себя двор площадью ок. 500 кв. м., окруженный с четырёх сторон помещениями, стены которых были выложены из рустованных блоков. Построенное в начале IV в. до н.э., оно несколько раз перестраивалось и перепланировалось, расширяясь и обрастая новыми постройками. В III в. до н.э. здание сгорело.

Судя по богатому и разнообразному керамическому материалу, а также по монументальности возведённых в городе построек, можно сказать, что в IV - начале III до н.э. Гермонасса процветала. Ее сооружения имели диагональную планировку или располагались по сторонам света.

В III в. до н.э. продолжался расцвет города. Идёт интенсивное строительство города, часто с перестройкой существующих ранее домов. На Северном раскопе надстраивается мощная стена, ограничивающая с юга ранее существующий дворик с водостоком. К ней пристраивается ряд новых помещений, в одном из которых обнаружен небольшой жертвенник, сложенный из каменных плит и заполненный золой, пережженными костями птицы и мелкого домашнего скота. Находки ножки жертвенного стола и протомы

богини Деметры позволяет предполагать здесь существование небольшого домашнего святилища.

В конце эллинизма II- I вв. до н.э. Гермонасса была втянута в русло борьбы за власть, которая активизировалась с воцарением на престол Митридата Евпатора. Архитектурные остатки этого времени в большинстве случаев сохранились плохо. Разрушено монументальное сооружение с домашним святилищем. Вблизи него не строится никаких значительных архитектурных объектов. Вместо них здесь сооружена печь, которая скорее всего как пожароопасный объект могла располагаться на окраине города. Вероятно, границы города в это время сократились. Над монументальным сооружением с "пастадой" был построен дом, имеющий диагональную ориентировку. Сохранились фундаменты двух стен из мелких камней, уложенных на глиняном растворе в один слой. Это здание, по-видимому, погибло в пожаре, так же как и здание, примыкающее к нему с юга. Здесь был найден мощный горелый слой. В северо-восточной части городища, которое исследуется с 1986 г., открыты монументальные здания, относящиеся к позднеэллинистическому времени. Одно из них представляет собой почти квадратное в плане помещение, к которому с запада примыкает ещё одно, к сожалению, уходящее в не раскопанный пока борт раскопа. Помещение имело пол, выложенный утрамбованной мелкой известняковой крошкой, мощный каменный цоколь и оштукатуренные стены, расписанные в геометрическом стиле. Ориентировка продолжает оставаться диагональной. Здание, по-видимому, было разрушено землетрясением 63 г. до н.э., когда на Боспор, как пишут древние авторы были сильнейшие разрушения не только домов, но и полей .

В конце I в. до н.э. - I в. н.э. после разрушительного периода жизни города идет его восстановление, при этом меняется ориентация домов, а следовательно и улиц: если раньше дома были ориентированы по линии восток - запад с небольшим отклонением к западу, то теперь они имеют небольшое отклонение к востоку. Из значительных объектов можно отметить большой двор, открытый на Нагорном раскопе, площадью 85,4 кв. м., окружённый с трех сторон строениями, от которых сохранились фундаменты. С севера к двору примыкало большое здание площадью 150 кв. м., вероятно общественного назначения.

Во II -IV вв. н.э. участок города, открытый на Нагорном раскопе, судя по остаткам архитектурных объектов, был густо заселён. В 1973 -75 гг. там был открыт жилой комплекс, состоящий из вымощенного дворика и двух помещений, которые примыкали к нему с востока, от которых сохранилась одна общая стена длиной

19,8 м. На всём её протяжении через равные промежутки у нижней части стены располагались небольшие выступы, которые служили, вероятно, основаниями для колонн или пилястр. Здание перестраивалось не менее двух раз и в III в. н.э. погибло в пожаре. К юго-западу от этого монументального сооружения открыта винодельня с пятью давальными площадками и тремя цистернами. К этому же времени относится ещё одна винодельня, расположенная в 50-и метрах к северо-западу от первой на Северном раскопе. В северо-восточной части Гермонассы также был открыт комплекс, с прекрасно сохранившимися большими плитами двора, к которому примыкали помещения, от которых сохранились мощные цокольные части шириной не менее 0.7- 0.8 м.

В IV в. сильного разрушения города и пожаров, которые обычно связывают с нашествием гуннов, не замечено. Возможно, город сдался им без боя, но скорее всего он был обойдён завоевателями, так как не играл большой роли на их пути на запад. IV в. завершает античную историю города.

С. Ю. МОНАХОВ

К ТИПОЛОГИИ КНИДСКИХ АМФОР IV — II ВВ. ДО Н. Э.

До недавнего времени считалось, что амфорное производство на Книде начинает развиваться примерно с середины III века до н.э. После открытия в 1980 году на п-ве Датса (античный Книд) целой серии свалок бракованной продукции амфорных мастерских и многолетних обследований этой территории франко-турецкой экспедицией, стало ясно, что Книд выпускал свои амфоры, начиная с архаической эпохи, и вплоть до развитого средневековья⁶². Наиболее выразительные материалы были получены для эпохи поздней классики и раннего эллинизма, прежде всего потому, что свалки мастерских этого времени оказались насыщены клеймами. В конечном счете определенно было установлено книдское происхождение следующих групп амфорных клейм: "с носом корабля", с монограммой ПАΘ, "группы Зенона А и В" и др. Однако в связи с тем, что раскопки не проводились и исследователи вынужденно ограничивались сборами клейм и профилированных фрагментов амфор, оказалось очень трудно составить представление

⁶² *Empereur J.-Y., Tuna N. Zenon de Kaunos et l'Épave de Serce Limani // BCH. 1988. Vol. CXII. P. 341 ff. Fig. 4; Амперер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 15 сл. Рис. 6—9.*

о морфологии амфор того или иного типа⁶³. Привлечение северно-причерноморских материалов позволяет восполнить этот пробел.

Сборы фрагментов амфорной керамики в местах размещения мастерских на п-ве Датса дали основание Ж.-И. Ампереру предположить, что истоки амфорного производства на Книде надо искать еще в VI веке до н. э.⁶⁴. Однако лишь для IV века есть материалы, позволяющие получить реальное представление о формах квидских амфор на протяжении поздней классики и эпохи эллинизма. Можно уверенно говорить о том, что все это время амфорное производство на Книде развивалось в рамках двух основных типов.

Тип 1 по наиболее выразительному признаку можно обозначать как тип амфор "с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом". В его рамках достаточно уверенно выделяется 4 варианта, из которых наиболее ранним следует признать *вариант I-A (елизаветовский)*. Эти амфоры характеризуются широким пифоидным туловом, относительно невысоким, слегка воронковидным горлом, завершающимся массивным грибовидным венцом, и небольшой острореберной ножкой. Целые сосуды встречены в комплексе кургана № 5 группы "Пять братьев" 70-х годов IV века и культурных отложениях самого Елизаветовского городища (рис. 1 -1, 2)⁶⁵. Такие же амфоры обнаружены в детских погребениях некрополя Керкинитиды, на ручке одной из них стоит монограммное клеймо "HP" (рис. 1 -3)⁶⁶. Емкость целых сосудов этой серии примерно соответствует мерам в 11, может быть, в 12 аттических хоев (36,11—39,40 л).

"Геленджикский" (I-B) вариант первого типа представлен амфорами более крупных размеров, емкость которых колеблется около 45—47 л. Они также имеют уплощенные плечи, менее массивный венец и иную профилировку ножки. Мне известны три таких сосуда, из которых два беспаспортные, хранящиеся,

⁶³ Исключением являются амфоры с клеймами группы Зенона "А" и "В" из кораблекрушения в Серке Лимана (*Grace V. Some Amphoras from a Hellenistic Wreck // BCH. 1986. Suppl. XIII. P. 551 ff. Fig. 2, 4; Koehler C., Wallace M. The Transport Amphoras: Description and Capacities // AJA. 1987. Vol. 91. P. 49 ff. Fig. 26, 27*).

⁶⁴ Амперер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские... С. 15.

⁶⁵ См.: Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII—II вв. до н. э. Саратов, 1999. С. 251 сл. Табл. 100.

⁶⁶ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960. Табл. XIV -32а; Михлин Б. Ю. Раскопки некрополя Керкинитиды в 1975 г. // СА. 1981. № 3. С. 183. Рис. 1 -7, 8; Кутайсов В. А., Ланцов С. Б. Некрополь античной Керкинитиды. Киев, 1989. С. 4. Рис. 2 -2.

соответственно, в Геленджикском и Киевском музеях⁶⁷, а третий происходит из меотского грунтового некрополя у хут. Ленина (рис. 2)⁶⁸. На ручке последней амфоры стоит монограммное клеймо “Ф”, похожие клейма, хотя и от другого штампа, встречены в книдской мастерской в местечке Мухальтепе⁶⁹. Скорее всего, данный вариант тары должен датироваться серединой — третьей четвертью IV века до н. э.

Вариант I-C (херсонесский), судя по всему, приходит на смену предыдущему. У этих амфор резкий переход от плеча к тулову, ножка более массивная, выше ее иногда оформляется желобок (рис. 3). На сосудах этой серии иногда ставились небольшие квадратные клейма с аббревиатурой ПΑΘ(-). Сами клейма были известны достаточно давно⁷⁰, но первые находки, дающие представление о морфологии клейменных сосудов, появились несколько лет назад. Одно горло с клеймом на ручке было найдено на поселении Героевка I под Нимфеем⁷¹, второе — на Белозерском поселении недалеко от Херсона⁷² (рис. 3 -1, 2). Эти фрагменты позволили представить морфологию целых сосудов и отождествить их с целой неклеименой амфорой из погребения № 6 херсонесского некрополя на Северном берегу (рис. 3 -3)⁷³.

Контекст всех упомянутых находок невыразителен, что не дает надежной хронологической привязки, и лишь по косвенным соображениям можно датировать выпуск этой серии амфор третьей четвертью IV века. С точки зрения исторической ситуации это может соответствовать последнему периоду зависимости Книда от Персидского царства, который завершился в 332 году до н. э.

Вариант I-D (чередниковый) отличается от рассмотренных выше более вытянутыми пропорциями. Наиболее ранние образцы встречены в кораблекрушении у Балеарских островов второй

⁶⁷ Древности Приднепровья. II. Киев, 1899. С. 42. Табл. XXXV. № 781

⁶⁸ Погребение № 13 некрополя возле городища № 2 у хут. Ленина.

⁶⁹ Jefremow N. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos. München, 1995. Tabl. IV (в нижнем ряду слева); Empereur J.-Y., Tuna N. Zenon de Kaunos... P. 352. Fig. 6 -12.

⁷⁰ В IOSPE III зарегистрировано 22 таких клейма. См. также: Шелов Д. Б. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. // МИА. 1957. Вып. 56. С. 217. Табл. V. № 3; Амперер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские... Рис. 7.

⁷¹ Раскопки 1986 года. Хранится в ИИМК РАН.

⁷² Раскопки 1991 года.

⁷³ Монахов С. Ю., Абросимов Э. Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // АМА. 1993. Вып. 9. С. 128 сл. Табл. 7. № 21.

половины 60-х годов IV века⁷⁴, верхнюю дату дает комплекс кургана № 8 группы “Чередниковой могилы” 30-х годов столетия⁷⁵. Еще один такой сосуд происходит из детского погребения 1963 года на Северном берегу Херсонеса (рис. 4 -2)⁷⁶. Емкость двух последних амфор чуть превышает 30 л, что соответствует стандарту в 9 аттических хоев (29,55 л). Фракционные сосуды этого варианта с фактической емкостью около 14 л известны по погребению № 9 (1969 года) из Вани (рис. 4 -3), которое, благодаря монетам и керамике, датируется 50-ми годами IV века до н. э.⁷⁷.

Второй тип книдских амфор по наиболее выразительным морфологическим признакам целесообразно назвать типом сосудов “с коническим горлом и кубаревидной ножкой”. В нем также выделяются варианты: “хавиарас” (II-A); “нифоидный”; “воротничковый” (II-C); “эпикрат” (II-D); “эберт” (II-E); “афинский” (II-F); “сигарообразный” (II-G). Второй тип книдской тары частично синхронен типу I, и появляется в третьей четверти IV века.

Наиболее ранний вариант II-A (*хавиарас*) тары II типа, видимо, следует отождествлять с амфорами, клеймившимися штампами с городской эмблемой Книда “нос корабля” (или “прора”). Клейма этой серии представлены довольно широко, однако известна единственная целая амфора с таким клеймом на ручке из коллекции Хавиараса⁷⁸. К сожалению, издана только фотография этого сосуда, имеющего высокое, слегка расширяющееся вниз, горло и тулово строго конической формы. Ножка отсутствует, венец, скорее всего, валикообразный.

Книдская локализация клейм “с носом корабля” установлена исследованиями Е. М. Придика, Д. Б. Шелова и Х. Беркера⁷⁹. Ж.-И. Амперёр в результате полевых исследований доказал, что такими штампами клеймились амфоры в мастерских на территории

⁷⁴ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье... С. 372 сл. Табл. 164.

⁷⁵ Там же. С. 340 сл. Табл. 150.

⁷⁶ Монахов С. Ю., Абросимов Э. Н. Новое... С. 131. Табл. 7. № 23.

⁷⁷ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье... С. 382. Табл. 169.

⁷⁸ Опубликовано В. Грейс как самосская (Grace V. Samian Amphoras // *Hesperia*. 1971. Vol. XL. Pl. 15 -15). Упоминается еще одна целая амфора с таким клеймом из кораблекрушения у п-ва Кизик (Börker Ch. Die Herkunft der Schiffsbug-Stempel // *BCH*. 1986. Suppl. XIII. S. 478).

⁷⁹ Придик Е. М. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. // *МИА*. 1941. № 4. С. 178 сл.; Шелов Д. Б. Клейма на амфорах и черепицах, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. // *МИА*. 1957. № 56. С. 215; Börker Ch. Die Herkunft der Schiffsbug-Stempel... P. 473 ff.

Книдского п-ва⁸⁰. Сложнее с хронологией клейм с «пророй». Н. В. Ефремов абсолютную хронологию этого периода определяет в интервале 305—280 годов до н. э., в основном, потому, что в этом случае этот «первый» этап книдского клеймения хорошо увязывается с последующими⁸¹. Однако по материалам керамического комплекса мусорной засыпи балки, поверх которой был построен херсонесский театр, и где присутствуют такие клейма, клейма с носом корабля не могут быть датированы позднее середины 20-х годов IV века⁸².

Амфора из коллекции Хавиараса до сих пор остается уникальной. Однако среди фрагментированного материала в музейных хранилищах Причерноморья мне встретилось, по меньшей мере, две находки, которые можно отождествить с книдской тарой варианта «хавиарас». В первом случае это фрагмент высокого горла с частью ручки, где стоит клеймо ПАΘ(–) того же штампа, что на амфорах с грибовидным венцом (рис. 5 -1)⁸³. Во втором — целое горло с таким же точно клеймом на ручке (рис. 5 -2)⁸⁴. Такие клейма, как отмечалось выше, встречены на амфорах I типа с грибовидным венцом. Здесь же венец имеет совершенно иную профилировку — в виде массивного валика с небольшой площадкой сверху. Повторяется и такой весьма характерный для варианта «хавиарас» морфологический признак, как высокое горло, расширяющееся в нижней части и плавно переходящее в плечи. Сказанное дает основание предполагать, что клеймение штампами с «пророй» и монограммой ПАΘ(–) было полностью или, по крайней мере, частично, синхронным и укладывалось в пределы третьей четверти IV века до н. э.⁸⁵.

⁸⁰ Tuna N., Empereur J.-Y., Picon M., Doger E. Rapport preliminaire de la prospection archeologique turco-francaise des ateliers d'amphores de Resadiye-Kiliseyani, sur la peninsule de Datca // *Anatolia Antiqua*. 1987. Vol. II. P. 48. Fig. 3; Empereur J.-Y., Tuna N. Zenon de Kaunos...; Амперер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские... С. 17. Рис. 9.

⁸¹ Jefremow N. Die Amphorenstempel... S. 62 ff. А протяженность этого периода в 25 лет объясняется только тем, что известные нам по клеймам 25 имен признаются магистратами, что пока еще никем не доказано.

⁸² Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994. С. 70.

⁸³ ГИМ Украины. Инв. № БЗ-1252. Раскопки в Ольвии 1936 года.

⁸⁴ Елизаветовское городище, 1994 год, раскоп XXXI, п. о. 1. Хранится в археологической лаборатории РГПИ.

⁸⁵ Это отнюдь не означает, что клеймение такими штампами продолжалось четверть столетия. Мне представляется, что 25 имен, зафиксированных в клеймах с «пророй», являются именами не магистратов, а фабрикантов. Само же клеймение могло охватывать несколько лет в пределах указанного периода.

Более представительным числом находок может быть проиллюстрирован следующий, “*пифоидный*”, вариант (II-B) книдской тары (точнее было бы сказать, вариант “*пифоидов на кубаревидной ножке*”). В его рамках можно выделить две серии амфор. Сосуды “*ранней*” серии (II-B-1) отличаются относительно невысоким горлом с небольшой припухлостью в верхней части, валикообразным, иногда клювовидным венцом, пологими плечами, широким пифоидным туловом, которое завершается небольшой кубаревидной ножкой, которая иногда имеет перехват (широкий желобок) у основания. Особенно много их встречается на Боспоре, большей частью это неклеименные амфоры (рис. 6)⁸⁶, но известны и с монограммными клеймами в овальной рамке⁸⁷, порой даже на обеих ручках (рис. 7). По ряду комплексов такие сосуды датируются в пределах последней трети IV — начала III века до н. э.

“*Поздняя*” серия (II-B-2) “*пифоидного*” варианта появляется примерно в 80-е годы III века (время кораблекрушения у Серки Лимана). Эти амфоры сохраняют примерно те же пропорции и размеры, лишь на подошве ножки углубление всегда отсутствует, да и сама ножка формируется более грубо (рис. 8). На ручках амфор «поздней» серии встречаются клейма групп “A” и “B” Зенона: ZHN| ΦΙΛΑ или ΝΦ⁸⁸.

Как для “*ранних*”, так и для “*поздних*” выпусков амфор на кубаревидной ножке фиксируются два типо-стандарта: полностандартные амфоры мерой в 10 аттических хоев (35—38 л), а также небольшие фракционные сосуды, рассчитанные на меру в 3 хоя (9,85 л).

Амфоры следующего варианта II-C (“*с высоким воротничковым венцом*”) кроме специфической формы венчика, отличаются пологими плечами, что обеспечивает иные пропорции тары — примерно равное соотношение верхней и нижней частей сосуда. Три целых экземпляра таких амфор с клеймами группы “B” Зенона ΣΩ(–), ΝΦ(–) и ΕΤ(–) были в разные годы найдены на Родосе (рис. 9)⁸⁹. Еще одна такая же амфора с неясным клеймом на ручке обнаружена в Елисаветинском могильнике на Кубани⁹⁰.

⁸⁶ А также на Нижнем Дону: Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье... Табл. 191—193.

⁸⁷ См.: Анфимов Н. В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. 1952. Вып. XLVI. С. 74. Рис. 19.

⁸⁸ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье... С. 470. Табл. 202.

⁸⁹ Изданы: *Grace V. Some Amphoras...* P. 558, 563, 564. Fig. 4, 5. № 17, 20, 21, 22, 26. Музей Родоса: № MS 161; № MS 464 (по В. Грейс). Клеймо ΝΦ(–) фигурирует на некоторых амфорах из кораблекрушения в Серке Лимане, что является еще одним свидетельством одновременного выпуска разнотипных сосудов, на этот раз в первой четверти III века.

⁹⁰ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора... С. 102. Рис. 5 (фото).

В свете последних исследований на п-ве Книд необходимо отказаться от гипотезы В. Грейс о египетском происхождении этой серии сосудов⁹¹, и согласиться с мнением Ж.-И. Амперера, считающего, что они были изготовлены в мастерской фабриканта Софанеса около нынешнего местечка Мухалтепе в центральной части полуострова⁹². Хронология выпуска ограничивается концом IV — первым десятилетием III века, и таким образом они предшествуют и частью синхронны амфорам из Серке Лимана.

Недавно появились данные о том, что в первой трети III века до н. э. в рамках II типа существовал еще один вариант “эпикрата” (II-D) книдских амфор. Основанием для этого предположения служит небольшая серия энглифических и рельефных клейм на ручках с именем Эпикрата из раскопок Елизаветовского городища, отнесенные в свое время И. Б. Брашинским к числу оттисков неустановленного происхождения⁹³. В фондах РОМК среди находок 1979 года мне встретилось на крупном фрагменте ручки одно из таких энглифических клейм с легендой ЕПКР|АТОУ (рис. 10 -1, 2)⁹⁴. Характерный изгиб далеко отставленной от горла ручки, а также плотная красная глина с мелкими белыми включениями почти не оставляют сомнений в том, что перед нами продукция книдских амфорных мастерских. В той же коллекции был найден еще один крупный фрагмент ручки с аналогичными морфологическими характеристиками, но на этот раз с листовидным рельефным клеймом ΝΟССΟΥ, эмблема “лист” (рис. 10 -3)⁹⁵. Недавно такие клейма зафиксированы в комплексе елизаветовского подвала 1993 года, который по материалам керамической эпиграфики датируется 70-ми годами III века до н. э.⁹⁶

К сожалению, у обоих упомянутых клейменных фрагментов не сохранились венцы, что затрудняет их сопоставление с целыми неклеяемыми формами керамической тары. Но даже в этом случае очевидно, что далеко отнесенные от горла ручки характерны для

⁹¹ Grace V., Empereur J.-Y. Un groupe d'amphores ptolemaïques estampillées // BIFAO. 1981. Vol. 81; Grace V. Some Amphoras... P. 563 ff.

⁹² Empereur J.-Y., Tuna N. Zenon de Kaunos... P. 344. Fig. 4b.

⁹³ Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. № 785, 786.

⁹⁴ РОМК, инв. № 5127/148. Раскоп XIV 1979 года, п. о. 290.

⁹⁵ РОМК, из депаспортизованных находок на Елизаветовском городище.

⁹⁶ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье... С. 487, табл. 208.

керамической тары именно Книда, правда, не для рассмотренных выше серий IV — первой трети III века, а для более поздних общеизвестных вариантов III и II века до н. э. Надо надеяться, что новые находки в дальнейшем позволят полностью реконструировать форму тары варианта “эпикрат”, бытование которого приходится на первую — начало второй четверти III века до н. э.

Не исключено, что тем же временем может быть датирован вариант “эберт” (II-E), известный по единственной находке из кургана З_N Петуховского некрополя (рис. 11 -1). Сама форма амфоры со строго коническим туловом не находит даже отдаленных параллелей в квидском амфорном производстве, и единственный элемент, заставляющий предполагать ее связь с Книдом — характерная ножка с кольцевым налепным валиком⁹⁷.

Дальнейшее развитие II типа квидской тары в III веке до н. э. прослеживается по единичным находкам. Судя по всему, с середины столетия основным (если не единственным) становится “афинский” вариант (II-F), названный так по первой находке в афинской цистерне № 12:4, датированной 40-ми годами III века (рис. 10 -2)⁹⁸. По сравнению с тарой рассмотренных выше вариантов, морфология изменилась незначительно, прежде всего, ножка, которая из кубаревидной превратилась в остроконечную, и к ней добавился налепной валик.

Последующая эволюция II типа квидской тары закономерно приводит в последней трети III века к появлению хорошо известного по работам В. Грейс “сигарообразного” варианта II-G, для которого, кроме высокого и конусовидного в нижней части горла, традиционными элементами становятся вытянутое тулово, ножка с кольцевым налепом, а также небольшой валикообразный венец. Этот типо-стандарт оказался очень устойчивым и существовал с небольшими вариациями на протяжении последней трети III, всего II и, вероятно, первой половины I века до н. э. К сожалению, и этих находок не слишком много.

Одна амфора из раскопок Афинской Агоры имеет на ручке клеймо магистрата Диокла⁹⁹. Оттуда же происходит вторая амфора с близкими характеристиками и с трехстрочным нечитаемым

⁹⁷ Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzin // Prahistorische Zeitschrift. 1913. Bd. V. S. 65. Abb. 66. С. В. Полин справедливо относит этот образец по форме тулова еще к концу IV — началу III века.

⁹⁸ Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье... С. 538. Табл. 226.

⁹⁹ Grace V. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World // Hesperia. 1949. Suppl. VIII. P. 186. Pl. 19. № 7.

клеймом на ручке (рис. 12)¹⁰⁰. Емкость обоих сосудов колеблется в интервале 30—33 л. По модифицированной хронологии В. Грейс—Н. Ефремова, клейма магистратов V (или VI) группы, куда включают и Диокла, датируются временем после разрушения Карфагена и Коринфа (146—115 годы до н. э.)¹⁰¹. Скорее всего, обе амфоры следует датировать серединой II века, что косвенно подтверждается материалами комплекса усадьбы Большой Кафель, где встречены фрагментированные формы такой же конфигурации¹⁰². Близкие к афинским образцам находки сделаны и в других местах Средиземноморья, в частности, в Пелле¹⁰³.

К концу II века до н. э. книдская тара приобретает более плавные обводы плеча и тулова, уменьшается емкость сосудов, свидетельством чего может быть амфора из Александрийского музея с клеймом магистрата Драконта (рис. 12)¹⁰⁴.

Таким образом, по доступным на настоящий момент материалам начало систематического ввоза книдского вина в крупных амфорах с грибовидными венцами фиксируется с 70-х годов IV века до н. э. В дальнейшем амфоры книдского производства становятся более разнообразными по своим морфологическим характеристикам, особенно это характерно для конца IV — первой трети III века. После этого развитие формы книдской керамической тары идет от “пифоидов на кубаревидной ножке” типа тех, что обнаружены в Серке Лимане, к сосудам с более высоким горлом и остроконечной ножкой с наклепным валиком. С конца III века и на протяжении всего II века амфоры приобретают сигарообразную форму тулова с сохранением маркирующей формы ножки.

АМА	— Античный мир и археология. Саратов
ВДИ	— Вестник древней истории
ГИМ	— Государственный исторический музей Украины
Украины	
ЕГ	— Елизаветовское городище
ЕМ	— Елизаветовский могильник

¹⁰⁰ Grace V. Standard Pottery... P. 186. Pl. 19. № 9.

¹⁰¹ Grace V. The Middle Stoa Dated by Amphora Stamps // *Hesperia*. 1985. Vol. 54. № 1. P. 31, 33; Jefremow N. Die Amphorenstempel... S. 76, 88, 151.

¹⁰² Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье... С. 559. Табл. 237.

¹⁰³ Μακαρονας Χ. Ανασκαφαι Πε'λλη 1957—1960// *Αρχαιολογικόν Δελτι'ον*. Αθηναи. 1960. Vol. 16.

¹⁰⁴ Empereur J.-Y., Hesnard A. Les amphores hellenistiques // *Ceramiques hellenistiques et romaines*. II. Besanson, 1987. P. 60. Pl. 3. № 15; Jefremow N. Die Amphorenstempel... S. 114. № 11.

ИИМК	— Институт истории материальной
РАН	культуры Российской академии
	наук. С.-Петербург
МИА	— Материалы и исследования по
	археологии СССР
РА	— Российская археология
РГПУ	— Ростовский государственный
	педагогический университет
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
АА	— The Athenian Agora
AJA	— American Journal of Archaeology
BCH	— Bulletin de correspondance Hellenique
BIFAO	— Bulletin de l'Institut francais
	d'archeologie Orientale. Kairo
JHS	— Journal of Hellenic Studies
PZ	— Prahistorische Zeitschrift

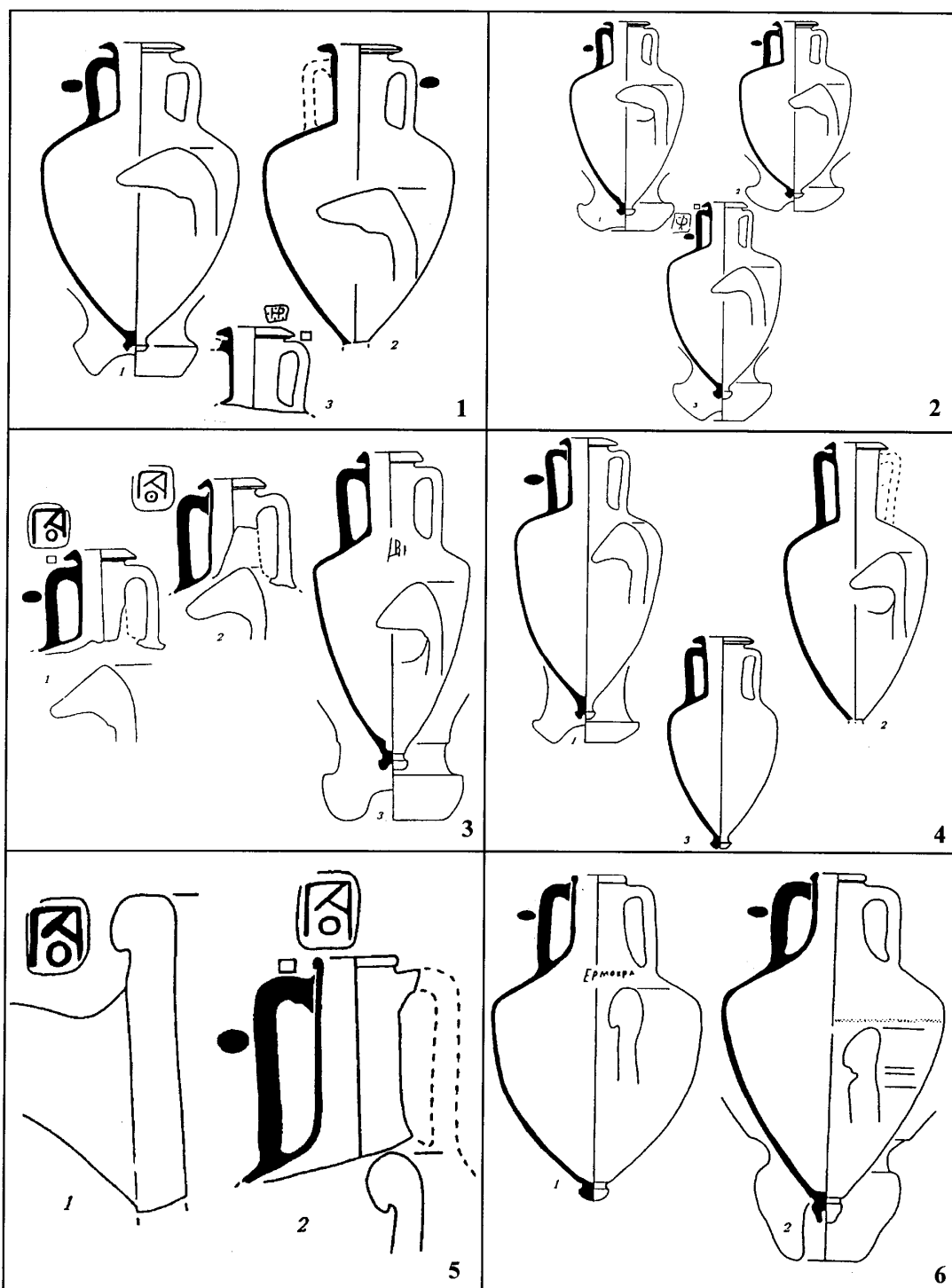

Рис. 1-6. Книдские амфоры: 1: «елизаветовский» вариант (I-A): 1 - из кургана № 5 группы «Пять братьев» Елизаветовского могильника; 2 - из Елизаветовского городища; 3 - из Керкинитиды. 2: «геленджикский» вариант (I-B): 1 - из Геленджикского музея; 2 - из Киевского музея; 3 - из Кубанского музея. 3: «херсонесский» вариант (I-C): 1 - из Героевки; 2 - из Белозерского поселения; 3 - из Херсонеса. 4: «чередниковый» вариант (I-D): 1 - из кург. № 8 гр. «Чередникова могила»; 2 - из Херсонеса; 3 - из Вани. 5: вариант «хавиарас» (II-A): 1 - из Ольвии; 2 - из Елизаветовского городища. 6: «пифоидный» вариант (II-B): 1 - из Кубанского водохранилища; 2 - из погр. № 7 Старокорсунского некрополя

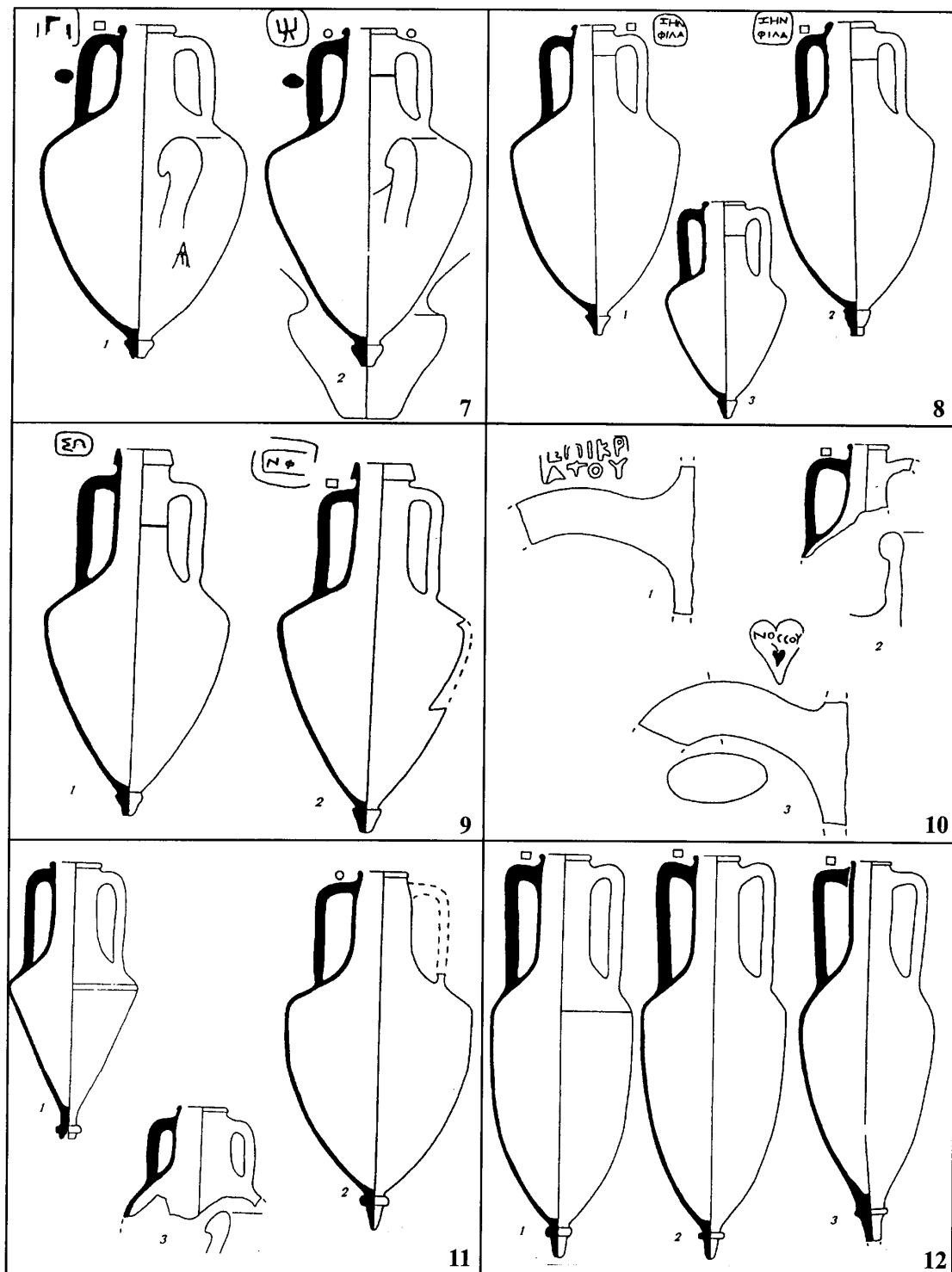

Рис. 7-12. Книдские амфоры: 7: «пифоидный» вариант (II-B): 1 - из погр. № 8 у хут. Ленина; 2 - из хут. Зеленого. 8: «пифоидный» вариант (II-B): 1-3 - из кораблекрушения в Серке Лимане. 9: «воротниковый» вариант (II-C): 1-2 - из раскопок на Родосе. 10: вариант «эпикрат» (II-D): 1-3 - из Елизаветовского городища. 11: 1 - вариант «эберт» (II-E) из петуховского кургана 3 N; 2-3 - «афинский» вариант (II-F) из цистерны № 21:4 (2) и из Херсонеса (3). 12: «сигарообразный» вариант (II-G): 1-2 - из Афинской агоры; 3 - из Александрийского музея

С.А. ДАНИЛЬЧЕНКО

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА БОСПОРСКИХ КОЛОНИЙ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА

Елизаветовское городище на Дону - крупнейший центр греко-варварской торговли в первой четверти У - первой трети Ш в. до н.э, находившийся на стыке трех больших этнокультурных регионов - скифского, сарматского и савроматского и в непосредственной близости от Боспорского царства. Как установлено, ему принадлежала исключительно важная роль в развитии не только торговых, культурных, но и религиозных связей в этом регионе.

Подробная характеристика торговых отношений Елизаветовского городища с населением Подонья и греческими городами рассмотрена в книге И.Б. Брашинского "Греческий керамический импорт на Нижнем Дону", Л., 1980. Однако, планомерное и широкомасштабное изучение, начиная с 1982 года, ИИМК РАН самых поздних культурных напластований городища позволили констатировать наличие на его территории остатков сразу двух одновременных колоний Боспора конца IУ - самого начала Ш в. до н.э. и первой трети Ш в. до н.э., что существенным образом меняет сделанные ранее выводы, а значит, заставляет и более внимательно отнестись к той категории материала, которая датируется самым концом IУ - первой третью Ш в. до н.э. /Марченко К.К., 1990/.

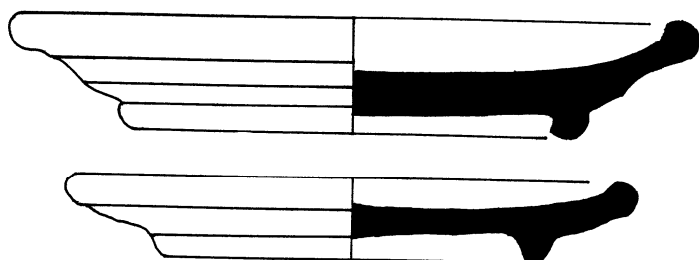
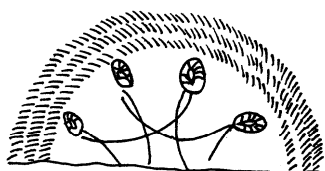
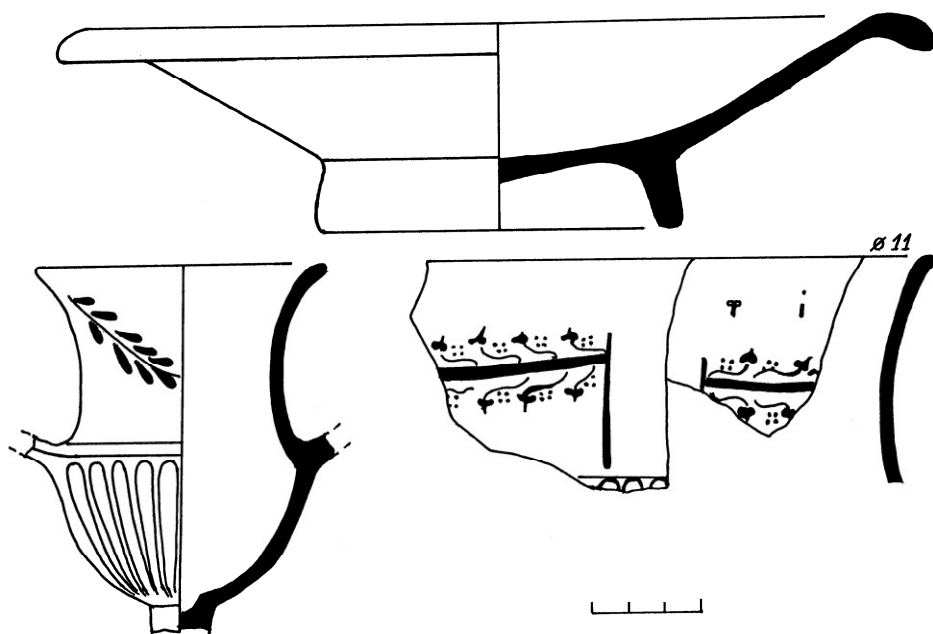
Исследуя материалы Елизаветовского городища в 1928 году, Т.Н.Книпович отмечала, что среди чернолаковой посуды можно выделить изделия не только аттических, но и малоазийских керамических мастерских, при этом сосудов второй группы значительно больше, чем первой /Книпович Т.Н., 1934/. Этот вывод был подвергнут сомнению исследованиями И.Б. Брашинского, считавшего, что подавляющая часть чернолаковой посуды является изделиями аттического производства /Брашинский И.Б., 1980/. Новейшие исследования заставляют отнести керамику конца IУ - первой трети Ш в. до н.э. ко времени существования боспорских колоний. Выводы Т.Н. Книпович и И.Б. Брашинского кажутся нам убедительными, так как первые относятся непосредственно к материалам боспорских колоний, а второго исследователя - к собственно Елизаветовскому городищу. Общий обзор керамики боспорских колоний показывает, что основные типы чернолаковой керамики, представленные среди материала, это: канфары с каннелированным и гладким туловом, с накладным орнаментом и без него, рыбные блюда, чаши с загнутым внутрь краем и с

отогнутым наружу венчиком, со штампованным орнаментом и без него, остальные типы керамики представлены единичными экземплярами. Три четверти этой керамики принадлежит изделиям малоазийских керамических мастерских. Находки фрагментов закрытых сосудов крайне малочисленны, редкость их не удивительна: они предназначались для специальных целей - хранения дорогих приправ к пище, дорогой парфюмерии и не имели широкого распространения. Отметим лишь единичные находки малоазийских асков, лекифов, флаконов. Керамика боспорских колоний на территории Елизаветовского городища типологически сходна с материалами боспорских поселений синхронного периода, а выявление закрытых комплексов, подвалов внутри помещений позволяет существенно расширить наши знания о торговле и номенклатуре товаров, поступавших в самый отдаленный район греческой ойкумены в конце IУ - первой трети III в. до н.э.

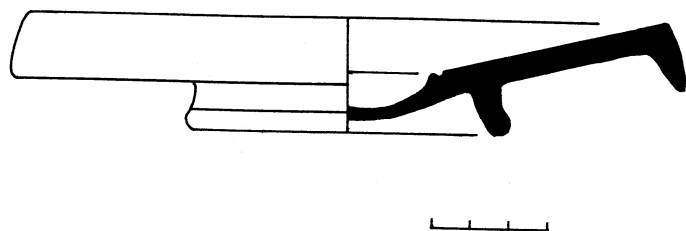
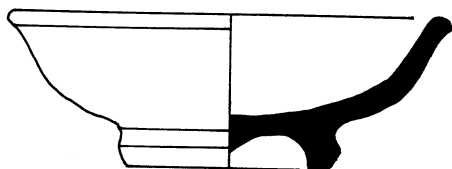
Гибель боспорских колоний, о чем свидетельствуют следы пожара и погрома на поселении, не привела к окончательному и моментальному прекращению их существования. Хотя и единичные, фрагменты малоазийской керамики середины и третьей четверти III в. до н.э. встречаются в верхних слоях поселения. Необходимо заметить, правда, что до сих пор они не могут быть связаны с конкретными строительными комплексами самого поселения.

Общий обзор чернолаковой керамики боспорских колоний показывает, что на рубеже IУ - III вв. до н.э. аттический импорт плавно сменяется малоазийским, однако типология форм сосудов в общем не меняется.

Прекращение существования одного поселения способствовало становлению и расцвету другого - Танаиса, который с этого времени и до конца античной эпохи оставался единственным форпостом античного мира в Нижнем Подонье. Последние исследования Танаиса и накопление среди его материалов более ранней керамики возможно, заставит будущих исследователей по-новому взглянуть на вечный вопрос о двух Танаисах.

APX/

В.А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

НАДГРОБИЕ СЫНОВЕЙ ПАНТАЛЕОНТА ИЗ ГОРГИППИИ

В 1987 г. в Анапе при рытье траншеи под теплотрассу вдоль ул. Калинина была обнаружена мраморная рельефная стела, доставленная в местный музей ст.н.с. Н.Д. Нестеренко.¹⁰⁵ Общие размеры стелы (инв. № КМ 8451/1) - 1,4x0,5x0,16 м. На верхней грани ее выявлены два углубления для крепления несохранившегося акротерия. Под ним располагался рельеф, на котором изображен всадник, обращенный влево. Это юноша с едва намеченной бородкой, одетый в кафтан с короткими рукавами, штаны, мягкие сапожки и плащ, застегнутый на правом плече. За спиной у него, с левой стороны, висит горит с луком и стрелами. Перед всадником стоит слуга в хитоне с кувшином в руках. Под рельефом вырезана двухстрочная надпись:

Απολλωνιε και Αντιπατρε
οι Πανταλεοντος χαιρετε.

Ниже находится еще один рельеф с группой фигур. Здесь изображен опирающийся на колонну юноша, закутанный в гиматий. Справа от него безбородый всадник, по одежде и вооружению не отличающийся от описанного выше. В поводу он ведет двух оседланных лошадей. Непосредственно под этим рельефом имеется профилированный выступ, отделявший стелу от базы.

По стилю изображения и характеру письма это надгробие можно датировать концом I в. до н. э., когда на Боспоре, видимо, функционировала мастерская по изготовлению надгробий из привозного мрамора (Давыдова 1990). Установку такого дорогостоящего надгробного монумента могла себе позволить только весьма состоятельная семья. К ее представителям, с известной долей допущения, можно отнести наварха Панталеонта, который в последние годы царствования Асандра сделал посвящение Посейдону Сосинею и Афродите Навархиде (КБН № 30), скорее всего, за победу в морском сражении. Не исключено, что именно он и был отцом Аполлония и Антипатра, упомянутых в надписи на рассматриваемом надгробии. По крайней мере, такие имена, как Панталеонт и Антипатр, в боспорской эпиграфике связаны, прежде всего, с Горгиеппией.

¹⁰⁵ Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность Н.Д.Нестеренко за предоставленную возможность опубликовать эту находку.

С.Б. ЛАНЦОВ, В.К. ГОЛЕНКО

О ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ БОСПОРА В IV В. Н.Э.
(по материалам археологических исследований 1999 г.)

По свидетельству Константина Багрянородного [Const. Porph. De adm. Imp., 53], по условиям договора, заключенного после третьей херсонесобоспорской войны, датируемой в настоящее время в пределах конца последней трети - середины IV в. н.э. [см.: Константи Багрянородный., 1991, комментарии к гл. 53, 1, 22; Юрочкин, 1999, с. 281], территория Боспора сократилась. Новая граница между государствами прошла по Кивернику.

П.С. Паллас, сделавший в 1793 - 1794 гг. первое сохранившееся описание Узунларского (Аккосова) вала, отождествил Киверник с Киммериком Страбона и считал, опираясь на сведения Константина Багрянородного, что именно этот вал разделил владения Херсонеса и Боспора после окончания третьей войны между ними в позднеантичное время [Паллас, 1999, с. 120].

С момента обнаружения сочинения Константина Багрянородного "Об управлении империей", составленного в 948-952 гг., достоверность всей информации, связанной с Крымом, вызывает у исследователей противоречивые взгляды. Высказывались сомнения и по поводу отождествления Киверника и античного Киммерика [см.: Константин..., комментарии, 27]. В последнее время наметилась тенденция к реабилитации источника, выделению из него рационального исторического материала [см.: Константин..., комментарии; Зубарь, 1998, с. 151-159; Юрочкин, 1999, с. 279-282]. Как представляется, определенный шаг на пути решения этого вопроса позволяют сделать результаты охранных археологических работ на Узунларском валу, проведенных в сентябре 1999 г. Южно-Боспорской экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины.

Основные раскопки велись на участке вала и рва, разрушенного траншеей газопровода Джанкой - Феодосия - Керчь. Место исследований находится на территории Ново-Николаевского сельсовета Ленинского района на 214 км трассы газопровода, в 1300 м к северу от 103 км шоссе Симферополь - Керчь, в 2500 м к югу от античного боспорского городища Савроматий.

В итоге работ, выполненных вручную, получен полный профиль рва и стратиграфический разрез до основания западной половины целиком грунтовой (без каменного основания) насыпи вала. Современная высота пологого расплывшегося вала, в верхней

точке почти совпадающего с позднейшей древней насыпью, 3,5 м. Ширина - 22 м. Ров, к настоящему времени на данном участке полностью затекший грунтом и не прослеживающийся в рельефе, имел некогда весьма пологие борта. Его ширина 17 м, глубина от современной поверхности до 3,25 м, от древней - 2-2,5 м. Глубина от сохранившегося верха вала - 6,10 м. На максимальной глубине дно рва на протяжении 3,5 м почти ровное и совпадает с современным уровнем грунтовых вод. Учитывая геоморфологические изменения, произошедшие за несколько последних тысячелетий и сезонные колебания уровня грунтовых вод, скорее всего, во время функционирования Узунларской фортификационной линии дно рва было заболочено.

На материковой глине в самой нижней части рва обнаружены стенки позднеантичных колхидских амфор с «перехватом» и осмоленной внутренней поверхностью, а так же фрагменты дна амфоры «с высоко поднятыми ручками» [Зеест, 1960, тип 79]. Подобные тарные сосуды характерны для позднеантичного керамического комплекса. Появление их относится ко времени около середины III в. (т.к. они встречаются в соответствующих слоях разрушения Киммерика и Илурата) [ср.: Мелентьева, 1969. С.25; Popilian, 1974, тур. IV; Robinson, 1959. К 113]. Нет сомнений в том, что амфоры указанного типа продолжают изготавливаться и использоваться и в следующем IV столетии /Panella, 1972. С.91-92; Robinson, 1959. М 237, L 33, М 274/ и даже в начале V в. / Robinson, 1959, М 303; Scorpan, 1975, Pl. 1 /. Коричневоглиняные амфоры с «перехватом» так же имеют на Боспоре наибольшее распространение как раз в IV-VI вв. /Сазанов, 1989. С.51 /. Учитывая диапазон бытования упомянутых сосудов и их морфологические признаки, нам представляется вероятным отнесение этих находок к IV в. н.э. Это время последнего ремонта и укрепления Узунларского вала. К сожалению, из-за почти полного уничтожения траншеей газопровода участка рва Узунларского вала не удалось получить информацию о более ранних этапах функционирования этого крупнейшего в античном Крыму фортификационного сооружения.

Несмотря на неоднократные полевые исследования Узунларского вала (Шмидт, Блаватский, Щепинский, Колотухин, Колтухов, Мосейчук, Масленников и др.) очень редко попадались датирующие материалы, что вполне обычно для раскопок подобных объектов. Находки же позднеантичного времени обнаружены впервые. Упомянутые фрагменты посуды могли оказаться на дне рва лишь в том случае, если его основание к тому моменту не было заполнено затечным грунтом. Т.е. зафиксированный профиль рва,

следует относить к позднеантичному времени, а не к более раннему периоду. Если даже и существовал первоначальный ров, то его границы были полностью срезаны при расширении и углублении. Именно такая ситуация фиксируется на исследованном участке. Теперь не вызывает сомнений факт капитальной реконструкции Узунларской оборонительной системы в позднеантичную эпоху, по крайней мере - рва. Необходимость таких мероприятий, несомненно трудоемких, находит свое объяснение в сочинениях историков древности, касающихся политической ситуации на Боспоре и на его пограничье.

Нам кажется, что реставрация Узунларской оборонительной системы никакая не могла происходить в III в. н.э. Во-первых, в это время вал находился внутри территории царства, граница которого простиралась далее на запад, по меньшей мере, до Старого Крыма, а по побережью до Судака. Во-вторых, этот период для Боспора характеризуется довольно глубоким кризисом, связанным в немалой степени с последствиями походов варваров, в первую очередь германцев (готов), во второй половине III в. н.э. Лишь после их окончания в последней четверти III столетия наступает период некоторой стабилизации. Более того, между базилиевсами Боспора и варварами с северного побережья Меотийского озера (Азовское море) возникает своего рода альянс. Вчерашних противников, среди которых были готы и сарматы - аланы ("воинство Меотиды"), властители Боспора используют для войны против Херсонеса, главного проводника римской политики на полуострове.

Достаточно подробные сведения о трех херсонесско-боспорских войнах сохранились в сочинениях византийского императора Константина Багрянородного "Об управлении империей" (см. выше). В 53 главе повествуется о второй и третьей войнах Херсонеса и Боспора, которые они вели за передел сфер влияния на территории Крыма во время римского императора Константина I (306 - 337 гг.).

После второй войны граница между победившими херсонессцами и потерпевшим поражение царством боспориан (на стороне которых сражались варвары из алан и готов), прошла в области Кафа (Феодосия). А после третьей войны, опять же неудачной для Боспора, она была отодвинута на восток и прошла "по Кивернику". В этом названии без труда угадывается древнегреческий Киммерик [Const. Porph. De adm. Imp. 53], локализуемый на южном побережье Керченского полуострова в районе горы Опук.

Этот город издревле связывался с валом. Об этом в I в. до н.э. писал Страбон: "Киммерик прежде был город, построенный на полуострове и замыкавший перешеек валом и рвом" [Strabo, XI, II, 5]. Нет сомнений, что здесь речь идет именно об Узунларской оборонительной системе. Как мы уже замечали, обновленный Узунларский вал в первой половине IV в. н.э. становится фактической границей владений Боспора. Перестав быть "внутренней" линией обороны, он приобретает куда более важное значение, чем ранее. Это обстоятельство и потребовало его немедленной реставрации и реконструкции. Среди этих мероприятий было расширение и углубление рва, к тому времени уже оплывшего и затекшего грунтом. Если даже ров был углублен не на всем 37-километровом протяжении, а лишь на отдельных участках, уже этот факт ставит под сомнение расхожее убеждение в том, что Боспор в IV в. переживал глубокий экономический и политический кризис. Только мощное государство, располагающее значительными людскими и материальными ресурсами было способно осуществить столь грандиозные строительные работы.

Вообще линия вала была укреплена достаточно хорошо и, видимо, охранялась гарнизонами, базировавшимися в крепостях, расположенных вдоль насыпи. Так у южной оконечности вала в мощной цитадели на горе Опук (Киверник Константина Багрянородного), недавно убедительно датированной и отнесенной к хронологическому диапазону от IV до VI вв. н.э., отмечены следы пребывания древних германцев (найдена руническая надпись) [Голенко, Юрочкин, Синько, Джанов, 1999]. Оборонительные стены и постройки того же времени обнаружены у северной части вала, на городище у с. Белинское [Зубарев]. Керамические материалы IV в. н.э. найдены в ходе разведок экспедиции на поселении на г. Атаманская, занимающем чрезвычайно стратегически выгодное положение на южном фланге Узунларской оборонительной системы.

Вероятно, свои стратегические функции вал выполнял, по крайней мере, до V-VI вв. н.э. После ряда важных исторических событий на Боспоре: ухода части готов с гуннами на восточный берег Керченского пролива в середине V в., подчинения Боспора Византии при императоре Юстиниане I (527 - 565 гг.), нашествия тюркютов 576 г., линия укреплений западной границы постепенно утрачивает свое значение, разрушается под влиянием атмосферных осадков и не подвергается капитальному ремонту. По всей видимости, в районе исследуемого участка рва и вала в VIII столетии существовало кочевнической стойбище тюрков –

протоболгар, культурный слой которого сполз внутрь траншеи для выборки грунта, располагавшейся с внутренней восточной стороны насыпи.

Т.М. ГЕЛЬФМАН

ПАМЯТНИКИ ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОТОГРАФИЯХ "ПАЛЕСТИНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ"

На протяжении почти 200 лет ведется изучение античных памятников Северного Причерноморья - от первых описаний Поля Дюбрюкса до систематических археологических исследований с конца XIX в. и по сегодняшний день.

Однако можно вспомнить, что интерес к греческому культурному наследию - и античному и средневековому - имеет в России глубокие традиции. С давних времен между Россией и Грецией существовали тесные контакты - торговые, дипломатические, культурные. Крещение Руси и распространение христианства в его византийском варианте дало толчок укреплению и расширению экономических, культурных и религиозных связей Древней Руси и Византии. Вместе с христианством на Русь приходит влияние более высокой византийской культуры, и через связи с греческим миром начинается приобщение Руси к античному наследию.

Ставшие популярными на Руси религиозные паломничества в Святую землю проходили через греческие православные святыни Константинополя, Афона, островов Эгейского моря и греческих городов Малой Азии. В XIX в. греческий мир становится не просто предметом описаний паломников и светских путешественников, но и областью пристального научного интереса. Возникает необходимость тщательно фиксировать древние и средневековые памятники. Поэтому вполне закономерно, что памятники греческой культуры заняли определенное место в фотографической коллекции Императорского Православного Палестинского Общества, хранящейся в фондах Государственного музея истории религии.

В Уставе Общества, утвержденном в 1882г., говорилось, что оно создается с учеными и благотворительными целями, "для достижения которых ему представляется собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о Святых местах Востока". Формирование коллекции фотографий стало одним из важных направлений деятельности Общества. В 1894 и 1900гг. были опубликованы два выпуска каталога Фотографического собрания

ИППО, сделанного В.Д. Юшмановым¹⁰⁶. Фотографии, относящиеся к греческим памятникам, составляют несколько собраний.

1. Собрание фотографий, сделанных во время большой научной экспедиции под руководством известного искусствоведа Н.П. Кондакова в 1891г. Целью экспедиции было изучение истоков восточно-христианского искусства. В монографии, посвященной результатам экспедиции, Н.П. Кондаков выделяет главу "Попутные наблюдения памятников христианского искусства в Константинополе, Афинах и Смирне"¹⁰⁷. В каталоге В.Д. Юшманова под рубриками "Кипр, Архипелаг, Смирна, Константинополь" и "Афины и Рим" приведены фотографии античных и средневековых памятников, выполненные в основном фотографом экспедиции И.Ф. Барщевским. В соответствии с задачами экспедиции И. Барщевский не ограничивается общими видами памятников, а фиксирует детали древних кладок, орнаментов, капителей колонн, фрагменты росписей и мозаик. К этому же собранию относятся фотографии греческих рукописей XI-XIII вв. из Патриаршей библиотеки в Иерусалиме и "Физиолога" (XI в.) из Смирны. Миниатюры этих рукописей представляли особый интерес для исследований экспедиции.

2. Собрание фотографий с видами Синая, снимками архитектурных деталей базилики монастыря Св. Екатерины и греческих рукописей Синайской библиотеки. На фотографиях имеется метка "Kondakov", а на паспорту – рукописные аннотации. Сюжеты фотографий и аннотации полностью соответствуют "Оглавлению 100 фотографических снимков Синайского альбома", опубликованному Кондаковым в приложении к его книге "Путешествие на Синай в 1881г." (Одесса 1882 г.). "Синайский альбом" был составлен Н.П. Кондаковым и фотографом экспедиции Ж.К. Раулем и выполнен всего в нескольких экземплярах. Существует предположение, что экземпляр "Синайского альбома", хранящийся в Российской национальной библиотеке, "единственный, сохранившийся до нашего времени"¹⁰⁸. Однако в составе Палестинской коллекции имеются все фотографии этого альбома, хотя и в другом оформлении.

¹⁰⁶ "Палестина и Синай", вып.3, СПб., 1894, 1900гг.

¹⁰⁷ "Археологическое путешествие по Сирии и Палестине". СПб., 1904г.

¹⁰⁸ См.: Вялова С.О. "Синайский альбом Н.П. Кондакова как источник изучения памятников письменности и архитектуры.// Вспомогательные исторические дисциплины, XXVI, СПб., 1998г.

3. 36 фотографий греческих рукописей обозначены в каталоге В.Д. Юшманова как "армянские фотографии в Иерусалиме, с 1880 по 1893гг." Это рукописи из собраний монастырей Св. Креста и Св. Саввы и Патриаршей библиотеки. Среди рукописей, относящихся к IX-XIII вв. привлекают внимание палимпсесты - например, нижний текст X в. – стихи Эврипида, верхний текст XIII в.,- книга пророка Иезекииля.

4. Три большие собрания фотографий с меткой "Millet" связаны с работами французского исследователя искусства христианского Востока Габриэля Милле (1867-1943?). Подборка фотографий памятников Афона (живопись, мозаики, рукописи) - результат нескольких экспедиций Милле на Афон -1894, 1898 и затем 1918-1920гг. Фотографии византийских рукописей и миниатюр из Мистры и библиотек и музеев Италии /Ватикан, Флоренция, Перуджа / - составляют еще два больших собрания в составе Палестинской коллекции. Все фотографии из собрания Милле не только атрибутированы, но и имеют специальную маркировку, что позволяет точно установить дату съемки и даже авторов фотографий. Частично эти фотографии вошли в опубликованные работы Милле, но, несомненно, большое количество снимков является достаточно уникальным материалом.

Все упомянутые фотографические собрания относятся к концу XIX – нач. XX вв. Но очевидно, что ценность коллекции сохранилась и до сегодняшнего дня. Фотографии зафиксировали памятники архитектуры, живописи, письменности в том состоянии, в котором они находились сто лет назад. Еще Кондаков неоднократно утверждал необходимость той точной фиксации древних памятников, которую может дать фотография: во-первых, потому, что памятники разрушаются и безвозвратно утрачиваются, и, во-вторых, достоверная фиксация памятников "будет способствовать рассеянию различных заблуждений и сделает памятники предметом научного достояния"¹⁰⁹.

---

¹⁰⁹ Н.П. Кондаков. Путешествие на Синай в 1881г. Одесса, 1882 г. С.69

III. ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ВАРВАРСКИЙ МИР

О. Ю. СОКОЛОВА

КОНСКАЯ УЗДА V В. ДО Н. Э. ИЗ НЕКРОПОЛЯ НИМФЕЯ

В 1999 г. Нимфейская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа проводила охранные раскопки в северо-восточной части некрополя Нимфея. На участке площадью 100 кв. м открыто 5 объектов, из которых два представляли собой каменные склепы с перекрытиями из плит, а остальные – вырубленные в скальном грунте могилы, одна из которых тоже имела плитовое перекрытие. Особый интерес среди изученных объектов представляют два погребения В-14 и В-15, которые объединяются неглубоким котлованом в центральной части участка.

Основное погребение (В-14) представляет собой могильную яму с заплечиками. Могила вырыта в скально-глинистом грунте и имеет форму вытянутого прямоугольника, ориентированного по оси северо-восток – юго-запад. Её размеры: 2,0 x 0,75 x 0,9 м. Северная часть могильной ямы была перекрыта плитами. В качестве перекрытия использованы три стелы из известняка. У двух крайних стел под тяжестью грунта по середине образовалась трещина, в результате чего они слегка просели в могилу, у третьей стелы отсутствует средняя часть плиты, которая, по-видимому, была вынута при ограблении могилы. На двух стелах сохранились надписи, которые по мнению Н.В. Павличенко можно датировать первой половиной V в. до н. э.¹¹⁰

Погребение грабленое. В заполнении могилы не обнаружено ни единого фрагмента костей скелета. В то же время следует отметить, что рядом в слое встречались отдельные человеческие кости, но говорить о принадлежности их именно этому погребению мы не можем, так как неподалёку были открыты и другие захоронения, тоже грабленные. Для уточнения даты погребения имеет значение то, что в заполнении могилы и в слое над плитами перекрытия найдено несколько фрагментов амфоры с раздутым горлом. Этот тип амфор И. Б. Зеест датирует V в. до н. э. (Зеест 1960, с. 90, табл. XIII;27), а А. П. Абрамов относит их ко второй четверти – концу V в. до н.э. (Абрамов, 1993, с. 33, рис. 22, тип 2.78-2.80).

На расстоянии 0,9 м к северо-западу от погребения В-14 расчищена ещё одна могильная яма - погребение В-15. Могильная

¹¹⁰ Анализу этих надписей посвящена статья Н.В. Павличенко “ Две новые надписи из Нимфея ” в этом сборнике.

яма имела в плане форму прямоугольника со скругленными углами, размеры которого 3,4 x 1,7 x 0,55 м. Дно могильной ямы находилось на 0,35 м выше уровня дна в погребении В-14.

В могиле расчищено захоронение коня. Положение его на левом боку, с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Голова животного была слегка откинута назад. Возраст коня составлял около 4-4,5 лет.¹¹¹ Сохранность костей не позволила определить пол животного. Высота коня в холке была равна примерно 138-140 см. По своим размерам и пропорциям погребенная лошадь соответствует обычным средним пропорциям скифских лошадей и была предназначена для верховой езды.

Конь был взнуздан уздечкой с железными удилами и бронзовыми псалями Г-образной формы с зооморфными окончаниями. Оба псаля лежали согнутыми концами вверх и в стороны от морды коня. По обе стороны от пасти найдены две бронзовые ворварки, две бронзовые подвески в виде “висячих замочков” и две бронзовые выпуклые пряжки с зооморфными изображениями и петель на обратной стороне. Ещё две пряжки с зооморфными изображениями располагались по обе стороны от лобных костей черепа. На носу, в средней части морды, слегка смещенная со своего места, находилась бронзовая фигурная пластина.

В грунте над и под скелетом коня прослеживался слой коричневого тлена, что позволяет высказать предположение о том, что животное могло быть покрыто попоной.

Сохранность удил очень плохая, но можно говорить о том, что это были двучленные удила с загнутыми в петли концами, изготовленные из круглых в сечении стержней. Этот тип удил получает распространение по всему скифо-сарматскому миру с конца VI в. до н. э. (Петренко 1967, с. 36).

В петли удил были вставлены бронзовые двудырчатые псаля Г-образной формы с восьмеркообразными расширениями в средней части, благодаря чему псаля удерживались в петле удил. Особенностью нимфейских псалий является изображение головки пантеры на загнутом конце. Псаля с зооморфными изображениями на концах встречаются на протяжении V в. до н. э. (Петренко 1967, с. 37, табл. 26, 6, 11; Силантьева 1959, рис. 37).

Представляет интерес фигурная пластина в виде задней части хищника с когтистыми лапами. Подобные украшения появляются

---

¹¹¹ Результаты определения костных остатков предоставлены мне научным сотрудником ИИМК РАН А.К.Капаровым.

ещё в первой половине V в. до н. э. (Алексеев 1995, с. 55). Местонахождение пластины, а также вертикальное расположение петли на оборотной стороне позволяют отнести её к украшениям типа наносников. (Эрлих 1992, с. 14; Петренко 1967, с. 40 – тип 3). Среди ближайших аналогий нимфейской пластине можно отметить пластины из Малой Цимбалки (Алексеев 1995, рис.2,4) и 5 Ак-Бурунского кургана (Яковенко 1970, рис. 24,2).

Для оформления ременных узлов, фиксации ремней в местах пересечения и украшения уздечки применялись выпуклые бляхи с зооморфными изображениями и петель на обратной стороне. Для укрепления узлов уздечки использовались также высокие литые бронзовые ворварки в виде удлиненного раструба (Петренко 1967, с. 41) и подвески в виде “висячих замочков”, которые характерны для памятников второй – третьей четверти V в. до н. э. (Алексеев 1995, с. 55).

Следует отметить, что новая находка из нимфейского некрополя представляет собой важный источник для изучения конской узды. На основании полученных материалов мы можем дать реконструкцию этой узды. Четыре бляхи с зооморфными изображениями располагались на пересечении нащечных ремней с наносным и налобно–подбородным. Здесь же были использованы ворварки и подвески в виде “висячих замочков”. В средней части наносного ремня был укреплен наносник.

Среди довольно многочисленных наборов конской упряжи можно отметить ряд комплексов, которые могут служить аналогиями нашему набору. Это узда из I Завадской Могилы, датирующаяся третьей четвертью V в. до н. э. (Мозолевский 1980, рис. 28,8, с. 98, табл. VIII,6), наборы узды из Нимфейских курганов (Силантьева 1959), датирующиеся временем не позднее третьей четверти V в. до н. э. (Алексеев, 1991, с. 51-52). По-видимому, и наш набор мы можем датировать тем же временем.

Н.А. ПАВЛИЧЕНКО

ДВЕ НОВЫХ НАДПИСИ ИЗ НИМФЕЯ

В 1999 во время охранных работ на территории некрополя были обнаружены две известняковые надгробные стелы, использованные в качестве перекрытия могилы (погребение В 14).

1. Стела известняковая, разбита на две части (1.29x0.29-0.5x0.16-0.44 м; высота букв 1.6-2.9 см) Поверхность стелы сильно оббита. надпись была вырезана в верхней части прямоугольной, слегка сужающейся кверху плиты с треугольным завершением.

Надпись выполнена небрежно. В углублениях букв кое где сохранились следы красной краски.

В настоящее время хранится в КГИКЗ.

Ποσειδε-

ωνι'ο τх Θ

εομνη'στο

(Памятник) Посидония сына Феомнеста.

По характеру письма надпись может датироваться первой половиной V в. до н.э.

2. Стела известняковая, разбита на три части. Средняя часть была утрачена, вероятно, еще в древности. Верхний фрагмент плиты, на котором находится надпись: 0.5x0.29x0.21 м., высота букв 1.6 см; нижний фрагмент 0.52x0.30x.21 м. Стела представляла собой слегка сужающийся кверху прямоугольник с треугольным завершением, оббита сверху. Надпись вырезана аккуратно, четкими буквами. В углублениях букв красная краска.

В настоящее время хранится в КГИКЗ.

Μολπο-

θε'μιος

τх ' Αλεξ-

α'νδρο

(Памятник) Молпотемия сына Александра.

По характеру письма надпись датируется – первой половиной V в. до н.э. Имя Молπο'θεμις до сих пор встретилось, кажется, только единожды – в надгробии жителя Проконнеса, датированном 420-400? г. до н.э. (IG I3 . 2 № 1364)

Имя ' Αλε'ξανδρος часто встречается в боспорских надписях более поздней эпохи – начиная с I в. до н.э. Данная стела представляет, вероятно, самый ранний пример появления этого личного имени в Северном Причерноморье.

DR. B. TSIGARIDA

4 TH -CENTURY GOLD JEWELLERY FROM MACEDON AND THE BOSPORAN KINGDOM

The paper is on the 4th - century gold jewellery discovered in tombs of Macedon and the Bosporan Kingdom.

First, the various types of jewellery are presented in an effort to investigate different preferences in the two areas. Next, follows a discussion on the similarities and differences of the specimens from the two areas. This study looks at the identification of local aesthetic

preferences and the artistic centres at which they were made. To facilitate this, the pieces of jewellery are analysed in terms of their various components and ornaments, as well as their technical details.

Finally, since this jewellery was found in burials, the paper also investigates its role in funeral rites while the context of the jewellery sheds light to the identity of the deceased whom owned it.

Е.А. ЗИНЬКО

САКРАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА С СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ

НИМФЕЯ

Находки памятников сакральной скульптуры в сельских районах античных государств Северного Причерноморья довольно редки. Поэтому найденный в 1965г. в "Старшем" трехбратнем кургане, расположенном в 8 км к Ю-З от Нимфея, монументальный барельеф IV в. до н.э., длительное время являлся единственной находкой такого типа на территории Нимфейского полиса. В 1995 –1996 гг. при проведении сплошных археологических разведок в рамках международной программы "Нимфей - история и структура греческого полиса" были обнаружены еще 3 памятника монументальной скульптуры. Все выявленные памятники делятся на две группы: к первой относятся два скифских изваяния; ко второй - два эллинских барельефа. Каждая скульптура представляет собой оригинальное произведение. Рассмотрим вначале хронологически более ранние памятники.

СКИФСКОЕ ИЗВАЯНИЕ №1. Обнаружено в 250м к востоку от кургана (высота 102,4) Скалистинского курганного могильника. Изваяние изготовлено из цельного блока высотой 1,4м и сечением близким к квадрату. Длина нижней грани 0,40, верхней 0,25 - 0,28м. Изваяние моделирует человеческую фигуру путем выделения головы (высота - 0,22) и покатых выступов - плеч, хотя схематизм проявляется в подчеркнутой четырехгранной форме столба. Черты лица, руки и немногочисленные атрибуты (двухсторонняя секира, ритон, лук в колчане) показаны глубокой гравировкой и низким рельефом (рис. 1). Обрабатывались и шлифовались все грани памятника, рассчитанного на круговое восприятие и с близкого и дальнего расстояния. Взгляд из далека нивелировал детали, формируя образ вертикального со скругленной вершиной столба. На правом боку изображена двухсторонняя секира. На лицевой части справа - ритон (длина 0,18м); слева - лук в колчане (длина 0,26м). Все эти элементы, их иконография и расположение характерны для ранних скифских изваяний (Ольховский, Евдокимов, 1994, с.67-73).

В целом скифское изваяние № 1 следует датировать в пределах VI-V вв. до н.э. Судя по сохранности камня, изваяние длительное время стояло вкопанным на 0,45м, лицом в степь, на запад, т.к. северо-восточная сторона известнякового блока сильно разрушена господствующими в этой части полуострова ветрами.

Воспроизводимая человеческая фигура представляется как бы "втиснутой" в заданный объем квадратного в сечении блока. Применение гравировки и низкого рельефа нисколько не меняет впечатления монументальности и монолитности памятника.

СКИФСКОЕ ИЗВАЯНИЕ № 2. Обнаружено на западной поле кургана №1 курганного могильника у высоты 93,6 в 1996 г. Представляло собой известняковый валун. Размеры 1,75 х 0,65м. Иконография; сильно стилизованная фигура человека; выделена голова (выс. 0,40м) с носом, намечена шея и сильно покатые плечи. Это скифское изваяние может быть классифицировано как антропоморфная плита, для которой характерно: вытянутая по вертикали подпрямоугольная форма, подчеркнутый геометризм, необработанность боковых и тыльных граней (Ольховский, Евдокимов, 1994, с.48). Единственный антропоморфный элемент - полукруглый выступ на верхней грани - голова. Датируется VI до н. э.

Находка этих скифских изваяний заставляет по иному рассматривать ареал этой группы памятников. Если ранее большинство крымских скифских изваяний располагалось на сравнительно небольшой территории Западного Крыма (Ольховский В.С., Евдокимов Г. Л. , 1994, с.42), то теперь можно выделить и Восточно-Крымский регион. Причем, на сегодняшний день наиболее ранних, VI-V вв. до н.э., памятников. Эти изваяния вполне можно рассматривать и как надежные "реперы", фиксирующие процессы передвижения определенных скифских групп и освоения ими новых территорий (Ольховский В.С., 1992). В этой связи интересны места находок наших изваяний. Они точно фиксируют наиболее удобный путь передвижения из степных просторов Восточного Крыма к Нимфею, где располагалась крайняя южная "киммерийская переправа" (Зинько В.Н., 1977, с. 30).

Перейдем к рассмотрению второй группы памятников.

В 1995г. к северу от поселения Тобечик - 8 был найден фрагмент мраморного барельефа (рис. 2).

ФРАГМЕНТ МРАМОРНОГО БАРЕЛЬЕФА. Изготовлен из белого аттического мрамора. Высота фрагмента 0,19м, наибольшая ширина - 0,33м. Представляет собой верхнюю часть барельефа с высотой выступающих деталей от 0,08 до 0.03м.

Сверху изображение ограничено высоким (до 0,08м, при ширине 0,05м) бордюром. Ниже изображен фрагмент головы животного с частью уха, вероятнее всего пантера. Детали тщательно проработаны и заглажены. По стилистическим особенностям можно датировать V-IV вв. до н.э.

Этот фрагмент большого барельефа, который мог располагаться в святилище Диониса (?) в одном из близлежащих сельских поселений.

В 1965г. при раскопках курганной группы "Три брата", в насыпи "Старшего" кургана Д.С. Кирилин был найден на глубине 5,6м от поверхности монументальный рельеф. Его размеры: высота - 2,6м, ширина - 1,6м. Судя по всему, рельеф был установлен на первоначальной насыпи кургана, на специальной площадке из утрамбованной глины (рис.3). Вместе с обломками рельефа найдены фрагменты каменных блоков, остатки дерева, а также бронзовая пантикапейская монета 340-330 гг. до н.э. К сожалению, это сооружение было полностью разрушено грабительской траншеей. Плита рельефа имеет внизу массивный шип, обратная сторона обработана грубо. Все это говорит о том, что рельеф был вставлен в постамент, а обратная сторона его была закрыта. Вероятно, следует уточнить, что рельеф был установлен на первоначальной насыпи кургана, в той ее части, которая обращена непосредственно к поселению Огоньки.

О семантике образцов этого рельефа уже писали (Кирилин Д.С., 1977; Бессонова С.С., 1983; и др.). Поэтому лишь кратко напомним основные моменты.

Изображения сидящей женщины и предстоящего всадника встречаются на многочисленных изделиях торевтики V-III вв. до н.э., и на боспорских надгробиях первых веков. Наиболее близкой является композиция изображенная на мерджанском ритоне. Мне представляется наиболее убедительной точка зрения М.И. Артамонова, полагавшего, что своей устойчивостью подобные изображения были тесно связаны с заупокойным культом. О существовании на Боспоре культа всадника свидетельствуют как терракотовые статуэтки, так и изображения на погребальных стелах, это спутник женского божества, имевший хтонический характер, скорее герой, чем бог.

Особо следует остановиться на одной детали, на которую ранее почти не обращали внимание - колонна с горитом, она как бы возвышается над всей сценой. Колонна (дерево) - космическая ось и горизонтальный разделитель миров, выражает представление о трехчастном строении мира. Изображение лука соответствует

системе погребальной героической символике сформировавшейся в Греции и заимствованной на Боспоре. Он связан с культом героев и обозначал то состояние, в которое переходил умерший.

Изображение повозки и лошадей на рельефе, безусловно, связаны не только с большим значением этих атрибутов в погребальном ритуале скифских племен, а в первую очередь как важные атрибуты культа Деметры. Из Павсания известна зооморфная персонификация Деметры - Черная Деметра - существо с фигурой женщины с головой лошади. Немаловажно, что лошадь одна из животных ипостасей духа хлеба. Кроме того, в античном искусстве часто встречаются изображения Деметры восседающей на колеснице.

Символика трехбратнего рельефа свидетельствует об особом положении лица, которому он был посвящен. Следует предположить, что погребенная в кургане имела отношение к культу женского божества, черты которого приданы ее облику на погребальном памятнике. Ее могила могла быть некоторое время объектом особого поклонения. Мне представляется, что этим божеством была Деметра. Культ Деметры получил на Боспоре в IV в. до н.э. самое широкое распространение, особенно среди жителей сельских поселений. В Нимфее в это время существует большое святилище этой богини. В слоях V-IV в. до н. э. на Нимфейских поселениях Героевка-1 и Южно-Чурубашское найдены фрагменты терракот изображающих Деметру в виде сидящей на троне богини. Вероятно, следует предположить существование святилища Деметры не только в городе, но и на хоре Нимфея, с культом которой связан трехбратний рельеф.

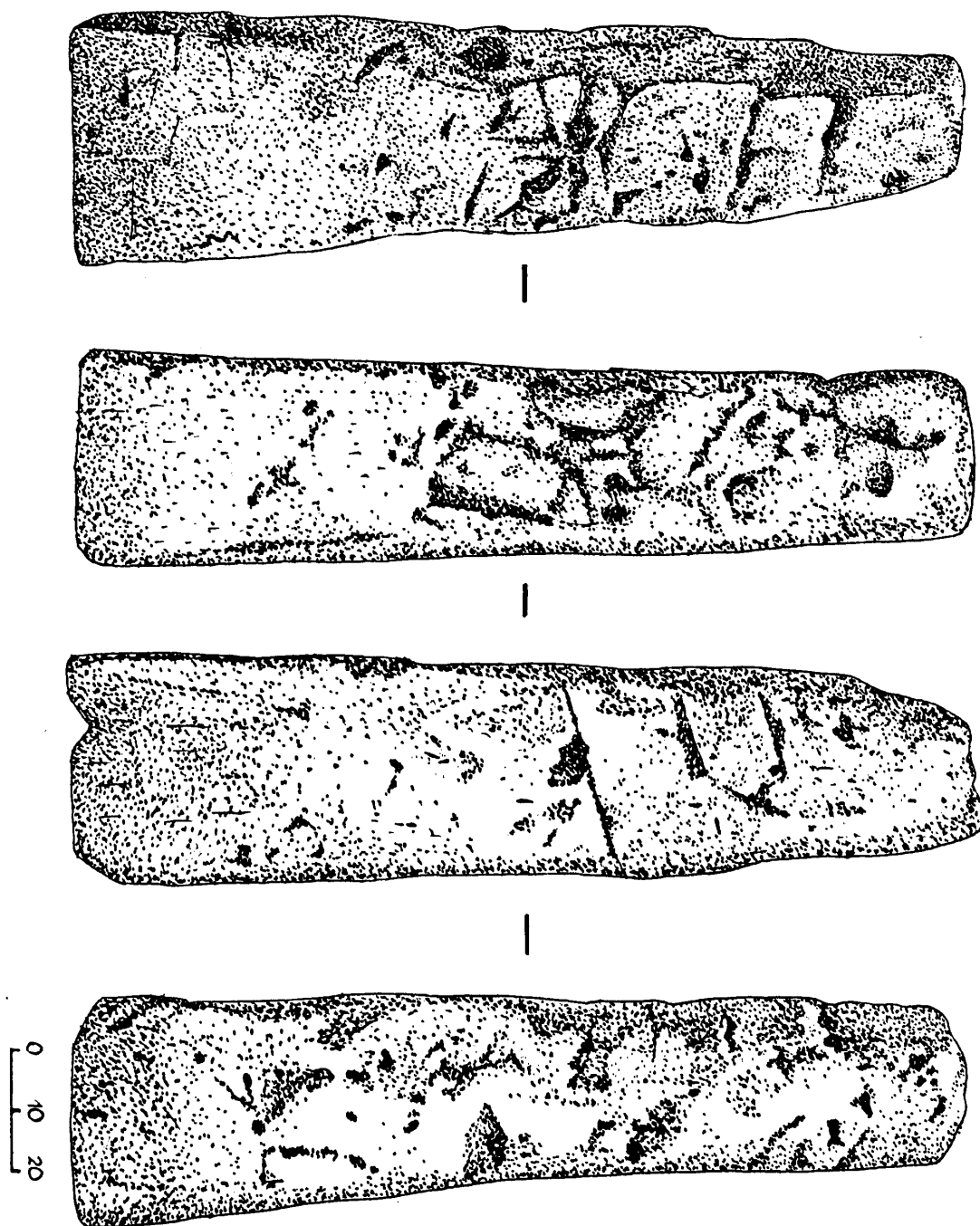
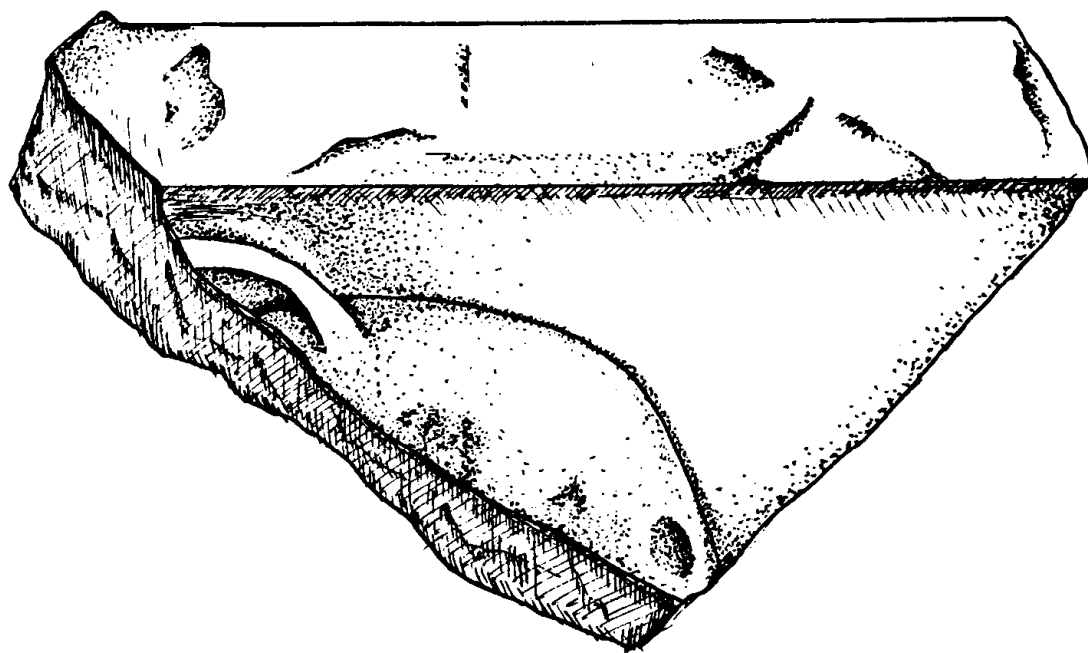

Рис. 1

0 2cm

Рис. 2

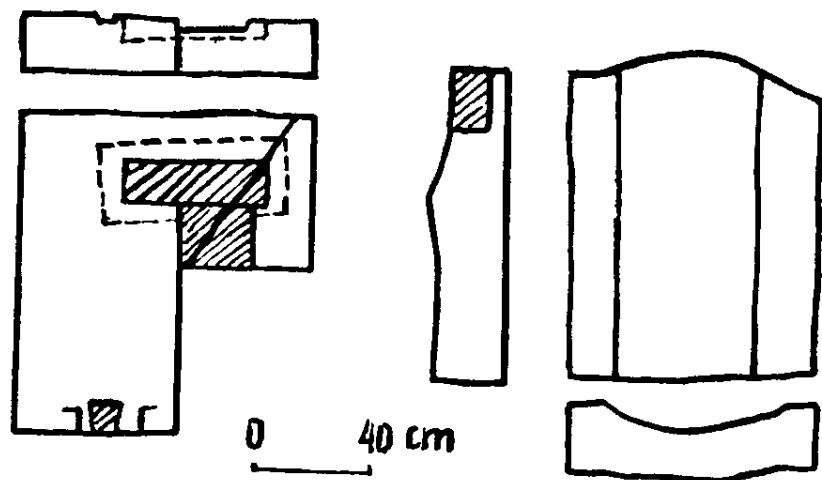
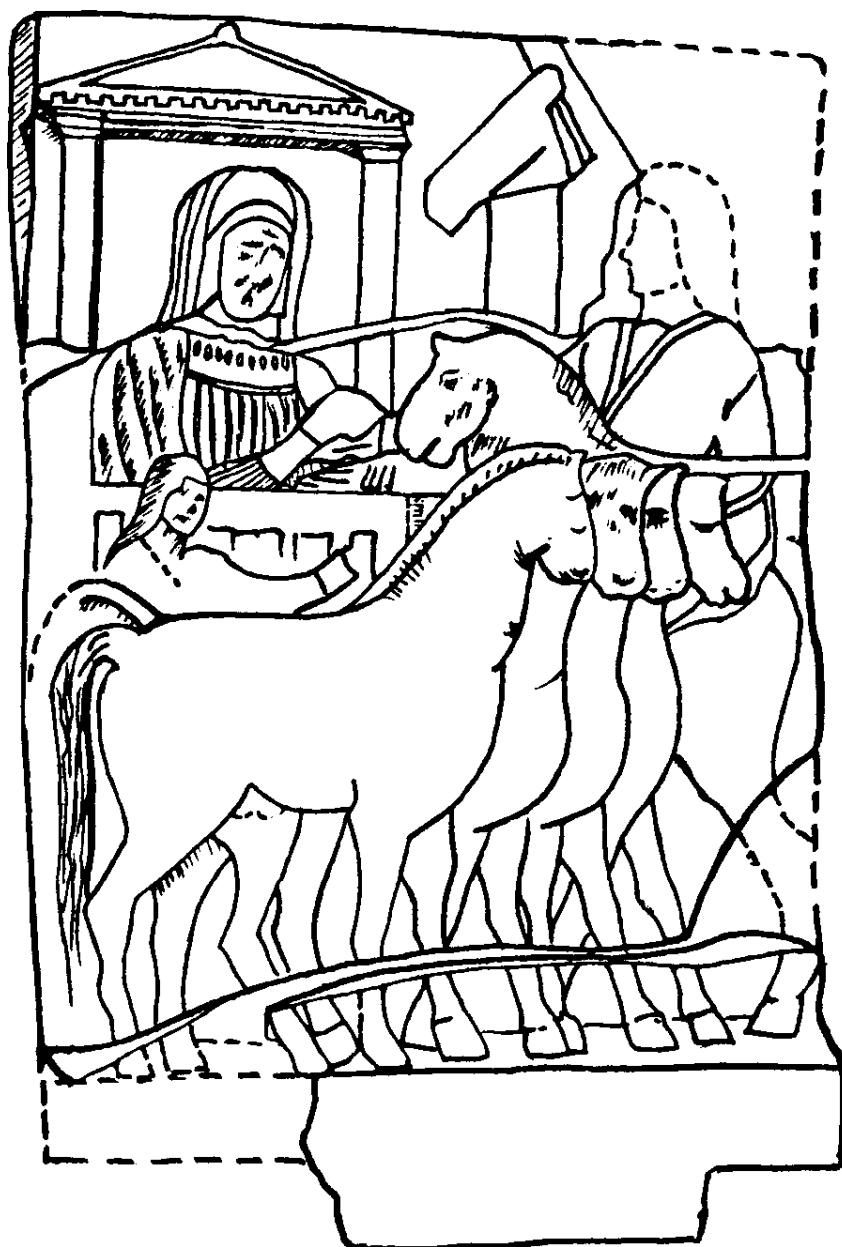

Рис.3

Ю.А. ВИНОГРАДОВ

КУРГАНЫ ВАРВАРСКОЙ ЗНАТИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ В РАЙОНЕ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Курганные некрополи - характерная особенность культуры Боспора Киммерийского. Большой интерес среди них представляют памятники с местными чертами в погребальном обряде и инвентаре, которые, в основном, были исследованы еще в прошлом веке и очень хорошо известны в научной литературе. Совсем не удивительно, что здесь очень ярко проявляется, так сказать, господствующая мода среде варварской аристократии. В скифскую эпоху в курганных погребальных комплексах отчетливо выступают черты скифской аристократической культуры, а также очень близкой ей по культуре аристократии прикубанских племен, в сарматскую эпоху вкусы местной знати серьезно трансформировались и многие боспорские курганы демонстрируют результаты этой трансформации. Наиболее поздним и, надо сказать, наиболее знаменитым памятником скифского влияния на Боспоре является, конечно, Куль Оба. После крушения Великой Скифии приблизительно на рубеже IV-III вв. до н.э. этно-политическая картина в регионе в значительной степени изменилась, что привело в том числе и к переменам в облике погребений варварской знати в районе, прилегающем к Керченскому проливу, и даже в их топографии. Из курганов III-I вв. до н.э. лишь один (Ак Бурун 1875 г.) находится в европейской части Боспора, все остальные - в азиатской .

Ак-Бурун датируется концом IV - началом III вв. до н.э. Этот последний курган варварской знати из насыпанных в окрестностях Пантикапея, по обряду и инвентарю носит очень смешанный характер. При очевидных чертах эллинизации представленный здесь обряд кремации близок сарматским трупосожжениям, а наиболее показательный инвентарь - меотскому миру. Здесь по существу нет никаких скифских признаков - ни предметов, орнаментированных в зверином стиле, ни нашивных золотых бляшек, ни захоронения коня с характерным убором или т.п. На мой взгляд, этот памятник очень показателен для времени крушения Великой Скифии и крупных этнических изменений на границах Боспорского царства, связанных с продвижением сарматов (Виноградов. 1993).

Очень близки Ак-Буруну по времени некоторые памятники азиатского Боспора. Среди них такой богатый и показательный комплекс как Зеленской курган. Он датируется концом IV - началом III вв. до н.э. (Брашинский. 1984; Монахов. 1999), и опять же здесь

отсутствует скифский звериный стиль, нашивные золотые бляшки и пр.

Однако некоторые скифские черты в культуре Боспора все-таки сохранились, и демонстрируют их такие выдающиеся памятники эпохи как Большая и Малая Близницы. В этих комплексах представлено большое число нашивных золотых бляшек и некоторые проявления звериного стиля в находках прикладного искусства. Уникальность Большой Близницы для Боспора заключается в том, что в данном кургане совершались захоронения жриц. Единой их трактовки не существует, но М.И.Ростовцев и М.И. Артамонов достаточно убедительно указывали на принадлежность погребений жрицам Великой местной богини, ныне такого понимания придерживается И.Ю. Шауб. Кроме захоронений женщин, большой интерес представляет гробница, открытая в 1865 г., в которой был погребен мужчина с богатым набором вооружения. Не вызывает сомнения, что погребенный здесь воин принадлежал к одному с жрицами семейству.

Относительная хронология комплексов Большой Близницы пока еще не вполне ясна. По всей видимости, они были совершены в течение довольно узкого промежутка времени. В.И.Пругло датировала гробницу № 3 концом IV или концом IV - началом III вв. до н.э. А.Шварцмайер в недавно вышедшей работе пришла к выводу, что главное погребение жрицы следует атрибутировать приблизительно 330 г. до н.э., а все остальные комплексы в пределах конца IV -начала III вв. до н.э. (Schwarzmaier. 1996).

При всей относительной скифской традиционности Большой Близницы необходимо особо выделить имеющиеся здесь новые черты. В главном, то есть, по всей видимости, наиболее раннем погребении кургана кроме прочих богатейших находок были обнаружены четыре уздечных набора, в состав которых входили и фалары с изображениями сцен борьбы Посейдона с гигантом и греков с амазонками. Они, как представляется, весьма показательны для понимания изменений вкусов местной знати, которые происходили под влиянием пришельцев с Востока. Как можно полагать, это влияние стало проявляться на Боспоре достаточно рано.

Традиции Большой Близницы в какой-то мере сохранила Близница Малая, хотя, как сейчас считается, между ними имеется немалый хронологический разрыв. М.И. Ростовцев полагал, что в Малой Близнице не обнаружено ни единой находки, которая могла бы быть отнесена ко времени ранее конца III в. до н.э. Из комплекса, однако, происходят золотые бляшки с изображениями

горгонейонов, кентавров и пр. Но обряд уже совсем другой, более варваризированный, - кремированные останки усопшего были уложены на войлок, которым в свою очередь был накрыт погребальный костер.

Очень важными для понимания культурно-исторического процесса в регионе являются комплексы Васюринской горы, но датировка их вызывает немалые затруднения. Причина такого положения заключается в том, что склепы здесь использовались неоднократно и, соответственно, неоднократно грабились. Большой курган 1868-69 гг. был датирован М.И. Ростовцевым по чернолаковой пиксиде и другим находкам не позднее середины III вв. до н.э. Как известно, в склеп этого кургана вела каменная лестница, к которой по сторонам примыкали четыре конских захоронения. Е.В. Власова попыталась разобраться в этой непростой картине и пришла к заключению, что склеп был сооружен в начале III в. до н.э., к тому же времени она отнесла два конских захоронения. Еще одну конскую могилу с фаларами исследовательница датирует рубежом 3-ей и 4-ой четверти III в. до н.э., а последнюю - римским временем (Власова. 1998).

В кургане, исследованном на Васюринской горе в 1871-72 гг., также был открыт ограбленный склеп, в который вела лестница. Около лестницы было расположено конское погребение с железной колесницей, отличающейся очень сложной орнаментацией. В этом же погребении находился набор украшений конской узды в виде фаларов. Весь этот комплекс М.И. Ростовцев датировал временем не позднее второй половины III в. до н.э., и эта датировка, очевидно, вполне вероятна.

Еще сложнее хронологическая атрибуция Буеровой могилы. Этот курган был насыпан на той самой гряде возвышенностей, которая тянется от Фанагории, и на которой находятся обе Близницы и комплексы Васюринской горы. Из всех этих памятников Буерова могила является самой восточной, самой варваризированной и, очевидно, самой поздней. Вслед за М.И. Ростовцевым этот курган обычно относят к III-II вв. до н.э. Более точная его датировка в настоящее время невозможна, так как инвентарь этого погребения за исключением отдельных находок, еще не опубликован. Но все-таки логичней ожидать, что Буерова могила относится скорее к II, нежели к III в. до н.э.

В эту же группу погребений варварской знати следует включать Мерджаны. Данный курган, раскопанный при случайных обстоятельствах под Анапой, обычно связывают со скифской эпохой и датируют концом IV - началом III вв. до н.э. Однако такая

атрибуция крайне сомнительна. Знаменитую золотую пластину с изображением сидящей на троне богини и приближающегося к ней всадника М. Пфроммер датирует самое раннее - концом III в. до н.э. (Pfrommer. 1993), а весь прочий инвентарь позволяет относить комплекс к II в. до н.э., вероятно, ближе к его середине (Виноградов. 1998).

Все названные памятники, на мой взгляд, достаточно рельефно демонстрируют тот исторический факт, что в III-II вв. до н.э. для Боспорского государства огромное значение имели связи с племенами Прикубанья - меотами, сарматами и пр. Былой опоре на Скифию явно пришел конец, но владыки Боспора быстро нашли в варварской союзе новых союзников, новых политических и экономических партнеров.

Очень сложным для изучения является так называемый Ахтанизовский клад. Среди обнаруженных здесь предметов - бронзовый шлем, набор серебряных фаларов, шейная гривна, серебряные и стеклянный сосуды, золотая фибула с плоской хрустальной пронизью в центре, золотые фибулы с резными сердоликами и пр. Неоднородность этих находок в хронологическом отношении вполне очевидна. Фалары датировали концом III в. до н.э., бронзовый шлем - II в. до н.э., серебряную чашу тем же временем, стеклянный канфар - серединой II в. до н.э. (Кунина. 1997; Засецкая, Марченко. 1995). И.П.Засецкая и И.И. Марченко относят весь этот комплекс к третьей четверти II в. до н.э. М.И. Ростовцев сближал его с погребением, открытым у станицы Старо-Титаровской в 1845 г., и это сближение, безусловно, имеет смысл, несмотря на некоторый хронологический разрыв двух названных памятников.

Около Старо-Титаровской было раскопано погребение воина с шлемом, мечем, стеклянным и бронзовыми сосудами, двумя серебряными фаларами, застежкой с резным камнем и пр. Стеклянный скифос относится к концу II - началу I вв. до н.э. (Кунина. 1997), а фибула-медальон - к I в. до н.э. - I в. н.э. (Художественное ремесло эпохи Римской империи. 1980). И.П. Засецкая и И.И. Марченко датируют погребение I в. до н.э.

Два последних памятника отличаются явным своеобразием, вписываясь в круг древностей более отдаленных территорий. И.И. Марченко указывает на то, что ряд вещей, происходящих из прикубанских погребальных комплексов, попали сюда в результате связей с Понтийским царством и кельтами Малой Азии. Среди них называются стеклянные канфары, фибулы-медальоны, кельтские шлемы и пр. Эти импорты могли быть дипломатическими дарами

местным вождям, а вещи конца II - I вв. до н.э. вполне допустимо связывать с деятельностью Митридата VI Евпатора и вовлеченностью северопричерноморских народов в его борьбу с Римом. Названные боспорские памятники, о которых историки уже почти забыли, вполне удовлетворяют этой интерпретации, помогая лучше понять значение Боспора в системе Понтийской державы Митридата. Любопытно, что в этом плане вновь выделяется Таманский полуостров, а не окрестности Керчи.

Необходимо подчеркнуть, однако, что на европейском Боспоре имеется один памятник, который допустимо связывать с митридатовым временем. Имеется в виду Кара-Оба, грандиозный курган с двумя крепидами, который датируют II в. до н.э., возможно, второй его половиной (Шульц. 1971). Этот курган остается недоследованным, хотя могила в нем все-таки была выявлена, при этом она была заполнена человеческими костями как бы изрубленными на части. П.Н. Шульц посчитал, что всего скорей здесь было совершено коллективное позднескифское погребение. Приведенная трактовка не объясняет факта изрубленности костей, поэтому предпочтительней представляется точка зрения А.Н. Щеглова, который считает, что Кара-Оба была не простым погребальным памятником, а памятником победам войск Митридата на Боспоре. Очень вероятно, что здесь были захоронены воины, павшие в этой борьбе. Аналогичный памятник, как считает А.Н. Щеглов, был насыпан и под Херсонесом, - это Шверинский курган.

Погребения варварской знати в районе Боспора Киммерийского имеют очень большое значение для понимания истории Боспорского государства в эпоху эллинизма, предоставляя ценнейшую информацию о главных направлениях его политических, экономических и культурных контактов с местными племенами, роли этого центра в борьбе Митридата Евпатора с Римом и пр.

Е.А. САВОСТИНА

ГРЕЧЕСКАЯ ТОРЕВТИКА НА «СКИФСКИЕ» ТЕМЫ:

ЗАМЕТКИ О СТИЛЕ СКУЛЬПТУРНОГО ДЕКОРА

Драгоценные предметы из погребений «царских» скифов, выполненные греческими мастерами, составляют своеобразную группу памятников. Репертуар их обширен, но особенно знамениты сосуды и украшения с изображением скифов. Первой «гробницей сокровищ» с серией этих древностей стал исследованный П. Дюбрюксом, В. Ашиком и К. Карейшей курган Куль-Оба в окрестностях Керчи (1830 г.). С тех пор в изучении курганов

накоплен во всех смыслах богатейший материал. Однако многие вопросы, возникшие в связи с тем эпохальным открытием, далеки от окончательного разрешения. Среди них – проблемы культурной принадлежности и места работы мастеров, выделения мастерских, школ и стилей в ремесле златокузнецов, анализ сюжетов изображений. Решение их важно не только для истории торевтики и торговли в Северном Причерноморье, но и для изучения общекультурных процессов.

Многочисленность ориентированных «на потребителя» греческих вещей в культуре степняков породило термин «греко-скифское искусство». Разные авторы подразумевают под ним часто противоположные понятия, и не всегда ясно, имеется ли в виду проникновение в среду «царских» скифов греческого импорта, придавшего особый оттенок их материальной культуре, или речь идет о новом явлении в искусстве, составленном двумя слагаемыми (о проблеме см.: Яценко и Раевский). По нашему мнению, нет никаких оснований для суждения о подобных памятниках как о проявлении искусства нового типа. Не является доказанным и их происхождение из мастерских Боспора, хотя эта гипотеза получила широкое одобрение в литературе. Не отрицая такой возможности, более обоснованно рассматривать ее наряду с другими объяснениями происхождения причерноморских вещей: работа приезжих златокузнецов-эллинов или целенаправленный поток импорта из мастерских Греции. Последний вариант проникновения вещей в другую культуру хорошо изучен на примере распространения расписной греческой керамики. Многие методы изучения вазописи, основанные на подробном описании и анализе памятников, используются в исследовании торевтики. Остановимся на этом подробнее.

Отметим скрупулезную публикацию материалов кургана Солоха (Манцевич) и серии куль-обских сосудов (Грач). Изучение композиции декора и закономерностей в расположении элементов орнамента стали основой исследования конкретных памятников. В этом контексте нельзя не заметить и работы, в которой наиболее известные изделия из скифских курганов приписываются одному мастеру (Rudolpf). К сожалению, те вещи, что объединяются в список произведений т.н. «Чертомлыкского мастера»: пектораль из Толстой Могилы, амфора из кургана Чертомлык, гривна из Куль-Обы, гребень из кургана Солоха, пектораль из Большой Близницы, - не образуют единой группы. Пекторали из Толстой Могилы и Большой Близницы схожи конструкцией и системой декора, в основе которой - обрамленный объемной «плетенкой» ажурный

скульптурный фриз. Завершающие ожерелье головки львов на цепочках и орнаментальная эмалевая розетка также сближают эти украшения, но скульптура их выполнена на разном уровне ремесла. Более тонко работающий мастер пекторали из Толстой Могилы несколько иначе строит фигуры, по-другому трактует завитки бараньей шерсти; отличаются и его розетка с плетенкой. Предположить, что это вещи одного круга, например, «Мастерской Пекторали», возможно, но совершенно ясно, что они не могут принадлежать «Чертомлыкской мастерской». Орнамент тулова серебряной амфоры из Чертомлыка, по которой предлагалось именовать мастерскую, тематически схож со средним фризом большой пекторали, но отличается упрощенной стилистикой, ритмом рисунка и характером изображенных элементов, больше отвечая стилю растительного фриза куль-обского кубка со сценой терзаний. Но главное – на амфоре иначе изображены лошади и скифы, основные персонажи скульптурного фриза. Фигуры Мастера Пекторали (Т.М.) более объемны не только из-за отличий техники литья круглой скульптуры от чеканки горельефного фриза. Его скульптура характеризуется особой пышностью шевелюр, включая гриву льва и хвост лошади, дробностью в разработке поверхностей, сочностью деталей. В свою очередь мастер фриза амфоры предпочитает удлиненные пропорции и более определенные линии в контурах фигур, в трактовке грив и хвостов лошадей. Изображения разработаны в укрупненных плоскостях, что соответствует тенденции другого скульптурного фриза – со сценой охоты на чаше из кургана Солоха. Сравним коня левого всадника, атакующего чудовище (С.), и коня, умиряемого скифом (Ч.): идентичны поворот головы, передача мышц шеи, грудной клетки, крупа, не сразу разлетающихся волос хвоста. В изображении всадника и пеших скифов возле коней есть также множество совпадений. Характерны большие головы с недлинными волосами, зачесанными назад. Трактовка их широкими прядями напоминает проработку конских грив и хвостов. Фигуры сопоставляемых скифов также разработаны в крупных плоскостях, что отразилось в особой «разглаженности» кафтанов, имеющих обрамляющую ворот «веревочку». Аналогичны изображения небольших гладких сапожков-скификов и штанов-анаксирид с легким напуском, с пропущенной под сапожок штрипкой. Драпированные характерными диагональными складками, они встречаются у всех персонажей и амфоры, и чаши, и в этом, как и в других повторяющихся деталях, очевидны утвердившиеся приемы одной школы (кстати, судя по данным признакам, к ней не относятся

всадники на гривне из Куль-Обы). Отметим и частные черты, подтверждающие эти наблюдения: шальвары всадника украшают гравированные кружки и лента перечеркнутых крест на крест квадратов. Такая же полоса изображена на анаксиридах и кафтане «чертомлыкского» скифа.

Даже наблюдения, основанные на фотографиях, свидетельствуют, что фризы амфоры из Чертомлыка и чаши из Солохи выполнялись по матрицам одного скульптора и прорабатывались одним (тем же?) мастером. Неясно, имел ли он отношение к изготовлению всего сосуда - как и ряд других вопросов, это можно решить, лишь анализируя сами памятники. Но и на доступном уровне авторство того же скульптора угадывается еще в одной знаменитой вещи – золотом гребне из кургана Солоха. В атрибуции этого произведения наиболее показательно изображение скифа без доспеха и шлема. Пропорциями, постановкой фигуры, трактовкой волос и деталей костюма он чрезвычайно напоминает «чертомлыкского» скифа, наклонившегося к коню. Кафтан его также оторочен «веревочкой», штаны – с характерной штрипкой, как и у других участников боя, - декорированы косым крестиком, как шальвары «солохского» охотника на льва. Поскольку эта работа наиболее полно характеризует автора фризов солохской чаши и амфоры из Чертомлыка как скульптора, назовем его «Мастером Солохского Гребня».

Несмотря на стилевые различия, отмечающие продукцию отдельных мастеров, упомянутые памятники объединяют характерная реалистичность изображения, объемность фигур и их свободная постановка в пространстве, непринужденная пластика движений, свойственные греческой скульптуре высокой и поздней классики. Именно такого соединения черт пока не наблюдалось в примерах причерноморской монументальной скульптуры.

Натурализация изображения в рассмотренных образцах, по законам классического искусства, не тождественна рационализму (Spivey). Несмотря на подробную передачу деталей, костюмы скифов переданы обобщенно. Их декоративность также говорит о стремлении не столько передать реалии, сколько воспроизвести тип условного “фольклорного” скифа. Видимо, в ориентированной на кочевников тореветике изображение “скифа” утвердилось в таком же качестве, в каком “восточный персонаж” (скиф, перс, амазонка) господствовал в вазописи. Все это допускает независимость художника от конкретной модели и его свободу в географическом пространстве.

Сюжеты изображений, остроумно интерпретированные в контексте Скифского логоса Геродота (Раевский, Нейхардт), представляют новую тему в античной сюжетной лирике. В отличие от мифологических сцен вазописи, они “литературны”. Картины скифов, составленные по пересказанным предшественниками Геродота мифам и эпосу кочевников, мы видим глазами эллинов. Соглашаясь с буквальным следованием тексту в интерпретации отдельных сцен (Раевский), можно судить о некоторой иллюстративности рассматриваемого искусства, что говорит о его позднем происхождении.

Хотя примеры, близкие рассмотренной торевтике из скифских курганов в стилевом отношении, неизвестны в скульптуре, в тематическом плане с нею сопоставим найденный на Боспоре известняковый рельеф со сценой сражения. “Скифская амазомахия” Геродота или “битва молодых скифов” решена в принципах иного пространственно-пластического видения. Уплотнение и “денатурализация” объема, линейность изображения, характерные контрасты фаса и профиля в поворотах фигур свидетельствуют о стилизации форм. Плавность в соединении частей и изысканность линий определяют своеобразие манеры скульптора, работавшего на Боспоре.

В связи с нашей темой примечательно прямое соответствие данному стилю в одном из произведений златокузнецов - золотой тиаре из Передериевой Могилы (Морушенко). Сюжет чеканного изображения битвы старых и молодых скифов также восходит к Геродоту. При всем отличии материалов, в которых работали мастера, очевидно использование ими общих иконографических формул и стилевых приемов: ср. побежденных на рельефе и тиаре, а также атакующих молодых скифов, показанных со спины. В перечень родственных черт должны войти и трактовка костюма, и более точная этнография вооружения, и изображение знаковых деталей - гривны на шее. К отработанным характеристикам персонажей отнесем утрату оружия побежденными воинами.

Несомненны единые принципы художественного мышления и общие изобразительные приемы, воплощенные и в рельефе, и в торевтике. Справедливо аттестовать это оригинальное художественное направление в пластике Северного Причерноморья как «боспорский стиль». Таким образом подтверждается вероятность изготовления золотых вещей боспорскими мастерами.

Проблема сложения «боспорского стиля» и хронология упомянутых памятников выходят за рамки нашего сообщения. Но, в связи со всем вышесказанным, в существующих датировках,

особенно касающихся гребня из Солохи (Манцевич 1949, М.Русяева 1999), очевидна необходимость перемен.

М.Ю. ВАХТИНА

О НЕКОТОРЫХ ГРЕЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ ЖЕНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНЕ КАРАГОДЕУАШХ

Курган Карагодеуашх был раскопан в 1888 г. Е.Д.Фелицыным. Под его насыпью находилась каменная гробница, состоявшая из трех погребальных камер, расположенных по линии запад-восток и галереи (Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1984, с. 7-8). Судя по описанию, а также по сохранившимся чертежам и рисункам, гробница была сооружена единовременно.

Вещевые комплексы погребений гробницы, с одной стороны, отражают высокую степень эллинизации, с другой – позволяют выявить яркие «варварские» черты в культуре туземного населения Прикубанья.

К сожалению, не существует работ, специально посвященных проблеме датировки кургана. А.А. Лаппо-Данилевский и В.К. Мальмберг датировали его широко в пределах IV- III вв. до н.э. (с. 176). М.И. Артамонов считал этот памятник в целом синхронным Александропольскому кургану и относил его к концу IV в. до н.э. (Артамонов, 1966, с. 74-75, 77). В настоящее время его, как правило, помещают в круг памятников, связанных с финальным периодом скифской истории и относят отдельные вещи комплекса ко второй половине IV в. до н.э. (Gold der Scythen... , kat. n. 67, s. 136; n. 68, s. 138-139) или даже концу этого столетия (Piotrovsky, Galanina, Grach, pl. 232, 254).

Особое место в конструкции гробницы занимало женское захоронение. Как нам представляется, входившие в его состав греческие импортные вещи (как изделия группы «чистого импорта», так и изделия греко-варварской торевтики) дают возможность высказать некоторые предположения о возможной дате комплекса.

Женская погребальная камера, по размерам уступавшая остальным, содержала «остов молодой женщины», лежавший головою на восток. Около ее черепа находилась золотая треугольная пластина, золотые серьги; рядом лежали 16 золотых бляшек в виде фигурок хищных птиц и 50 круглых бляшек с горгонейонами, принадлежавших, по всей вероятности, к украшениям головного убора или же покрывала. В области шеи были найдены золотая шейная гривна и бусы с амфоровидными подвесками и головкой быка (букранием) посередине; рядом находились золотая цепочка с

львиными головками на концах и второе ожерелье, более скромного облика. На запястьях погребенной были браслеты, завершающиеся на концах изображениями гиппокампов; на одном из пальцев правой руки был надет перстень с изображением на щитке женщины, играющей на лире. В области костяка были также обнаружены серебряная (сильно пострадавшая от времени) круглая бляшка с изображением Афродиты и золотая выпуклая круглая бляшка с изображением розетки. В одном из углов камеры находились амфора, серебряный и глиняный сосуды, бусы (не сохранились), рядом были найдены стеклянные медальоны-вставки. На одном из них - изображение воина, на другом - вооруженной женщины (очевидно, Афины), на третьем - лев и на последнем, хуже всего сохранившемся - мужская голова в шлеме (Лаппо-Данилевский, Мальмберг, с. 156-161). Согласно описи вещей (в том числе, найденных в обломках и не переданных в Археологическую Комиссию), хранящейся в Архиве ИИМК РАН, в состав вещевого комплекса этого захоронения входили также бронзовое зеркало (почти полностью разложившееся) и светильник. В центральной части камеры были найдены остатки колесницы и кости двух или трех лошадей с удилами.

Попробуем остановиться на некоторых предметах из этого комплекса, на основании которых можно судить, в частности, и о его датировке.

Ожерелье из золотых бусин, с двумя рядами амфоровидных подвесок и букраием в центральной части. Это ожерелье не имеет точных аналогий. С одной стороны, оно напоминает серию ожерелий из богатых погребений Северного Причерноморья - Куль-Обы (Грач, 1986, с.168, рис. 5, 8), Большой Близницы (Piotrovsky, Galanina, Grach, pl. 230) и Феодосии (Толстой, Кондаков, 1889, с. 61, рис. 82), украшенные рядами похожих амфоровидных подвесок. Однако, на всех этих экземплярах подвески крепятся к несколько иной основе - тесьме, сплетенной из тонких золотых нитей. Есть разница и в декоре самих подвесок. Н.Л. Грач датировала ожерелье из Куль-Обы первой половиной IV в. до н.э.; ожерелье из Большой Близницы относится примерно к середине этого столетия (Грач, 1986, с.86).

Ожерелье из женского захоронения кургана Карагодеуашх отличается от перечисленных выше ожерелий и, на наш взгляд, является одновременно и более простым, и более изысканным. Орнамент на его амфоровидных подвесках и бусины-пальметки сближают его с золотым ожерельем из Тарента, хранящимся в Лондоне и относящимся к 400-350 гг. до н.э. (Higgins, 1971, p. 127,

pl. 28)., на что уже обратила внимание Э.Якобсон (Jacobson, 1995, p.135). Известны в греческом мире и ожерелья с подвесками-букраниями в центре (см., напр., Higgins, pl. 26), причем наиболее похожа на головку быка на рассматриваемом ожерелье подвеска-букраний, изготовленная в Восточной Греции и датированная временем около 400 г. до н.э. (Hoffman, Davidson, 1966, p. 237, fig. 97).

Представляется, что временем изготовления ожерелья из кургана Карагодеуашх, вероятнее всего, является первая половина IV в. до н.э.

Золотые браслеты с изображениями гиппокампов на концах. Изображение этого фантастического существа, близкое изображению на браслетах, можно видеть на выступе ножен меча из Куль-Обы. Из этого памятника происходят и похожие изображения на золотых бляшках (Piotrovsky, Galanina, Grach, pl. 207).

Серебряная круглая бляшка с изображением головы Афродиты.

Изображение, вероятнее всего, является репликой скульптурного произведения и находит параллели в произведениях классического времени. В качестве одной из них можно привести находку мраморной головы Афродиты. из Кеп (Tsetskhladze, 1997, fig. 4), относящуюся к IV в. до н.э.

Ко второй половине IV в. до н.э. относятся «датирующие» находки греческой керамики из других погребений этого комплекса, очевидно, синхронных или же достаточно близких по времени. Так, из этого же кургана происходит чернолаковая чашечка со штампованным орнаментом, относящаяся к приблизительно к 350 г. до н.э. (анalogии см. Sparks, Talcott, 1970, nn. 560, 659, 805) и херсонесская амфора, недавно датированная С.Ю.Монаховым временем не позднее конца третьей четверти IV в. до н.э. (1999, с.412).

Не противоречат датировкам образцов греческого импорта и некоторые «варварские» вещи, например, ***золотая шейная гривна***. По классификации В.Г.Петренко (1978, с.41- 45), гривна из женского погребения Карагодеуашха наиболее близка экземплярам, выделенным ею в IV отдел. Сюда относятся гривны, сделанные из круглого в сечении стержня, одинакового в сечении в центре и у концов; наибольшее количество экземпляров этой серии датируется второй половиной IV в. до н.э. На концах гривны из Каранодеуашха имеется ряды горизонтальных насечек, сближающих ее с гривнами из кургана 22 из Красноперекопска и северо-западной камеры Чертомлыка.

И, наконец, самая известная вещь из женского погребения кургана - золотая треугольная пластина - не только важна для понимания сакрального смысла комплекса, но и не противоречит приведенным выше предположениям о его возможной датировке, возможно, несколько более ранней, чем традиционная.

Золотая треугольная пластина. Эта вещь является самым сложным и «насыщенным» памятником в круге произведений греко-скифской торевтики IV в. до н.э., украшенных женскими изображениями. Некоторые представленные на ней изображения также дают возможность высказать предположения о возможном времени ее изготовления. Это, прежде всего, самые «эллинизированные» изображения верхнего и среднего фризов.

Представляется, что женское погребение в кургане Карагодеуашх сопоставимо в хронологическом плане с такими скифскими погребениями, как Чертомлык и Куль-Оба. Согласно хронологической схеме, разработанной А.Ю. Алексеевым для памятников классической Скифии, погребения в Чертомлыке и Куль-Обе принадлежат к одной хронологической группе и относятся к 340-320 гг. до н.э. (Алексеев, 1992, с. 156-157).

В целом это погребение является чрезвычайно важным для понимания сложных вопросов, связанных с ролью женского начала в идеологии местного населения Северного Причерноморья скифской эпохи. Обычно внимание исследователей привлекают изображения на золотой треугольной пластине. Сравнительно недавно была высказана интересная гипотеза, позволяющая объединить представленные на ней изображения, сопоставленные с некоторыми элементами вещевого комплекса кургана, в один связный «рассказ» (Савостина, 1995). Однако, хочется заметить, что комплекс этого неразграбленного погребения до сих пор недооценен специалистами, занимающимися вопросами семантики. Даже беглый перечень найденных в гробнице предметов наглядно демонстрирует «высокую степень концентрации» в этом погребении женских изображений. Его «эллинские» элементы подчеркивают и помогают приблизиться к пониманию роли женщины в религиозно-мистических представлениях варварского общества. Интересные возможности открывает и сопоставление находок из этого комплекса с ритуальными предметами из мужских погребений (Виноградов, 1993). Женский комплекс кургана Карагодеуашх в целом может рассматриваться как повествование о земном и

сакральном назначении женщины в туземном мире Северного Причерноморья скифской поры.

- Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992
- Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Л. 1966
- Виноградов Ю.А. О ритонах кургана Карагодеуашх // ПАВ, 1993, вып.6
- Грач Н.Л. Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба (две реконструкции) // Античная торевтика. Л., 1986
- Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К. Древности кургана Карагодеуашх //МАР, 1894, вып. 13
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Саратов, 1999
- Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э.. М., 1978
- Савостина Е.А. Тема надгробной стелы из Трехбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва, 1995, вып. 1
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2. Древности классические СПб., 1889
- Higgins R.A. Greek and Roman Jewellery. London, 1971
- Jacobson E. The Art of the Scythians. Leiden-New-York-Koln, 1995
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. Leningrad, 1986
- Sparks B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th cent. B.C. // Ahenian Agora, Princeton, 1970, vol. 12
- Tsetskhladze G. The Artistic Taste in Phanagoria // Apollo, 1997

М.В. РУСЯЕВА

ЗОЛОТОЙ ПРЕДМЕТ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ ИЗ КУРГАНА ПЕРЕДЕРИЕВА МОГИЛА

Большинство произведений эллино-скифского искусства, созданных преимущественно в IV в. до н.э. в ювелирных мастерских Пантикапея при царском дворе ранних Спартокидов, посвящено легендарным, сакральным и батальным сценам из жизни скифов. Многие из них можно сопоставить со свидетельствами античных авторов. Среди них особый интерес представляет отображение исторического предания Геродота о битве старых и молодых скифов [IV, 3,4], нашедшего воплощение в двух шедеврах эллино-скифского искусства – серебряном позолоченном горите из Солохи и шлемо- или пилосообразном золотом предмете из Передериевой Могилы. Здесь мы остановимся на анализе последнего произведения.

Этот золотой предмет найден в 1988 году в насыпи кургана Передериева Могила второй половины IV в. до н.э. (Моруженко, 1992; Moguschenko, 1993). Во время археологических работ он был сильно поврежден (разорван на несколько фрагментов скрепером экскаватора) и в 1991 г. полностью реставрирован в Реставрационном центре при Римско-Германском музее г.Майнца (Starcenko, 1993. S. 66, 70, Abb. 17,19,20). В настоящее время хранится в Музее исторических драгоценностей Украины (Инв. № АЗС-3765). По форме он напоминает украшенный утонченным растительным орнаментом золотой ажурный шлем из Ак-Буруна близ Пантикапея и маленький золотой колпачок с изображением воинов из кургана Курджипс на Тамани Его сопоставление с другими, совсем разными по типу, форме и размерам изделиями является сомнительным (Ср.: Легранд, 1998).

Несомненно, он имел ритуально-культовое назначение. Исходя из круглого сквозного отверстия в центральной верхней части, которое образовалось, вероятно, из-за того, что оборвалась кольцеобразная ручка, можно предположить, что это была высокая крышка от большой золотой чаши, использовавшейся в специальных обрядах (Русяева, 1997). Этот уникальный сферический золотой предмет украшен орнаментальной двойной восьмилепестковой розеткой в обрамлении перевитой ленты (верх), сценами борьбы воинов (центральный фриз) и широкой лентой с чешуйчатым орнаментом и перевязью (низ), исполненных в технике чеканки, с дальнейшей гравировкой мелких деталей. Батальные сцены состоят из двух связанных между собой сюжетов.

Предположение о том, что они воспроизводят историческое предание о битве старых и молодых скифов, впервые высказала А.А. Моруженко (Moguschenko, 1993). Со временем оно было поддержано и автором этой статьи. Но вместе с тем появилась новая гипотеза В.В. Цимиданова (1995). На основании непроверенных данных, даже на измерении ширины талии персонажей по рисункам, сделанным еще до реставрации и опубликованным А.А. Моруженко без обозначения масштаба, он пытается доказать, что на этом предмете, называемом им "навершием", изображено убийство младшего брата старшим и средними братьями. Легенда о них якобы была составлена еще в эпоху бронзы и известна из волшебных сказок. В среде скифов она отражала взаимоотношения трех социальных групп, которых символизировали братья – жрецов, производителей материальных благ и воинов (Там же). По мнению В.В. Цимиданова, Геродот, записав вариант этой легенды, не привел ее конца, но она была реконструирована Д.С. Раевским (1977),

вследствие чего находка из Передериевой Могилы подтверждает его восстановление (Ср.: Раевский, 1977, С.115-118; Цимиданов, 1995, С.5). Насколько такое толкование неправомерно и не согласуется с изображением двух разных сцен на этом предмете, показывает их дальнейший детальный анализ.

Фигуры воинов занимают практически всю поверхность изделия. В центре первой композиции стоит на коленях юноша, вытягивающий меч из ножен. Он повернут лицом к молодому воину, который пытается его защитить. Выставив вперед руку со щитом, он как будто что-то выкрикивает, прицеливаясь копьем в голову бородатого мужчины с гневно-суровым лицом. Через плечо последнего переброшено лассо, в правой руке он держит меч, а левой ухватился за щит противника. К поясу подвешены ножны меча с несколькими декоративными кистями (Рис. 1).

На противоположной стороне этого предмета показана несколько иная сцена. Обезоруженный юноша также стоит на коленях с опущенной головой, правой рукой отталкивая бородатого скифа, который крепко держит его за волосы, занеся меч над его головой. Ни в руках этого юноши, ни рядом с ним, в отличие от первого, меча нет, хотя его ножны подвешены к поясу. Второй молодой воин, пытаясь подтянуть к себе поверженного юношу за руку, тоже как - будто с гневным возгласом прицеливается копьем в бородатого противника (Рис. 2).

1

2

Главными героями обеих композиций являются юноши, стоящие на коленях. Вокруг них и из-за них происходят поединки на фоне холмистой степи с цветами. В этих батальных сюжетах буквально на нескольких персонажах можно проследить разнообразие кроя костюмов и их орнаментов, исполненных вышивкой или аппликациями из золотых пластин, которые часто находят в погребениях богатых скифов. Именно отдельные детали их оружия и костюмов дают возможность более уверенно говорить о том, что тут изображены две группы воинов, которые отражают, по замыслу художника, одну сюжетную линию в разных вариантах.

Все воины одеты в традиционные куртки со сложным геометрическим орнаментом и отороченными мехом лапами. Их ноги плотно облегают тонкие кожаные штаны с вертикальным задним швом. Возможно, именно о таком типе кожаной одежды упоминал выдающийся эллинский философ Платон [Plato. Egis. XIX]. У первого молодого скифа, стоящего спиной к зрителю, хотя и одинаковая по крою короткая куртка, но украшена разной сложности орнаментами. На его спине изображены две вертикальные линии с горизонтальными насечками и точечками с обеих сторон. Штаны над щиколотками перевязаны тонким ремнем.

На противоположной сцене - совсем другой молодой скиф, одетый в изысканную короткую куртку, украшенную утонченным растительно-геометрическим орнаментом на рукавах и спине. На ней - маленький меховой воротник в форме полумесяца. К поясу подвешен парадный горит с луком и стрелами. Сравнительно узкий горит, свисающий до колена, имеет простую форму. Его обивки орнаментированы тройными точечками, которые нанесены на меховую основу. Похожий горит прикреплен к талии скифа и в предыдущей сцене, но стрелы в нем изображены более схематично.

Заметна разница в орнаментации костюмов и деталях вооружения и у юношей, стоящих на коленях. У первого из них короткая куртка с треугольными, коротко подрезанными лапами, рукава украшены кольцами и волнистым орнаментом с точками. К ножнам меча прикреплено пять декоративных кистей. Другой одет в куртку с длинными, треугольной формы лапами, свисающими до колен, как и у старых скифов. На рукавах намного более пышный орнамент в виде сложных завитков и линий. От ножен меча свисают четыре кисти.

Разные детали в оформлении курток и обуви видны и на фигурах бородатых скифов. У воина, ухватившегося за щит противника, богато орнаментированы рукава куртки. На куртке его напарника вырез на груди значительно глубже и доходит до талии.

Кроме этого, у первого из них - меч и лассо, а второй вооружен только мечом. Именно этими, на первый взгляд, незначительными деталями мастер пытался показать разницу между персонажами своего произведения.

Он с большим мастерством передал лица воинов, каждое из которых имеет характерные черты. Так, у юноши, стоящего на коленях в первой сцене - маленькая голова с плоским коротким носом и тяжелой нижней челюстью. Его высокий лоб покрыт от напряжения и боли множеством горизонтальных морщин. Длинный чуб зачесан на одну сторону. У второго - голова и нос более крупные. Лица воинов, стоящих вокруг них, показаны в профиль. Головы молодых гордо вскинуты. У воинов большие, глубоко посаженные миндалевидные глаза, прямые носы, полные губы. Волосы зачесаны вверх и распределены на длинные волнистые пряди, спускающиеся на спину. У двух из них мастер подчеркнул длинные зачесанные надо лбом чубы. Все это свидетельствует только об их этнической общности, но не о том, что это одни и те же персонажи.

Фигуры в обеих композициях связаны между собой по законам обусловленности: жест одного порождает ответное движение другого. Ни в одной из фигур не повторяются ни поза, ни жест, ни одежда. Моделирование фигур отмечено некоторой скованностью. В позах и лицах постепенно исчезает жизненная реалистичность, которую можно было проследить в более ранних батальных сюжетах в произведениях эллино-скифского искусства. Но все-таки они не лишены своеобразия. Мягкие блики света на шлемообразном предмете подчеркивают едва уловимую искру движения, зарождающегося в плотно сжатых или полуоткрытых от гнева устах, больших полных решимости глазах, в слегка напряженных мускулах рук и ног. Все участники битвы подчиняются единому ритму движения и общему настроению. У юношей - это, прежде всего, стремление спасти своих товарищей, у старых скифов – уничтожение врагов. Но на чьей стороне перевес, мастер прямо не указывает.

Это, кажется, те сцены боя, который, по словам Геродота, происходил перед тем, как скифы поняли, что с оружием в руках они не смогут преодолеть своих противников. Возможно, что на сосуде, который закрывала эта сферическая крышка, было изображено продолжение исторического предания, когда скифы отбросили свое оружие и взяли в руки кнуты, чтобы наглядно показать, что они на этой земле властелины, а юноши - рабы. Символично, что именно юноши изображены в унижительных позах.

Прежде чем убить молодого противника, возможно, старые скифы принуждали его встать на колени. Этим они демонстрировали их рабское происхождение и свою победу.

Особенности костюма и вооружения, а также воплощение в композициях реалий местного предания, записанного известным эллинским историком, свидетельствуют о стремлении торевтов к этнографическому реализму, который ярко воплотился на многих изделиях и стал одной из характерных черт эллино-боспорского искусства. Реальность того, что происходит, мастер подчеркивает и введением элементов пейзажа. Невысокие холмики и бутоны разнообразных полевых цветов дают представление о весенней степи. В этих деталях, безусловно, проявляется влияние живописи. Однако одновременно это иллюстрация того, что такие события, по мнению художника, могли происходить в это время года, когда в степи возрождалась жизнь после длительной зимы.

В таком воплощении весеннего возрождения природы и неизбежности смерти в жестоких поединках людей можно видеть и философское мировоззрение художника, его стремление художественными средствами показать отношение к существующей действительности.

Таким образом, на рассмотренном предмете из Передериевой Могила представлена одна из версий исторического предания Геродота, по которой сложно решить, кто же в итоге победит. Однако то, что юноши поставлены на колени, символизирует мудрость старых скифов, близких к победе, но не благодаря оружию, которым можно было бы уничтожить всех юношей.

В целом складывается впечатление, что эллинские художники творчески подходили к историческому факту. Они избирали из свидетельств "отца истории" наиболее захватывающие сюжеты, воспевающие мудрость и находчивость скифских номадов. Специально игнорируя описанные им жестокие обычаи, цивилизованные эллины руководствовались высокоразвитым пониманием красоты и эстетическими принципами прекрасного, пытаясь тем самым продемонстрировать их своим ближайшим воинственным соседям.

Легранд С. Загадочный золотой предмет из кургана Передериева Могила //Российская археология. 1998. №4.

Моруженко А.О. Скифський курган Передерієва Могила //Археологія. 1992. №1.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен (Опыт реконструкции скифской мифологии). М., 1977.

- Русяєва М.В. Відтворення історичного переказу про битву старих і молодих скифів //Записки історико-філологічного товариства Андрія Білецького. 1997. №1.
- Цимиданов В.В. Сцена из легенды о трех братьях на "навершии" из Передериевой Могилы //Летопись Донбасса: Краеведческий сборник. Донецк, 1995. Вып. III.
- Moruschenko A.A. Der skythische Perederi-Kurgan //Aus den Schatzkammern Eurasiens Meisterwerke antiken Kunst. Zurich, 1993.
- Starcenko E. Die Restaurierung Musealer Kostbarkeiten //Gold aus Kiew. Wien, 1993.

С.Б. БУЙСКИХ

К ВОПРОСУ О РАБОЧИХ МЕТОДАХ СКИФСКИХ СТРОИТЕЛЕЙ

Для решения многих кардинальных вопросов греко-варварских отношений в Северном Причерноморье в античную эпоху одним из важных и весьма информативных источников (наряду с керамическими комплексами и другими категориями археологического материала), являются строительные остатки. Вместе с тем, несмотря на открытие и исследование многочисленных памятников домостроительства, погребальной архитектуры и военно-инженерного зодчества а также наличие ряда интересных разработок по отдельным памятникам и регионам скифов и воистину колоссального накопленного материала, его полная и всеобъемлющая систематизация и предметный анализ в рамках специальной темы “Строительное искусство скифов” до настоящего времени не производилось (Буйских, 1999, с. 57).

Поскольку развитие строительства и архитектуры обуславливалось целым рядом причин социально-экономического, военного, политического, идеологического и производственного характера, именно в этой отрасли материальной культуры картина жизни скифского общества во всем ее многогранном взаимодействии с миром античных государств получила, как представляется, одно из самых ярких и достоверных отражений. Поэтому необходимость проведения современного архитектурно-археологического исследования совершенно очевидна.

На путях решения этой проблемы большое значение будет иметь не только формальная сторона исследования – привлечение максимально всех археологически зафиксированных строительных остатков Скифии, а также других видов источников – литературных,

эпиграфических, изобразительных, этнографических и так далее, не только классификационная – распределение объектов по типам: общественные, жилые, хозяйственные, фортификационные, погребальные и тому подобные в территориальном, хронологическом и эволюционном плане, но и выяснение других проблем, связанных с принципиально важными вопросами истории древнего строительства и строительной техники. Среди них – организация строительства, проблема рабочей силы, сырьевая база, строительные материалы и конструкции, очередность строительных операций, конкретные приемы, использовавшиеся в строительстве. Особое значение имеют вопросы строительных методов скифов, а также применявшихся (или не применявшихся) специальных рабочих инструментов, а также, линейных стандартов.

Историография достаточно скупо освещает эту, казалось бы, основополагающую проблему строительного дела скифов и вопрос о том – зиждилось ли оно на какой-нибудь инженерной основе и метрологической системе или все решал только опыт и определенные навыки мастеров – все еще остается открытым.

Впервые Т.Н. Высотская, в процессе рассмотрения остатков оборонительных, общественных, жилых и хозяйственных сооружений Неаполя Скифского, отметила наличие у скифских строителей математических знаний (1979, с. 90). В своей работе она ссылается на выводы архитектора А.Т. Чуба, который на основе ряда специальных обмеров различных строительных объектов Неаполя и других позднескифских памятников Крыма пришел к выводу о том, что скифским строителям был известен прямой угол. Во время работ для его построения использовали отвес, натягивая шнур между двумя точками, поэтому у исследовавшихся автором объектов отклонение стен от прямой линии не превышало 3%. Далее Т.Н. Высотской было отмечено, что скифы использовали единицу измерения, равную 34-35 см, в основе которой, по ее мнению, лежал египетский “царский локоть” с более дробными делениями на $1/2$, $1/3$ и т.д. его части. По мнению исследовательницы, скифы имели представление о простейших геометрических фигурах: треугольниках, окружностях, концентрических окружностях и других. В частности, контуры ям перед выемкой грунта они могли вычерчивать с помощью колышка и шнура заданной длины. Подчеркнув, что скифы широко применяли эти знания в повседневной жизни, Т.Н. Высотская не развила далее тему об их происхождении, констатировав только тот факт, что они были заимствованы скифами или получены эмпирически (1979, с. 91). Что же касается источника заимствования, то попутно отметим, что,

судя по последним работам Ю.П. Зайцева, наиболее фундаментальные архитектурные ансамбли Неаполя Скифского по уровню строительной техники близки синхронным сооружениям греческих государств Северного Причерноморья, в первую очередь – Боспора (1995, с. 12; 1997, с. 48-49).

В дальнейшем В.С. Ольховский в своей монографии частично коснулся вопросов рабочей методики строительства у скифов в плане реконструкции практической сферы скифского погребально-поминального обряда как сложного многоэтапного процесса. Для II фазы этого процесса (“подготовки места захоронения”) он предположил, что в группу людей, необходимых для строительства кургана, были включены и “архитектор” - мастер, имевший опыт создания крупных надмогильных и погребальных сооружений, с группой обученных помощников (1991, с. 174). В качестве косвенного подтверждения этой гипотезы В.С. Ольховский привел (правда, без конкретных примеров) факты открытия ряда весьма близких по конструкции больших погребальных сооружений. Кроме того, исследователь отметил, что в начале строительства проводилась предварительная разметка подкурганной поверхности с использованием простейших инструментов - “циркуля” (веревки или кожаного пояса, привязанного к колышку), “мерных реек” (шестов). Для устройства больших и глубоких катакомб могли применяться простейшие подъемные механизмы. По любезному сообщению С.Г. Колтухова, деревянный блок подобного подъемного приспособления был найден недавно при раскопках скифского курганного могильника Беш-Оба IV в Крыму.

Если рассуждения В.С. Ольховского имели теоретический характер, то в работе В. Херца они были подкреплены натурными обмерами конкретных памятников (1991). Соотнеся размеры центральной гробницы Чертомлыцкого кургана с размерами Северной впускной могилы, он высказал соображение, что они были “сооружены на протяжении достаточно короткого отрезка времени и, может быть, под руководством одного “архитектора” (1991, с. 322). Сопоставив обмерные планы и разрезы Чертомлыка и Толстой могилы, автор далее пришел к выводу о том, что вся система скифской погребальной “архитектуры” зиждилась на четком соблюдении пропорций, о чем, в первую очередь, свидетельствует единообразие скифских катакомб.

В. Херц подчеркнул, что соблюдение в этом случае принципа пропорциональности предполагает обязательную предварительную разметку по верху контуров будущего сооружения. По его мнению, такой план мог выполняться при помощи простейших доступных

приспособлений – веревок, жердей, древков копий и т.д. Именно его наличие, заключил исследователь, помогало скифским зодчим соблюдать все пропорции и придавать погребальным катакомбам те черты, которые обычно характерны “для продуманных и соразмерных архитектурных объектов (1991, с. 322).

Возможно, одним из таких простейших прикладных инструментов скифских строителей, которыми они могли пользоваться в повседневной работе, является бронзовая линейка из раскопок Бельского городища (Шрамко, 1987, с. 104, рис. 44,4; с. 126). Б.А. Шрамко предположил, что она представляла собой один из вариантов широко распространенной в древности меры – локтя. Длина этого своеобразного скифского “эталона” или “мерила” составляет 416,5 мм. В стандарты линейных мер, засвидетельствованные для античной метрологии вообще и Северного Причерноморья в частности (Буйских, 1996, с.80-84), эта величина не вписывается, поскольку даже при большой натяжке нельзя сказать, что она соответствует величине так называемого малого локтя в 444 мм или 463 мм (Болотин, 1967, с. 314, табл. 2; с. 315, табл. 3; с. 316, табл. 4; с. 322, табл. 6). В то же время, она обнаруживает близкое сходство в метрологических системах Передней Азии, где малый локоть составлял 412,5 мм (Болотин, 1967, с. 323, табл. 7).

Этот пока единичный факт не позволяет пускаться в преждевременные рассуждения о том, что “скифская” система линейных мер ведет свое происхождение именно из этого региона. Необходимо лишь отметить, что линейный мерный стандарт из Бельского городища вводит нас в практически пока неизвестный круг строительных расчетов скифов, что и составляет его ценность. Однако говорить о наличии или отсутствии у них методов инженерного расчета сооружений, источниках их появления, применении и развитии можно будет только после проведения обобщающего исследования (или цикла исследований) по строительному искусству скифов, где обязательно должна быть затронута и проблема метрологии строительства.

Особую ценность в этом отношении (наряду с жилищами, погребальными и культовыми сооружениями) представляют памятники оборонного зодчества, возведение которых обычно требовало не только серьезного практического умения, но и базовых теоретических знаний. Это, в первую очередь, касается военных аспектов планировки поселений, прокладки трасс укреплений (крепостные стены, валы, рвы), инженерных конструкций, основных элементов оборонительных систем (куртин, башен, ворот и т.д.),

а также конкретных приемов строительной техники. А в этом плане, по крайней мере, с эллинистического времени, все исследователи отмечают значительное влияние на военное зодчество скифов принципов и приемов античной фортификации (Блатовский, 1954, с. 29; Раевский, 1968, с. 69; Щеглов, 1978, с. 74-75; Высотская, 1979, с. 46; Дашевская, 1990, с. 144). Особенно широкий характер их использование приобретает в первые века нашей эры (Колтухов, 1995, с. 57-58).

В скифской фортификации, как и в греческой, применялись каменные и сырцово-каменные куртины и башни (с дополнительными поясами и без них), бермы, ворота, мосты, земляные валы и рвы (сухие и обводненные), то есть такие элементы, которые были известны в строительной практике многих древних народов. Это обстоятельство, по мнению С.Д.Кржицкого, не позволяет надежно выделить основные особенности собственно скифской фортификации (Кржицкий, 1993, с. 220). В то же время скифологи аргументировано отстаивают точку зрения о существовании особой скифской школы оборонного зодчества (Колтухов, 1992, с. 12), имевшей свои характерные черты (Дашевская, 1990, с. 143-145).

Нам представляется, что для решения этой проблемы необходим глубокий сопоставительный анализ строительной техники, конструкций и материалов, применявшихся в военно-инженерном деле античных государств Северного Причерноморья и Скифии. Не последнее место в нем должна занимать и строительная метрология, которая, возможно, и даст нам ключ к выявлению и пониманию комплекса рабочих методов скифских строителей.

Болотин Н.И. Закономерности в истории развития древних мер длины, применявшихся в строительстве, землемерии и торговле // Кlio, Нб. п. 49, 1967

Буйских А.В. Стандарты линейных мер в античной метрологии Северного Причерноморья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VIII научной конференции. Ростов-на-Дону, 1996

Буйских С.Б. Некоторые проблемы изучения строительного искусства скифов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (Сборник материалов к 100-летию Б.Н.Гракова). Запорожье, 1999.

Блатовский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954

- Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979
- Дашевская О.Д. Позднескифская фортификация и ее вариант на городище Беляус // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990
- Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский во II в. до н.э. - III в. до н.э. Авт. дисс. канд. ист. наук. Киев, 1995
- Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ, 1997, № 3
- Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии (III в. до н.э. – III в. н.э.). Авт. дисс. канд. ист. наук. Киев, 1992
- Колтухов С.Г. Античные принципы позднескифской фортификации Северо-Западного Крыма // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995
- Кржицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993
- Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991
- Раевский Д.С. Некоторые вопросы истории Малой Скифии в свете изучения позднескифской фортификации // Сборник докладов IX и X ВАСК. М., 1968
- Херц В. Курган Чертомлык и некоторые закономерности в планировке скифских гробниц // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский курган IV в. до н.э. Киев, 1991
- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев. 1987
- Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978

Т.М. КУЗНЕЦОВА

СИТУАЦИОННАЯ ХРОНОЛОГИЯ IV В. ДО Н.Э.

1. Вопрос о хронологии памятников, соотносимых со скифами, находится в абсолютной зависимости от античных предметов, датировка которых разработана достаточно подробно. Хронологические изыскания особенно ярко и продуктивно проявились в последнее время в работах А.Ю.Алексеева, где речь идет о Скифии IV в. до н.э., и проводится не только подробный разбор памятников этого времени, но и их хронологическая группировка (Алексеев. 1992; 1996). Однако исследования наиболее выдающихся памятников Скифии IV в. до н.э., хотя и позволяют, но недостаточно полно, выявить историческую ситуацию этого времени в степях Северного Причерноморья. Как представляется, картина может быть уточнена с помощью ситуационной

хронологии, даже в тех случаях, когда исследователи имеют дело с недоследованными могильниками. Для того, чтобы показать справедливость подобного предположения проведем сравнение двух могильников, расположенных на незначительном удалении друг от друга (≈ 50 км) и датирующихся в пределах IV в. до н.э. (группы у кургана ‘Солоха’ и пос. Днепрорудный).

3. В Солохском могильнике из 15 вскрытых курганов только два (№№15,16) были сооружены в эпоху бронзы. В одном из них обнаружена могила (К15П9), которая по форме погребального сооружения более всего соответствует катакомбам IV-III вв. до н.э., о чем свидетельствуют находки нескольких фрагментов амфор в насыпи (табл.1/А; 2). В других курганах (Манцевич. 1987; Мелюкова, Кузнецова. 1999) на древнем горизонте, в насыпи и ровиках, встречены фрагменты амфор, лепной посуды и кости животных (остатки тризны), представленные как скоплениями, так и разрозненными находками. Одно из них, обнаруженное в кургане № 75, имело протяженность ≈ 7 м и включало более 450 фрагментов амфор, фрагменты чернолакового сосуда, пращевой камень и кости животных. Курганы, исследованные в группе у ‘Солохи’, перекрывали различное число могил: №№ 9, 21, 26, 28, 74 – по одной; № 24 – две; №№ 4, 12, 25, 31, 75 – по три; № 20 – четыре. Курганы могильника солохской группы возводились, как правило, над одной могилой; в тех случаях, когда в кургане — несколько могил, одна из них является центральной, а остальные — впускными. Только курган № 4 был насыпан после совершения двух погребений (центрального и бокового). Всего в исследованных курганах обнаружено 27 погребений. Инвентарь, сопровождавший умерших, был небогат и сходен с инвентарем, обычно встречающимся в курганах IV в. до н.э., соотносимых со скифами. В ногах погребенных ставились сосуды: килик – при погребенной женщине (К75П3), деревянный сосуд – при погребенном мужчине (К4П2). Ребенка сопровождал канфар, стоявший у головы (К4П1). Для определения времени сооружения могильника группы кургана ‘Солоха’ наиболее важными являются находки в насыпях КК№№ 4, 21, 75 фрагментов античных амфор с клеймами, которые, по определению Б.Н. Гракова, относятся ко второй - последней четверти IV в. до н.э. Амфоры встречены в насыпях курганов №№ 4, 12, 15, 21, 24, 25, 26, 28, 31, 75 и в одной из могил (К21П2), представляя различные центры их производства. В кургане № 4 обнаружен фрагмент горла с гераклейским клеймом (дата – вторая половина IV в. до н.э.). Во внешнем ровике кургана № 4 найдены

вместе фрагменты горла гераклейской и ручки фасосской амфор с клеймами второй половины IV в. до н.э. Два фрагмента горл гераклейских амфор из насыпи кургана № 75, имеют клейма, которые, по мнению Б.Н.Гракова, относятся ко второй четверти или середине IV в. до н.э., а третье датировано ≈ 331 г. до н.э. Клеймо на горле амфоры из кургана № 21 было датировано Б.Н.Граковым ≈ 340 г. до н.э.

Значительное опустошение курганов грабителями не позволяет уверенно говорить ни об абсолютной, ни об относительной хронологии могильника, оставив исследователям возможность условных предположений. Дата кургана 'Солоха' — рубеж V - IV вв. до н.э. (Манцевич. 1987. С.121) или конец V - первая половина IV вв. до н.э. (Алексеев. 1996. С.45). В кургане № 75 среди инвентаря сохранились бронзовые псалии, по форме восходящие к V в. до н.э. Аналогия им, происходящая из конской могилы кургана 'Солоха', впускное погребение которого датируется концом V в. до н.э.- первой половиной IV в. до н.э. (Алексеев. 1992. С.157), позволяет отнести курган № 75 к наиболее ранним из исследованных в группе. Однако, сероглиняный лекиф, датирующийся не позднее второй четверти IV в. до н.э., ограничивает время сооружения кургана этим периодом. В составе инвентаря впускного погребения 3 кургана № 75 обнаружен килик, аналогичный найденному в боковой могиле кургана 'Солоха' и датирующийся первой половиной IV в. до н.э. (Манцевич. 1987. С.94-95), что ограничивает время сооружения кургана. Находки фрагментов амфор в насыпи подтверждают дату, и позволяют предположить, что совершение погребений 1 и 3 в курган № 75 следует датировать первой половиной - серединой IV в. до н.э. и считать их по времени близкими боковому погребению кургана 'Солоха', а погребение 2 датировать второй половиной этого же века. Позднее, видимо, производилось сооружение кургана № 4, впускное детское захоронение которого датируется по канфару второй половиной IV вв. до н.э., что синхронно датам находок в насыпи, где обнаружен фрагмент горла с клеймом, датирующимся второй половиной IV в. до н.э., и в ровике, датированных Б.Н.Граковым этим же временем. Клеймо на горле амфоры из насыпи кургана № 21 по ионийской орфографии и шрифту датирующееся до 340 г. до н.э. позволяет датировать сооружение кургана этим временем, так как он перекрывал только одну, к сожалению, ограбленную, могилу. Все рассмотренные курганы, видимо, относятся к одному периоду, охватывающему ≈ 70 – 100 лет, согласно общей статистике курганной группы (Каменецкий,

Маршак, Шер. 1975. С.90-91). Набор наконечников стрел в исследованных курганах датируется в рамках IV- начала III вв. до н.э., что не может помочь в уточнении даты отдельных погребений, но подтверждает время функционирования могильника в целом. Концентрация могильника вокруг значительного 'царского' кургана, возможно, свидетельствует о принадлежности погребенных в них людей к кочевнической группе лиц, связанных между собой либо родственными, либо социальными узами. О кочевом образе жизни свидетельствует значительное количество коней в числе жертвенных животных как в качестве напутственной пищи в могилах, так и в тризне (табл.1/А). В социальном отношении исследованный памятник неоднороден, так как среди сохранных могил имеются отличия в составе и количестве сопроводительного инвентаря, конструкции и размерах погребальных сооружений (табл. №2).

3. Большинство курганов у поселка Днепрорудный [Елагина, Кузнецова, Кузнецов. 1999], состоявшего из 21 выявленной насыпи, перекрывали могилы скифского времени: в 13 случаях погребения были впущены в насыпи курганов бронзового века (К2П11; К9П4; К10ПП3-7; К11ПП1-3, 5; К12П5; К18П6), и только курганы №№ 5, 6ПП1-3 и, возможно, №№ 1, 15 и 16, сооружены в скифское время.

В насыпях курганов встречены фрагменты амфор, лепной посуды, бронзовые наконечники стрел (КК.№№ 9, 11), кости животных и человеческий череп К№ 5. Курганы, исследованные в группе, перекрывали различное число могил скифского времени: №№ 2, 5, 9, 12 – по одному погребению; №№ 6, 15 – три; № 18 – четыре; № 10, 11 – пять (табл. 1/Б; 3). Всего в исследованных курганах обнаружено 22 (+2 ? – КК.№№ 1, 16) человеческих могилы скифского времени [24 погребенных (+2 ? – КК.№№ 1, 16)], включая (КК.№№ 2П11, 12П5) и два захоронения коней. Преобладают одиночные захоронения; только в одном случае (К11П3) прослежены останки трех погребенных (возможно, это — парное захоронение и жертва, т.к. на затылочный кости третьего скелета, лежавшего за головами двух других, — узкое треугольной формы отверстие, от которого идёт большая трещина). У головы погребенных ставили по одному сосуду: чернолаковый килик (К6П2), потерсион из дерева (К10П6). В двух случаях посуда - лекиф (К11П5) и бронзовый котел (К 6П2) - помещалась в ногах. Инвентарь, сопровождавший умерших, был небогат и сходен с инвентарем, обычно встречающимся в курганах IV в. до н.э., соотносимых с рядовыми скифами (Ильинская, Тереножкин. 1983. С.119-190). Исключением является погребение 2 кургана № 6,

принадлежавшее, видимо, представителю воинского сословия. В исследованных курганах, 11 из которых, содержали могилы скифского времени №№ 1, 2П11; 5, 6ПП1-3; 9П4; 10ПП3-7; 11ПП1-3, 5; 12П5; 15; 16; 18П6 выявлено 9 сохранных могил (табл. 1/Б).

Ограбление курганов не позволяет уверенно говорить о хронологии могильника. Наборы вещей из сохранных могил (КК 6П2 и км.1; К9П.4; К10ПП4-7; К11П.3, 5) и разрозненные находки предметов позволяют лишь приблизительно определить время его возникновения. Вещеведческая хронология не вносит значительной ясности, так как найденные фрагменты амфор из насыпей курганов №№ 2, 6 и 11, посуда из курганов №№ 6П2 и 11П5, наборы наконечников стрел, предметы вооружения и украшения позволяют датировать могильник у пос. Днепрорудный лишь в рамках IV в. до н.э. В составе сопроводительного инвентаря всаднических погребений кургана № 6 присутствовали предметы, которые могли бы уточнить общую датировку, но, к сожалению, и они не вносят достаточной ясности, хотя аналогии им можно привести из достаточно полно датированных памятников. Чернолаковый килик (К6П.2), аналогии которому известны в ряде комплексов, и в инвентаре впускного погребения кургана 'Солоха'. Дата килика: конец V - первая половина IV вв. до н.э. (Манцевич. 1987. С.94-95. Кат. № 67) или 400-375 гг. до н.э. (Алексеев. 1996. С.43) ограничивает время сооружения кургана первой половиной IV в. до н.э. Бронзовый котёл К6П2 близок по форме котлам, которые также встречены в курганах 'Солоха' (Манцевич. 1987. С.98-99. Кат. №№ 72, 121) и 'Чертомлык' (Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991. С.142-143, 209. Кат. № 133), что позволяет датировать рассматриваемый памятник в пределах первой половины - третьей четверти IV в. до н.э. Колчанные наборы (бронзовые, железные, костяные и деревянные наконечники стрел) (К6П2) могут быть отнесены к IV хронологической группе (Мелюкова. 1964. С.25) и датированы второй половиной IV в. до н.э. — IV - III вв. до н.э. Набор металлических элементов сбруи из сохранный конской могилы (К6/км.1) имеет близкие аналогии и в кургане 'Солоха' (Манцевич. 1987. С.110-111, 121), и в кургане 'Чертомлык' (Алексеев, Мурзин, Ролле. 1991. С.142-143, 147-152), что также не уточняет время сооружения кургана а разводит его по разным хронологическим группам, выделенным А.Ю.Алексеевым, где курган 'Солоха' попадает в самую раннюю из них [группа А — конец V - первая половина IV вв. до н.э.], а курган 'Чертомлык' в группу, относящуюся ко второй половине IV в. до н.э. (группа В — ок. 340-

315 гг. до н.э. (Алексеев. 1996. С. 44 - 45). Учитывая большое сходство элементов узды коней, погребенных в кургане № 6 у пос.Днепрорудный, с предметами из 'Чертомлыка', можно было бы отнести время захоронения коней ко второй половине IV в. до н.э., а так как они являются сопровождающими для воинских погребений, то и сооружение кургана (по позднейшим находкам) датировать также. Предметы, обнаруженные в кургане № 16, датированы серединой V в. до н.э. (Мурзин. 1977; Мурзин. 1984), что растягивает время существования могильника на столетие. В социальном отношении курганный могильник у пос.Днепрорудный невыразителен (таблица 1/А; 3). Выделяется захоронение воина в кургане № 1 и могилы всадников в кургане К6П2 и П3, а также относящиеся к ним могилы коней. В остальных сохранных могилах сопутствующий инвентарь отличается крайней бедностью. Отсутствие антропологических данных, при имеющемся наборе сопроводительного инвентаря, не позволяет дать однозначное определение могильнику, так как разделение погребенных по полу, за исключением всаднического погребения, в рамках данного памятника не будет выглядеть убедительным.

4. Статистические данные (табл. 1 – 3) по могильникам группы кургана 'Солоха' и пос. Днепрорудный показывают, что могильники функционировали различное время, судя по количеству курганов, а продолжительность формирования Солохской группы должна более чем в три раза превышать время могильника у пос. Днепрорудный. Однако по анализу сопроводительного инвентаря оба могильника формируются на протяжении почти равного количества лет, и нет оснований для значительных сомнений в их датировке. Для возможного объяснения проведем некоторые сопоставления. Солохская группа раскопана $\approx$ на 19,7%, Днепрорудный — на 66,6% (при равном количестве вскрытых курганов). Проценты погребенных с оружием в обоих могильниках почти равны (Солоха $\approx$ 51,7% — Днепрорудный = 55%), как и число могил, сопровождавшихся погребением коней, однако в Солохе при погребенных людях обнаружены части конской узды (2 случая), чего не выявлено в Днепрорудном. Количество впускных погребений в курганы эпохи бронзы на могильниках резко различается (Солоха $\approx$ 3,4% — Днепрорудный = 70%), как и количество впускных в одновременные курганы (Солоха $\approx$ 44,8% — Днепрорудный = 10%). Античный материал в насыпях курганов, свидетельствующий о проведении тризны, в значительно большем объеме представлен в Солохском могильнике (66,6%), чем в

Днепрорудном (35,7%). Отмеченные сходство и различия в рассматриваемых могильниках, по всей видимости свидетельствуют не столько о их возможной асинхронности, сколько о различных условиях формирования. Наиболее выразительные памятники (курган 'Солоха' и курганы 6 и 16 у пос. Днепрорудный) возможно одновременны и, видимо более тяготеют к рубежу V - IV вв. до н.э., как и иные могилы скифского времени на могильнике у пос. Днепрорудный. Наличие значительного числа впускных могил и их 'разброс' по курганам эпохи бронзы, сопровождавшийся маловыразительной тризной, свидетельствует о нестабильной ситуации для людей, хоронивших на этом могильнике, тогда как группа 'Солохи' демонстрирует прямо противоположную ситуацию. По всей видимости группа 'Солохи' формировалась в более стабильных условиях и принадлежала населению, закрепившемуся на определенной территории и освоившему данный регион. Не исключено, что могильники у пос. Днепрорудный и группы 'Солоха' являются памятниками волны кочевников, проникших в Северопричерноморские степи на рубеже V - IV вв. до н.э., причем один фиксирует время освоения региона (у пос. Днепрорудный), что выражается большим числом впускных могил в курганы эпохи бронзы, а другой — (Солохская группа) и время освоения, и период стабилизации, о чем свидетельствует обильная тризна на последнем памятнике, выявленная в значительном количестве фрагментов античной керамики. Безусловно, что предложенная интерпретация нуждается в проверке на значительном числе памятников, однако хотелось обратить внимание коллег на то, что помимо абсолютной или относительной хронологии, возможна и хронология ситуационная, которая, хотя и близка относительной хронологии, но все же выглядит иначе и позволяет расширить круг исторического поиска. Начало освоения скифами Северопричерноморского региона в VI в. до н.э. также фиксируется впускными могилами в курганы эпохи бронзы (Кузнецова. 1993), что частично подтверждает возможности применения ситуационной хронологии.

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Алексеев А.Ю., 1996. Хронография Европейской Скифии (VII-IV вв. до н.э.)// Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.

Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык. (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев.

Елагина Н.Г., Кузнецова Т.М., Кузнецов С.В. Курганы IV в. до н.э. у п. Днепрорудный и с. Большая Белозерка. (в печати).

- Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А., 1975. Анализ археологических источников. М.
- Манцевич А.П. 1987. Курган Солоха. Л.
- Кузнецова Т.М. 1993 . Как возник Келермес.// Тезисы докладов конференции: “Вторая Кубанская археологическая конференция” Краснодар.
- Мелюкова А.И. 1964. Вооружение скифов. М.
- Мелюкова А.И., Кузнецова Т.М. Скифские курганы группы ‘Солоха’ (раскопки 1961-1962 гг.) — рукопись.
- Мурзин В.Ю. 1977. Два раннескифских комплекса из Запорожской области.// Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев.
- Мурзин В.Ю. 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.

ТАБЛИЦА 1. Характеристика могильников у поселка Днепрорудный и группы кургана 'Солоха'.

группа кургана 'Солоха' (всего курганов - 76; вскрыто - 15)												
№ П/П	№№ вскрытых памятников	ПОЛОЖЕНИЕ В КУРГАНЕ			СОХРАННОСТЬ ¹¹²	ТРИЗНА				конское снаряжение в могиле коня	конское снаряжение в могиле человека	
		о	впускное			СОСТАВ						
			с	б		а	ж	л	ч		удила/псалии	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
1.	Солоха/и	+	-	-	0	+	+	-	-	полное	-	
2.	Солоха/б	-	+	-	+	"	"	-	-	полное	-	
3.	4/1	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	
4.	4/2	+	-	-	+	"	"	-	-	-	-	
5.	4/3	+	-	-	0	"	"	-	-	-	-	
6.	9/1	+	-	-	0	+	+	+	-	-	-	
7.	12/1	-	+	-	0	+	+	+	-	-	-	
8.	12/3	+	-	-	0	"	"	-	-	-	-	
9.	12/4	-	+	-	0	"	"	-	-	-	-	
10.	15/9	-	-	+	0	+	-	-	-	-	-	
11.	20/1	-	+	-	+	+	+	-	+	-	-	
12.	20/2	-	+	-	0	"	"	-	"	-	-	
13.	20/3	-	+	-	0	"	"	-	"	-	-	
14.	20/4	+	-	-	0	-	-	-	-	-	-	
15.	21/2	+	-	-	0	-	-	-	-	-	-	
16.	24/1	-	+	-	0	-	-	+	-	-	-	
17.	24/2	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	
18.	25/1	-	+	-	0	+	+	-	+	?	-	
19.	25/2	+	-	-	0	"	"	-	"	-	-	
20.	25/3	-	+	-	+	"	"	-	"	-	1/0	
21.	26/1	+	-	-	0	+	+	+	-	-	-	
22.	28/1	+	-	-	0	+	+	-	-	-	-	
23.	31/1	+	-	-	0	+	+	-	-	-	-	
24.	31/2	-	+	-	0	"	"	-	-	-	-	
25.	31/3	-	?	-	?	"	"	-	-	-	-	
26.	74/1	+	-	-	0	-	+	-	+	?	-	
27.	75/1	+	-	-	0	+	+	-	-	-	0/2	
28.	75/2	-	+	-	+	"	"	-	-	-	-	
29.	75/3	-	+	-	+	"	"	-	-	-	-	

¹¹² + — сохранно; 0 — ограблено

Продолжение ТАБЛИЦЫ 1

могильник у п.Днепрорудный (всего курганов - 21; вскрыто - 14)												
№ П/П	№№ вскрытых памятников	ПОЛОЖЕНИЕ В КУРГАНЕ			СОХРАННОСТЬ ¹¹³	ТРИЗНА				конское снаряжение в могиле коня	конское снаряжение в могиле человека удила/ псалии	
		КУРГАН/ ПОГРЕБЕНИЕ	о	впускное		СОСТАВ						
				с		б	а	ж	л			ч
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
1.	1/1	?	-	-	0	?	?	?	?	-	-	
2.	2/11	-	-	+	+	+/-	-	-	-	-	-	
3.	5/2	+	-	-	0	-	-	-	-	-	-	
4.	6/1	-	+	-	0	+	+	-	-	-	-	
5.	6/2	-	+	-	+	“	“	-	-	полное	-	
6.	6/3	+	-	-	0	“	“	-	-	полное - ?	-	
7.	9/4	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
8.	10/3	-	-	+	0	-	+	-	-	-	-	
9.	10/4	-	-	+	+	-	“	-	-	-	-	
10.	10/5	-	-	+	+	-	“	-	-	-	-	
11.	10/6	-	-	+	+	-	“	-	-	-	-	
12.	10/7	-	-	+	+	-	“	-	-	-	-	
13.	11/1	-	-	+	0	+	+	-	-	-	-	
14.	11/2	-	-	+	0	“	“	-	-	-	-	
15.	11/3	-	-	+	+	“	“	-	-	-	-	
16.	11/5	-	-	+	+	“	“	-	-	-	-	
17.	12/5	-	-	+	0	-	-	-	-	-	-	
18.	15/1	-	-	?	0	-	-	-	-	-	-	
19.	16/1	?	-	-	0	?	?	?	?	-	-	
20.	18/6	-	-	+	0	-	-	-	-	-	-	

Б

ТАБЛИЦА 2. Характеристика сопроводительного инвентаря могильника группы ‘Солоха’

№ П/П	№ КУРГАН/ ПОГР.	ВООРУЖЕНИЕ И ЭКИПИРОВКА ВОИНА					
		Щит/ лук (налуч)	стрелы/ колчан (горит)	копья: наконечн ик/ подток	секира/ кинжал (иное)	пояс/ панцирь/шлем/ кнемиды	оселок/ ворварка/ булава
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Солоха/ц	-	++	-	-	-	-
2.	Солоха/б	1/?	978/6/1	-	0/0/ (3 меча)	1/1/1/1	0/0/1
3.	4/1	-	109/0	2/0	-	-	-
4.	4/2	-	-	-	-	-	-
5.	4/3	-	-	-	-	-	0/2/0
6.	9/1	-	-	-	-	-	-
7.	12/1	-	1/0	-	-	-	-
8.	12/3	-	-	-	-	-	-
9.	12/4	-	-	-	-	-	-
10.	15/9	-	36/0	-	-	-	-
11.	20/1	-	95/0	2/0	-	-	-
12.	20/2	-	-	-	-	-	-
13.	20/3	-	-	-	-	-	-
14.	20/4	-	-	-	-	-	-

113 + — сохранно; 0 — ограблено

15.	21/2	-	-	-	-	-	-
16.	24/1	-	87/0	1/0	-	-	-
17.	24/2	-	-	-	-	-	-
18.	25/1	-	3/0	-	-	-	-
19.	25/2	-	70/0	1/0	0/дротик	-	-
20.	25/3	-	-	-	-	-	-
21.	26/1	-	-	-	-	-	-
22.	28/1	-	5/0	-	-	-	-
23.	31/1	-	1/0	-	-	-	0/2/0
24.	31/2	-	-	-	-	-	-
25.	31/3	-	-	-	-	-	-
26.	74/1	-	-	1/0	-	0/1/0/0	0/1/0
27.	75/1	-	3/0	2?/0	-	2/0/0/0	-
28.	75/2	-	8/0	-	-	-	-
29.	75/3	-	-	-	-	-	-

Продолжение ТАБЛИЦЫ 2

№ П/П	№ КУРГАН/ ПОГР.	ПОСУДА ¹¹⁴		БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И УКРАШЕНИЯ				
		амфоры / ч.л./ лепная/ ангос (иное)	котел/ потерион/ жаровня (иное)	нож/ шило/ гребень (иное)	перстень/ браслет/ гривна	Пряслице/ бляшки/ Зеркало	серьги/ височные кольца	бусы/ подвески/ пуговицы/
1	2	9	10	11	12	13	14	15
1.	Солоха/ц	4/0/0?/ (килик - Ag)	1/2/1/(ковш)	0/0/0/ (игла - Au)	-	0/+0	-	-
2.	Солоха/б	11/1/0/3	3/5/(фиала/газ / сито/ригон)	4/0/1	0/0/1	0/254/0	-	-
3.	4/1	0/1/0	-	2/0/0	0/1/0	/+/-	1/0	+0/0
4.	4/2	-	-	-	-	-	-	-
5.	4/3	-	-	-	-	-	-	-
6.	9/1	-	-	-	-	1/0/0	-	-
7.	12/1	-	-	-	-	-	-	-
8.	12/3	-	-	1/0/0	-	-	-	-
9.	12/4	-	-	-	-	-	-	-
10.	15/9	0/0/+?	-	1/0/0	-	1/0/0	-	-
11.	20/1	-	-	1/1/0	-	-	-	+0/0
12.	20/2	-	-	1/0/0	-	-	-	-
13.	20/3	-	-	-	-	-	-	-
14.	20/4	-	-	-	-	-	-	-
15.	21/2	1/0/0	-	-	-	-	-	-
16.	24/1	-	-	1/0/0	-	-	-	-
17.	24/2	-	-	-	-	-	-	-
18.	25/1	-	-	-	-	1/0/0	-	+0/0
19.	25/2	-	-	1/0/0	-	-	-	+0/0
20.	25/3	-	-	-	-	-	-	-
21.	26/1	-	-	+0/0	-	-	-	1/0/0
22.	28/1	0/0/+	-	2/0?/0	-	-	-	-
23.	31/1	-	-	-	-	-	-	-
24.	31/2	-	-	-	-	-	-	-
25.	31/3	-	-	-	-	-	-	-
26.	74/1	-	-	2/0/0	-	0/1/0	-	-
27.	75/1	0/0/с.г-лекиф	-	1/0/0	-	-	-	+0/0
28.	75/2	-	-	1/0/0	-	-	-	-
29.	75/3	1/1/0	-	-	-	1/+1	-	+0/0

¹¹⁴ ч.л. - чернолаковая керамика; с.г - сероглиняная керамика

**ТАБЛИЦА 3. Характеристика сопроводительного инвентаря
могилника у поселка Днепрорудный.**

№№ П/П	№№ КУРГАН/ ПОГР.	ВООРУЖЕНИЕ И ЭКИПИРОВКА ВОИНА					
		щит/ лук (налуч)	стрелы/ колчан (горит)	копья: наконечник/ подток	секира/ кинжал (иное)	пояс/ панцирь/ шлем/ кнемиды	оселок/ ворварка/ булава
1	2	10	11	12	13	14	15
1.	1/1	1/+	2/?	-	-	0/+/0/0	-
2.	2/11	-	-	-	-	-	-
3.	5/2	-	6/0	-	-	-	0/1/0
4.	6/1	-	-	-	-	-	-
5.	6/2	0/1(1)	239/2(1)	6/6	1/0	-	1/0/0
6.	6/3	-	45/0	0/1	0/1	+0/0/0	-
7.	9/4	-	-	-	-	-	1/0/0
8.	10/3	-	67/0	1/2	-	-	-
1	2	10	11	12	13	14	15
9.	10/4	-	-	-	-	-	-
10.	10/5	-	-	-	-	-	-
11.	10/6	-	114/0	1/0	-	-	-
12.	10/7	-	-	-	-	-	-
13.	11/1	-	-	-	-	-	-
14.	11/2	-	13/0	0/1	-	-	-
15.	11/3	-	-	-	-	-	-
16.	11/5	-	-	-	-	-	-
17.	12/5	-	-	-	-	-	-
18.	15/1	-	15/0	-	-	-	-
19.	16/1	-	17/0	1/0	0/меч	-	0/1/0
20.	18/6	-	1/0	-	-	-	-

Продолжение ТАБЛИЦЫ 3

№ П/П	№ КУРГАН/ ПОГР.	ПОСУДА		БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ И УКРАШЕНИЯ				
		амфоры / ч.л/ лепная/ ангос (иное)	котел/ потерион/ жаровня (иное)	нож/ шило/ гребень	перстень/ браслет/ гирна	пряслице/ бляшки/ зеркало	серьги/ височны е кольца	бусы/ подвески/ пуговицы/
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	1/1	-	-	-	-	-	-	-
2.	2/11	-	-	-	-	-	-	-
3.	5/2	-	-	-	-	-	-	-
4.	6/1	-	-	-	-	-	-	3/0/0
5.	6/2	0/1/0/0	1/0/0	2/0/0	1/0/0	-	-	6/0/0
6.	6/3	-	-	1/0/0	-	-	-	2/0/0
7.	9/4	-	-	-	-	-	-	0/1/0
8.	10/3	-	-	+0/0	-	-	-	-
9.	10/4	-	-	+0/0	-	1/0/0	-	4/0/0
10.	10/5	-	-	-	-	1/0/0	-	3/0/0
11.	10/6	-	0/1/0	1/0/0	-	-	-	-
12.	10/7	-	-	1/1/0	-	1/0/0	-	5/0/0
13.	11/1	-	-	-	-	-	-	-
14.	11/2	-	-	1/0/0	-	-	-	-
15.	11/3	-	-	-	-	-	-	0/1/0
16.	11/5	0/1/0/0	-	-	-	2/0/0	-	0/раковина/0
17.	12/5	-	-	-	-	-	-	-
18.	15/1	-	-	1/0/0	-	-	-	-
19.	16/1	0/1/3/0	0/1/0	1/0/0	-	0/0/1	1/2	3/5/10/0
20.	18/6	-	-	-	-	-	-	-

К.К. МАРЧЕНКО

ГРЕЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ

Недавние открытия остатков сразу двух боспорских поселений в дельте Дона создало реальные предпосылки для переоценки значимости Северо-Восточного Приазовья в структуре всего Северного Причерноморья античной эпохи. Отныне эта часть "Великой Скифии" может рассматриваться не только в качестве окраины эллинской Ойкумены, но, по всей видимости, и в роли одного из основных районов Северного Причерноморья, подвергнувшихся прямой греческой колонизации. Весьма примечательно также и то, что одна из наиболее ранних ионийских колоний этого региона, так называемое Таганрогское поселение, была выведена сюда гораздо раньше, нежели возникли самые первые апойкии эллинов на территории Боспора Киммерийского, еще в конце VII в. до н.э.

Несмотря на полное отсутствие сколь либо достоверной информации об условиях выведения, облике и базовой функции Таганрогского поселения, следует думать все же, что причины, обусловившие его создание в столь отдаленном районе Северного Понта, были достаточно серьезными. Среди последних в первом приближении следует предполагать, пожалуй, наличие здесь сравнительно благоприятной демографической и военно-политической ситуации и, конечно же, исключительное богатство северной части Меотиды наиболее ценными породами рыбы.

Как известно, не позднее 30-ых гг. VI в. до н.э. Таганрогское поселение прекратило свое существование. Основной причиной этого события стало, скорее всего, проникновение в Северное Причерноморье с востока новой волны воинственных номадов.

Новые признаки возобновления непосредственного интереса греков к району Северо-Восточного Приазовья фиксируются только для конца VI в. до н.э. Именно в это время здесь, в дельте Дона, возникает постоянный зимник кочевников, превратившийся вскоре в первое и самое крупное стационарное торговое поселение варваров степной зоны Северного Причерноморья скифского периода - так называемое Елизаветовское городище на Дону.

Накопленные на сегодняшний день многочисленные материалы и наблюдения однозначно свидетельствуют о весьма быстром расширении экономических и культурных контактов эллинов с местными жителями. Уже во второй четверти IV в. до н.э. в пределах

"акрополя" Елизаветовского городища функционируют несколько постоянных торговых лавок греческих купцов. А во второй половине этого же столетия здесь же возникает первое боспорское поселение (эпойкия), представляющее собой своего рода относительно небольшой (около 900 кв м.) обособленный квартал, инкорпорированный в структуру варварского городища в период наивысшего расцвета его экономики и культуры,

В конце IV в. до н.э. в связи с резким усилением угрозы со стороны сарматов (савроматов) туземное оседлое и кочевое население покидает территорию Северо-Восточного Приазовья. Практически одновременно с этим происходит и полное запустение греческого торгового квартала на территории Елизаветовского городища.

Есть все основания полагать, что новая волна населения появляется в Северо-Восточном Приазовье уже на рубеже IУ-III в. до н.э. или в самом начале III в. до н.э., т.е. почти сразу после запустения этого района. Судя по всей совокупности археологических фактов, именно в это время сюда, в дельту Дона, Боспор выводит свою новую, на этот раз гораздо более крупную колонию. Последняя заняла большую часть так называемого акрополя Елизаветовского городища и имела площадь около 7-8 га.

Предварительный анализ материалов колонии показывает, что в составе постоянных жителей нового боспорского поселения наряду с греками имелся и весьма значительный контингент варваров.

С исторической точки зрения сам по себе факт успешного выведения Боспором большой колонии в Северо-Восточное Приазовье в начале III в. до н.э. весьма примечателен. Он, по всей видимости, может свидетельствовать в пользу радикальной смены военно-политической ориентации этого государства, вступившего после победы

Бвмсла над своими братьями и поддерживавшими их скифами в полосу дружеских (союзнических) отношении с сарматами (савроматами) Прикубанья.

Впрочем, период относительного благоденствия новой боспорской колонии в дельте Дона, да, надо полагать, и всех остальных жителей Северо-Восточного Приазовья, продолжался весьма недолго. Не позднее 80-70 гг. III в. до н.э. сарматы (савроматы), перейдя Дон, совершили свой первый и, по-видимому, один из наиболее опустошительных набегов в Северное Причерноморье. Есть основания полагать, что именно в это время под ударами кочевников гибнут едва ли не все недостаточно

защищенные сельские и торговые поселения греков и местных жителей, начиная от большой боспорской колонии в дельте Дона и кончая Никоном в Поднестровье. С этого момента практически вся оседлая жизнь в Северном Причерноморье оказывается сосредоточенной в пределах наиболее укрепленных греческих центров. Лишь во второй половине или даже конце III в. до н.э. здесь появляются новые признаки возрождения стационарной жизнедеятельности за пределами городских стен. Важно заметить, наконец, что первым свидетельством наступления очередного периода относительной стабилизации в регионе стало появление в Северо-Восточном Приазовье третьей колонии Боспора - Танаиса, просуществовавшего с некоторыми перерывами вплоть до конца античной эпохи.

И.С. КАМЕНЕЦКИЙ

ГРЕКИ И МЕОТЫ

1. Меоты были восточными соседями греков Боспора и на протяжении многих веков их связывали самые разнообразные взаимоотношения.

2. Основной территорией расселения меотов было Прикубанье. Цепь городищ протянулась по правому берегу Кубани, с некоторыми перерывами от Таманского полуострова до Маламино у восточной границы Краснодарского края. В Закубанье они занимают нижнее течение притоков Кубани от Адагума до Урупа. К северу от нижнего течения Кубани меоты освоили земли между морем и Ангелинским ериком и нижнее течение Кирпилей от ст. Роговской до Приморско-Ахтарска. Отдельную группу составляли меоты переселившиеся (или переселенные) около рубежа н.э. в район Танаиса.

В настоящее время известно около 200 меотских городищ. Исследования еще не закончены, но уже сейчас выделяется 12-15 групп, имеющих определенные особенности в материальной культуре, и, по-видимому, соответствующие отдельным племенам. Это число неплохо согласуется с числом меотских племен, называемых письменными источниками.

3. Время появления меотов на Кубани, на Северном Кавказе, нельзя считать установленным. Имеется круг памятников V-II вв. до н.э. которые в настоящее время большинство исследователей рассматривает как киммерийские. Если принять, что киммерийцы были иранцами по языку, а меоты принадлежали к адыго-абхазской группе, то эти древности не могут рассматриваться как меотские и

тогда меоты фиксируются по археологическим материалам с VI до н.э. Но есть и другая точка зрения, которая считает эти памятники протомеотскими, и тогда пребывание меотов прослеживается с VIII в. до н.э.

Не очень ясно и с концом меотской культуры. Наиболее поздние, известные мне поселения, гибнут к середине III в.н.э. в результате готского нашествия. Ряд исследователей говорит о сохранении меотских поселений в Закубанье в IУ-У вв., но убедительных материалов я пока не вижу. С другой стороны, если принимать гипотезу о происхождении адыгов от меотов, то такие памятники должны быть. Проживавшие здесь в течении тысячелетия готы и на протяжении ряда веков тюрки сильно осложняют поиск памятников, которые можно было бы связать с потомками меотов.

4. Первое знакомство народов Средиземноморья с районом Прикубанья следует относить к эпохе средней бронзы. Наиболее ярким свидетельством этих контактов являются фаянсовые бусы в катакомбных погребениях Северного Кавказа. В письменных источниках - это время мифа о Прометее, похода аргонавтов и, по-видимому, описанных Эсхилом сухопутных путей к Боспору Киммерийскому. С VI в. до н.э., с момента возникновения греческих колоний, контакты стали постоянными и жизненно важными для обеих сторон. По письменным источникам хорошо известно о роли меотов в политической и военной истории Боспора. По археологическим материалам мы имеем некоторое представление об экономических связях.

5. Хорошо известно о подчинении меотских племен Боспору, которое началось в V в. до н.э. и прослеживается обычно по титулатуре боспорских правителей. В последнее время выясняются некоторые подробности этого подчинения. Меотские поселения известны к востоку от Семибратнего городища (Лабрит), возникшего в конце VI или в начале V в. до н.э. Эти поселения исчезают к V в. до н.э. и граница устанавливается по валу, опирающемуся на Батарейное городище, наиболее ранние материалы которого относятся к V в. до н.э. Но и восточнее Батарейного, примерно на протяжении 70 км образуется зона запустения. К северу от Кубани, в земле дандариев тоже происходят какие-то трагические события, приводящие к исчезновению поселений после IV в. до н.э. Судя по письменным источникам, где-то в V в. до н.э. из Закубанья, от границ с Боспором уходят язматы и фиксируются на побережье Азовского моря. Вероятно, именно им принадлежат городища по Кирпилям, материал с которых

датируется IV в. до н.э.-1 в. н.э. Возвращение меотов в покинутые районы происходит уже только в римское время.

6. Торговые связи прослеживаются по греческому импорту на меотских памятниках. Если не учитывать предметов высокой ценности, которые могли попадать и как дары, и как военная добыча, и как плата за участие в военных предприятиях, то основными статьями импорта были вино в амфорах, столовая посуда, бусы, черепица, часть квадратных зернотерок. Другая часть этих зернотерок могла изготавливаться на месте. Вопрос об импорте металлов может решаться по-разному: недалеко были кавказские месторождения меди, железной руды и др. ископаемых. Болотная руда в изобилии имеется в плавнях Приазовья. В VI в. до н.э. импорт был невелик. Максимум его приходится на V - IV вв. до н.э. Особенно он ощущается в западных районах, заметно уменьшаясь по мере удаления от боспорской метрополии. Затем начинается спад и даже в западных группах греческая керамика становится редкостью. Только на Кирпилях в эллинистическое время ее достаточно много, но это, главным образом, дешевая кружальная керамика. Серолощенная керамика, изготавливаемая местами, не уступала по качеству кружальной греческой. Вероятно, использование ее было вопросом моды, престижа. Главным предметом меотского экспорта был, по-видимому, хлеб. Знаменательно, что параллельно с уменьшением греческого импорта к меотам уменьшается и боспорский экспорт хлеба. Представляется, что эти два процесса были взаимосвязаны. Уменьшение товарного хлеба у меотов связано, скорее всего, со стремительным ростом народонаселения.

Почти несомненно, что меоты участвовали и в распространении боспорских товаров на восток, к сарматам.

7. Дело не ограничивалось импортом. Меоты заимствуют у греков гончарный круг. В западных группах это происходит не позднее рубежа У1-У вв. до н.э. Заимствуются и большие гончарные печи. Гончарная, серолощенная керамика вытесняет столовую лепную лощенную. В восточных группах лепная лощенная керамика доживает до рубежа н.э., сосуществуя с серолощенной. А в поселения на Чамлыке гончарный круг так и не проник, и серолощенная керамика там является результатом внутренней меотской торговли. Заимствуется не только круг, но и некоторые формы сосудов, например канфары, превращающиеся в двуручные или четырехручные кубки. Надо думать, что были и другие заимствования.

8. Импортируемые предметы проходили определенные отборы. Так, на меотских памятниках практически отсутствуют античные светильники и греческая кухонная посуда. Некоторые ввозимые предметы использовались не по прямому назначению. Так, лутерии выступают как блюда для мяса. Черепицы используются как противни. Пока только на городище Борисенков Лиман обнаружено значительное число черепицы в одном месте и в сочетании с калиптерами, что заставляет предполагать наличие там фундаментальной постройки.

9. Очевидно, в пересмотре нуждается вопрос о "сарматизации" Боспора. Не отрицая влияние сарматов, особенно в области военного дела, следует сказать, что часть фактов, приводимых как свидетельство "сарматизации", является свидетельством "меотизации". Это и зооморфные ручки и серолощенная керамика в целом. Думаю, что в городах Боспора проживало некоторое количество меотов. Выразительная группа меотской серолощенной керамики собрана в Горгиипии. В Лабрите наряду с серолощенной присутствует и меотская лепная керамика.

10. Трудно говорить о греческом влиянии в области религии. У меотов мы изредка находим весьма примитивные скульптуры местных божеств, но наряду с ними известны и находки греческих терракот и горгонейонов. О их роли судить трудно. Более выразительны редкие случаи находок оболы Харона.

11. Особая ситуация складывается в районе Танаиса. Здесь немногочисленные меотские поселения составляют, по существу, сельскохозяйственную округу Танаиса, его хору. Да и в самом Танаисе проживает значительное меотское население. Это, как я думаю, те танаиты, которые являлись полноправными его гражданами и управляются архонтом танаитов. Тесная связь меотских городищ с Танаисом обуславливает особенности быта на этих поселениях. Здесь очень велика доля амфорной и краснолаковой керамики, которой на меотских памятниках Кубани в это время практически нет. Это свидетельствует и о большей роли торговых связей, о большей зависимости от внешнего мира, о систематическом производстве товара на экспорт.

Своеобразие меотских поселений и в том, что, оторвавшись от основной меотской территории, они, очутившись в изоляции, в значительной мере законсервировали свою культуру на уровне достигнутом местами к рубежу н.э. Развитие же культуры в "метрополии" привело к появлению различий, что и составляет своеобразие донской группы. Впрочем, это расхождение не успело

привести к образованию самостоятельной культуры - процесс был прерван нашествием готов.

Н.Ю. ЛИМБЕРИС, И.И. МАРЧЕНКО

МЕОТСКИЕ РЕПЛИКИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КАНФАРОВ

Влияние античных традиций на сероглиняную керамику прикубанских меотов мимолетно отмечалось разными исследователями. Но существует только одна специальная работа Н. В. Анфимова по этому вопросу, в которой автор отмечает бросающееся в глаза сходство форм и деталей оформления некоторых типов меотских сероглиняных сосудов IV–II вв. до н. э. с боспорскими образцами.

Форма такого сосуда как канфар, в отличие от сероглиняных мисок и кувшинов, которые имеют местные прототипы в лепной и чернолощенной керамике, была полностью заимствована меотами у греков. Миски и кувшины, подражающие античным, отмечены уже в комплексах V в. до н. э., а канфары появляются почти на век позднее. Скорее всего, это связано с процессом развития гончарного производства и с постепенным освоением мастерами более сложных технических приемов.

Разработанная типология и хронология сероглиняных канфаров меотского производства позволила определить степень влияния античных традиций на развитие этих сосудов. По форме тулова меотские канфары разделены на три группы. В группах выделено от четырех до шести типов, которые делятся на подтипы и варианты (всего 46 разновидностей). Для каждого варианта установлены хронологические рамки. Наиболее ранние меотские канфары относятся ко второй половине IV в. до н. э. (Марьянский курган 1912 г.), самые поздние – ко II в. н. э.

Канфары второй половины IV – первой половины III в. до н. э. не только полностью копируют синхронные аттические чернолаковые сосуды, но и выдержаны в тех же пропорциях. Прослеживается четкое членение тулова на две части. В единичных случаях отмечено каннелирование нижней части тулова. Ручки имеют горизонтальные площадки с выступом, поддон высокий конический.

Начиная с III в. до н. э. количество типов и вариантов меотских канфаров увеличивается за счет внесения своеобразных местных элементов в традиционную схему сосуда. Канфары второй половины III в. до н. э. имеют нерасчлененное тулово

колоколовидной и конической формы но, в целом, подражают чернолаковым образцам этого времени.

Во II в. до н. э. у меотов появляются канфары, напоминающие по своим морфологическим признакам аттические сосуды группы St.-Valentin. Однако дело тут не в запаздывании античной традиции, а в упрощении технологии изготовления этих сосудов. Исчезает конический поддон (хотя единичные экземпляры еще попадаются), реже встречаются горизонтальные площадки и шипы на ручках. В целом, уменьшается и количество вариантов, имеющих прямые аналогии в греческих сосудах.

Среди канфаров I в. до н. э. выделяется группа сосудов, находящихся аналогии среди малоазийской лаковой керамики. Ряд типов полностью копирует формы тулова и ручек.

В I в. до н. э. – I в. н. э. встречаются единичные экземпляры сероглиняных канфаров, полностью копирующие сосуды из литого и дутого стекла. В I–II вв. н. э. античное влияние не сказывается на формах меотских канфаров. Лишь отдельные варианты имеют отдаленное сходство с краснолаковыми сосудами.

Таким образом, классический канфар, попав в варварскую среду, развивался и видоизменялся синхронно с античными образцами. Незнакомый и, казалось бы, чуждый тип сосуда, благодаря производственным навыкам и фантазии меотских гончаров, обогатился новыми деталями, приобрел лаконичную форму, и оказался настолько приспособленным к употреблению в местной среде, что его вполне можно назвать визитной карточкой меотской культуры Прикубанья.

Т. Н. ВЫСОТСКАЯ

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ПОЗДНИХ СКИФОВ С ГРЕЧЕСКИМИ ГОРОДАМИ

Торговые связи скифов с греками установились одновременно со становлением позднескифского государства в III в. до н. э. и прекратились вместе с его гибелью в первой половине III в. н. э.

Судить о степени интенсивности торговли и приоритетных связях с городами Северного Причерноморья позволяет массовый керамический материал, прежде всего, амфоры и столовая краснолаковая посуда.

В эллинистический период (по данным на 1979 год) 70% амфорных клейм Неаполя Скифского принадлежало Родосу, 13% – Херсонесу, 8% – Книду, 5, 5% – Косу, 3% – Синопе и 2, 5% – неизвестным центрам. Из 48 амфорных клейм, найденных на

городище Булганак, 20 – родосских, 11 – синопских, 9 – херсонесских, 5 – кинидских и 3 клейма – неизвестных центров (Храпунов, Федосеев. 1996).

На городище Кермен-Кыр раскопками О. Д. Дашевской (Дашевская. 1970. С. 114) в 1945 г. обнаружено 4 амфорные ручки с клеймами, из них три родосские.

В нижнем слое Усть-Альминского городища, который датируется II – I вв. до н. э., фрагменты амфор принадлежат, в основном, Родосу, среди них 4 ручки с клеймами.

Установилось мнение (И. Б. Зеест, В. И. Кадеев), что товары к скифам, особенно в Юго-Западный Крым, привозили главным образом из Херсонеса. Однако многие факты этого не подтверждают. В частности установлено, что доля Херсонеса в родосском импорте, по сравнению с Ольвией, была ничтожна (Высотская. 1979. С. 151).

Ольвия, находящаяся периодически в подчинении у скифов, была основной и главной посредницей в снабжении местных жителей различными товарами и, прежде всего, родосским вином. Родосец Посидей жил в Неаполе, возможно, в Ольвии стоял скифский флот (о существовании последнего говорят такие факты как амулет с изображением военного корабля из зольника Усть-Альминского городища и рисунки торговых кораблей на саркофаге одного из склепов усть-альминского могильника). Однако, признавая приоритет Ольвии в снабжении скифов Крыма разными товарами в эллинистическое время, мы не исключаем активные связи с другими северопричерноморскими городами – Херсонесом и Боспором.

4. На рубеже нашей эры и в I в. н. э. вино и масло в амфорах поступает из Южного Понта, краснолаковая посуда – из малоазийских центров. При этом импорт Пергама был малочисленным.

На Боспоре, напротив, по данным В. Забелиной (Забелина. 1980. С. 133) пергамские и малоазийские сосуды найдены почти в равных количествах, соответственно 31, 4% и 40%.

К скифам пергамской керамики привозили немного (фрагменты кубков, чаш из этого центра единичны), это заставляет нас признать, что импорт с Боспора был ограниченным, ибо в противном случае пергамские сосуды получили бы значительное распространение.

В конце I – во II вв. н. э. скифское государство переживает экономический подъем. На Усть-Альминское городище в это время привозят вино и масло в амфорах почти из 20 греческих городов.

Вполне вероятно, что и в этот период Ольвия по-прежнему оставалась одним из главных посредников в снабжении товарами скифов.

В пользу такого мнения может свидетельствовать находка золотой лунницы в одном из склепов усть-альминского могильника, матрицы для изготовления которых были, найдены в Ольвии. Примечательно также, что размеры саманных кирпичей, применялись при строительстве жилищ Усть-Альминского городища, соответствуют ольвийским стандартам.

Во II – III вв. н. э. резко возрастает продукция собственно причерноморских мастерских. Ввоз вина и масла из разных центров Средиземноморья сокращается.

Амфоры “мирмекийского” типа, и большие широкогорлые из мастерских Херсонеса и Боспора распространяются повсеместно.

В целом динамика торговых связей скифского государства была подчинена политической ситуации. Эти связи с тем или иным центром ослабевали в военное время и оживлялись в мирный период.

А.А. ТРУФАНОВ, В.Ю. ЮРОЧКИН

БОСПОРО-ХЕРСОНЕССКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭТНО- ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КРЫМСКОЙ СКИФИИ III-IY ВВ. Н.Э.

Сквозным действием исторической драмы, разыгравшейся на таврических землях в позднеантичную эпоху, стала борьба за передел границ и сфер влияния между проримским Херсонесом и варваризированным Боспорским царством. Дряхлеющая Империя, раздираемая внутренними противоречиями, под давлением варваров, медленно, но неуклонно сдавала свои позиции на полуострове. Но, если Херсонес остался верен своему “патрону”, то Боспор, так и не ставший римской провинцией, в сложившейся ситуации сделал ставку на варварские племена, сконцентрировавшиеся на его границах. В тех условиях жители Крымской Скифии, Центральной и Юго-Западной части полуострова, оказались между “молотом и наковальней”, заложниками политики “сильных мира сего”, испытав сполна на себе последствия этого противостояния.

Относительно этнополитической ситуации в этом регионе к настоящему времени предложена схема, нашедшая отражение в работах А.И. Айбабина, И.Н. Храпунова, И.С. Пиоро и др. исследователей. В общих чертах она сводится к следующему:

так называемая “позднескифская культура”¹¹⁵ прекращает свое существование в середине III в., ввиду продвижения племен гото-аланского союза, опустошившего Боспор и Неаполь. После чего готы оседают в окрестностях Херсонеса (оставив по себе след в виде трупосожжений могильников у с/х “Севастопольский”, Черноречье) и на ЮБК (Ай-Тодор, Чатырдаг). В то же время сармато-аланы, выходцы с Северного Кавказа, оседают в Центральном (Нейзац, Дружное) и Юго-Западном Крыму (Инкерман, Озерное и др.). Многим она кажется, на первый взгляд, стройной и не противоречащей ни исторической ситуации, ни археологическим реалиям. Вместе с тем у нее есть ряд слабых сторон, на которые хотелось бы обратить внимание.

Прежде всего – “гото-аланский союз сер. III в.” это “ученая конструкция” в чистом виде: ни один источник не упоминает о таковом, равно как и о походах варваров вглубь Таврики. Во-вторых: трупосожжения на полуострове появляются задолго до прихода германцев в Причерноморье. В с/х “Севастопольский” найдено достаточно большое количество урн-амфор, относящихся к сер. II-1 пол. III вв. (естественно наряду с амфорами III-1 У ст.). Действительно I У в. датируются захоронения Ай-Тодора и Чатырдага, обряд которых (урны-амфоры, уложенные на бок, горлом на ЮВ) чрезвычайно сходен с кремациями “Севастопольского” и Черноречья, а это, как нам кажется, не позволяет рассматривать их в качестве безусловного подтверждения присутствия здесь готов и не дает оснований к сопоставлению крымских трупосожжений с погребениями черняховской культуры (а уж тем более с вельбарскими или южноскандинавскими). Более чем на полутысячу кремационных захоронений приходится всего 3 сосуда черняховского облика, да и те относятся к I У в. Черняховские вещи действительно встречаются в Таврике: на Боспоре и в Юго-Западном Крыму, но отнюдь не в кремациях, а в “сармато-аланских” погребениях. При этом их типы относятся к развитому этапу культуры и датируются, судя по сопровождавшим захоронения монетам, эпохой Константина I (306-337 гг.).

Авторы данной работы предлагают несколько отличную от вышеупомянутой схему, сознавая при этом, что и она вряд ли сможет вместить весь сложный процесс развития местной культуры

---

¹¹⁵ Название условное и не вполне удачное, ибо изначально отягощено “этнической нагрузкой”. И все же, до разделения ее на локальные варианты по территориальному и хронологическому принципам, приходится пользоваться этим, хотя и устаревшим, но “устоявшимся” в науке термином.

и этно-политической истории Крымской Скифии. Привлекаемые в работе погребальные комплексы, содержавшие разнообразный выразительный инвентарь (Рис. 1, 2), образуют в корреляционной таблице шесть кластеров, соответствующих 6 фазам развития культуры населения региона (Рис. 1). Кроме того, в соответствии с выделенными фазами, составлена таблица признаков погребального обряда (Рис. 3) и характерных категорий инвентаря (Рис. 4), отдельно для женских и мужских захоронений.

Инвентарь, выделенный нами в фазы 1-3, обычно относят в совокупности к I пол. III в., считая его показательным для финального этапа “позднескифской культуры”. Но при этом, анализ встречаемости некоторых типов вещей¹¹⁶ показал, что кажущаяся монолитной группа на деле “дает трещину”. Синхронизируя неапольские комплексы с наборами вещей из других могильников, мы предположительно ограничили рамки I фазы между 190/200 – 218/220 гг. Одним из оснований для определения нижней границы, служит факт включения к 193 г. части территории Крымской Скифии в состав Боспорского царства / КБН. № 1237 /. В.М. Зубарь предположил, что боспорский правитель действовал совместно с римлянами, после чего Скифия была разделена между победителями на сферы влияния, граница между которыми прошла по р. Альме /1994. С.112/. Вероятно, тогда же возникает и пограничный римский пункт Алма-Кермен, контролировавший дорогу между важнейшими центрами – Неаполем, Палакием (Усть-Альмой) и Херсонесом. Особых изменений в погребальном обряде и общем облике культуры в это время не наблюдается, господствуют признаки, усвоенные от предшествующей эпохи. Возможно, тогда появляются и новые могильники (Перевальное, Дружное в “боспорской зоне” и у с. Танковое - в “римской”), что связано не с изменением состава населения, а с естественной реакцией на последствия передела Крымской Скифии, приведшей к некоторым подвижкам населения. Финал фазы определен нами на основании прекращения захоронений на Неапольском могильнике, что, в общем, должно соответствовать затуханию жизни на городище. Известно, что наиболее поздние монеты, найденные здесь, равно как и клады денариев в неапольской округе, относятся ко времени Макрина 217-218 гг. Говорить о Неаполе как о столице государства в это время не приходится, однако город мог оставаться центром сепаратизма, и находиться в противостоянии с Боспором. В этой

¹¹⁶ Подробное обоснование датировки хроноиндикаторов будет рассмотрено в докладе и соответствующей статье.

связи важно выделение Н.А. Фроловой пантикапейской чеканки 218-219 гг. /1997. С.11-16/ во знаменование побед над варварами. Если ее сопоставить с датой сокрытия кладов в окрестностях Неаполя, то напрашивается вывод, что именно тогда боспорские власти пошли на разгром бывшей столицы скифов, возможно с поголовным истреблением ее обитателей, немymi свидетелями которого являются десятки черепов казненных жителей, в беспорядке сброшенных в ямы на городище, а так же следы пожаров. Утратил свое значение и Алма-Керманский пост. Подчеркнем, что разгром касался исключительно Неаполя, жители Центрального Крыма, а уж тем более “римской зоны” не пострадали вовсе. На оставленных ими могильниках хорошо представлены погребения следующих фаз.

Вторая фаза (218/220-240/250 гг.) нашей корреляции показывает, что кроме появления некоторых новых типов инвентаря, существенных изменений в культуре и погребальном обряде не происходит, т.е. продолжают доминировать прежние “позднескифские” признаки. Финал этой фазы определяется датирующим инвентарем 1 пол. III в. и монетными находками из захоронений, выделенных нами в последующую, 3-ю фазу. Это, в частности: бронзовые монеты 242-250 гг. и 240-250 гг. боспорской и херсонесской чеканки из погребения 5 Суворовского могильника и погр.10. некрополя Бельбек III. Надо полагать, этим же временем можно датировать границу между фазами 2 и 3.

Захоронения 3 фазы (240/250 – 270/280 гг.) немногочисленны, набор погребального инвентаря и обряд нестабильны. В основном это грунтовые могилы с различными дополнительными земляными, деревянными, либо каменными конструкциями, но при этом они совершены на старых, уже существовавших кладбищах, что подчеркивает их связь с прежними обитателями Скифии. Хотя отдельные находки выводят на аналогии, основной ареал которых, лежит за пределами полуострова. Пример тому: “нижнедонский” серебряный флакон (Бельбек III, мог.10), шпоры западноевропейского типа (Скалистое III, мог. 28) и т.п. По времени эта фаза соответствует так называемой эпохе “готских” или “скифских” походов. Нам не кажется “крамольным” предположение, что среди их участников действительно были выходцы из Крымской Скифии. Косвенным подтверждением тому (во всяком случае касательно войны 251 г.) служит клад антонинианов с дунайской фибулой из с. Долинное на р.Каче.

К этой же фазе нами причислено, погребение, совершенное на территории Усть-Альминского городища, и принадлежавшее, надо

полагать, одному из его защитников. Заманчиво связать разгром этого важного приморского центра Скифии с походом примеотийских варваров, в том числе и герулов, вдоль побережья Таврики 267 г. Хочется еще отметить появление важных признаков обряда, обусловленных напряженной обстановкой в регионе и усилением роли мужчин-воинов в этот период, многие захоронения которого сопровождаются оружием и конской сбруей.

4 фаза (270/280 – 310/320 гг.) характеризуется увеличением количества погребений с монетами римской чеканки и довольно богатым инвентарем. Причем, некоторые типы вещей, привлеченные в качестве хроноиндикаторов, указывают на время не ранее 270-280 гг., что и определяет нижнюю границу фазы. Сравнительный анализ комплекса признаков погребального обряда захоронений этой фазы, выявил с одной стороны вполне устойчивую связь с позднескифскими захоронениями предыдущих фаз, а с другой, не менее значимую - с погребальным обрядом Боспора. Представляется, что это обстоятельство надо рассматривать как следствие некоторой стабилизации обстановки в Таврике после прихода на Боспоре к власти Тейрана (275-278 гг.), и последовавшего затем окончания “скифских войн”. Аналогии в погребальном обряде Боспора и Крымской Скифии можно рассматривать, как показатель возобновления контроля над этими землями со стороны боспорского правителя, обусловившего свободное перемещение населения в пределах единого государства. Верхняя граница 4 фазы определяется находками хроноиндикаторов, не встречающихся позднее 310/320 гг. и наличием в следующей 5 фазе погребений с монетами Лициния (308-324 гг.) и Константина 1 (306-337 гг.).

Сделав “срез” признаков погребального обряда фаз 1 – 4, нетрудно заметить, что на всем их протяжении продолжают фиксироваться характерные черты, унаследованные от “позднескифской” культуры. Некоторые изменения в обряде могут быть объяснены, в первую очередь, внутренним развитием культуры, и лишь затем внешними влияниями, причем последние не определяли ее облик.

Рубеж между 4 и 5 фазами ознаменован исчезновением “позднескифских” признаков в обряде, изменением состава инвентаря и появлением новой погребальной традиции, что заставляет видеть в этих процессах смену археологических культур.

Наиболее ярким показателем, диагностирующим появление в прежних пределах Скифии нового населения, является распространение в Центральном (могильники Нейзац, Перевальное,

Дружное) и Юго-Западном Крыму (Озерное Ш. Красная Заря, Тенистое, Вишнево, Суворово), а так же в Инкерманской долине коллективных захоронений в грунтовых склепах, являющихся, по сути, варваризированными, огрубленными вариантами боспорских погребальных конструкций. Среди них выделяются ингумации мужчин-воинов с оружием (длинными мечами и короткими кинжалами с вырезами у рукояти), сопровождаемыми обильным инвентарем. Материальная культура оставившего их населения характеризуется особым керамическим комплексом, сочетающим в себе признаки, роднящие его с аланской посудой Боспора и Нижнего Дона и керамикой черняховской культуры, при обилии сосудов античного производства. В.Ю. Юрочкин предложил выделить эти древности в особую группу Озерное-Инкерман¹¹⁷. Обыкновенно, участки погребений “озернинцев” находят на территории старых “позднескифских” могильников, появившихся еще в 1 фазе. Кроме захоронений в склепах, здесь открыты ингумации в подбойных, плитовых и грунтовых могилах, синхронных склепам и содержащих подобный инвентарь. Судя по его набору, захоронения принадлежат к “развитому 1У в.”. Наиболее ранние комплексы датируются монетами Константина 1 (306-337 гг.) и его соправителей. Учитывая, что мелкие номиналы “константиновской эпохи”, находимые в Крыму, относятся, в основном, ко времени единоличного правления этого императора, нижнюю границу фазы можно провести в пределах 325/340 гг., равно как и появление здесь памятников группы Озерное-Инкерман.

Причины этого явления требуют некоторых разъяснений. После херсонесско-боспорской войны 293 г., Боспор, видимо, окончательно утратил контроль за землями Скифии. Стремясь к их возвращению, его правители делают ставку на варваров, расселившихся на северном побережье Меотиды: германцев, возможно, герулов, (оставивших памятники в дельте Танаиса), и нежнедонских алан, связанных происхождением с Предкавказьем. Думается, что последние проникают на Боспор уже в конце III – нач. 1У вв. Будучи изначально носителями склепово-катакомбной традиции, они, на первых порах, приспособили здесь для погребений своих сородичей старые античные склепы и сооружая

¹¹⁷ Подробнее см.: В.Ю. Юрочкин. Памятники группы Озерное-Инкерман в позднеантичном Крыму. // Херсонес в античном мире, Историко-археологический аспект. Тез. докл. конф. – Севастополь, 1997. С. 128-133.

новые, уже подражали их архитектуре¹¹⁸. “Воинство Меотиды” участвует еще в двух походах против Херсонеса, первый из которых состоялся в 328/329 гг. , а второй – спустя некоторое время после него. Оба они неудачно окончились для Боспора. В результате последней из войн, его граница была отодвинута до Узунларского вала, а часть пленников из состава боспорского войска, среди которых, думаем, были и “меотийские воины” (германцы), была расселена в запустевших предгорных районах Скифии на правах федератов¹¹⁹. Отсюда и алано-германские черты в воинских захоронениях Озерного-Инкерман. Другая же часть “воинства” осталась на Боспоре для охраны западной границы, что, как представляется, стало залогом стабилизации обстановки в Таврике в целом. Их потомков позднее упоминают в источниках как готов страны Дори и готов-трапезитов.

Последняя 6 фаза нашей корреляции демонстрирует дальнейшее развитие форм инвентаря в пределах группы Озерное-Инкерман. Она выделена нами на основе “внутренней” хронологии коллективных погребений в склепах. Мы склонны относить ее, на основании хронологии некоторых вещей, к 355/360 – 375/380 гг. Завершающим этапом существования памятников группы Озерное-Инкерман в предгорных районах стало вторжение в Причерноморье гуннов, за которым последовало перемещение населения на юг за Внутреннюю гряду Крымских гор, где уже с конца IУ в. совершаются погребения на могильниках типа Скалистое, и где в У1 в. Прокопий помещает загадочную страну Дори.

¹¹⁸ Такое впечатление возникает при анализе склеповых конструкций Южного Приазовья: А.А. Масленников. Семейные склепы населения позднеантичного Боспора. М, 1997.

¹¹⁹ Подробнее см: В.Ю. Юрочкин Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова).- Запорожье, 1999. С.279-282.

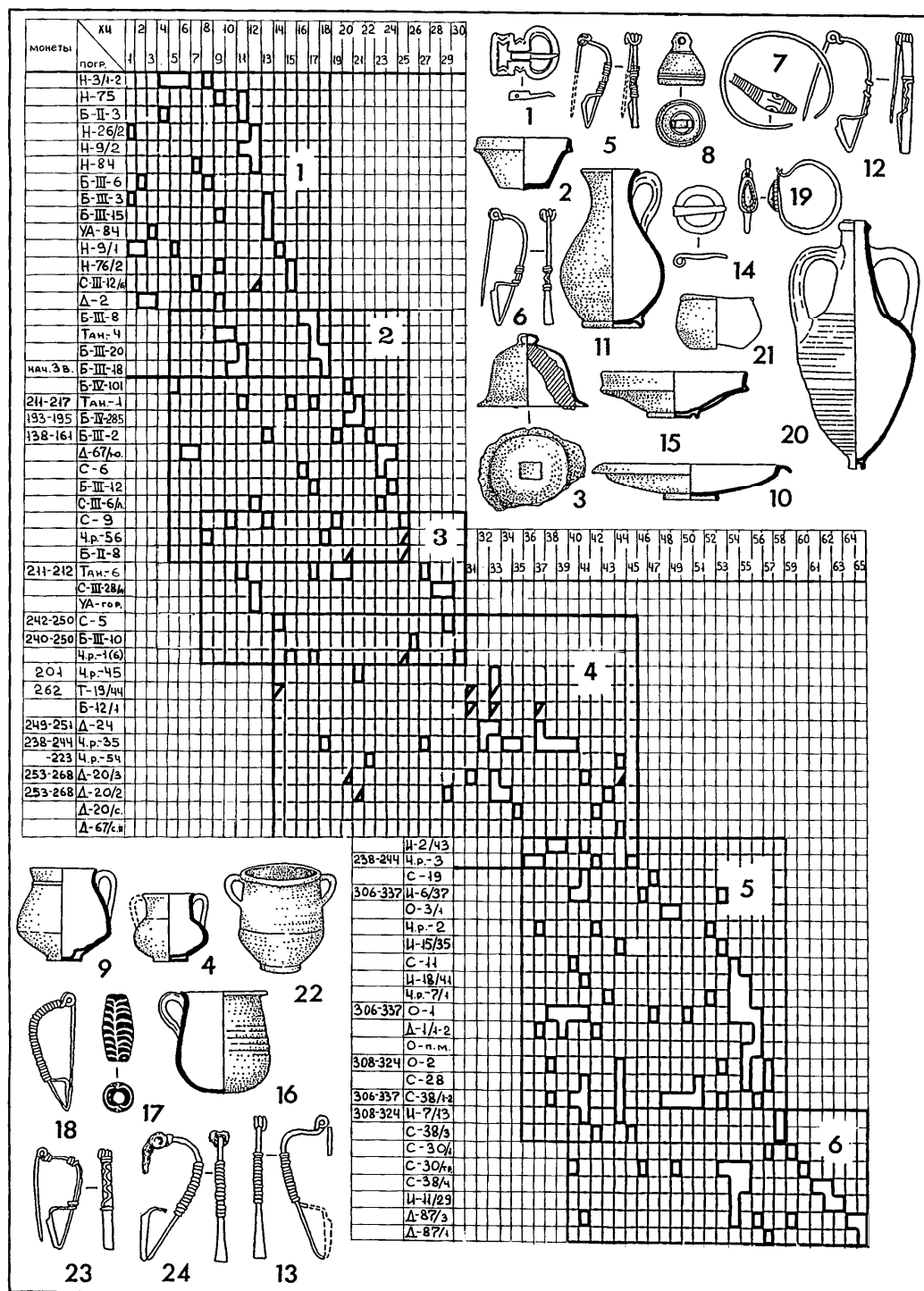

Рис. 1. Корреляционная таблица хроноиндикаторов. Номера в таблице соответствуют номерам на рисунках. Без масштаба.

Б – Бакли; Б II – Бельбек II; Б III – Бельбек III; Б IV – Бельбек IV; Д- Дружное; И – Инкерман; Н – Неаполь; О – Озерное III; С – Суворово; С III – Скалистое III; Т – Тиритакка; Тан. – Танковое; УА – Усть-Альма; Ч.Р. – Черная речка.

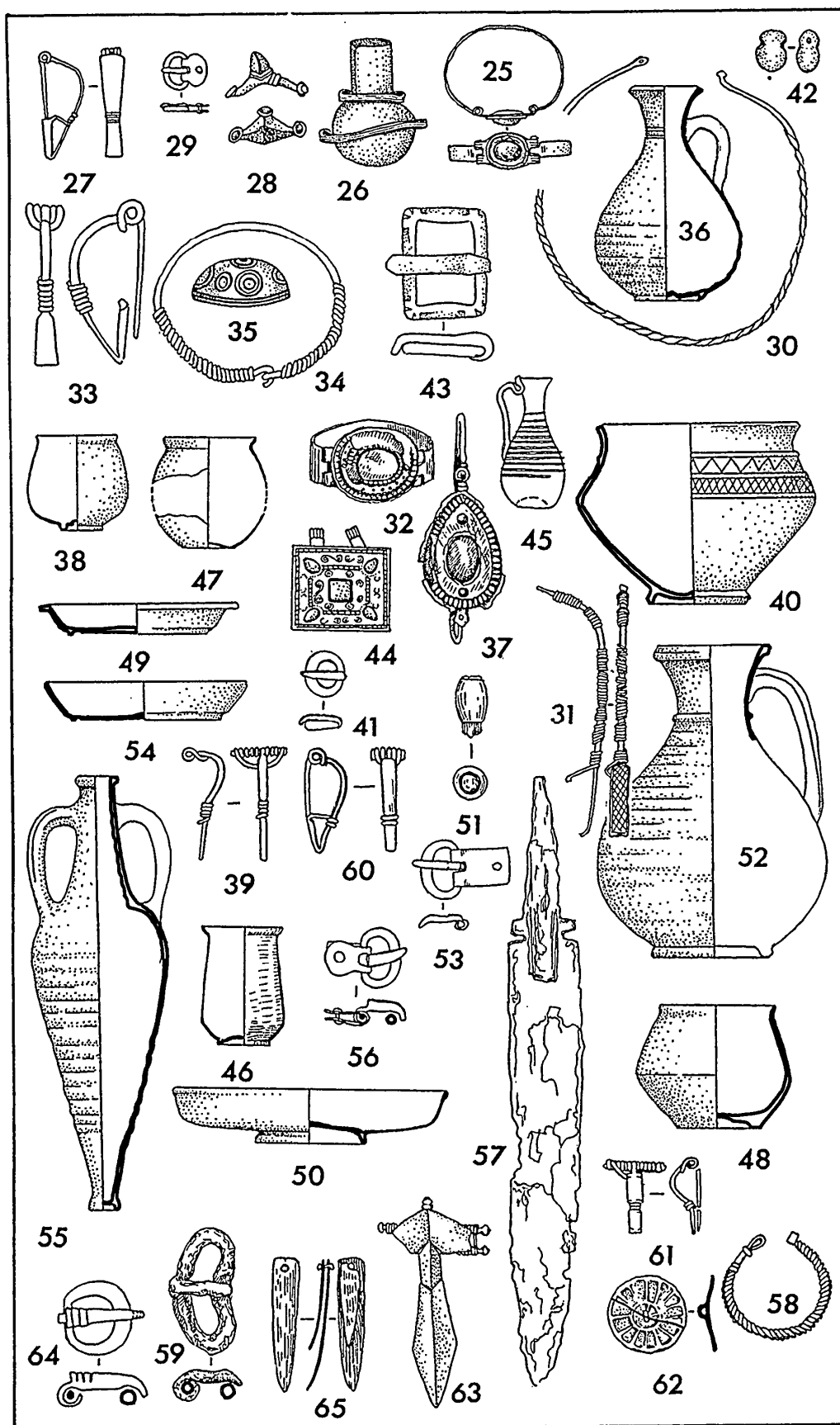

Рис.2. Рисунки хроноиндикаторов. Номера соответствуют номерам в корреляционной таблице. Без масштаба.

тип погр. сооруж.	монеты	призн. погр.	призн.																								фабы			
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24		25	26	
I		H-3/1																												
		H-3/2																												
		Б-II-3																												
		H-26/2																												
		H-84																												
		Б-III-6																												
		Б-III-15																												
		H-76/2																												
		С-III-12(4)																												
		Б-III-20																												
II	нак. 3 в.	Б-III-18																												
		Б-IV-101																												
	138-161	Б-III-2																												
		Δ-67/ю.п																												
		С-III-6(6)																												
		Сва-9																												
		Б-II-8																												
	211-212	Там-6																												
	240-250	Б-III-10																												
	201	Ч.р.-1(6)																												
249-251	Ч.р.-45																													
238-244	Δ-24																													
-223	Ч.р.-35																													
253-268	Ч.р.-54																													
III	253-268	Δ-20/III																												
		Δ-20/II																												
	256-244	Ч.р.-3																												
		Ч.р.-2																												
		С-11																												
		Ч.р.-2/7																												
	306-337	О-1/п.2																												
		Δ-1/п.2																												
	308-324	И-7/13																												
		С-38/п.4																												
	И-11/29																													
	Δ-87/п.3																													

тип погр. сооруж.	монеты	призн. погр.	призн.																								фабы			
			2	4	7	10	11	17	18	27	19	20	21	28	28	24	25	23	30	26										
I	?	H-75																												
		H-9/2																												
	?	Б-III-3																												
	?	YA-84																												
		H-9/1																												
		Δ-2																												
		Б-III-8																												
		Там-4																												
	211-217	Там-1																												
	193-195	Б-IV-285																												
	С-6																													
	Б-III-12																													
	Ч.р.-56																													
	С-III-28																													
	YA-гор.																													
242-250	Сва-5																													
	Δ-67/к.п																													
	И-2/43																													
	Сва-19																													
306-337	И-6/37																													
	О-3/п.1																													
	И-15/35																													
	И-18/41																													
306-337	О-1/п.1																													
	Δ-1/п.1																													
	О-п.п.																													
308-324	О-с.2																													
	С-28																													
306-337	С-38/п.1																													
	С-30/п.1																													
	Δ-87/п.1																													

Рис. 3. Корреляционная таблица показательных категорий инвентаря и признаков погребального обряда. 1 – женские захоронения, II – мужские захоронения.

1. Женские погребения: 1-старые вещи (I-II вв.н.э.), попавшие в погребения III в. “с запозданием”. 2 – кольца с “шишечками”. 3-подвески из бронзы в виде колец “с шишечками”. 4-смычковые фибулы. 5-браслеты с окончаниями в виде “змеиных головок”. 6-зеркала-подвески с боковой петлей. 7-бронзовые бусины. 8-фибулы, скрепленные кольцом. 9-амулеты-подвески нескольких типов. 10-лучковые фибулы. 11-более одной фибулы в одном погребении. 12-более одного браслета в одном погребении. 13-мелкие бусы на ногах погребенной. 14-подвеска-“игольник”. 15-пряслице. 16-детали шкатулки или ключ. 17-краснолаковые сосуды. 18-пряжки. 19-гроб-колода. 20-амфора. 21-монеты. 22-лепная посуда. 23-зеркала-подвески с центральной петлей. 24-“провинциально-римские” фибулы. 25-керамика черняховского типа. 26-лепная посуда, совмещающая германские и сармато-аланские признаки.

II. Мужские погребения: 27-конская сбруя. 28-оружие. 29-мач или кинжал с вырезами у рукояти. 30 – умбон. (остальные номера соответствуют номерам в женских погребениях)

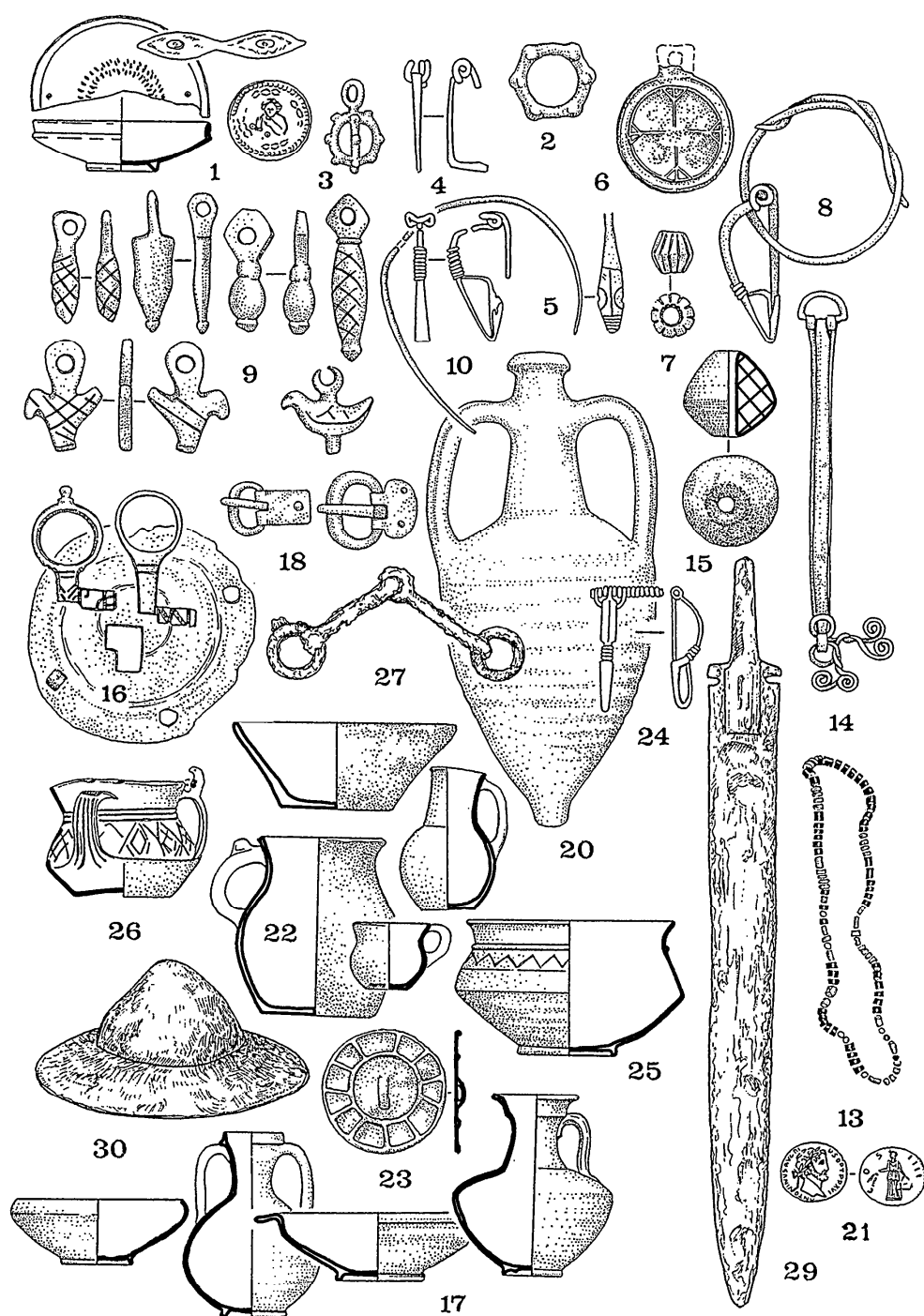

Рис. 4. Показательные категории погребального инвентаря, выступающие в качестве признаков обряда захоронения. Номера соответствуют номерам в корреляционной таблице на рис. 3.

Н.Н. БОЛГОВ

**ПОЗДНИЙ БОСПОР И ВАРВАРСКИЕ КОРОЛЕВСТВА КАК
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ (V–VI ВВ.)**

Проблемы государственности позднеантичного Боспора привлекли внимание специалистов лишь в самое последнее время. Так как государство является стержнем цивилизации, интерес к его состоянию в переходные исторические эпохи вполне объясним. Если также учесть, что наряду со сферами материальной и духовной культуры континуитет истории Боспора должен был включать и сферу политическую, станет понятно все значение данной проблемы.

Исходной посылкой к настоящей работе стала прозвучавшая еще в 1966 г. мысль И. Т. Кругликовой о том, что в конце IV в., после гуннского нашествия, «возникшее на развалинах Боспорского царства государство (выделено нами – *Н. Б.*) носило уже иной характер, приближаясь, вероятно, к варварским государствам раннего средневековья» (Кругликова. 1966. С. 24). Высказанный лишь в качестве общего суждения тезис не был подкреплён в дальнейшем соответствующими изысканиями и на долгое время «повис в воздухе». По поводу характера Боспорского государства в период между приходом гуннов и византийской аннексией (конец IV – начало VI вв.) за прошедшие почти 35 лет в печати появилось лишь два высказывания (Виноградов. 1998. С. 233–247; Болгов. 1998. С. 18–24). Обе работы доказывают принципиально позднеантичный (не варварский) характер боспорского государства данного времени, различаясь лишь в более частных аспектах. Один из подходов проводит параллели между боспорским государством и византийским, другой утверждает наличие особого локального варианта государства на Боспоре. Специальных сравнений и сопоставлений государственности позднего Боспора и синхронных ему варварских королевств латинского Запада в литературе не проводилось.

До недавнего времени варварскими государствами в собственном смысле называли лишь политические образования, выросшие из федератских территорий Западной Римской империи и, выражаясь современным языком, провозгласившие свою «независимость» на протяжении V в. В настоящее время признается факт наличия и более ранних варварских государственных образований на периферии античного мира как типологически

гомогенных первым (Колосовская. 1997. С. 48–60). Непосредственными предшественниками королевств V–VIII вв. были германские и сарматские общества по римско-дунайской границе I–III вв. (Болгов. 1994. С. 204–205), а еще ранее – галльские и т. д.

В определении типологии варварских королевств раннего средневековья двумя важнейшими факторами будут следующие:

- наличие самостоятельных, выросших «снизу» и естественным образом политических институтов;

- «перевес» на общей чаше весов между Римом и варварами в пользу варваров, обозначившийся вполне определенно с конца IV в., приведший к расселению варваров с оформлявшейся их собственной государственностью на территории империи и к глубокому культурному синтезу. В отличие от них, Боспорское царство с самого начала своей истории носило смешанный этнический характер, в целом определяемый как боспорский локальный вариант античной культуры. В рассматриваемый период варварские вторжения извне застигли здесь уже давно сложившееся государство античного типа с тысячелетней традицией. Это первое принципиальное отличие Боспора от варварских королевств. Готы, начиная с III в., не оказали заметного влияния на политические институты Боспора, а «протекторат» гуннов-утигуров в конце V – начале VI вв. в миниатюре должен был повторять систему взаимоотношений между гуннами Аттилы и Римской империей в середине V в.

Кроме того, сами векторы эволюции варварских королевств и Боспора были разнонаправленными - варварская государственность находилась на восходящей, позднеантичная боспорская - на нисходящей линии.

Остается проанализировать характер варваризации. Казалось бы, и Боспор, и варварский Запад в этом отношении очень похожи. Но и здесь мы отмечаем принципиальную разницу. Варваризация Боспора не перешла «критической черты»: в своей основе это было государство, по-прежнему базировавшееся на античной традиции (греческий язык, античные формы материальной культуры, политические традиции). Греческое население на Боспоре бытует по меньшей мере до XIII в. В варварских королевствах же, несмотря на численное преобладание позднеримского населения, тенденция к его варваризации была очевидной и вскоре привела данный этнос к практически полной трансформации.

В отличие от варварского королевства, в котором варвары и «римляне» формально живут каждые по своим законам, но над теми

и другими стоит король-варвар и его войско, на Боспоре ни один из гуннских риксов не был правителем Боспора и боспорян, никогда не имело силы варварское право (у гуннов бытовало, по всей видимости, лишь обычное право). Боспор сохранял по меньшей мере до конца V в. собственную царскую власть, прежнюю династию и счет лет.

Варварские королевства возникают в результате завоевания территории с позднеантичной государственной организацией, причем варвары используют элементы этой государственности (налоговую систему, территориальное деление, таможенную и монетную системы и т. д.). На Боспоре фактора внешнего завоевания не было.

На Боспоре хранителем античных традиций выступает само государство, т. е. центральная власть, в совокупности со всем населением, а в варварских королевствах – бывшие римские муниципии, гражданские общины. На большинстве территорий, подпавших под власть варваров в Западной Европе, гражданские общины сохраняются и действуют преимущественно как общины христианские, но в традициях города империи (Колосовская. 1985. Р. 118). Взимание продуктового, а может быть и денежного налога в пользу варваров было возможно при содействии муниципальных властей, поэтому город еще в конце V в. функционировал как финансовый организм. Еще одна роль позднеримского города – культурно-идеологическое воздействие в варварской среде, которое исходило от церкви и распространялось на значительные территории путем миссионерской деятельности (Колосовская. 1985. Р. 119). В Вестготской Испании в начале VI в. короли сами санкционировали деятельность позднеримских органов государственного управления, что приводит к значительному росту значения последних во второй половине VI в (Корсунский, Гюнтер. 1984. С. 66). Важное значение имело также сохранение экономической базы западноримских городов – сельской округи, земли. В тех государствах, где позднеантичные города были лишены земли (вандалская Африка), позднеантичные города утратили свой прежний характер, их сенаты либо исчезли, либо стали придатками власти короля (Беляев. 1970. С. 19).

В Восточной Римской империи город в основном сохранял свой позднеантичный характер вплоть до самого конца античности. Боспорский город в силу особенностей исторического развития региона не был точной копией ранневизантийского города (как Херсонес). Города Боспора зависели от царской власти, а после ее ослабления реальная власть в обособлявшихся друг от друга

микрорайонах с преимущественно натуральным хозяйством переходила не к «городскому гражданству», а к боспорским «сильным людям» - знатным родам, зачастую иранского происхождения, усвоившим греческий язык и боспорскую культуру. Они имели землю и возможность участия в гуннских грабительских походах. В силу ряда причин они были заинтересованы в сохранении боспорского государства, без которого не мыслили своего существования. Все остальное население, вместе живя и обороняясь в отдельных территориальных микрорайонах, также выступало хранителем тысячелетнего уклада жизни на Боспоре. Очень слабое, но важное влияние оказывал и фактор клиентской зависимости Боспора от империи.

Итак, в позднеантичное время развитие различных частей периферии римского мира пошло различными путями. На Западе варварская периферия после перелома во взаимоотношениях с империей хлынула на территорию западных провинций и затопила их, поглотив остатки государства. На Востоке полоса буферных государств (в основном восточного происхождения и характера, кроме Боспора – Болгов. 1997. С. 35–48) постепенно превращается в «византийское содружество наций» (Оболенский. 1998. С. 35–51).

Следовательно, поздний Боспор и синхронные ему варварские королевства Западной Европы представляют собой хотя и сходные по ряду внешних признаков, но типологически совершенно различные государства и общества, с разнонаправленными векторами развития, различным «возрастом» цивилизации и различными историческими судьбами. Тем не менее, все они в равной мере являются политическим феноменом переходной эпохи от античности к средневековью.

Беляев. 1970 – С. А. Беляев. Города римской Северной Африки во времена владычества вандалов. - Автореф. канд. дисс. Воронеж, 1970.

Болгов. 1994 – Н. Н. Болгов. Боспор IV–V вв. и проблема позднеантичных государственных образований. Дисс.... канд. ист. наук. М., 1994.

Болгов. 1997 – Н. Н. Болгов. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV–VI вв.): дескриптивный обзор // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1997.

Болгов. 1998 – Н. Н. Болгов. Позднеантичное государство на Боспоре: угасание или расцвет? // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998.

- Виноградов. 1998 – Ю. Г. Виноградов. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1
- Колосовская. 1995 – Ю. К. Колосовская. Позднеримский город на Дунае и варвары // *From Late Antiquity to Early Byzantium*. Praha, 1985.
- Колосовская. 1997 – Ю. К. Колосовская. О царской власти в варварских обществах // *Власть, человек, общество в античном мире*. М., 1997.
- Корсунский, Гюнтер. 1984 – А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
- Кругликова. 1966 – И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966.
- Оболенский. 1998 – Д. Оболенский. Византийское содружество наций. М., 1998.

В.В. КРАПИВИНА

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ОЛЬВИИ С АНТИЧНЫМ И ВАРВАРСКИМ МИРОМ В I-IV ВВ. Н.Э.

Торговые связи Ольвии, восстановленной после готского нашествия не ранее конца I в. до н. э., возобновляются постепенно. Достаточно спорно мнение Диона Хрисостома, сообщавшего что, как ему кажется, город был восстановлен по желанию окружавших скифов, нуждавшихся в торговле с эллинами, но не умевших устроить торговое место по эллинскому образцу (Or., XXXVI). Тем не менее, оно свидетельствует о важности торговли в экономике Ольвии в I в. н. э. Согласно ольвийским надписям, здесь продолжала существовать коллегия агораномов, состоявшая из пяти человек, которые по окончании срока службы делали посвящения своему покровителю Гермесу Агорею (IOSPE, I(2), 128, 129; HO, 90, O-92/P-25/2669). Они должны были осуществлять контроль за ценами, обменом денег, проверку мер и весов, поддерживать порядок на рынке, следить за его состоянием. Следует отметить, что коллегия агораномов в Ольвии была многочисленнее, чем это было принято в провинциях Римской империи (5 человек вместо 2 см. Jones, 1974, p.14). В связи с этим можно предположить, что обязанности ольвийских агораномов были более широкими. Все эти надписи коллегии агораномов датируются в пределах конца I - первой половины II вв. н. э. Данные археологии свидетельствуют о развитии торговых связей города в это время, увеличении импорта из западных провинций Римской империи.

Торговая деятельность регулировалась законодательством, за исполнением которого также следили агораномы, взимавшие, возможно, пошлину с ввозимых товаров.

Пошлина могла составлять от 1/30 до 1/90 стоимости товаров (Анохин, 1986, с. 488). От пошлины освобождались граждане полиса и иноземцы, оказавшие ему важные услуги.

Однако, об исключительности этой льготы может свидетельствовать то, что она специально оговаривалась в почетных декретах.

Важной статьей вывоза из Ольвии в античные центры могло быть зерно. Однако, это заключение верно только для урожайных лет. В неурожайные годы зерно из предмета вывоза могло превращаться в предмет ввоза. Более постоянными статьями вывоза были, вероятно, скот, кожа, какое-то количество соленой и вяленой рыбы (преимущественно осетровых). О торговле Ольвии солью как с эллинами, так и с варварами, сообщает Дион Хрисостом (Ог., XXXVI). К сожалению, он не раскрывает, какие еще товары вывозили из Ольвии, а только передает слова ольвиополитов о том, что сюда приезжают купцы и торгоши, привозящие дрянное тряпье и скверное вино и вывозящие наши товары ничуть не лучше этих (Ог., XXXVI). Согласно этому сообщению, как мы видим, из античных центров Ольвия импортировала, прежде всего, вино и ткани. Кроме того, ввозились оливковое масло, керамика, изделия из стекла, металла (в основном украшения, сосуды, художественная бронза), скульптура, терракоты.

Интересно сообщение Диона Хрисостома об отношении к процессу купли-продажи:

«...когда к вам придет какой-нибудь купец, не бывавший у вас ранее, вы не сейчас же распространяете о нем дурные слухи, но сперва пробуете его вино или, если он привезет какой-либо другой товар, берете его образчик и затем уже, если товар понравился покупаете, а если нет, то оставляете» (Ог., XXXVI).

В первые века нашей эры для внутривосполненной торговли в Ольвии в основном использовалась собственная медная монета. Международным же платежным средством того времени были римские серебряные денарии. Ольвия была торговым центром всего региона Нижнего Побужья, вся внешняя торговля осуществлялась через нее. Продукция сельского хозяйства поступала с поселений в Ольвию, а все товары, необходимые жителям периферии, как привозные, так и произведенные в Ольвии, покупались ими на ольвийском рынке. Торговые операции на хоре, вероятно, носили преимущественно меновой характер, для I первой половины II вв. н.э.

здесь выявлено только небольшое количество ольвийских государственных медных монет. Единственное исключение денарий Домициана, найденный на Петуховке 2. Римские монеты фиксируются на хоре в небольших количествах с середины II до середины III вв. н.э. (Крыжицкий и др., 1989, с. 207), вероятно, поступали сюда через ольвийский городской рынок (Карышковский, 1965, с. 64).

Основной удельный вес имела внешняя торговля.

Развитие торговых связей Ольвии с античными центрами соответствовало основным этапам ее исторического развития в первые века нашей эры. Уже с рубежа эр прослеживаются традиционные для Ольвии связи с малоазийскими и южнопонтийскими центрами Синопой, Пергамом, Самосом, Косом, Византием (IOSPE, I(2), 79), откуда в Ольвию поступали оливковое масло, вино, краснолаковая керамика, светильники, изделия из стекла. Усиливаются связи с италийскими центрами, откуда в небольших количествах ввозили оливковое масло, вино, краснолаковую керамику, светильники, стеклянные сосуды, а также немногочисленные экземпляры римских фибул, основная масса которых, в это время фиксируется на Боспоре и Кавказе (Гороховский, 1985, с. 20).

В I первой половине II вв. н.э. по-прежнему преобладают торговые связи Ольвии с малоазийскими и южнопонтийскими центрами Пергамом, Самосом, Синопой, Византием.

Прослеживаются также связи с Агтикой, Восточным Средиземноморьем, Египтом. В целом, немногочисленный италийский импорт на рубеже I-II вв. н.э. сменяется более значительным импортом из западных провинций Римской империи, откуда в Ольвию начинают поступать краснолаковая керамика, светильники, металлические изделия (прежде всего фибулы - см. Гороховский, 1985, с. 20), стекло. В это время по распространенности изделий из стекла Ольвия стоит на втором месте после Боспора (Сорокина, 1984, с. 235).

Существуют связи с античными центрами Северного Причерноморья.

Во второй половине II - первой половине III вв. н.э. торговля послегетской Ольвии достигает наибольшего расцвета для первых веков нашей эры, о чем свидетельствуют как материалы раскопок, так и данные эпиграфики. Почти все надписи, характеризующие торговые связи Ольвии в первые века нашей эры, относятся к этому времени. Наиболее полный перечень торговых контрагентов города содержит декрет в честь Феокла, сына Сатира, которого увенчали

посмертно золотыми венками следующие города: Никомедия, Никея, Гераклея, Византий, Амастрия, Тий, Прусса, Одесс, Томи, Истрия, Каллатис, Милет, Кизик, Апамея, Херсонес, Боспор, Тира, Синопа (IOSPE, I(2), 40). Апамея, Никомедия, Никея, Византий, Прусса, Гераклея, Амастрия, Каллатис - упоминаются в надписи, сохранившейся фрагментарно (IOSPE, I(2), 41). Еще в одной надписи названы прусийцы, гераклеоты, византийцы (НО, 51). Есть надпись в честь жителя Пруссы (НО, 47), надгробие синопейца (НО, 101), надгробия боспорян (IOSPE, I(2), 202-204). В Томи найдена надпись с упоминанием ольвиополита Сатира, а также надпись, в которой Томи, Истрия, Аполлония и другие западнопонтские города чествуют своего благодетеля из Ольвии (Златковская, 1951, с. 112). По археологическим материалам во II-III вв. н.э. фиксируются связи с Синопой, Боспором, Аттикой, Малой Азией, Александрией Египетской, Средиземноморьем, западными провинциями Римской империи.

Преобладавшим в это время остается ввоз из Малой Азии и южнопонтских центров, откуда в Северное Причерноморье, в том числе и в Ольвию, поступали оливковое масло, краснолаковая керамика, светильники, изделия из стекла, мраморная скульптура.

Интенсивные торговые связи прослеживаются у Ольвии с Боспором, откуда могло поступать какое-то количество вина, соленой морской рыбы и соусов, а также амфорная тара. Развиваются торговые связи с западными провинциями Римской империи, из которых в Ольвию поступают в основном краснолаковые сосуды, светильники, бронзовые статуэтки, фибулы, изделия из стекла, небольшие колонны и облицовочные плитки для отделки интерьеров домов.

Помимо римских денариев в Ольвии были найдены монеты различных центров провинций Римской империи: гг. Тиры, Томи, Каллатиса, Одесса, Перинфа, Филиппополя, Филипп, Ассоса, Александрии, Никеи, Тия, Амастрия, Синопы, Кесарии, а также Боспорского царства и Херсонеса (Карышковский, 1965, с. 57-60). В Ольвию проникало больше римских монет чем в Истрию, собственной меди здесь также выпускалось больше, что может свидетельствовать о более интенсивной торговой деятельности.

Продолжала существовать торговля Ольвии с окружающим негреческим населением. Однако, нет оснований предполагать значительное распространение импорта из Ольвии за пределы Нижнего Побужья, как это, в частности, прослеживается по изделиям из металла (Фурманская, 1958, с. 60; Амброз, 1966, с. 93-96).

Из ближайшего окружения самые тесные связи Ольвия поддерживала с эллинизированным населением нижнеднепровских городищ. Нижнее Поднепровье следует, вероятно, рассматривать в качестве некой контактной зоны греков и варваров. Возможно, существовал вывоз зерна отсюда в Ольвию. О связях между ними свидетельствуют как найденные там фрагменты сероглиняной керамики ольвийского производства, так и общее сходство керамических комплексов (Крапивина, 1980, с. 97; Гаврилук, Абикулова, 1991, II, с. 18-21, 26).

Вероятно, от негреческого населения Ольвия получала скот и кожи, мед, воск, зерно, возможно, через нижнеднепровские городища. Ввозила она туда как продукты собственного производства, так и импортированные из других античных центров, т.е. вела посредническую торговлю. Это были, прежде всего, ткани, вино, украшения, керамика, стекло, изделия из металла.

Однако, в целом следует констатировать, что в первые века нашей эры торговые связи Ольвии по сравнению с догетским периодом отличаются меньшей интенсивностью и разнообразием, что характерно и для других центров Северного Причерноморья в это время.

Торговые связи Ольвии были вновь нарушены в связи с гибелью города в результате готского нашествия в 269-270 гг. Жизнь на ее месте восстанавливается не ранее 80-х годов III в.н.э. Существует только ближайшая хора Ольвии в радиусе 5-10 км, остальная ее территория оказывается занятой населением черняховской культуры. Контактной зоной греков и варваров становится Нижнее Побужье. Видимо, торговля Ольвии возрождается постепенно.

Собственная монетная чеканка в Ольвии отсутствовала. Однако, немногочисленные находки монет римских императоров здесь известны от времени Диоклетиана (284-305 гг.) до Валента (364-378 гг.) (Карышковский, 1968). Все это свидетельствует о значительном сокращении торговли и натурализации хозяйства Ольвии. Она в значительной степени оказывается в стороне от торговых путей. Тем не менее, в это время фиксируются торговые связи с Боспором, Малой Азией, западными провинциями Римской империи, Северной Африкой (Крапивина, 1993, с. 128).

Очевидно, происходит некоторая торговая переориентация Ольвии, более важными становятся торговые связи с окружающим ее населением черняховской культуры. Вероятно, возрастает значение посреднической торговли. В связи с тем, что и на памятниках черняховской культуры в Северном Причерноморье

монетные находки редки, можно предположить, что торговля в основном была меновой. Население черняховской культуры могло получать из античных центров вино и оливковое масло в амфорах, а также столовую керамику, стеклянную посуду, бусы (Магомедов, 1987, с. 77-86). Отсутствие в Ольвии в это время развитых рыбозасолочных и винодельческих комплексов при наличии всех необходимых для этого условий, может свидетельствовать об отсутствии достаточного рынка сбыта для продуктов рыбозасолки и виноделия в окружающей Ольвию варварской среде. Связи же с античными центрами ослабели.

Вероятно, из товаров собственного производства на ближайшие поселения черняховцев Ольвия могла поставлять продукцию своих металлообрабатывающих и гончарных мастерских. В обмен она могла получать прежде всего крупный рогатый скот, поскольку он был обычной статьей сбыта для носителей черняховской культуры (Магомедов, 1987, с. 77). Проблематичен вопрос о поставках зерна с черняховских поселений. Не исключено, что они привозили в Ольвию какое-то количество ячменя пленчатого и проса обыкновенного. Поступление же пшеницы в Ольвию, очевидно, можно исключить, так как окружавшее ее черняховское население возделывало в основном пшеницу двузернянку, дающую малый выход муки.

Следует подчеркнуть, что для черняховского населения степи Ольвия не была единственным и основным торговым контрагентом, в противном случае жизнь здесь не прекратилась бы на полстолетия раньше, чем на окружающих черняховских поселениях. Возможно, примером собственно черняховской усадьбы-фактории может служить Каменка - Анчекрак, расположенная к юго-западу от Ольвии на Березанском лимане (Магомедов, 1987, с. 77).

Согласно определению сотрудников лаборатории научной консервации и реставрации скульптуры Государственного Эрмитажа две небольшие скульптуры, найденные на участке Р- 25 в Ольвии, выполнены из малоазийского мрамора.

Металлообработка и гончарство были хорошо развиты и у племен черняховской культуры, однако, именно в Северном Причерноморье остатки этих производств крайне незначительны (см. Магомедов, 1987, с. 70, 73).

С.Г. КОЛТУХОВ

КЕРАМИКА ИЗ КУРГАНА БЕШ-ОБА IV

В 1996-1997 гг. Крымская охранный археологическая экспедиция исследовала два погребальных сооружений в кургане N IV на г. Беш-Оба. Беш-Обинская группа относится к большому курганному могильнику Ак-Кая, находящемуся на куэстах Внутренней гряды крымских гор, на территории Белогорского района. Полевые работы не завершены, однако результаты раскопок, уже позволяют, вполне уверенно, говорить о самых крупных курганах Ак-Кай, как о могилах высшей скифской аристократии IV в. до н.э.

Курган N IV, диаметром 72 м и высотой 9,5 м, имел плоскую вершину, образовавшуюся в результате просадки грунта в центральное погребение. Основа насыпи сложена из вальков и кусков дерна и окружена каменной крепидой, высотой до 1 м, и шириной 3-4 м. На вальках лежит слой насыпного грунта, насыщенный измельченной гончарной керамикой, преимущественно обломками гераклейских и фасосских амфор. Изредка можно видеть фрагменты амфор Хиоса, Менды, Херсонеса, Синопы, амфор типа Солоха II, обломки амфор типа Солоха I, единичны. Лепная керамика и столовая гончарная посуда в насыпном слое отсутствуют.

Более выразительные находки обнаружены в каменном склепе, одновременном центральному погребению, расположенном в восточной поле кургана. Здесь, несмотря на неоднократное ограбление, сохранились крупные обломки трех гераклейских, нескольких фасосских амфор и коричневоглиняной колхидской амфоры. Перед склепом обнаружены обломки двух синопских амфор. Керамика из склепа, в целом не выходит за хронологические рамки второй четверти IV-первой трети III вв. до н. э.

Разнообразная античная керамика обнаружена в центральном погребении, представлявшем собой катакомбу-склеп, дромос которой был выведен под тыльную стену каменного склепа. В шахте и камере найдено 8 целых и фрагментированных сосудов.

В северо-восточной части входной шахты, у стены, закрывавшей вход в погребальную камеру были поставлены три амфоры типа Солоха II. В заполнении погребальной камеры, неоднократно подвергавшейся ограблению, обнаружены обломки амфоры типа Солоха II, амфоры типа Солоха I, фасосской и гераклейской амфор, чернолакового кратера и чернолаковой чашки. Первоначальное положение кратера, амфоры Солоха I и амфоры

Солоха II у восточной стены камеры, определено по фрагментам, находившимся на дне камеры.

Керамика из центрального погребения.

1. Амфора типа Солоха II (Пепарет I) происходит из входной шахты. Высота 88 см, диаметр 30 см, диаметр валикообразного венчика 12,4 см, модуль-0,34. Глина мелкоструктурная красновато-коричневая с белыми раковистыми включениями. Под венчиком полоса красной краски. Аналогии: По соотношению высоты горла и тулова совпадает с амфорой, описанной в нашем каталоге под N 4, по этому же параметру и особенностям профилировки близка амфоре из кургана Солоха описанной под N 81 в каталоге А.П. Манцевич, и N 35 д в корпусе И.Б. Зеест

2. Амфора типа Солоха II (Пепарет I) из входной шахты. Высота 89 см, диаметр тулова 29 см, диаметр валикообразного венчика 11,3 см, модуль-0.325. Профилировка ножки близка профилировке этой же части у двух амфор из кургана Солоха и совпадает с профилем ножки амфоры из Елисаветовского кургана 1911/28 . Глина такая же как и у амфоры N 1. В нижней части горла вдавленное клеймо в виде несомкнутого кольца. Под венчиком полоса красной краски.

3. Амфора типа Солоха II (Пепарет I) из входной шахты. Высота 88,5 см, диаметр тулова 28 см, диаметр валикообразного венчика 11,4 см, модуль-0.316. Глина такая же как и у амфор NN 1,2. Под венчиком полоса красной краски. В верхней части горла дипинто, выполненное красной краской.

4. Амфора типа Солоха II (Пепарет I) , из погребальной камеры. Высота 87 см, диаметр тулова 29 см, модуль-0.333. Венчик с уплощенной боковой поверхностью, образующей приостренный край, диаметр 11.2 см. В нижней части горла энглифическое клеймо, в виде несомкнутого кольца. Глина аналогична глине трех первых амфор. К числу сосудов с близким профилем и таким же расположением клейма может быть отнесена амфора N 9 из кургана Солоха. Близкой аналогией является сосуд из кургана 4 в могильнике Носаки. Вместе с ним обнаружены два чернолаковых сосуда: чаша на высоком поддоне - аналогичные сосуды по материалам Афинской агоры датируются временем около 380 г. до н.э. и второй четвертью IV в., хотя орнамент на чаше из скифского кургана может свидетельствовать о более раннем производстве. Чернолаковый аттический килик из этого же погребения, судя по аналогиям с Афинской агоры, может быть отнесен ко времени около 380 г. до н. э.

В целом, можно утверждать, что амфоры типа Солоха II, обнаруженные в кургане Беш-Оба IV практически однотипны, и отличаются более низким модулем, от большинства амфор этой группы, включенных в сводку И.Б. Брашинского, амфор, включенных в круг аналогий, составленный А.П. Манцевич для амфор из кургана Солоха и четырех из шести амфор поселения "Усадьба Литвиненко". Уменьшение стандарта Солох, как хронологический признак, было отмечено И.Б. Брашинским. Не затрагивая проблемы, связанной со временем и центрами производства, характером клеймения этих амфор, попробуем наметить возможности датировки сосудов из Беш-Обы. Амфора из курганного могильника Носаки, обнаружена в погребении, которое вряд ли может быть датировано временем раньше конца первой четверти IV в. до н. э. Комплекс сосудов из хозяйственной ямы на поселении "Усадьба Литвиненко"- две амфоры с близким модулем (NN 6,7), В.П. Былкова, хотя и заузив хронологические рамки, отнесла к третьей четверти этого столетия. Еще одна амфора с таким модулем происходит из кургана 1911/19 Елисаветинского могильника. Она обнаружена в комплексе с чернолаковыми сосудами, один из которых, судя по аналогиям материалов Афинской агоры, может быть датирован как второй, так и третьей четвертью IV в. до н. э. Близкие амфоры известны в погребении N1 кургана Чертомлык, керамический комплекс которого, датирован третьей четвертью IV в. до н. э. С учетом преобладающих сегодня мнений о времени производства или наибольшего распространения амфор типа Солоха II, есть основания связать амфоры Беш-Обы IV со временем не ранее второй четверти столетия.

5. Амфора типа Солоха I (Пепарет-II) , из погребальной камеры. Венчик разрушен, высота 71 см, диаметр пифоидного тулова 37 см. Характерные особенности профиля - четкое выделение цилиндрического горла и крутой перегиб вертикальных невысоких ручек, стенки тонкие. Глина светлорыжеватая плотная с блестками слюды, ангоб коричневатого-желтого цвета. Аналогии: 1. Амфора из раскопок мастерской в Панермосе на о. Скопелос. 2. Амфора 39 из некрополя Панское I, датированная серединой -третьей четвертью IV в. до н. э. Типологически близка амфора из кургана 5, группы Пятибратних, датированная И.Б. Брашинским серединой-третьей четвертью IV в. до н. э.

6. Фасосская биконическая амфора развитого варианта из погребальной камеры. Нижняя часть тулова и ножка не обнаружены. Высота до перегиба плечиков 30 см, диаметр тулова 25 см. Под венчиком поясок красной краски. На ручке плохо пропечатавшееся

клеймо с эмблемой и надписью, следы которой хорошо фиксируются только с верхней стороны. Возможно его следует восстановить как ΝΙΚ[ΙΑ]-саранча. Фасосские амфоры с такими клеймами известны в Николаевском могильнике и некрополе Аполонии и, судя, по комплексам датируются 350-325 гг., 360-325 гг. Ю.Г. Виноградов отнес эти клейма к группе 4 б и датировал 350-330 гг., И.Б. Брашинский датировал аналогичное клеймо 340 -320 гг. По современным данным время клеймения Никия можно отнести к 342-329 гг. Среди многочисленных фасосских амфор, к кругу прямых аналогий, могут быть причислены сосуды, происходящие из погребения 4 в кургане 13 Буторского могильника, обнаруженные в комплексе с чернолаковым канфаром середины-третьей четверти IV в. до н.э., амфоры N 43, 44 из могильника Панское I, встреченные в комплексах с чернолаковыми сосудами середины-третьей четверти IV в. до н. э. . Аналогичная ситуация - сочетание близкой по форме фасосской амфоры, но с дуговидными ручками, с чернолаковым аттическим сосудом середины-третьей четверти IV в.- известна в погребении 1 из кургана Капуловка I/13 .

7. Гераклеяская амфора. В заполнении погребальной камеры обнаружены обломки горла и ручек сосуда. Глина коричневая, крупнозернистая с белыми включениями. Тип сосуда не определен.

8. Чернолаковый кратер из погребальной камеры был разбит при обрушении потолка погребальной камеры. Высота 39,3 см, диаметр венчика 37 см, диаметр поддона 15 см. Относится к числу аттических, колоколовидных. Чернолаковое покрытие сохранилось плохо. В случае с кратером из кургана Беш-Оба наиболее приемлемой представляется датировка сосуда серединой-третьей четвертью IV в. до н.э. В этом убеждает знакомство с профилями расписных кратеров третьей четверти этого столетия, рассмотренных в работе С. Другу.

9. Чернолаковая чашка из погребальной камеры. В заполнении северо-восточного участка катакомбы, сохранились обломки верхнего края сосуда. Диаметр 14,5 см. Прекрасное качество густого черного лака, профиль и абсолютные размеры позволяют, предположительно, отнести чашку к числу изделий аттических мастерских, датированных Б. Спарк и Л. Талькотт временем около 380 г. до н. э.

В целом, хронологические рамки керамического комплекса центрального погребения сейчас представляется обоснованными в пределах второй-третьей четверти IV в. до н. э. Амфоры типа Солоха II, судя по современным представлениям об их хронологии, относятся ко второй четверти IV в до н. э. Возможность их

изготовления в более позднее время проблематична. Поздние предметы - амфора типа Солоха I и фасосская биконическая амфора датируются серединой – третьей четвертью IV в. К этому же периоду относится и чернолаковый кратер. Следовательно, наиболее реальным представляется сооружение кургана в третьей четверти IV в. до н.э. Однако, на нынешнем этапе раскопок, нельзя отказаться и от предположения о нескольких, по меньшей мере двух, захоронениях в центральной могиле. В пользу такой гипотезы свидетельствуют конструктивные особенности катакомбы: дверь во входной стене погребальной камеры, перекрытие входной шахты и дромос, связывающий ее с каменным склепом, расположенным в восточной поле насыпи кургана. Не исключено, что с гипотетическим - ранним погребением можно связать амфоры типа Солоха II и чернолаковую чашку из заполнения погребальной камеры, а с более поздним - остальную керамику. Впрочем, это лишь одна из рабочих версий.

А.К.НЕФЁДКИН

СТРАТЕГИЯ САРМАТОВ В I-IV ВВ. Н. Э. ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ¹²⁰

Война была перманентным состоянием сарматских племен. (ср.: Lucian., VIII,223; Lucian. Tox., 36; Amm., XXXI,2,21). Набеги велись как многочисленными вооруженными отрядами, так и небольшими наскоро сколоченными шайками (Lucian. Tox., 36; 39; 54; Смирнов 1964а: 209, 211-214). Главную силу во время дальних экспедиций сарматов составляли всадники (Tac. Hist., I,79,1-4; III,5; Ann., XII,29; Germ., 46; Amm., XXXI,2,20). В приграничных же столкновениях, в отличие от дальних походов, принимала участие пехота, численность которой намного превышала количество конницы (ср.: Смирнов 1964а: 212; Хазанов 1971: 86; Boss 1994/95: 20). Так, в набеге на скифов, описанном Лукианом (Tox., 39), было 10000 всадников и 30000 пехотинцев (ср.: Diod., XX,22; Amm., XVII,13,9).

Очевидно, сарматы могли вести тотальную войну против враждебных племен, которые конкурировали с ними за обладание определенной территорией с пастбищами (Mela, III,4,34). Подобный способ ведения войны в племенном обществе обычно возникает между этносами, имевшими застарелую вражду. Во время такой

---

¹²⁰ Работа выполнена при поддержке Group Research Support Scheme Grant № 1720 / 841 / 1998.

войны более сильный этнос постепенно вытесняет, ассимилирует и истребляет представителей более слабого народа (ср.: Плетнева 1992: 213). Диодор (II,43,7) упоминает о том, что сарматы истребили население Скифии, сделав страну пустынной. Традиционная датировка этого процесса, III-II вв. до н. э. (Смирнов 1964а: 290), в последнее время подвергается пересмотру и удревнению: конец IV в. до н. э. (см.: Щукин 1989: 31). Впрочем, естественно, что при подобной войне значительная часть теснимого населения могла просто откочевывать в другие области (ср.: Psel. Chronogr., VII,67).

В дальних набегах участвовали лишь всадники на выносливых конях (Amm., XVII,12,3; ср.: Ovid. Epist., I,2,79-80). Каждый сарматский наездник имел одного или двух заводных коней (Polyaen., VIII,56; Amm., XVII,12,3; Ambros. De excidio urbis Hierosol., V,50; ср.: Flac. Argon., VI,161). Эти запасные кони были необходимы для скорейшего передвижения в походах, ведь в грабительских набегах главное — внезапность, чтобы противная сторона не успела подготовиться к обороне и сконцентрировать войска (Amm., XXIX,6,14). И, естественно, при неблагоприятном стечении обстоятельств, с заводными конями легче было отступить, быстро убегая от врага (Amm., XVII,12,2; ср.: Ковалевская 1984: 81).

Наиболее благоприятным периодом для проведения грабительских набегов сарматов на балканские провинции Римской империи была зима. Так, Овидий (Trist., III,10,29-34; 51-54; Epist., I,2,75-80; IV,7,9-10; 10,30-34), Сенека (Nat. quest., VI,7,1), Тацит (Hist., I,79,1), Дион Кассий (LXXI,7,1) и Аммиан Марцеллин (XVII,12,1; XIX,11,4) прямо указывают на проведение набегов зимой, тогда как набег осенью рассматривался как необычный (Amm., XXIX,6,6). Дунай замерзает в настоящее время в середине января-середине февраля (Шувалов 1988: 105). Кочевники же не имели средств для переправы через пограничную реку, а местные жители прятали лодки, поэтому именно зимой можно было производить набеги¹²¹. Налетчики рассчитывали также и на то, что данный сезон года был неблагоприятен для ведения военных действий жителями империи, поскольку войска расходились на зимние квартиры (Tac. Hist., III,46; IV,54; Plin. Paneg. Traian., 12; Amm., XIX,11,4; см.: Шувалов 1988: 105). Отметим, что зимой

¹²¹ Впрочем у придунайских сарматов-лимигентов были свои лодки (Amm., XVII,13,17-18; 27), но, вероятно, они уже переходили к оседлости. Во всяком случае Аммиан упоминает у них хижины (XVII,13,12: in tuguriis; 13: casa). Ср.: Колосовская 1988: 610-611 (о лодках языгов на Дунае в конце II в.).

производили свои набеги на империю, переправившись через замерший Дунай, даки (Flor., II,28 = IV,18), кутригуры (Agath. Hist., V,11), славяне (см.: Шувалов 1988: 102-105), печенеги (Psel. Chronogr., VII,67), половцы (de Clari. Conquet. de Constantin., 65). Зимой Дунай замерзал и вражеское войско могло свободно перейти реку (ср.: Jord. Get., 280; Wilkes 1983: 258). Возможно, это было основной причиной, по которой набеги производились зимой, т. е. в неблагоприятное время для коней кочевников (ср.: Киракос Гандзакечи. История = АИА 3: 23 (о хазарах))¹²². Зимой кони кочевников худеют от незначительного корма, который они могут добыть из-под снега. Специальных же запасов сена для коней сарматы, по-видимому, не делали (Цалкин 1966: 94). Так, Маврикий (Strat., VII,1,12) даже рекомендует нападать на гуннов в феврале-марте, когда “кони из-за зимы переносят нужду”. Кроме того, если принять утверждение С.И. Руденко (1961: 13) о том, что кочевники Северного Причерноморья летом кочевали, а зиму проводили на постоянных стоянках, то можно предположить, что мужчины, менее занятые в это время выпасом и перегоним скота, собирались и совершали набеги. Ведь нам известно, что северопричерноморские номады, проводя летний период в степях, откочевывали на зиму к Меотиде (Strab., VII,3,17). Тут они имели свои зимние стойбища и пасли в защищенных от ветра низинах скот, следовательно, сарматы являлись, по существу, полукочевниками (Смирнов 1964: 48-49, 57; Вахтина, Виноградов, Рогов 1980: 157-158; ср.: Марков 1976: 105-108, 139, 211, 282). Стойбища же придунайских сарматов в зимний период, возможно, передвигались к югу, ближе к границе империи.

Поскольку главной целью набега был грабеж, то от него можно было откупиться (Polyaen., VIII,55; Dio Cass., LXIX,15,1).

При вторжении на чужую территорию сарматы рассыпались мелкими группами, которые действовали на широком фронте (Мовсес Хорен., II,65; ср. с печенежской тактикой: Psel. Chronogr., VII,68; 70; с монгольской: Carpini, 6,11). Цель этих отрядов была одна — грабеж местности (Ovid. Trist., III,10,55-70; IV,1,79-83; V,10,15-20; Jos. Bel. Jud., VII,244-250; Tac. Hist., I,79,1-2; Amm., XVI,10,20; XVII,12,2; 13,27; XXIX,6,8; 16). При этом, естественно, кочевники стремились неожиданно налететь на поселение, чтобы его жители не успели скрыться и унести имущество (Lucian. Tox., 39; Amm., XXIX,6,6). Сарматы убивали сопротивляющихся, уводили в полон жителей, угоняли скот, а постройки сжигали (Amm.,

¹²² Хотя гуннское войско могло выступить в период зимнего равноденствия (Мовсес Каганкатвази. История, II,26 = АИА 2: 36).

XXIX,6,12; Ambros. De excidio urbis Hierosol., V,50; Sidon. Apoll. Carm., VII,246-250; ср.: Hdn., I,6,8-9)¹²³. Поскольку сарматам, как и большинству номадов, было неизвестно искусство осады (Amm., XXIX,6,12), то они предпочитали не задерживаться для взятия городов, надеясь стремительностью набега захватить добычу. Пленных брали не столько для обращения в домашних рабов, сколько для выкупа (Lucian. Tox., 40) и обмена (Джуаншер. Жизнь Вахтанга Горгасали = ИО. 46). Отметим, что грабеж местности был вызван не только целью простой наживы (хотя эта причина, естественно, главная), но также и тем, что сарматы, как и другие кочевники, не брали с собой запасов провизии и фужировались прямо на вражеской территории (ср.: Bryen. Hist., II,9; 27; IV,10; 12 (турки-сельджуки); III,14 (печенеги); Собрание сочинений... 1790: 286 (крымские татары). Вероятно, рассеянные на местности группы сарматов при наступлении противника предпочитали в бой не вступать, а отходить к основному отряду, где находился предводитель. Тут, создав боевой порядок, они могли принять бой с вражеской армией (Мовсес Хорен., II,65). И, наоборот, неожиданное нападение на разрозненные сарматские отряды, грабящие местность, легко приводило к их разгрому (Tac. Hist., I,79,1).

О походном порядке конного сарматского войска на неприятельской территории мы можем составить некоторое представление по житию С. Германа. Тут имеется рассказ о том, как этот епископ заступился за восставших армориканцев перед аланским царем Гохаром, племенное войско которого было послано Аэцием на подавление мятежа (446 г.): “Уже вышедшим было племя и вся дорога была наполнена покрытыми железом конями (*eques ferratus*), однако наш священник поспешил навстречу, пока не подошел к саму царю, который следовал за ними (*qui subsequeretur*). Он приближается на дороге к уже вышедшему и вооруженному (*armato*) вождю (*duci*), среди своих отрядов (*caterva*), который появляется навстречу” (Constantius. Vita Germani, 28 (MGH. Vol. VII. Pt.1); см.: Кулаковский 1899: 38; Bachrach 1969: 168, n. 8; 1973: 64; Ковалевская 1992: 55-56; Кузнецов 1992: 17). Следовательно, в походном порядке предводитель размещался не во главе, а где-то ближе к середине колонны. Около вождя, очевидно, находились его лучшие части. Данный порядок движения диктовался, очевидно, тем, что на войско могло быть совершено нападение, авангард же и арьергард должны были прикрывать своего военачальника.

¹²³ Половцы сначала быстрым набегом проникали в глубь вражеской территории, а затем, развернувшись, захватывали добычу (de Clari. Conquet. de Constantin., 65).

Подобная походная колонна применялась, когда был один главный военачальник, имевший отборные отряды.

Вероятно, еще одной из черт сарматского способа ведения войны были засады, типичные для кочевников. Так, Аммиан Марцеллин упоминает, что одной из причин холощения сарматами своих коней являлось то, чтобы животные вели себя спокойно в засадах (Amm., XVII,12,2: in subsidiis; ср.: Хазанов 1971: 89). Это говорит об распространенности последних. В засаде находился конный отряд, который неожиданно нападал на противника (в различных тактических ситуациях). Видимо, засады в степи были менее распространены, чем в гористой или лесистой местности. Возможно, поэтому о них так мало информации.

Кроме двух основных видов военных операций (грабительский набег и приграничный конфликт), сарматы вели и оборонительные войны. При вторжении больших сил врага на свою территорию, сарматы использовали “скифскую” стратегию “измора” (подробнее см.: Мишулин 1943: 64-69; Мелюкова 1950: 37-40). Ведь у кочевников не было городов, которые можно было использовать в качестве опорных пунктов обороны. Они, отправляли семьи в глубь территории, а в месте наступления врага уничтожали природные ресурсы, например, отравляли или закапывали колодцы, сжигали траву и т. д. Сарматы не принимали генерального сражения и отступали перед превосходящими силами противника, разделив при этом все силы на несколько частей. В частности, известны три таких отряда (Amm., XVII,12,7; ср.: Hdt., I,211; IV,120-136). Вероятно, одна часть отступала непосредственно перед врагом, а две другие нападали на растягивающиеся коммуникации и тыл неприятеля и / или охраняли ушедшие далеко вперед стойбища. Сарматы, вероятно, ожидали пока противник ослабеет, растягивая линии коммуникаций, или же не разделит свои силы. Лишь затем они переходили в наступление на врага (ср.: Carpini, 6,3 (монголы)).

Если же враг доходил до кочевий, то в качестве опоры боевого порядка и как средство обороны сарматы могли использовать табор из построенных по кругу кибиток (Amm., XXXI,2,18: *plaustris*; Paulin. Pell. Eucharist., 389: *agmina barbarica plaustris valantur*; ср.: Mela, III,4,34: *castre habitant*; Veget., III,10; см.: Блаватский 1950: 28; Плетнева 1964: 133-140; Bachrach 1973: 20). В этом таборе находились семьи воинов, туда же сносилась добыча. Если враг приближался непосредственно к табору, то мужчины, вероятно, выходили вперед и принимали бой (ср. с тактикой печенегов в конце XI в.: Ann. Comn. Alexiad., VII,3; 9; VIII,5). Нельзя исключить и применение обороны внутри вагенбурга против превосходящих сил

противника. Впрочем, такой способ обороны не характерен для конных номадов и мог применяться лишь при значительном превосходстве у противника, от которого нельзя было скрыться.

Итак, стратегия сарматов была достаточно типичной для кочевников. Стратегия номадов была маневренной, поскольку городов, которые могли использоваться как опорные пункты обороны, не было. Основным видом военной операции был набег, во время которого сарматы стремились неожиданно напасть на врага, застав его врасплох. Во время набега сарматы шли широким фронтом, по типу редкой цепочки, грабя местность. Нападения, в котором участвовало многотысячное конное войско сарматов, можно рассматривать как вторжение. При встрече с вражеской армией кочевники, вероятно, стягивались в одно войско. Другим видом боевых действий были приграничные конфликты из-за пастбищ, скота и добычи. Эти столкновения могли перерасти в тотальную войну на истребление и/или вытеснение соседних кочевых племен. При этом происходило постепенное расселение номадов на новые территории. Оборонительные войны были двух видов. Сарматы могли быть теснимы более сильными кочевыми племенами, например, гуннами, которые частью истребили, частью присоединили их к своей орде. По-другому сарматы действовали против вторгшихся на их территорию многочисленных войск государственных образований (например, армий Римской империи). Тогда они применяли стратегию “выжженной земли”, отослав свои кочевья в глубь территории. При этом кочевники разделяли свои силы и заманивали врага во внутренние области страны.

- Блаватский, В.Д. 1950. О стратегии и тактике скифов // КСИИМК. 34: 19-30.
- История Осетии в документах и материалах (С древнейших времен до конца XVIII в.) / Составители Г.Д. Тогошвили, И.Н. Цховребов. Т. I. Цхинвали, 1962.
- Вахтина, М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов, Е.Я. 1980. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграциях кочевых скифов // ВДИ. № 1: 155-161.
- Ковалевская, В.Г. 1984. Кавказ и аланы. Века и народы. М.
- Ковалевская, В.Б. 1992. Аланы в Западной Европе (сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии, IV-V вв.) // Аланы: Западная Европа и Византия (Аланика-I). Владикавказ: 34-85.
- Колосовская, Ю.К. 1988. Дунайские племена и их войны с Римом // История Европы / Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. I. М.: 606-612.

- Кузнецов, В.А. 1992. Аланы в Западной Европе в эпоху “Великого переселения народов” // Аланы: Западная Европа и Византия (Аланика-I). Владикавказ: 10-33.
- Кулаковский, Ю. 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.
- Марков, Г.Е. 1976. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.
- Мелюкова, А.И. 1950. Войско и военное искусство скифов // КСИИМК. 34: 30-41.
- Мишулин, А.В. 1943. О военном искусстве скифов // Исторический журнал. 8-9: 64-69.
- Плетнева, С.А. О построении кочевнического лагеря-вежи // СА № 3: 133-140.
- Плетнева, С.А. 1992. Кочевники и раннефеодальные государства степей Восточной Европы // История Европы / Отв. ред. Е.В. Гутнова, З.В. Удальцова, И.С. Пичугина. Т. II. М.: 213-228.
- Руденко, С.И. 1961. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках (Доложено на заседании отделения 8 октября 1958 г.) // Материалы по этнографии. Вып. 1 (Географическое общество СССР. Отделение этнографии). Л.: 2-15.
- Смирнов, К.Ф. 1964. Производство и характер хозяйства у ранних сарматов // СА № 3: 45-63.
- Смирнов, К.Ф. 1964а. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.
- Хазанов, А.М. 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Цалкин, В.И. 1966. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии (МИА № 135). М.
- Шувалов, П.В. 1988. Славяне в середине VI в.: зимние набеги и начало переселения за Дунай // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул: 98-107.
- Щукин, М.Б. 1989. На западных границах Сарматии (Некоторые проблемы и задачи исследования) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблема контактов). Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск: 31-55.
- Bachrach, B.S. 1969. The Origin of Armorican Chivalry // Technology and Culture. Vol. 100. № 2: 166-171.
- Bachrach, B.S. 1973. A History of the Alans in the West. Minneapolis.
- Boss, R. 1994/95. The Sarmatians and the Development of the Early German Mounted Warfare // Ancient Warrior. Vol. 1. Winter: 18-25.

Wilkes, J.J. 1983. Romans, Dacians and Sarmatians in the First and Early Second Centuries // *Rome and Her Northern Provinces* / Ed. by B. Hartley and J. Wacher. Gloucester: 255-289.

- АИА - Армянские источники об аланах / Составление Р.А. Габриеляна. Вып. I-III. Ереван, 1985.
 ВДИ - Вестник древней истории. М.
 ИО - История Осетии в документах и материалах / Составители Г.Д. Тогошвили, И.Н. Цховребов. Т. I. Цхинвали, 1962.
 КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.
 МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. М.
 СА - Советская археология. М.
 MGH - Monumenta Germaniae historica. Vol. VII. Pars I. Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici. Ediderunt B. Krusch, W. Levison. Hannoverae — Lipsiae, 1919

Сарматские катафракты, преследуемые римской конницей. Прорисовка с рельефа колонны Траяна. 113 г. Воспроизведено по изданию: Малашев, В.Ю. 1988. Сарматы на колонне Траяна // *Материальная культура Востока*. I: 88. Рис. 2.

В. И. КАЦ

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ФИКСАЦИИ И ПУБЛИКАЦИИ КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ

Никто из археологов-полевиков, с которыми мне приходилось общаться, не отрицал большую информативность клейменого керамического материала. Однако на практике далеко не все из них обращаются с клеймами так, как они того заслуживают. Те из археологов, которые работают на варварских поселениях и могильниках, где керамическая тара встречается относительно редко, холят и лелеют каждое обнаруженное клеймо, тем более, что, зачастую, именно они являются основным датирующим материалом. Обычно в отчетах обнаруженные клейма иллюстрируются либо фотографиями, либо рисунками.

Иначе обстоит дело на тех памятниках, где культурные слои насыщены фрагментами амфор и где ежегодно фиксируются находки десятков, а то и сотен клейм. Редко, но встречаются и худшие варианты фиксации, когда в отчетах о проведенных раскопках и в приложенных к ним описях находок указывается лишь общее количество встреченных оттисков, а фотографиями иллюстрируются лишь некоторые из них. Правда, иногда в полевых дневниках практикуется иллюстрирование обнаруженных клейм рисунками, зачастую сделанных профессиональными художниками. Помимо того, что затрачивается уйма времени на выполнение таких иллюстраций, с качественной стороны они далеко несовершенны, так как художник, не являясь специалистом в области керамической эпиграфики, вольно или невольно допускает в рисунке неточности в изображении легенд клейм.

Между тем, существует надежный (и главное простой) способ, позволяющий резко сократить эти потери и искажения. Речь идет об изготовлении на папиросной бумаге с помощью графитового порошка протирок с клейм. Процедура эта занимает минимум времени, но позволяет получить максимум информации о легенде клейма и использовать протирки в ходе дальнейшей работы по предварительному анализу оттисков. При этом, работа по восстановлению надписей во фрагментированных, либо сильно затертых клеймах по протиркам проходит куда успешнее, чем по фотографиям, так как надписи в последних зачастую искажены либо в результате неудачно выбранного ракурса при съемке, либо из-за перспективных нарушений при фотографировании сильно

вытянутых по горизонтали и оттиснутых на сгибах амфорных ручек клейм. Именно поэтому уже в ходе предварительной обработки материала с каждого клейма надо сразу изготовить несколько копий на папиросной бумаге. Одну из них вклеить в полевой дневник, вторую – в соответствующую часть отчета, третью – в опись обнаруженного материала. Такой параллелизм не является излишней роскошью. Он позволяет избавиться от досадных разночтений, которые довольно часто появляются при составлении отчетных документов.

Нельзя признать удовлетворительной и сложившуюся практику введения в научный оборот вновь обнаруженных штемпелей. Во-первых, издание всего полученного материала является больше исключением, чем правилом. Во-вторых, затруднительно по публикациям проверить предлагаемое восстановление надписей в поврежденных оттисках, так как приводимый иллюстративный материал крайне ограничен.

Так, в лучшем на сегодняшний день (по крайней мере в нашей литературе) издании крупной коллекции керамических клейм из Елизаветовского городища (Брашинский. 1980) проиллюстрировано фотографиями менее четверти штампов, которыми клейма оттискивались. В это число как раз и не вошли те клейма, надписи в которых И. Б. Брашинским не были восстановлены, либо предложенные им восстановления представляются сомнительными. Последнее вполне понятно, так как именно эти клейма дошли до нас в плохой сохранности и не удалось получить с них фотографии удовлетворительного качества. Рисунки же, как альтернативный вариант иллюстрирования, издателем не применялись. А зря. Наличие рисунков, выполненных с протирок, не только позволило бы проверить предлагаемые чтения надписей в публикуемых клеймах, но и восстановить полностью легенды некоторых из них. В данном же случае проверку можно осуществить лишь обратившись к оригиналам, что помимо всего прочего требует больших и нерациональных временных затрат в связи с тем, что клейма публикуемой коллекции находятся на хранении не в одном, а в четырех музеях.

В этом отношении куда большей информативностью отличаются каталоги клейм публикуемые румынскими археологами в последние десятилетия. В них каждое клеймо иллюстрируется фотографией и рисунком. Единственный недостаток (характерный, кстати, и для каталога И. Б. Брашинского) – иллюстрации обычно выполнены в масштабе 1:2. Понять издателей можно – экономия бумаги. Но это “экономия на смазке”, так как для того чтобы

осуществить сравнение штампов, приходится изготавливать масштабированные ксерокопии с таблиц.

При публикации клейм, несомненно, необходимо придерживаться определенной системы в передаче содержащегося в них греческого текста. Однако, в настоящее время отсутствует отработанная и бесспорная система записи керамических надписей. Поэтому при публикации Каталога-определителя керамических клейм Херсонеса (Кац. 1994) мною был предложен вариант несколько отличающийся от того, который используется при публикации лапидарных памятников. К сожалению, во вводной части Каталога не было дано обоснование предложенной системы. Это упущение вызвало вполне справедливые нарекания со стороны рецензента работы С. Р. Тохтасьева (Тохтасьев. 1997), который, однако, при критическом анализе системы использования условных обозначений в Каталоге, допустил ряд несомненных противоречий.

Прежде всего, рецензент считает странной и ничем не оправданной практикой передачу надписей маюскульными буквами. Между тем, следует признать странным само это заявление, хотя бы потому, что заглавным шрифтом как раз и выполнены легенды в большинстве оттисков. В настоящее время компьютерная графика позволяет создать шрифт, аналогичный специальному типографскому набору, который использовался при издании как первых томов IosPE, так и клейм эрмитажного собрания (Придик. 1917). Использование маюскулов позволяет получить надписи, несомненно, лучше отражающие их палеографические особенности, чем те, которые выполнены минускулами. Кроме того отпадает необходимость каждый раз особо указывать на наличие лунарных и курсивных букв в составе легенд, которые наряду с заглавными иногда встречаются в клеймах.

Правда, в отмеченных выше изданиях параллельно присутствует минускульное воспроизведение надписей, где с помощью условных обозначений отмечены пропуски отдельных букв, ошибки резчиков штампов и другие особенности легенд. Я полагаю, что подобная система является наиболее рациональной при издании в первую очередь каталогов клейм. Если позволяют возможности типографского набора то она желательна и при публикации отдельных оттисков, хотя, использование в последнем случае только маюскульного написания, не является, на мой взгляд, столь уж большим криминалом.

Необходимо разобраться и в использовании системы условных знаков, применяемых при транскрипции надписей в клеймах. Как полагает С. Р. Тохтасьев предложенная мною в Каталоге-

определителе система скобок не является продуманной. Посмотрим, так ли это.

< > – угловые скобки. В Каталоге ими выделяются все ошибочно вырезанные буквы при сохранении их написания. Между тем, как полагает рецензент, “в согласии с обычной практикой в них вставляется правильное чтение *resp.* пропущенные элементы текста” (Тохтасьев. 1997. С. 365). Однако, при использовании только минускульного написания вряд ли такая “обычная практика” может считаться оптимальной, так как приходится обращаться к подстрочнику, либо к иллюстрации (если таковая имеется), чтобы выяснить, какая же буква в действительности содержится в надписи,

О том, что в настоящее время “обычная практика” использования угловых скобок не стала общепризнанной свидетельствует обращение к наиболее представительным каталогам керамических клейм. Так в рукописи III тома *IosPE*, они применяются только для исключения из текста лишних букв или слов. Другие ошибки резчиков здесь условными знаками не фиксируются, а просто оговариваются. Аналогичную систему маркирования ошибок резчиков применил Д. Б. Шелов при издании каталога клейм из Танаиса. Правда он не всегда последователен, и зачастую применяет угловые скобки именно так, как это делал и я в Каталоге-определителе, – маркируя ими ошибочно вырезанные буквы при сохранении их написания (Шелов. 1975. С. 40, № 40; С. 86 № 275).

Возражает рецензент и против маркирования угловыми скобками “ретроградного написания отдельных букв (но почему-то не целых слов)” в то время как, “едва ли корректно приравнивать ретроградные написания к обычным ошибкам резчиков..., хотя бы потому, что последние, как правило имеют языковую подкладку” (Тохтасьев. 1997. С. 366). Прямо скажем, неудачное выражение. Вероятно, рецензент имел ввиду, что “языковую подкладку” имеют как раз не простые ошибки резчиков, а ретроградные надписи. Действительно, признать ошибкой резчика штампы, оттиски которых содержат ретроградное написание всей легенды нет оснований. Но это являлось, видимо, не столько результатом “языковой подкладки”, а стремлением выделить таким образом свои штампы из серии однотипных. И уж ни о какой “языковой подкладке” говорить не приходится, когда в надписях лишь одна или две буквы (в херсонесских клеймах чаще всего ню и сигма) оттиснуты ретроградно. Логично и их определить как ошибки резчика и заключить в угловые скобки.

() - круглые скобки. В Каталоге ими маркируются пропуски отдельных букв в надписях. В принципе против такого использования круглых скобок рецензент не возражает. Но решительно выступает против помещения в круглых скобках пропущенного артикля между именем магистрата и отчеством, так как в этом случае он, “надо думать, выдается за ошибочный пропуск”, хотя “наличие артикля здесь, как известно, не является обязательным” (Тохтасьев. 1997. С. 366). Во-первых, как раз так и не надо думать. Если бы отсутствие артикля считалось ошибкой резчика, то согласно списку условных обозначений он бы маркировался не круглыми, а угловыми скобками. Во-вторых, если не будет указано, что артикль пропущен, то это может привести к ошибочному пониманию не только смысла надписи, но иногда и к локализации того или иного клейма. Именно так обстояло дело с амфорами, содержащими клейма херсонесского магистрата Герократа, сына Невмения, которые Б. Н. Граков в свое время посчитал синопскими, выпущенными в мастерской Герократа при астиноме Невмении (Граков. 1928. С. 38).

[ ] – квадратные скобки. В соответствии с общепринятой практикой квадратными скобками маркируются лакуны в надписях. При этом, если надпись восстанавливается уверенно, то в скобках содержатся буквы, восполняющие лакуну: если же имеются сомнения, то неизвестный размер лакуны фиксируется либо точками ([.....]), либо пунктиром ([-----]).

Обвиняет меня рецензент и в том, что я не променяю точки под буквами, “указывающие на их поврежденность (непропечатанность, в случае с клеймами)” (Тохтасьев. 1997. С. 366). Между тем, насколько мне известно, такую систему при издании каталогов клейм применял систематически только Д. Б. Шелов при публикации клейм из Танаиса и спорадически И. Б. Брашинский в каталоге клейм из Елизаветовского городища. В IosPE III непропечатанные буквы вполне правомерно определяются как лакуны и заключены в квадратные скобки. Аналогичным образом поступил и я при издании Каталога-определителя херсонесских клейм.

Вместе с тем при публикации клейм других центров точка в качестве условного знака, хотя и редко, но может применяться в качестве замены тех букв, в написании которых существуют определенные сомнения. Так, например, в фасосских клеймах фигурируют две равноправные формы написания этника (?ΑΣΙΩΝ θ ΘΑΣΙΩΝ), в связи с чем при воспроизведении надписей, в которых либо этникон не сохранился полностью, либо дан в сокращении,

имеет смысл вместо предпоследней буквы ставить точку – ?ΑΣΙ(.N), ΘΑΣΙ[.N].

Я надеюсь, что начавшаяся дискуссия окажется не безрезультатной и позволит выработать систему записи керамических надписей, полностью учитывающей специфику этого своеобразного вида эпиграфических памятников.

В заключение не могу не обратить внимание авторов публикаций клейм на необходимость особой осторожности при восстановлении надписей в поврежденных экземплярах. Если нет уверенности в том, что клеймо оттиснуто уже известным ранее штампом, то лучше привести лишь ту часть надписи, которая читается уверенно, и обязательно клеймо проиллюстрировать. В дальнейшем при появлении лучше сохранившихся оттисков, выполненных тем же штампом, удастся восстановить полностью легенду. Однако это условие выполняется далеко не всегда и ошибочные восстановления надписей в легендах наблюдаются сплошь и рядом. И они обычны не только в отчетах о раскопках, но и что показательно во многих работах, выполненных специалистами в области керамической эпиграфики.

Пожалуй, наиболее курьезные примеры можно обнаружить в относительно недавно появившейся статье О. А. Махневой, посвященной общей характеристике крупной коллекции клейм, обнаруженных в Керкинитиде. Здесь среди гераклейских клейма издатель отмечает редкий оттиск фабриканта ранней группы Пупы. Несколькими строками ниже среди клейм третьей группы упомянуто редкое сочетание имен магистрата Тимасана и фабриканта Арона (Махнева. 1994. С. 108). Какие-либо аргументы, подтверждающие предлагаемое чтение, не приводятся, хотя они необходимы, так как в греческой ономастике подобные имена неизвестны. В данном случае читателю повезло, оба клейма проиллюстрированы фотографиями, которые показывают, что в обоих случаях издатель не понял содержания надписей. Первое двустрочное клеймо содержит не одно, а два сильно сокращенных имени (ПУ и ПА). Второй же трехстрочный оттиск - всего одно имя - Тимасандр.

Подобные ошибки не столь уж безобидны. Ведь не исключено, что доверившись автору, не слишком компетентный читатель вполне может сделать попытку не только пополнить просопографию Гераклеи, но и сделать вывод о наличии в этом городе уже в IV в. до н. э. иудейской диаспоры, представители которой владели здесь керамическими мастерскими.

- Брашинский. 1980 – И. Б. Брашинский. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.
- Граков. 1928 – Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928.
- Кац. 1994 – В. И. Кац. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994.
- Махнева. 1994 – О. А. Махнева. Керамические клейма Керкинитиды // Северо-западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994.
- Придик. 1917 – Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917.
- Тохтасьев. 1997 – С. Р. Тохтасьев. К изданию каталога керамических клейм Херсонеса Таврического. Рец. на кн.: В. И. Кац. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994 //Hyperboreus. 1997. Vol. 3. Fasc. 2.
- Шелов. 1975 – Д. Б. Шелов. Керамические клейма из Танаиса III–I веков до н. э. М., 1975.

IV. ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Н. СУЛАВА

ФИБУЛА A NAVICELLA, НАЙДЕННАЯ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ГРУЗИИ

В Эрмитаже, в коллекции А. Л. Лукина хранится фибула *a navicella*, найденная на черноморском побережье Грузии (Ахали Атони, Абхазия). Фибула была опубликована в труде Б. А. Куфтина (Куфтин. 1949. Рис. 29. 3). Б. А. Куфтин ее определил как ладьеобразную (*a navicella*) и, следуя классификации Х. Блинкенберга, отнес ее к аттическим фибулам эпохи геометрического стиля X–IX вв. до н.э.

Главными типологическими признаками этой фибулы являются отчлененная астрагалами ладьевидная дуга и четырехгранный стержень над пружиной. Фибулы, имеющие аналогичные типологические признаки распространены только в Эгейском мире, начиная с субмикенской эпохи и кончая раннеархаическим временем.

Самое большое сходство наша фибула проявляет с фибулой из Врокастро (Крит), датируемая, судя по последним исследованиям

Е. Sapouna-Sakellarakis, концом геометрической или началом архаической эпохи. Но отличается она от фибулы из Врокастро сравнительно маленькой треугольной ножкой (преемником).

Ладьевидная фибула из Нового Афона является единственной фибулой этого типа во всем Причерноморье. Фибулы этого типа неизвестны по материалам Северного Причерноморья, Болгарии, Румынии, Турции.

Думается, фибула из Ахали Атони должна рассматриваться свидетельством доколониционных контактов Колхиды с эгейским миром, которые осуществлялись морским путем.

Куфтин. 1949 – Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 1.

В.А. КИСЕЛЬ

ТОРЕВТИКА ИЗ РАННЕСКИФСКИХ КУРГАНОВ И ЕЕ

СОЗДАТЕЛИ

Изучение процесса создания предметов торевтики раннескифской культуры до сих пор не проведено в достаточном объеме. Остается неоформленной методика, следуя которой было бы возможно отличать работу разных мастерских, а также отдельных торевтов. Подавляющее большинство научных трудов сводится к определению художественных школ, так или иначе повлиявших на стилистику конкретного изделия. В свете этого значительный интерес представляют разработки Р.С. Минасяна, демонстрирующие различие технического арсенала ювелиров земледельческих и кочевнических культур, а также реконструирующие приемы изготовления ряда вещей (Минасян, 1988, 1989, 1990, 1991). В своем исследовании мы во многом опирались на выводы, полученные Р.С. Минасяном.

Объектом нашего анализа стало собрание предметов, тесно связанных с Ближним Востоком. Ранее часть вещей была атрибутирована как принадлежность материальной культуры ближневосточного населения, заимствованная пришлыми кочевниками, а другая часть охарактеризована как изделия ближневосточных мастеров, выполненные специально для кочевнических заказчиков (Кисель, 1998, с. 13-14).

Все предметы разделяются на несколько условных групп, отличающихся общей манерой исполнения.

1. Вещи заказные, изготовленные коллективом торевтов.

В группу вошло ритуально – парадное оружие.

Келермесская секира представляет собой железный топор, полностью, кроме лезвийной части, обложенный золотым листом и украшенный фигурами животных, человека, растений, геометрическими узорами. Предмет испытал на себе влияние урартского искусства, а также кавказской, иранской, ассирийской, сирийской и скифо-сибирской традиции (Кисель, 1997, с. 43). При осмотре бросается в глаза качественное различие декорировки рукоятки и топора. Торевту, украсившему рукоятку изящными, пропорциональными фигурами, при отделке топора словно изменяет глазомер, у него утрачиваются художественные навыки. Особенно это заметно на фигуре человека на обухе. Изображение стоящего в молитвенной позе мужчины, облаченного в длинное одеяние и держащего в одной руке предмет, напоминающий секиру, выполнено грубо, с нарушением пропорций. Фигуры зверей, нанесенные на проушину, в свою очередь отличаются рядом деталей от аналогичных на рукоятке. Например, «скифский» олень держит голову не прямо, а слегка запрокинув. Козел снабжен таким мощным рогом, какого нет ни у одного подобного животного на рукоятке. К тому же у козла отсутствует звездочка на лопатке и линия кружков, отмечающая волосяной покров. Самое значительное несоответствие декора топора и рукоятки наблюдается на продублированной ключевой сцене – пара козлов стоит на задних ногах перед стилизованным деревом. У этих зверей, кроме перечисленных уже признаков, отсутствуют бороды и шарики на рогах. Они изображены в профиль, но имеют по две передние ноги, а не по одной, как на рукоятке. Их морды высоко задраны вместо того, чтобы слегка опуститься к земле. Дерево на обухе упрощено – схематичное. Оно показано без плодов и капители на стволе. Его листва дана прямыми, а не волнистыми линиями. Даже обрамление фигур на топоре выполнено иначе, чем на рукоятке, – строченными валиками вместо сдвоенных. Необходимо отметить, что и само золотое покрытие топора сделано недостаточно аккуратно. На проушину не хватило целой пластины, и была добавлена узкая полоска.

Все вышеперечисленное заставляет предположить, что над отделкой секиры трудились два торевта.

Сходная ситуация фиксируется на ножнах и мече из Келермеса. Ножны полностью облицованы золотым листом, покрытым изображениями фантастических существ, зверей, голов птиц, геометрическими и растительными мотивами. У меча орнаментированная обкладка имеется на перекрестье и рукоятке. Весь декор восходит к традициям урартского искусства,

обогащенного влиянием скифского звериного стиля (Кисель, 1998, с. 8). На перекрестье меча повторена сцена, представленная на устье ножен, – два крылатых гения стоят по обе стороны «древа жизни». При сравнении сцен отчетливо видно насколько рисунок на перекрестье художественно проигрывает картине на устье. Более того, он отличается рядом деталей. «Древо жизни», идентичное в общих чертах «древу» на устье, имеет упрощенную верхушку, но более пышное основание. Стилизованные растения, которые обрамляют «древо», показаны без плодов, и их листья трактована прямыми, а не волнистыми линиями. Розетки, расположенные вверху, даны без удвоенного контура. Отсутствует линия земли. Гении, несмотря на тождество с фигурами устья, изображены более приземистыми, с крупными ступнями, в неорнаментированных одеяниях и обуви без обвязок.

Проведенное сравнение убеждает, что меч с ножнами, подобно секире, был орнаментирован двумя разными мастерами. В обоих случаях торевты, декорировавшие меч и топор, имели более низкий профессиональный уровень, чем их коллеги, работавшие над рукояткой и ножнами, и выступали в качестве копиистов по отношению ко вторым.

II. Вещи, подвергшиеся ремонту и незначительной переделке.

Группа состоит из драгоценных головных уборов и крупной бляхи.

Диадема из Литого кургана изготовлена из трех шнуров, сплетенных из золотой проволоки, и украшена бляшками в виде розеток и звезд, а также подвесками с шариками и лунницами. Предмет вышел из рук урартского, или скорее, сирийского мастера (Кисель, 1996, с. 26). Диадема первоначально имела 4 шнура (Придик, 1911, с. 15; Бессонова, 1990, с. 32). На это указывает количество трубочек, припаянных с тыльной стороны бляшек, в которые продернуты шнуры. После удаления одного шнура каждая четвертая трубочка была сплющена. Как предположила С.С. Бессонова, переделка вещи связана с особым значением числа «3» в мифологических представлениях древних кочевников (Бессонова, 1990, с. 32). По всей видимости, демонтажом занимался не автор диадемы, а какой-то другой мастер. Это можно заключить по характеру произведенной работы. Манеру автора диадемы отличает редкая тщательность и аккуратность. Например, он украсил зернью даже стыки между трубочками, хотя те находятся вне поля зрения наблюдателя. Очевидно, что такой мастер не стал бы грубо и небрежно плющить ставшие ненужными детали. Кроме того, он, наверное, постарался бы перераспределить оставшиеся шнуры, а не

оставил их смещенными относительно центра бляшек, как наблюдается сейчас.

Скорее всего, удаление шнура производилось по прошествии некоторого времени с момента изготовления диадемы и могло быть выполнено в скифской среде.

Другая диадема происходит из Келермеса. Она представляет собой золотую ленту, отделанную стилизованными цветами, розетками, кружками и фигурами хищных птиц. Изделие поражает обилием технических приемов, использованных при ее создании: фигурная резка металла, оттиск по матрице, пайка, зернь, инкрустация, гнутая гладь, металлопластика. Судя по сходству с некоторыми памятниками Малой и Передней Азии, вещь была изготовлена представителем одного из этих регионов (Кисель, 1998а, с. 50-51). Диадемой пользовались относительно продолжительное время, в результате чего потребовался ремонт, возможно, неоднократный. Не исключено, что починкой занимались разные мастера. Один из них восстановил глаз птицы, расположенной у левого края ленты, заменив утраченный крупный шарик зерни шестью мелкими. Другой устранил разрывы ленты, укрепил дополнительно накладные элементы декора и заменил две утерянные фигурки птиц на кружки.¹²⁴ Для устранения разрывов было поставлено 6 заплат. Причем ясно прослеживается стремление мастера сделать ремонт менее заметным. Так, с лицевой стороны диадемы были поставлены заплатки из металла, сходные по цвету с лентой, а с тыльной – более светлые. Укрепление заплаток, и также накладных декоративных деталей, некогда припаянных, ремесленник осуществил с помощью заклепок – трубочек, свернутых из золотых пластинок. Отчетливо проявляется желание мастера избежать паечных работ. Может быть, и замена птиц на кружки произошла из-за того, что он был не в состоянии отделать головы и оперенье зернью, аналогично другим птицам на диадеме. Новые кружки мастер орнаментировал не штамповкой, как остальные, а воспользовался твердым остроконечным инструментом, напоминающим канфарник, применив технику металлопластики. Удивляет примитивизм изготовления заклепок (трубочки вместо гвоздиков или обрезков проволоки), что не соответствует возможностям автора вещи да и, пожалуй, мастера, восстановившего глаз птицы.

Ремонт, исключаящий пайку, а делающий основной упор на клепку и металлопластику, мог проводиться в походных условиях

---

¹²⁴ Впервые на факт замены обратил внимание А.Ю. Алексеев.

кочевой жизни, и был осуществлен, скорее всего, скифским ремесленником.¹²⁵

Крупная золотая бляха в виде фигуры оленя, найденная в Костромском кургане и использовавшаяся, должно быть, в качестве украшения горита (Ольховский, 1989, с. 103; Алексеев, 1996, с. 133-134), на сегодняшний день стала своеобразной эмблемой скифской культуры. Техника изготовления предмета – выколотка и чеканка – указывает на руку ближневосточного мастера, поскольку древние кочевники этих технических приемов должным образом не освоили (Минасян, 1988, с. 49). Автор костромского оленя обладал недюжинным талантом как в изобразительном плане, так и в области художественной работы по металлу. Однако способ инкрустации, использованный при отделке глаза и уха оленя, – закрепка вставки в отдельном глухом касте, зафиксированном проволочками в гнезде основы, – прием достаточно примитивный, нетипичный для мастеров древнего Востока. Возможно, что первоначально инкрустация была выполнена иначе, например, глухой закрепкой в углублениях самой бляхи (аналогично келермесской пантере). Впоследствии вставки утратились и были заменены другими, помещенными в накладные касты. Аналогией подобной инкрустации служат фигуры оленей и рыбы из кургана 5 Чиликты. Эти предметы изготовлены в технике басмы, характерной для древних кочевников. Поэтому не исключено, что и костромской олень побывал в руках скифского ремесленника.

III. Вещи, комбинированные или подвергшиеся значительной переделке.

Группа выделена предварительно и является очень спорной.

В нее вошли предметы до конца неясные по назначению – это зеркало и составной сосуд из Келермеса. Зеркало отлито из серебра и представляет собой диск с бортиком и двумя низкими столбиками в центре тыльной стороны, оставшимися от утраченной ручки. Предмет украшен восемью золотыми пластинами – секторами, орнаментированными фигурами фантастических существ, животных, растительными и геометрическими мотивами. Типологически вещь восходит к широко распространенным древнекочевническим зеркалам. Как удалось установить, стилистика декора сочетает в себе черты родосско-ионийского,

¹²⁵ Определения «скифский ремесленник» или «мастер – кочевник» не следует воспринимать как этническую характеристику. Здесь и далее речь идет о мастерах, отличавшихся сравнительно невысоким профессиональным уровнем и теснейшим образом связанных с кочевническим миром.

сиро-финикийского, ассирийского, хеттского, иранского искусства, а также скифского звериного стиля (Кисель, 1993, с. 125). Техника исполнения – металлопластика и чеканка (Минасян, 1988, с. 50; Кисель, 1993, с. 111) – демонстрирует высокое мастерство торева, а продуманная, выверенная композиция и скрытая динамика фигур позволяют говорить о нем, как о талантливом художнике.

Ранее была высказана идея, что над зеркалом трудились два человека, работавшие в одной мастерской. Скиф отлил основу – диск, а грек нанес изображения (Максимова, 1954, с. 304). На первый взгляд эта точка зрения представляется правдоподобной. Руку кочевнического мастера выдает не только облик предмета, но и некоторые особенности. Наиболее важными из них являются устранение литейного брака и отсутствие следов полировки на лицевой поверхности. При изготовлении вещи часть диска не отлилась, и мастер исправил это, долив новый металл. Но работа была выполнена не достаточно качественно: произошел вторичный недолив, который уже не исправлялся, а глубокие насечки и лунки, сделанные для лучшего сцепления нового материала со старым, даже не были по-настоящему зашлифованы. «Рабочая» сторона изделия, по-видимому, вообще не полировалась, а была лишь отшлифована, как и на других древнекочевнических зеркалах.

Казалось бы, предположение о творческом союзе литейщика и декоратора тоже находит подтверждение. Бортик зеркала имеет нетипичный выступ, который использован для фиксации накладок: под выступ были заведены края пластин и закреплены путем прочеканки его. Если выступ моделировался еще при отливке, то не вызывает никакого сомнения существование первоначального замысла отделки предмета накладками. Но на ряде зеркал, принадлежавших древним кочевникам, встречаются подтреугольные бортики, на которых сравнительно легко с помощью чекана и молотка сделать выступ. К тому же представляется маловероятным, что мастер, допустивший брак и не до конца его исправивший, мог отлить тонкий, изящный выступ. Поэтому думается, что бортик келермесского изделия приобрел характерную форму только в момент, непосредственно предшествующий монтажу пластин. В случае подтверждения этого дальнейшими исследованиями можно будет утверждать, что зеркало было изготовлено кочевническим мастером и сначала ничем не отличалось от аналогичных по типу и материалу вещей (серебряные зеркала из Казахстана – курган 1 Жиланды и Поднепровья – курган 1 г. Люботин), то есть представляло собой диск с вертикальным бортиком и центральной петельчатой ручкой. Впоследствии, по желанию владельца, предмет

был дополнен орнаментированными накладками, а на петле ручки, возможно, появилась бляшка.

Сосуд из Келермеса состоит из двух круглодонных золотых чаш, входящих одна в другую и скрепленных по краю. Внешняя чаша выполнена из более толстого листа и покрыта геометрическим орнаментом. Ее декор связан с ассирийской традицией, но прямое устье не характерно для культуры Ассирии и находит параллели в Урарту IX – VIII вв. до н.э. Внутренняя чаша тонкостенная. Она украшена фигурами зверей, птиц, растительным мотивом. Ее стилистика восходит к ассирийскому искусству начала – последней трети VII в. до н.э. (Манцевич, 1961, с. 339; Галанина, 1997, с. 146; Кисель, 1998, с. 11). Такое хронологическое несоответствие двух частей одной вещи нуждается в объяснении. Можно представить, что ассирийский мастер, изготавливая предмет и решая задачу состыковки чаш, воспользовался нетипичной формой устья, заимствовав ее из образцов посуды соседней культуры. Однако, судя по тому, что внешняя чаша является законченной вещью, которая вполне могла использоваться автономно, а внутренняя по причине хрупкости нуждается в жестком футляре – кожухе, то напрашивается другое решение. По-видимому, ассирийский торевт не делал всего сосуда целиком, а использовал в качестве одной из частей старую урартскую чашу, некогда выполненную под ассирийским влиянием.

Таким образом, проведенный разбор некоторых памятников прикладного искусства, обнаруженных в скифских курганах, позволяет представить в общих чертах сложность и вариабельность пути создания раннескифской торевтики. Многие предметы были заказными и выполнялись специально для кочевников. Их изготавливали слаженные коллективы мастеров, трудившиеся в единых ремесленных центрах. При этом заказы по характеру были совершенно различными: от производства целого богато украшенного изделия – до декорировки уже готовой вещи. Другие предметы, попавшие к кочевникам, должно быть, путем покупки, в качестве трофеев или дани, переделывались согласно запросам новых владельцев. Как правило, такую работу выполняли ремесленники сравнительно низкой квалификации, происходившие, видимо, из кочевнической среды. Вещи, использовавшиеся продолжительное время и поврежденные, подвергались ремонту, которым тоже занимались мастера – кочевники.

- Бессонова С.С. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990.
- Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. т. I. М., 1997.
- Кисель В.А. Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // ВДИ, 1, 1993.
- Кисель В.А. Золотая диадема из Литого кургана // Семинар «Ювелирное искусство и материальная культура». Тезисы докладов участников II-го коллоквиума. СПб., 1996.
- Кисель В.А. Памятники ближневосточной торевтики из курганов Предкавказья и Северного Пичерноморья VII – начала VI вв. до н.э. (К проблеме ближневосточных связей скифов). Автореферат дис. ... к.и.н. СПб., 1998.
- Кисель В.А. Золотое украшение боевого шлема из скифского кургана // Семинар «Ювелирное искусство и материальная культура». Тезисы докладов участников V-го коллоквиума. СПб., 1998а.
- Максимова М.И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА, XXI, 1954.
- Манцевич А.П. Золотая чаша из Келермесского кургана // Omagiu lui George Oprescu cu prilejul implinirii a 80 de ani. București, 1961.
- Минасян Р.С. К вопросу о влиянии техники производства на происхождение некоторых особенностей скифо-сибирского звериного стиля // АСГЭ, 29, 1988.
- Минасян Р.С. Кавказская, античная и скифская художественная металлообработка в эпоху раннего железа // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
- Минасян Р.С. Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // АСГЭ, 30, 1990.
- Минасян Р.С. Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыкского кургана // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев, 1991. Приложение 13.
- Придик Е. Мельгуновский клад 1763 г. // МАР, 31, СПб., 1911.

Е.Ф. КОРОЛЬКОВА

ЗООМОРФНЫЕ СВАСТИКИ И ВИХРЕВЫЕ РОЗЕТКИ В ИСКУССТВЕ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ*

Свастика входит в число самых древних и широко распространенных символов. Свастикообразные знаки встречаются в символике архаических культур всего мира и имеют различную форму. Под свастикой понимается категория знаков, представляющих собой вариации системы круговой ориентации (например, креста в круге) (Бидерманн.1996). Концы лучей такой фигуры загнуты под прямым углом и указывают направление движения по кругу. Свастикообразные композиции вызывают ассоциацию сильного вращения, достигаемую посредством «динамизации» направления с использованием схемы неполной симметрии (Сорокин.1978) и ритмического повтора элементов. Таким образом, подобные символы, наделенные динамизмом вращения, близки по смыслу концепции о вечном движении, повторяемости и цикличности бытия, например, смены времен года.

В построении свастикообразных знаков, по-видимому, может играть роль числовая символика, поскольку наблюдаемое формальное разнообразие демонстрирует не только четырехконечную фигуру, но и трехосевую (трискелис), и многолучевую - так называемую «вихревую розетку». Очевидно, семантически тождественными свастикообразным мотивам являются и круговые динамические композиции, в которых зооморфные элементы ритмически располагаются на диске вокруг центра с определенной направленностью движения.

Свастика может приобретать форму геометрического орнамента и переходить в меандр. Однако встречаются и формы, построенные на плавных текучих ритмах, не имеющих острых углов и прямоугольных изломов линий. Центр композиции, как правило, акцентирован либо кружком (его функцию может исполнять также круглое отверстие или выпуклость - в зависимости от назначения предмета), либо квадратом. Помимо чисто абстрактных форм свастики известны и фигуры, построенные по тому же принципу, но дополненные изобразительными, в частности, зооморфными мотивами. Причем расположение зооморфных элементов

---

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 97-01-00314.

композиции может быть различным: фигуры животных или их головы могут занимать положение как концевых элементов, имеющих центробежную направленность, так и находиться в центростремительной позиции, сходясь к оси вращения.

Подобные свастикообразные символы характерны для культур ранних кочевников Евразии (рис. 1). Концы такой фигуры завершаются головками хищных птиц, лошадей или хищников, направленными в одну и ту же сторону. Направление головок задает направленность кругового движения всей композиции, которое может быть ориентировано как вправо, так и влево.

Самыми ранними из зафиксированных в кочевнических комплексах Евразии зооморфных свастик, являются изображения на оленных камнях в Центральной Азии, относящихся к эпохе бронзы (рис.1.А:1) и находки оформленных подобным образом уздечных принадлежностей в Приаралье (Уйгарак, VII в. до н.э.) (рис.1. В: 2) и на Северном Кавказе - в Адыгее (кург.Хаджох 1) в датированном VII в. до н.э. комплексе (рис.1А: 2). В числе самых архаичных предметов следует указать также и бронзовое навершие скипетра - трискелис с головками хищников из Тлийского могильника (Техов.1980), выполненное в характерном кобанском стиле и датированное XII - X вв. до н.э. В бестиарии, используемом в оформлении свастикообразных композиций ранних кочевников при отсутствии строгой регламентации набора видов (встречаются кабаны, лошади, олени, хищные птицы, бараны, грифоны, хищные птицы) все же наблюдается тенденция к предпочтению птице-грифоньих образов и конских головок. В некоторых случаях зооморфные головки не поддаются сколько-нибудь убедительному определению, демонстрируя явно трансформированные и смешанные образы, подвергшиеся деструктивному воздействию процесса усиления условности, декоративности и орнаментализации, ведущего к деградации образа и его абстрактности. Эти признаки наблюдаются в бляхах от уздечных принадлежностей из фракийских памятников, где встречаются изделия с растительным узором, который, несомненно, является результатом трансформации зооморфных мотивов в фитоорнамент (клад из Крайовы, Брезово) (рис.1.А: 10).

Существуют различные точки зрения на происхождение фракийских свастикообразных блях, являющихся, пожалуй, самой многочисленной группы подобных изделий. А. И. Мелюкова обоснованно полагает, что для Фракии источником распространения предметов такого рода все же была скифская культура конца VI в. до н.э.

Наличие чрезвычайно близких аналогий зооморфным свастикам в зверином стиле ранних кочевников Монголии, Южной Сибири и Казахстана, а также известные изображения подобных композиций в глиптике ахеменидского Ирана, в частности, трискелис с протомами крылатых коней на резном камне перстня (Луконин. 1977) свидетельствуют о более универсальном характере зооморфных свастик для евразийских культур I-тыс. до н.э. и заставляют рассматривать проблему происхождения и распространения этих символов в кочевнических культурах Евразии в более широком плане, нежели взаимодействие Скифии и Фракии. Ближайшая иконографическая аналогия мотива на ахеменидском перстне представлена на бронзовой крестовидной бляхе скифского времени из Матраселе (Венгрия) (Fettich.1934). Еще одна крестовидная бляха так называемого ольвийского типа, в которой использован элемент вращательного движения в трискелисе с зооморфными завершениями лопастей найдена в Посулье в Енковцах (конец VI - нач. V вв. до н.э.) (Кулатова. 1995).

Очевидно, подобные схемы не связаны непосредственно с какой бы то ни было одной конкретной культурой и являются более универсальным и традиционным феноменом. Встречаются они и в более позднее время, например, на золотой обкладке уздечной бляхи из относящегося к сарматской эпохе Федуловского клада. Аналогии федуловской бляхе находятся в позднескифских курганах степного Поднепровья (курганы Огуз, Краснокутский, «Козел») и в памятниках IV в. до н.э. Болгарии (клад у г. Луковит, находки в Летнице и во Враце) и Румынии (клад Крайова). При семантическом единстве и иконографической схожести в зооморфных свастиках и «вихревых» розетках существенные различия обнаруживаются на стилистическом уровне. Отдельные характеристики, опознанные как сохраняемые в процессе развития стиля неизменными или же дающие возможность проследить динамику постепенного изменения и трансформации стиля, делают исследование стиля потенциально способным выявить направление развития рассматриваемой категории изделий и, возможно, даже фиксировать направление миграций кочевого населения.

Находки самых ранних зооморфных свастикообразных знаков связаны с территорией Центральной Азии. Судя по стилистическим особенностям, корни традиции изобразительной трактовки этого мотива следует искать именно в этом регионе. По-видимому, с волной кочевников не позднее VII в. до н.э. они попадают в Предкавказье, а впоследствии получают развитие в культуре европейских скифов, от которых традиция их изображения

переходит фракийскому населению. Этот мотив, в известной степени универсальный, распространен в иранском мире, и его присутствие в памятниках кобанской культуры не связано с изобразительной традицией евразийских кочевников.

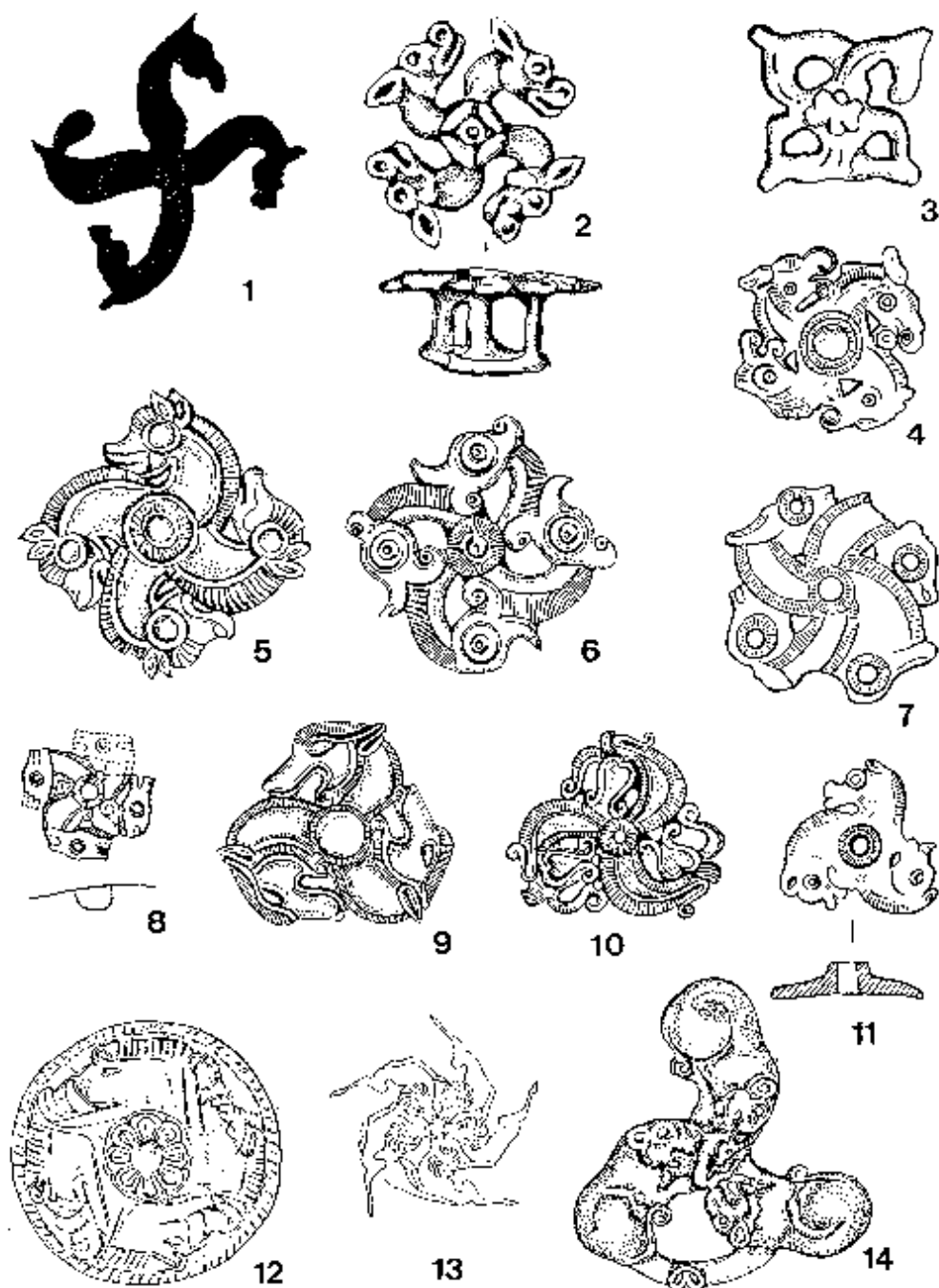

Рис. 1. Zoomорфные свастикки и вихревые розетки в искусстве звериного стиля

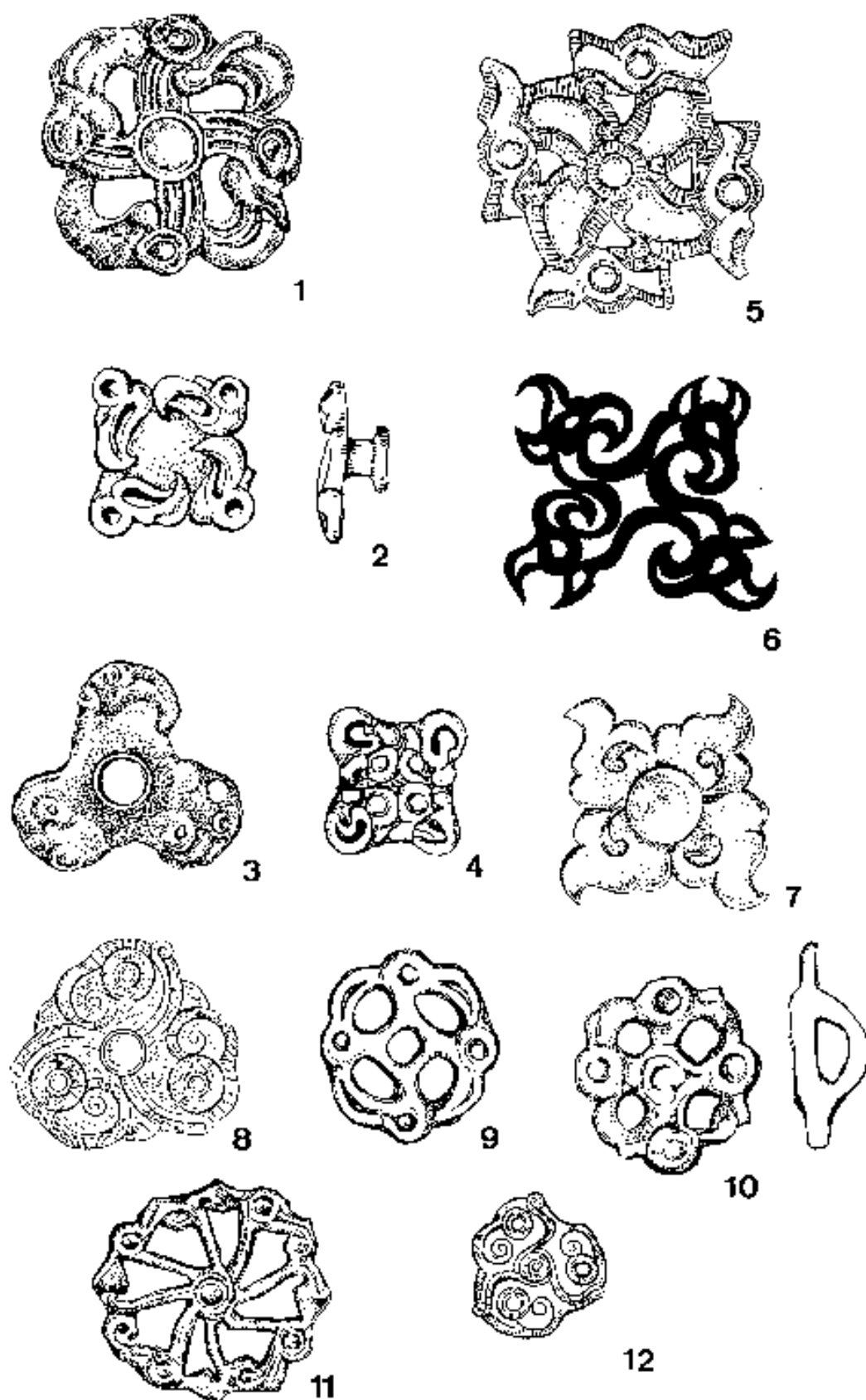

Рис. 2. Зооморфные свастички и вихревые розетки в искусстве звериного стиля

С.Н. СЕНАТОРОВ

**О ВОСТОЧНО - КРЫМСКОЙ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКЕ
СЕРЕДИНЫ VI - ПЕРВОЙ ТРЕТИ III ВВ. ДО Н.Э.**

Лепная керамика, найденная при раскопках варварских памятников, а также греческих городов и поселений Европейского Боспора второй половины VI – первой трети III вв. до н. э. (далее все даты до н.э.), пока не получила однозначной этнокультурной оценки.

По данной проблеме существуют две основные гипотезы. Согласно первой из них, лепная керамика памятников Восточного Крыма (ВК) указанного времени связывается с носителями кизил-кобинской (КК) культуры. Основанием для этой гипотезы служит определенное сходство лепной керамики с резным орнаментом памятников ВК и КК культуры. Вторая гипотеза предполагает связь лепного керамического комплекса памятников ВК со скифами. В основании последней гипотезы лежит найденная на памятниках ВК лепная керамика, украшенная вдавленным орнаментом, расположенном на закраине венчика, горле или плече сосудов. Керамику с таким орнаментом условно считают «скифской», поскольку она характерна для поселений Елизаветовское и Каменское, являющихся эталонными памятниками скифской культуры. Данную гипотезу может подкреплять также и свидетельство Геродота о том, что земли «выше Таврики» и на Скалистом (Керченском) полуострове населяли скифы (Herod., IV, 99).

Обзор этих и других гипотез представлен в обобщающих исследованиях (Кастанаян 1981:12–28; Масленников 1995:56–58), поэтому здесь обратим внимание лишь на тот факт, что детальный сравнительный анализ лепной керамики памятников VI – III вв. ВК и КК культуры не проводился. Отметим также, что основным источником, характеризующим лепную керамику поселений ВК этого периода, являются лишь материалы поселения у с. Айвазовское (Кругликова 1959:65–73; Она же 1975:72–76).

Вместе с тем, в ходе археологических исследований, проводившихся на территории ВК, открыт ряд других памятников с характерной для данного региона лепной керамикой (Гаврилов 1987:50–51; Он же 1988:199–201; Он же 1994:67–70; Махнева 1988:208–209). Результаты этих исследований пока в полной мере не опубликованы, поэтому ввод в научный оборот материалов некоторых памятников, открытых у с. Журавки Кировского района, представляет определенный интерес.

В 1974 г. в районе указанного села при проведении мелиоративных работ Е.М. Кальским были открыты остатки трех поселений, которые исследовались в 1975 г. Е.А. Катюшиным (Петерс, Айбабина, Катюшин 1976:378–379) и в 1994 г. А.В. Гавриловым: Журавки – 1, Журавки – 2 и у с. Новопокровка (Поселения Журавки - 1, Журавки - 2 и у с. Новопокровка соответствуют № 2104, без номера, № 2168 по А.В. Гаврилову и № 1,1-2, № 8, № 30 по дневнику Е.М. Кальского. Гаврилов 1997:69–76).

На поселении Журавки–1 Е.А. Катюшиным (Катюшин 1975:1–7) были заложены три разведочных раскопа площадью 5,0 x 1,2, 2,5 x 2,5 и 3,0 x 3,0 м соответственно.

В первом раскопе в культурном слое мощностью 0,8 м была зачищена яма, использовавшаяся для свалки мусора. Ее ширина 3,2 м, глубина 0,35 м. В заполнении ямы были найдены обломки лепной керамики и амфор.

Лепная керамика представлена: 1) обломками двух горшков с вдавленным орнаментом, идущим по закраине их венчиков (рис. 1,1–2); 2) тремя фрагментами стенок сосудов с резным геометрическим орнаментом, выполненным одним острием (рис. 1,9–10,12).

Среди найденного здесь амфорного материала отметим обломок хиосской пухлогорлой амфоры V в. и два клейма на горле гераклейских амфор, датируемых Е.А. Катюшиным первой половиной IV в. (Катюшин 1975:2–3).

Таким образом, судя по датировке гераклейских клейм, данная хозяйственная яма прекратила свое функционирование не позднее середины IV в. Вместе с тем более ранние материалы не исключают вероятности того, что варварское поселение могло существовать здесь еще в V в.

В раскопе № 2 в культурном слое мощностью 0,8 м были найдены обломки стенок амфор, а в самом низу этого слоя – кремневый наконечник дротика.

В третьем раскопе были открыты остатки двух жилищ, перекрывавших друг друга. На глубине 0,6 м был зачищен глинобитный пол жилища № 1 первого строительного периода. От этого жилища сохранились лишь пять ямок от столбов, обложенных мелким камнем. В юго – западной части этого жилища располагался очаг № 1 типа жаровни из обожженной глины. Западная стенка этой жаровни была укреплена обломками амфор. В древесной золе заполнения очага были найдены обломки полусферической миски и фрагмент глиняного пряслица. У западной и южной стенок этого

жилища был отмечен слой золы мощностью 0,04 м. В этом слое, а также в северо - восточном углу раскопа отмечены фрагменты обгоревшей грубой лепной керамики и обломки фасосской амфоры. С южной стороны ямки № 1 зафиксирован обломок хиосской расписной амфоры. В юго-западном углу раскопа был найден железный гвоздь (рис. 1,5), а на глинобитной поверхности в центральной части раскопа – обломки железного ножа с прямым лезвием, переходящим в ручку (рис. 1,3). Кроме того, в заполнении данного жилища были найдены стенка кубка с резным орнаментом (рис. 1,8) и фрагмент венчика горшка диаметром 24 см (рис. 1,4).

На глубине 0,22 м был отмечен прямоугольный в плане глинобитный пол жилища № 2 второго строительного периода. Контур этого жилища ограничен семью ямками от столбов диаметром и глубиной 0,4 м. Ширина жилища 2,8 м, а его сохранившаяся длина – 3,5 м. Своей продольной стороной оно было ориентировано по линии ССВ – ЮЮЗ. В южной части жилища и в 1,5 м к востоку от его юго - восточного угла были открыты два очага. В заполнении этого жилища были найдены обломки амфоры типа Солоха I, которая датируется второй - третьей четвертью IV в. (Монахов, Рогов 1990:140), а также фрагменты лепной посуды.

Лепная керамика второго строительного периода представлена: 1) обломком венчика горшка диаметром 24 см с верхней частью плеча, на котором располагался рельефный орнамент в виде наклепного горизонтального валика (рис. 1,7); 2) фрагментом венчика горшка диаметром 19 см, который был украшен вдавленным орнаментом в виде округлых ямок, идущих двумя горизонтальными рядами по закраине венчика и по основанию горла сосуда (рис. 1,6); 3) обломком плоского дна сосуда диаметром 6 см. На внешней поверхности его придонной части сохранился вдавленный орнамент в виде горизонтального ряда округлых ямок (рис. 1,11).

Таким образом, по имеющимся данным, время существования жилища № 2 можно ограничить в пределах второй - третьей четверти IV в. При этом жилище № 1, вероятно, бытовало в конце V – первой четверти IV в.

Поселения у с. Айвазовское, Журавки и Новопокровка (раскопки И.Т. Кругликовой, А.Е. Катюшина и сборы Е.М. Кальского) имеют сходный по ряду признаков комплекс лепной посуды, что дает возможность предложить ее суммарное описание.

Прежде чем перейти к характеристике основного массива керамики, выделим обломки сосудов, которые, судя по орнаменту, относятся к эпохе средней (рис. 2,14; 3,7; 4,2,6) и поздней бронзы

(рис. 1,7; 3,8). Вероятно, эти обломки случайно попали в данный комплекс из расположенных рядом поселений указанного времени и поэтому здесь рассматриваться не будут.

Всего в комплексе лепной посуды указанных поселений было учтено 111 керамических объектов. Из них выделяются 2 целых горшка (один из них с двумя сквозными отверстиями для реставрации), 2 целых кубка (рис. 2,3,5; 3,2,5) и 37 обломков верхних профильных частей различных сосудов, по которым можно определить их категорию. Сюда же включены 64 орнаментированные стенки сосудов (в основном, вероятно, кувшинов и корчаг) и 6 стенок кубков с резным орнаментом (рис. 1,8,15,28; 2,10,20; 4,8).

По морфологическим признакам в данной группе материалов можно выделить следующие категории посуды: 1) банковидный сосуд со слабо отогнутым венчиком – 1 экз. (рис. 3,3); 2) горшки – 22 экз. (57 %); 3) крупный сосуд пифоидной формы или «пифос» по терминологии Х.И. Крис (Крис 1981:21–22) – 1 экз. (рис. 4,1); 4) кувшины – 1 экз. (рис. 2,6); 5) корчаги – 1 экз. (рис. 5,14); 6) кубки – 6 экз. (рис. 1,13; 2,2,21; 3,2,5,11); 7) миски – 6 экз. (рис. 5,1,4–6); 8) редкие формы: котловидный сосуд с ручкой – налепом, в которой имеются два вертикальных отверстия для подвешивания – 1 экз. (рис. 2,15) и «рожок» типа греческого гуттоса (Храпунов, Власов 1995:14,176, рис. 6:16) – 1 экз. (рис. 3,10).

Необходимо отметить, что поскольку были использованы материалы известные нам лишь по опубликованным данным, то количество керамических объектов, у которых определены: 1) способ обработки внешней поверхности (табл. 1), который определялся по методике Д.В. Деопика (Деопик 1970:65, табл. 2), 2) тип орнаментации (табл. 2) и 3) сочетание всех основных признаков (табл. 3), будет меньше общего количества объектов (111 экз.), включенных в рассматриваемый комплекс.

Основные категории сосудов (кроме мисок) украшены: 1) рельефным, 2) резным, 3) гребенчатым, 4) вдавленным орнаментами. Всего учтено 94 орнаментированных объекта, включая стенки сосудов (табл. 2).

Рельефный орнамент представлен двумя типами налепов: 1) сосцевидными – 4 экз. (рис. 1,24; 2,9; 3,9; 5,9); 2) роговидными – 4 экз. (рис. 1,21; 2,17; 3,6; Кругликова 1975:76, рис. 33). Как правило, налепы дополняют резной орнамент. Исключение составляет один фрагмент сосуда, на котором сохранился только лишь роговидный налеп (рис. 2,17).

В резном орнаменте (74 экз.) можно выделить два типа.

К первому типу (6 экз.) относится резной орнамент (рис. 1,8; 2,9; 3,4; 5,3,7,11) аналогичный орнаменту на посуде памятников второго этапа КК культуры по относительной периодизации В.А. Колотухина (Колотухин 1996:57–59). Для него характерны резные геометрические фигуры, расположенные на плече и тулове сосудов. Четыре обломка с таким орнаментом имели чернолощеную поверхность, один обломок – серо-бурую заглаженную и еще один – грубую внешнюю поверхность серого цвета.

Второй тип резного орнамента (68 экз.) условно можно назвать айвазовским типом, поскольку он распространен в основном на памятниках Керченского полуострова и наиболее полно представлен материалами отмеченного выше поселения у с. Айвазовское. Для этого орнамента характерны некоторые черты, которые могут отличать его, на наш взгляд, от синхронного резного орнамента КК посуды: 1) наличие сплошной резной горизонтальной линии, идущей по плечу сосуда. Эта линия либо ограничивает сверху всю орнаментальную композицию (рис. 1,25), либо разделяет эту композицию на верхнюю и нижнюю части (рис. 1,9); 2) наличие фигур в виде заштрихованных ромбов (рис. 1,22); 3) орнаментальная композиция кубков расположена на всей внешней поверхности сосудов, в том числе и на их горле вплоть до закраины венчика (рис. 2,2). Внешняя поверхность сосудов с орнаментом айвазовского типа в основном чернолощенная (45 экз.) и лишь незначительная ее часть (9 экз.) имеет заглаженную внешнюю поверхность серого и бурого цвета.

Гребенчатый орнамент, выполненный трехзубчатым штампом – орнаментиром, отмечен лишь на одном обломке стенки сосуда с черной лощеной поверхностью (рис. 5,10). Такой орнамент относится к первому типу КК гребенчатого орнамента по классификации О.Д. Дашевской, который может датироваться, с нашей точки зрения, второй половиной VI–V в. до н.э. Первый (или переходный) тип гребенчатого орнамента, по О.Д. Дашевской, характеризуется тем, что традиционный КК резной орнамент, выполненный инструментом (орнаментиром) с одним рабочим острием, с VI в. начинает наноситься гребенкой - штампом с двумя и более режущими зубьями (Дашевская 1963:206, рис. 1:1-2). Второй тип гребенчатого орнамента отличается тем, что контур геометрических фигур заполнен не сплошными линиями, а лишь насечками или чеканом, выполненными гребенкой. Второй тип преобладает на КК керамике с IV по III в. (Дашевская 1963:206-207, рис. 1:3-7; 2:1-8). Материалы греческих городов Крыма позволяют условно датировать первый тип гребенчатого орнамента третьей

четвертью VI - концом V в., а второй тип этого орнамента - началом IV - первой третью III в. При этом на конец V - первую четверть IV в. приходится, вероятно, постепенная смена первого типа гребенчатого орнамента вторым.

Наконец вдавленный орнамент наносился пальцами руки гончара или каким - либо инструментом на закраину венчика, основание горла или край дна сосудов. Этот орнамент отмечен на горшках (19 экз.) и банковидном сосуде, которые имели грубую внешнюю поверхность. В одном случае такой орнамент располагался на придонной части горшка (рис. 1,11), в другом – проходил двумя горизонтальными рядами под закраиной венчика с наружной стороны сосуда (рис. 1,6).

Все типы рассматриваемой орнаментированной посуды условно можно объединить в три группы. В первую группу включена КК керамика с резным и гребенчатым орнаментом. Во вторую группу входит ВК керамика с резным орнаментом айвазовского типа, для которой характерны специфические признаки, отличающие ее от посуды КК культуры: 1) резной орнамент, описанный выше, 2) роговидные налесты, сочетающиеся с резным орнаментом айвазовского типа, 3) цилиндрические кубки (рис. 3,5), которые по форме и орнаментации отличаются от синхронных КК кубков. Обе группы сосудов имели в основном лощеную и заглаженную внешнюю поверхность (табл. 3), что позволяет условно связывать их со столовой посудой.

Обращает на себя особое внимание третья группа керамики с вдавленным орнаментом. Внешняя поверхность сосудов с таким орнаментом грубо обработана, что может свидетельствовать о ее хозяйственном назначении. Вполне очевидно, что эта группа материалов составляет единый комплекс со столовой посудой, что справедливо отмечала Э.В. Яковенко (Яковенко 1978:40). При этом такая посуда использовалась, вероятно, носителями как КК, так и ВК керамики.

Орнаментальные особенности лепной керамики айвазовского типа второй половины VI – начала III вв. и ареал ее распространения позволяет рассматривать ее носителей как местное население Восточного Крыма (Масленников 1995:32). Вероятно, это население на определенном этапе сосуществовало с носителями восточного варианта КК культуры (Щеглов 1988:71). Однако этнокультурное определение лепной керамики айвазовского типа, ее происхождение, типология, хронология, ареал распространения и другие вопросы нуждаются в детальном исследовании.

- Гаврилов А.В. 1987. Производство зерна и его значение для торговли Боспора в IV – начале III в. до н.э. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: Тез. докл. М.
- Гаврилов А.В. 1988. О сельскохозяйственной территории Европейского Боспора в IV – первой половине III вв. до н.э. // Проблемы античной культуры: Тез. докл. Симферополь. Ч. III.
- Гаврилов А.В. 1994. Разведки в Кировском районе // Археологические исследования в Крыму в 1993 году. Симферополь.
- Гаврилов А.В. 1997. Исследование античного поселения у с. Новопокровка и археологические разведки в Кировском районе // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь.
- Дашевская О.Д. 1963. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА. № 4.
- Деопик Д.В. 1970. Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово // Древности Восточного Крыма. Киев.
- Кастанаян Е.Г. 1981. Лепная керамика Боспорских городов. Л.
- Катюшин Е.А. 1975. Отчет об охранном археологическом обследовании поселения V – III вв. до н.э. в с. Журавки Кировского района Крымской области в 1975 г. // Архив ФКМ. Папка № 16. КП 6053. НА–263.
- Колотухин В.А. 1996. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века: (Этнокульт. процессы). Киев.
- Крис Х.И. 1981. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. ДІ–7.
- Кругликова И.Т. 1959. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 году // КСИИМК. Вып. 74.
- Кругликова И.Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Масленников А.А. 1995. Каменные ящики Восточного Крыма: (К истории сел. населения Европ. Боспора в VI–I вв. до н.э.) // БСб. № 8.
- Махнева О.А. 1988. Эллинистические усадьбы в Восточной части Крыма // Проблемы античной культуры: Тез. докл. Симферополь. Ч. III.
- Петерс Б.Г., Айбабина Е.А., Катюшин Е.А. 1976. Раскопки Феодосийской экспедиции // АО 1975 года. М.
- Храпунов И.Н., Власов В.П. 1995. Кизил-кобинское поселение Шпиль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь.

Щеглов А.Н. 1988. Тавры в VII – первой половине IV вв. до н.э. и греко-варварские взаимоотношения // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. Тбилиси.

Яковенко Е.В. 1978. Ліпна кераміка VI–V ст. до н.е. з Німфея // Археологія. № 27.

Таблица 1. Категории сосудов и обработка их внешней поверхности.

Поверхность Категория	Лщечная	Заглаженная	Грубая	Количество	%
Банки	-	-	1	1	1
Горшки	-	4	12	16	18
Пифосы	-	-	1	1	1
Кувшины	-	-	1	1	1
Корчаги	1	-	-	1	1
Кубки	3	2	1	6	7
Миски	3	2	1	6	7
Котел	-	-	1	1	1
Рожок	-	-	1	1	1
Стенки	41	7	3	51	57
Горшков					
Стенки	5	-	-	5	5
Кубков					
Всего	53	15	22	90	
%	59	17	24		100

Таблица 2. Типы орнаментированной керамики.

Группа	Тип орнамента	Кол-во	%
I. Кизилкобинская керамика	1. КК резной	5	5
	1а. Сосцевидные налепы + резной	1	1
	2. КК гребенчатый 1-го типа	1	1
II. Керамика айвазовского типа	3. Резной	61	65
	3а. Роговидный налеп	1	1
	3б. Роговидный налеп + резной	3	3
	3в. Сосцевидный налеп + резной	3	3
III. Хозяйственная	4. Вдавленный	19	20
Всего		94	100

Таблица 3. Сочетание категорий, обработки поверхности и типа орнамента сосудов. (Коды типов орнамента указаны в таблице 2).

Обработка поверхности	Лощеная						Заглаженная			Грубая			Кол-тво	%	
	КК			ВК			КК	ВК		КК	ВК	Хоз			
Группа	1	1а	2	3	3б	3в	1	3	3а	3в	1	3	4		
Тип орнамента	1	1а	2	3	3б	3в	1	3	3а	3в	1	3	4		
Категория															
Банки													1	1	1
Горшки													11	11	15
Пифосы													1	1	1
Кувшины													1	1	1
Корчаги				1										1	1
Кубки				3				2						5	7
Стенки Горшков	3	1	1	3	3	2	1	5	1	1	1	1		51	67
Стенки Кубков				5										5	7
Всего	5			4			1	7	1	1	1	1	14		
				5											
Итого	50 (66 %)						10 (13 %)			16 (21 %)			76	100	

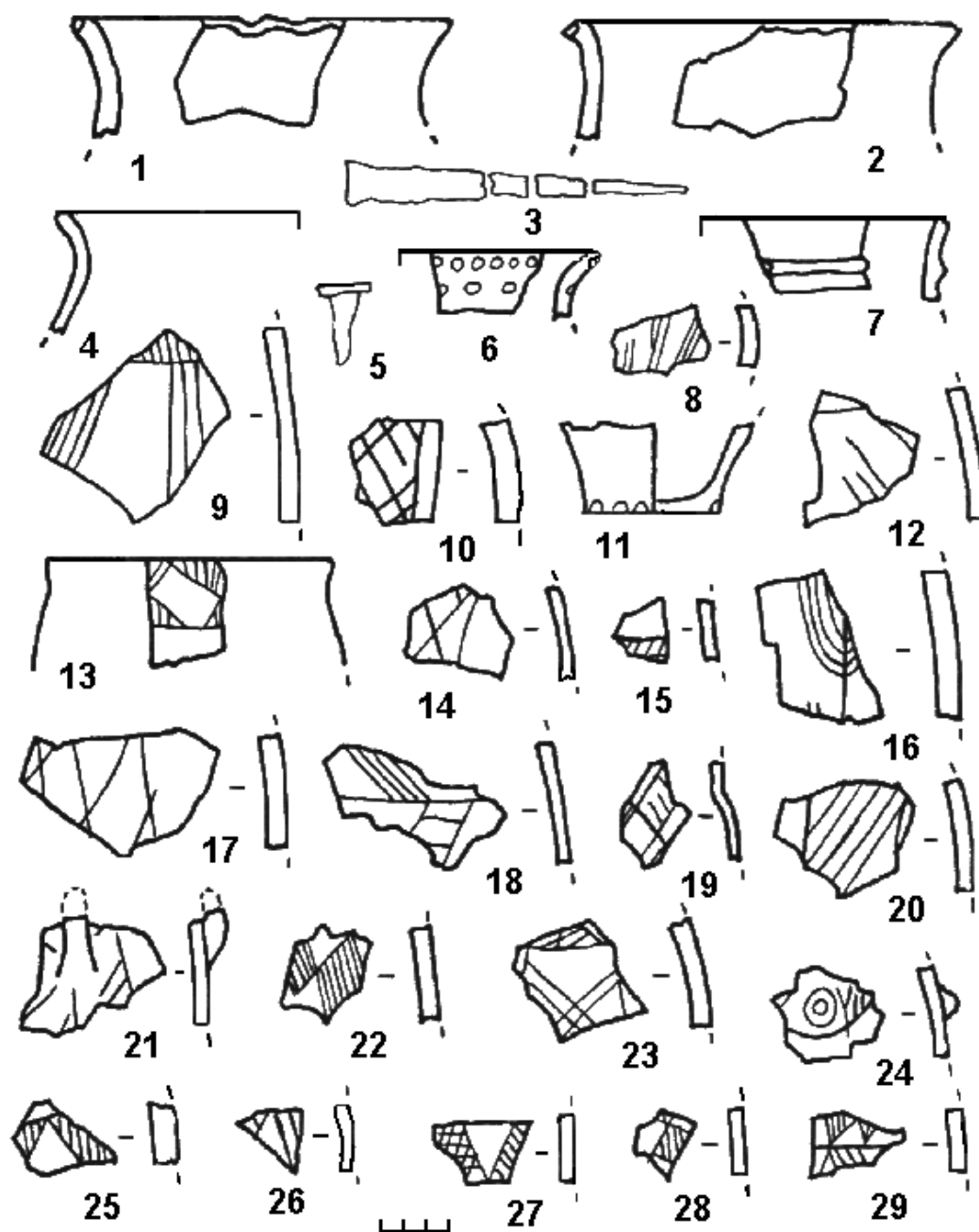

Рис. 1. Материалы поселений у с. Журавки-1 и с. Новопокровка. 1-12 - Журавки-1 (раскопки А.Е. Катюшина): 1-2,9-10,12 - Раскоп II; 6-7,11 - Раскоп III. Жилище. Верхний строительный период; 3-5,8 - Раскоп III. Жилище. Нижний строительный период 13-29 - с. Новопокровка (сборы Е.М. Кальского). 3,5 - железо, остальное - керамика

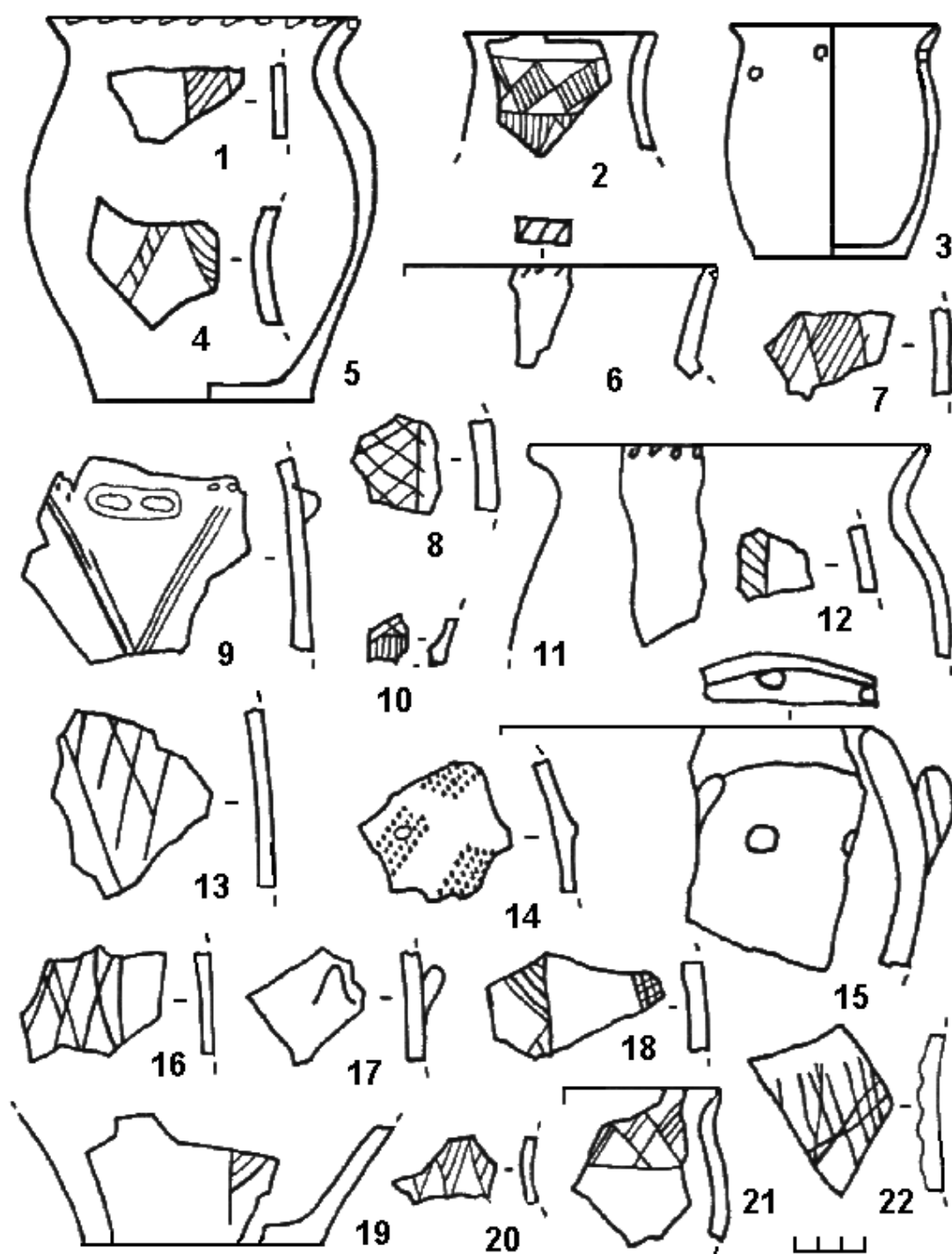

Рис. 2. Материалы поселения у с. Журавки-1 (сборы Е.М. Кальского). 1-21 - лепная керамика; 22 - стенка амфоры круга Фасоса (по определению С.Ю.Монахова) с прочерченным орнаментом.

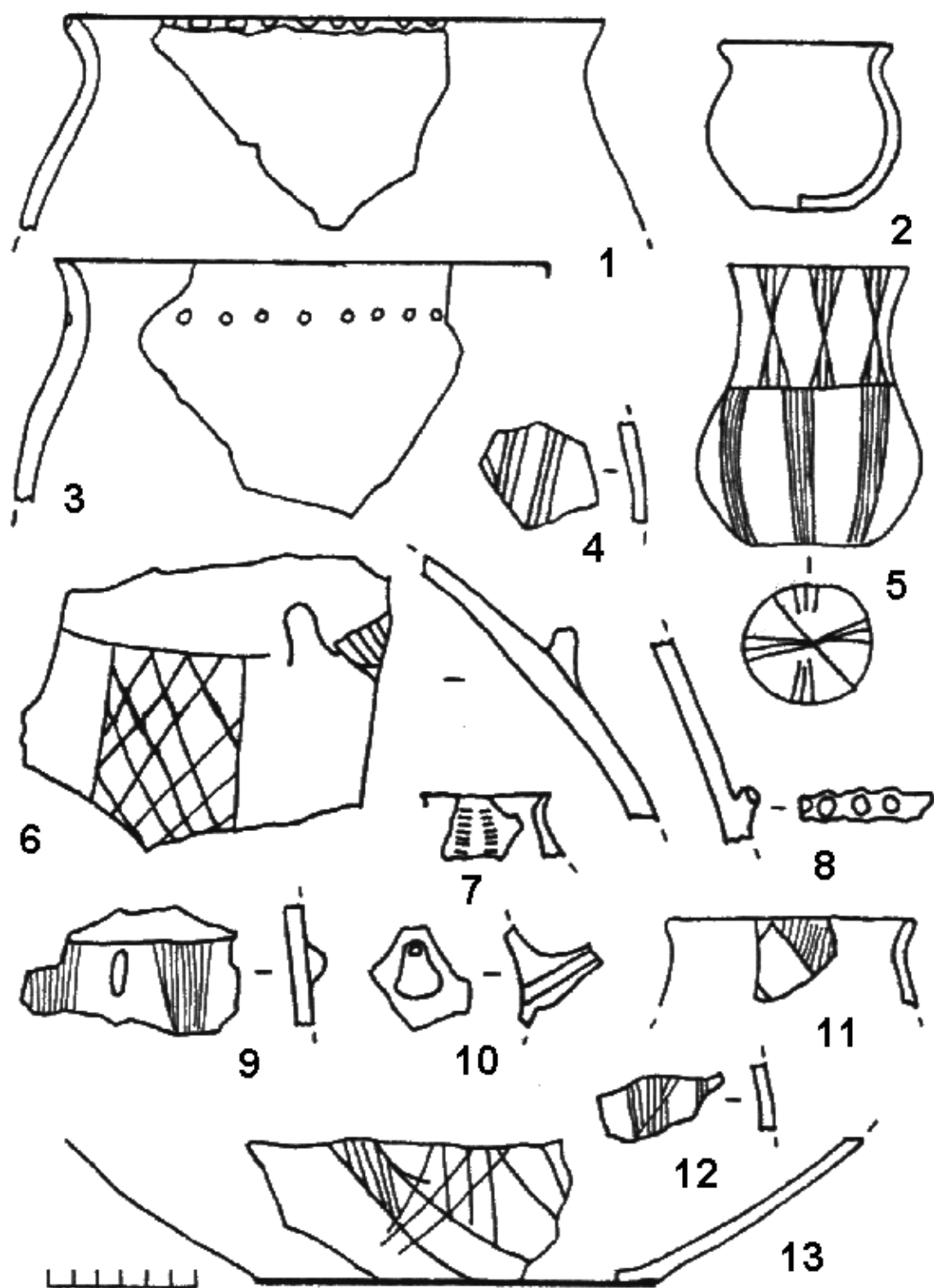

Рис. 3. Лепная керамика поселения у с. Журавки-1 (сборы Е.М. Кальского).

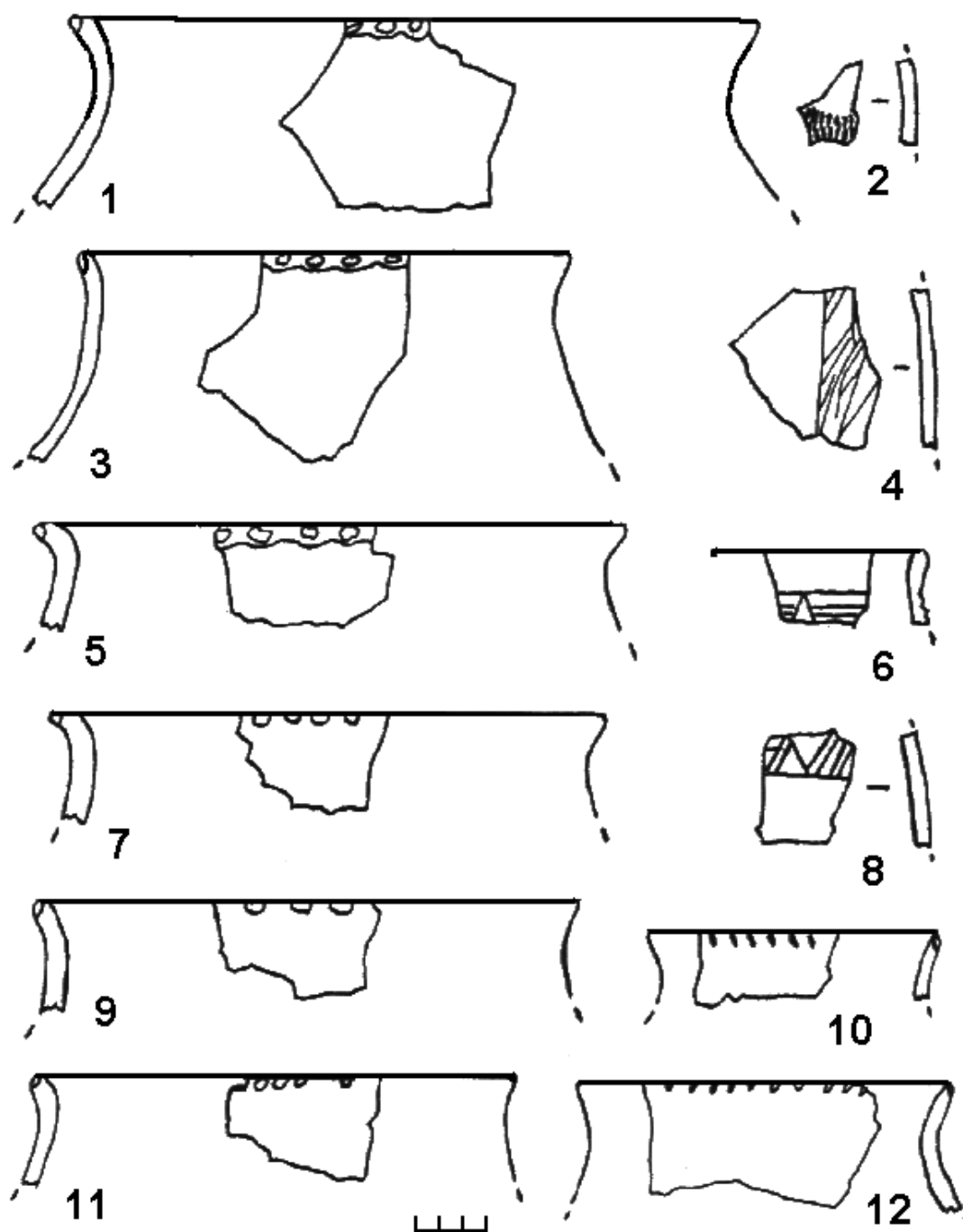

Рис. 4. Лепная керамика поселения у с. Журавки-2 (сборы Е.М. Кальского).

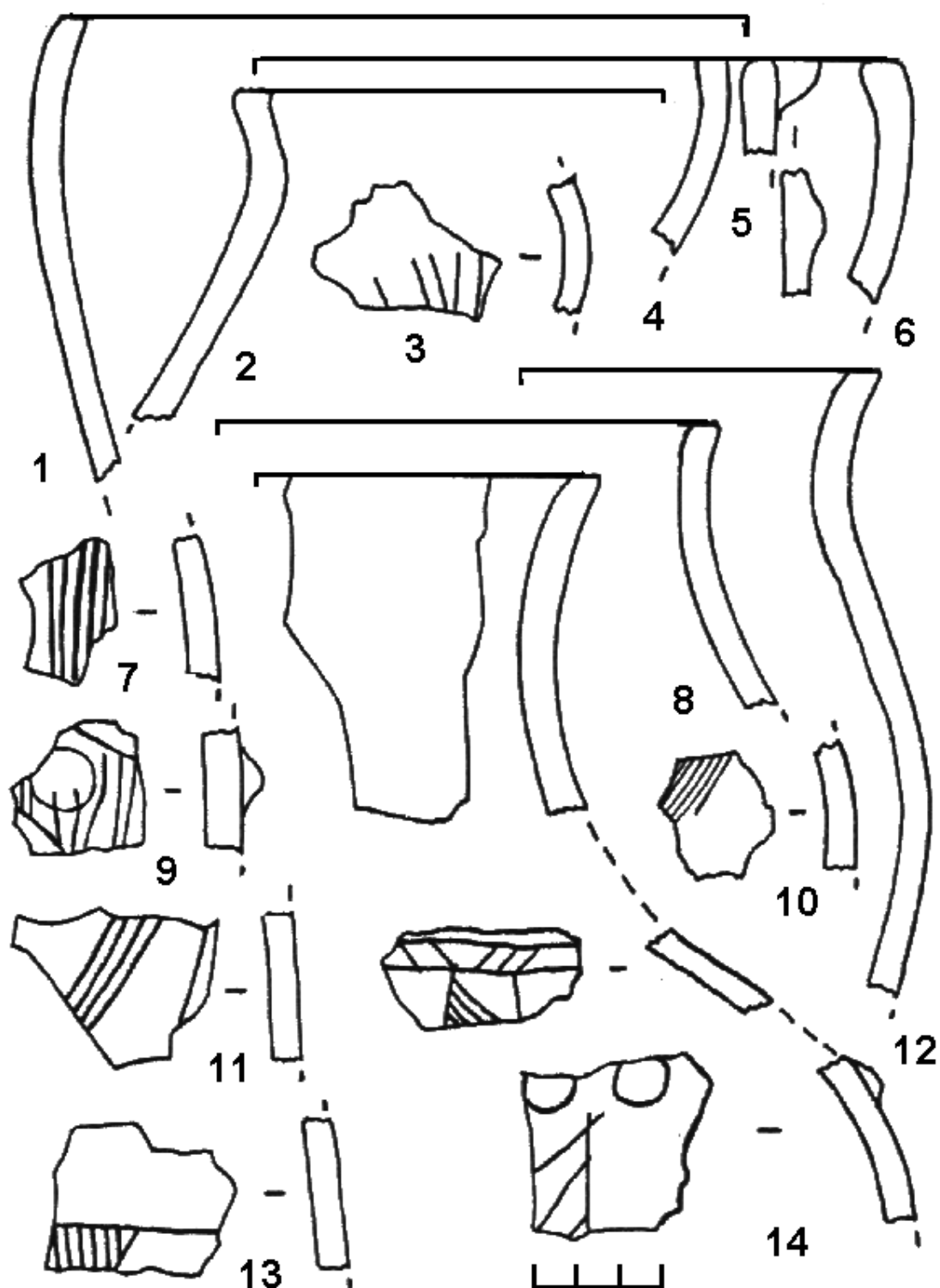

Рис. 5. Лепная керамика поселения у с. Айвазовское (раскопки 1956 г. И.Т. Кругликовой).

Р.В. СТОЯНОВ

К ВОПРОСУ О НАХОДКАХ СКЕЛЕТОВ СОБАК ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО 2 В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Собака жила рядом с человеком с древнейших времён. В её функции входил целый ряд обязанностей, связанных с охраной жилища, охотой и хозяйством. При археологических раскопках памятников античного времени на территории Северного Причерноморья скелеты собак являются довольно частой находкой. Первые упоминания о подобных находках при исследовании городищ, поселений или некрополей относятся к концу XIX века. Наиболее часто скелеты собак обнаруживали во фрагментированном состоянии вперемежку с костями других животных либо в засыпке погребения, либо в жжёном точке (ОАК за 1889 г.1892, с.13; ОАК за 1898 г. 1901, с.17). Известны захоронения собак в каменных ларях. Несколько подобных объектов было обнаружено на поселении Андреевка Южная в слое IV-III в.в. до н. э. На целом ряде поселений Европейского Боспора были зафиксированы захоронения собак в каменных ящиках, причём скелеты лежали на подстилке из морских раковин, сверху были посыпаны слоем золы и глины. В захоронениях присутствовал набор посуды (светильник, горшочек, чашка или миска). Иногда погребения сопровождалось фрагментами амфор, светильниками, монетами, костями рыб. Суммарно подобные захоронения датируются III-VI в.в. н. э. (Масленников А.А., Емец И.А.1990, с.89).

В последнее время предприняты попытки реконструкции религиозных представлений, связанных с собакой у древнего населения Северного Причерноморья. Однако до настоящего времени практически не известно публикаций погребений собак в хозяйственных ямах, связанных с датируемыми комплексами на поселениях античного времени. Наличие привязок подобных погребений к определенным хронологическим периодам позволило бы конкретизировать проблему и, возможно, выделить особенности подобных захоронений для отдельных регионов Северного Причерноморья.

В 1998 г. при раскопках поселения Артющенко 2 Бугазским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН (Темрюкский район Краснодарского края), скелеты собак были зафиксированы в хозяйственных ямах (Рогов Е.Я.1998). Ямы были выявлены на уровне материка (общая глубина раскопа 1.8-2.0 м.). Поскольку во всех ямах были найдены датирующие материалы, возможно,

установить более или менее чёткую дату для времени погребения собак.

Яма № 3.

Впущена в грунт с уровня контакта слоёв 2 и 3. Дата слоев по керамике - конец VI - конец IV вв. до н. э. Яма имеет овальную в плане форму, вытянута с запада на восток, размеры 0.8 x 0.9 м. Восточная часть овала углублена по отношению к западной на 0.6 м, глубина ямы в этой части достигает 1.4 м. Грунт заполнения представляет собой лессовидный суглинок. Скелет собаки находился в углублении на дне. Скелет лежал на подстилке из морских раковин, был покрыт куском боковой стенки амфоры. При разборке ямы найдено 9 фрагментов керамики. По находке ножки меншей амфоры типа (Абрамов.1993, тип 2.93), дата засыпки - конец V в. до н. э.

Яма №4.

Выявлена к западу от ямы № 3. Впущена из слоя 3 (VI-V в.в. до н.э.). Глубина ямы 1.62 м., диаметр-2.38 м. Заполнение ямы зольно-глинистое. Под северной и южной стенками на дне ямы расчищены скелеты двух собак. Скелеты лежали на подстилке из морских раковин. При выборке заполнения обнаружено 250 керамических обломков. Дата по профильным частям хиосских пухлогорлых амфор с перехватом – не позднее конца третьей четверти V в. до н. э.

Яма №5.

Находилась рядом с ямой №4 к юго-западу от неё. Впущена из слоя 3 на глубину 1.75 м. (заглублена в материк на 1.54 м.). Заполнение зольно-глинистое. В верхней части заполнения находился скелет собаки. В непосредственной близости были обнаружены фрагменты костей домашних животных. В яме выявлено 1111 обломков керамики (довольно большое количество по сравнению с другими ямами). Большую часть составляют обломки амфор, которые и являются основным датирующим материалом. В группе амфор представлены фрагменты стенок и профильных частей сосудов позднеархаического и классического времени. Амфорный материал суммарно датируется в пределах третьей четверти V в. до н. э. Эту дату подтверждает и обломок килика группы Романченко (тип delicate class - АА.№487), а также обломки закраин чаш киликов, которые большей частью датируются тоже в пределах середины-третьей четверти V в. до н.э.

Выводы

- Погребения собак в хозяйственных ямах на пос. Артюшенко 2 относятся приблизительно к одному времени – третья четверть-конец V в. до н. э.
- По крайней мере, в двух случаях мы можем утверждать, что собаки были не просто брошены в ямы, а специально захоронены. Этот факт совершенно очевиден, так как в яме № 3 скелет собаки находился в углублении на дне ямы, а в яме № 4 скелеты лежали в специальных подбоях в стенах ямы. Грунт под скелетами собак в упомянутых ямах был выстлан морскими раковинами, что представляет собой своеобразную подстилку. Возле скелета собаки в яме №3 были также найдены кости, оставшиеся от кусков мяса домашних животных, что, на наш взгляд, тоже указывает на специальное захоронение. Кроме того, положение костяков собак свидетельствует о том, что они были положены, а не брошены в ямы. Следует отметить, что заполнение самих ям представляет мусорный сброс? где практически не выявляется засыпка непосредственно погребения. Из-за перемешанности заполнения сложно выявить сопутствующие погребению вещи.
- Обращает на себя внимание и расположение скелетов в яме № 4. Собаки расположены по линии север-юг, головами в противоположные друг другу стороны. Возможно, это тоже связано с определенными религиозными представлениями местного населения.

В.Б. УЖЕНЦЕВ

БОСПОР И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н.Э.

(проблемы этнокультурных контактов по материалам раскопок Калос
Лимена)

Начало I в.н.э. ознаменовалось приходом к власти на Боспоре новой царской династии, основанной выходцами из среды сильно эллинизированных сарматов. Ее представители, сменившие на престоле потомков Митридата Евпатора, внесли значительное оживление в жизнь этого крупнейшего государственного образования Северного Причерноморья. Особенно это отразилось на внешнеполитическом курсе державы: от укрепления и защиты своих рубежей

(как это было при Асандре) Аспург и его приемники приступили к планомерному подчинению своей власти всего Таврического полуострова. Главными противниками в их устремлениях являлись тавро - скифы, представлявшие основную

угрозу для западных рубежей Боспорского царства. На протяжении первых веков н.э. борьбе с ними уделялось особенное внимание.

К I в. до н.э. Крымская Скифия уже являлась той единой силой, каковой она предстала перед античным миром при Скилуре и Паллаке. Скорее всего, при Митридате VI она была разделена на несколько обособленных владений, которыми правили царьки из числа многочисленных "сыновей" Скилура, ставших вассалами Понтийской державы. Смерть Митридата дала им возможность получить независимость. Впоследствии, их политика шла, зачастую, вразрез и интересами царей Боспора. Одним из наиболее развитых районов Крымской Скифии, в том числе и в военно-политическом плане, являлся Северо-Западный Крым (далее в тексте СЗК), территория бывшей дальней хоры Херсонеса. Она, некогда, включала в себя земли от городища Кара-Тобе на юге, до Калос Лимена на севере. Анализу взаимоотношений ее скифского населения с Боспорским царством в первых вв н.э. и будет посвящен предлагаемый доклад.

Опираясь на данные археологии, получающие подтверждение в письменных источниках, можно условно выделить несколько этапов боспорского проникновения в Северо-Западную Таврику. Первый из них охватывает хронологический промежуток между концом первой - началом второй четверти I в. н.э. и связывается с деятельностью основателя династии - Аспурга. Известно, что к 23 г.н.э. он подчинил себе скифов и тавров (КБН 39,40). Следы военных действий этого времени прослеживаются в Центральном и Юго-Западном Крыму (Колтухов, 1990.С. 187, Пуздровский, 1992.С.129; он же, 1995. С.399) Кроме того, сейчас высказывается мнение, что в этот же период Аспургом были захвачены и некоторые пункты СЗК, среди них - Карра-Тобе (Внуков, 1994.С. 65; он же .1997; Павленков,1996.С.24) Разрушения этого периода фиксируются на Чайке (Попова, 1998). Не позднее начала второй четверти I в.н.э. гибнет часть зданий на территории Калос Лимена (Кутайсов, Уженцев, 1997.С.26, сл.). При этом следует оговориться, что данных, позволяющих связывать гибель вышеназванных городищ с действиями боспорской армии, "положившей конец сепаратистским устремлениям поздних скифов" (Павленков, 1996.С.24), явно недостаточно. Поэтому указанный этап может быть выделен пока только условно.

Борьба наследников Асандра за власть отвлекла основные силы Боспора и его союзников на решение внутренних проблем. За этим последовала активизация позднего скифского населения Центрального и Юго-Западного Крыма. Если протекторат Боспора

над СЗК и был установлен в начале столетия, то к этому периоду его население вновь приобретает независимость.

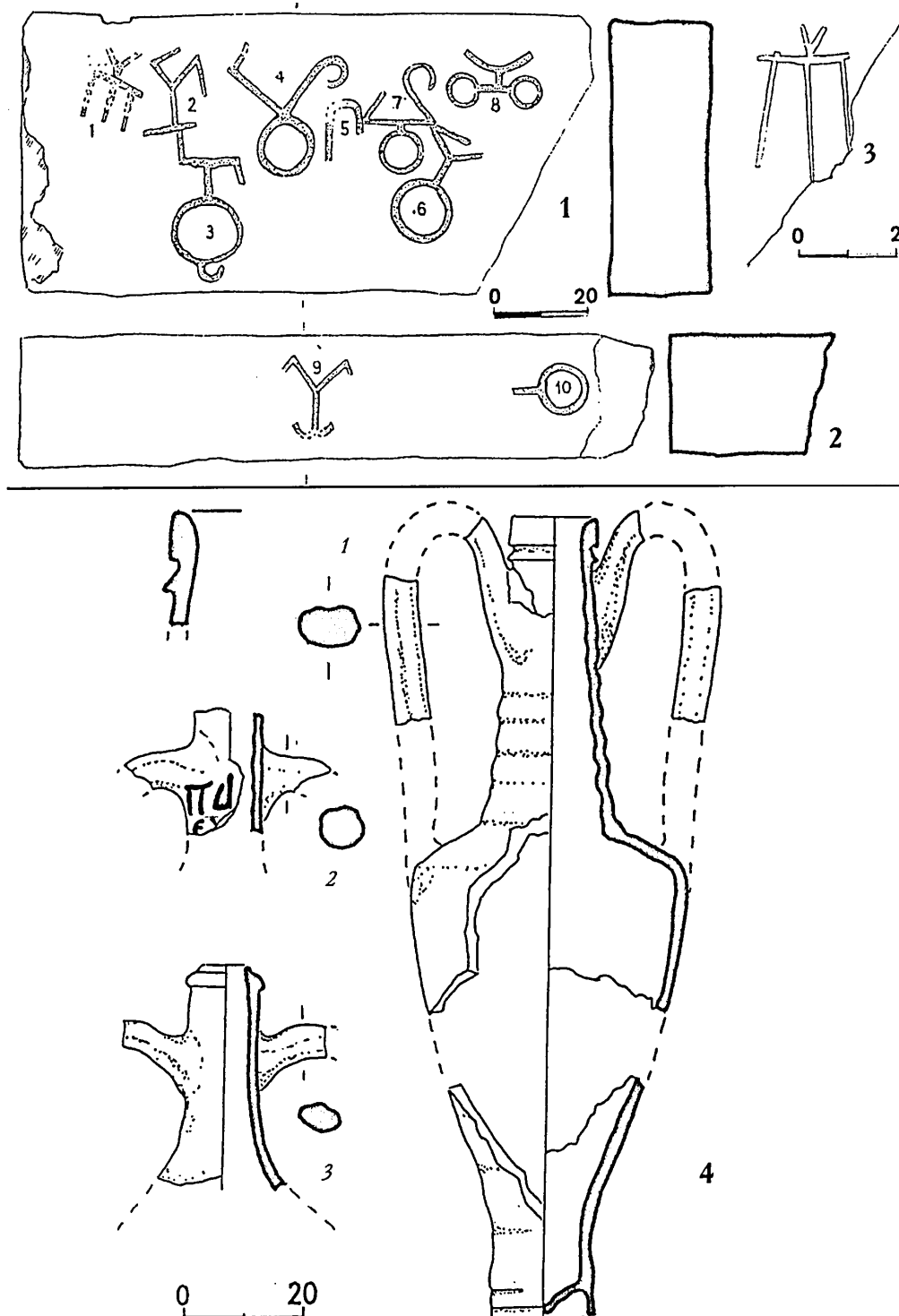
Следующий этап проникновения боспорцев на эту территорию можно проследить с конца I в.н.э. до первой трети II в.н.э., что совпадает с деятельностью царей Савромата I (93/94-123/124) и Котиса II (123/124-132/133). Одержанные ими победы, вновь поставили в зависимость от Боспора скифов Центрального и Юго-Западного Крыма (КБН 32,33,981). В культуре СЗК в это время проявляются сарматские черты. Обычно это связывают с деятельностью Боспора, ударную военную силу которого составляли как раз сарматские войны, входившие в аланский племенной союз.

Ко второй половине I - началу II вв.н.э. на ряде городищ зафиксировано появление так называемых "сарматских знаков". Они обнаружены на Кара-Тобе (Внуков, 1985.С.317, сл.Павленков, 1996.С.25, сл.) и Калос Лимене. Если в первом случае они были нанесены только на керамические сосуды, то на территории Прекрасной Гавани известно их изображение на камне. К настоящему моменту открыто не менее десятка тамг, вырезанных на лицевых плитах куртины у главного въезда в крепость. Обычно они интерпретируются как своего рода "домовая книга" и служат подтверждением тому, что представители сарматских родов в это время находились на территории Прекрасного Порта (рис.1;2). Действительно, все знаки находят ближайšie аналогии в пределах Боспора. Особый интерес вызывает один из них - тамга, повторяющая знаки его правителей (рис. 1;1)¹²⁶. Вероятно, при Савромате I или Котисе II в цитадели Калос Лимена была устроена база, с территории которой боспорские власти, действуя в ключе римской политики, осуществляли защиту не только близлежащего Херсонеса, но и Ольвии, где, как известно, при Адриане находились отряды боспорских воинов. Именно из Прекрасного Порта их могли перевозить в Ольвию на кораблях (Павленков, 1996.С.25). В зимнее же время, когда замерзал Каркинитский залив, двигавшиеся из Калос Лимена боспорские кавалеристы, могли благополучно достигать места дислокации "кратчайшим" путем - по льду. В таком случае, Прекрасная Порта играла крайне важную роль, став "связующим звеном" между Боспором и Ольвией. Вероятно, командование гарнизоном крепости.

¹²⁶ Некоторые отличия объясняются тем, что знак принадлежит родственнику одного из царей сарматской династии (аналогичный встречен и на стенке красноглиняной амфоры из раскопок Калос-Лимена 1948 г. рис.3).

Было поручено одному из доверенных лиц династов Боспора, может быть даже его ближайшему родственнику. Не исключено, что появление надгробий " боспорского типа" из СЗК (Шульц,1963;Дашевская,1990), а также плита с греческой надписью из Калос Лимена (Щеглов, 1967; Соломоник, 1974) могут быть соотнесены именно с этим эпизодом истории. Ведь, как показывают исследования поздних лет, материалы, традиционно датировавшиеся II-III вв.н.э. принадлежат, в действительности, к более раннему периоду- концу I - первой половине II вв. н.э.

В первой половине II в.н.э. СЗК был полностью оставлен позднескифским населением и надолго заброшен. Все попытки соотнести с эти временем установление власти Боспора над данной территорией (Павленков, 1996.С.25) вряд ли могут быть признаны удачными. На городищах и поселениях СЗК слои II-III вв.н.э. не фиксируются. Хронология комплекса городища Тарпанчи, по сути, единственного из известных нам, также может быть пересмотрена в сторону его удревнения. Границы же следующего, реально зафиксированного этапа " боспорского проникновения" в эту часть полуострова, определяются концом III- началом IV вв.н.э. Немногочисленные находки выявлены на Чайке и Калос Лимене. При этом культурные напластования крайне незначительности по мощности, а строительных остатков не фиксируется вовсе. На территории Прекрасной Гавани материал конца III в.н.э. обнаружен в засыпи траншеи "рва" перед стеной цитадели (рис.4). Любопытным, на наш взгляд является и то, что одна из тамг на камне у въезда в цитадель полностью идентична знаку Фофорса (286-309 гг.). Что перед нами: обычное совпадение или свидетельство того, что этот венценосный варвар контролировал, хотя бы временно, бывшую хору Херсонеса? Факты, которыми мы располагаем, как будто говорят в пользу последнего. Но все же, для подобных выводов данных явно недостаточно. Поэтому выделение третьего этапа следует считать пока гипотетичным.

- 1 - плита со знаками из внешнего панциря куртины у въезда в цитадель Калос Лимена;
 2 - плиточный блок из восточной куртины цитадели с сарматскими знаками;
 3 - тамга на стенке красноглиняной амфоры из раскопок 1948 г. у цитадели Калос Лимена;
 4 - материал III - начала IV вв. н.э. из засыпи "рва" у цитадели Калос Лимена

Н.В. ЗАХАРЕНКОВ

ГРУНТОВОЙ СКЛЕП I В. Н. Э. НА НЕКРОПОЛЕ ИЛУРАТА *

В 1993-1995 г.г. отряд Государственного Музея Истории Религии (г. Санкт-Петербург) продолжал работы на верхнем некрополе Илурата. В числе прочих разграбленных могил был доследован и грунтовой склеп, получивший порядковый № 143. Первая предварительная публикация вышла до завершения всех работ (Хршановский. 1997.С. 265-267) и оказалась неполной.

Склеп был обнаружен на северо-западном склоне балки и частично раскрыт современными грабителями в начале лета 1993 года.

В течение трёх последующих полевых сезонов был полностью раскрыт первый на территории верхнего некрополя Илурата грунтовой склеп. Были обнаружены три стены камеры склепа (частично северо-восточная, юго-западная и полностью юго-восточная): коридор длиной около 0,9 м, шириной 1-1,15 м и высотой до 1,9 м, подводящий к камере от входного проема; на пороге, отделяющем коридор от дромоса - заклад из небольших камней неправильной формы и щебня, перекрывавший входное отверстие; и собственно дромос, находящийся к юго-востоку от склепа.

Окончательные размеры прямоугольной в плане камеры: длина – около 3,4 м, ширина – 2,9 м, высота в сохранившейся части не менее 1,3-1,4 м (у стенок). Поскольку большая часть потолка камеры склепа разрушена грабителями и осыпалась, о его первоначальной высоте можно судить лишь по сохранившемуся в юго-восточной части камеры фрагменту свода. Положение северо-западной стенки определено предположительно. Во всяком случае, пол склепа прослеживается только на протяжении 3,0 м от сохранившейся юго-восточной стенки. К конструкции сооружения, возможно, имеют отношение и два камня, выявленных в северо-западной части склепа на уровне его пола, один из которых, представляет собой отёсанный подпрямоугольный блок размером 0,7 x 0,4 x 0,4 м. Обращают на себя внимание и округлые лунки диаметром до 0,1 м и глубиной 0,03...0,04 м. В центре они имеют пятно плотного светлого грунта толщиной до 0,01 м, окружённое

---

* Выражаю глубокую благодарность начальнику археологической экспедиции ГМИР В. А. Хршановскому, предоставившему мне материалы для публикации и всем участникам раскопок склепа №143.

песчаным заполнением, окаймлённым прослойкой тёмного грунта толщиной порядка 0,005 м.

На глубине около 1 м от современной дневной поверхности, в прирезке, на склоне балки по пятну мешаного грунта выявлены границы прямоугольного в плане дромоса длиной 2,6 м в верхней части и 1,9 м по полу, шириной 1,5-1,7 м (сужается к юго-востоку), высотой около 2 м. Горизонтальный земляной пол дромоса расположен на 0,05 - 0,15 м выше пола камеры; пол коридора выше пола дромоса на 0,2 м. В юго-восточной торцевой стенке имеются две округлые ступени шириной 0,25 м и 0,15 м во всю ширину дромоса с наклонными стенками высотой 0,35 м и 0,55 м соответственно.

В западном углу дромоса на высоте 1,55 м от его пола выявлена яма, возможно образованная древним грабительским лазом.

В дромосе, перед порогом, лежала хорошо обработанная известняковая плита размером 1,25 x 1,1 м, толщиной 0,15-0,25 м. Судя по всему первоначально она выполняла функцию закладной. Верхний (юго-западный) угол ее был отколот. На северо-западной части плиты во всю ширину входного проема была сложена одно-двухрядная стенка высотой 0,9 м и толщиной 0,35-0,85 м. Материалом для нее послужили грубо обколотые камни, обломков известняковых плиток и грунтом со щебнем. Высота этого вторичного заклада составляла приблизительно 1,2 м, что существенно меньше высоты (около 1,9 м).

В заполнении дромоса была обнаружена и зафиксирована частично разрушенная впускная могила, получившая порядковый № 155. Она расположена перпендикулярно оси дромоса на глубине 0,8-0,9 м от современной дневной поверхности (уровень определяемой верхней кромки стенок дромоса). Длина могилы – 1,45 м, ширина 0,6...0,65 м, глубина 0,45-0,5 м. При этом большая часть могилы в плане расположена в пределах дромоса, и лишь разрушенный (возможно, грабительским лазом) северный угол могилы находится вне его пределов.

Находки раскрашенных гипсовых налепов и чёткие параллельные следы двух (трёх?) деревянных гробов, выявленные на полу в виде следов древесного тлена, сразу же позволили приблизительно датировать сооружение началом н. э.

На полу камеры склепа в его западной и восточной частях находилось большое количество беспорядочно лежащих вещей. В западном углу склепа на глубине до 0,1 м под уровнем пола среди разрозненных человеческих костей находились железная пряжка,

краснолаковая тарелка с клеймом в виде ступни и тамгообразным знаком, небольшой (вотивный?) кружальный красноглиняный сосуд, несколько бусин, бронзовое кольцо, гипсовые налесты со следами красок и бронзовая монета, датируемая 80-70 гг. до н. э. (Понт. Пафлогония. Амис (?). Л.с. Голова Персея в шлеме вправо; О.с. Испорчена окисью. (определение А. М. Гилевич). В восточной части склепа на уровне пола находились фрагменты краснолаковой тарелки с тамгообразным орнаментом по венчику, обломки бронзовых и железных предметов, стеклянных изделий, в том числе фрагменты горла и ручки кувшина, бусины, гипсовые налесты, листья от погребального венка из золотой фольги.

Суммарно материал позволяет датировать сооружение и первоначальное использование земляного склепа I в. н. э.

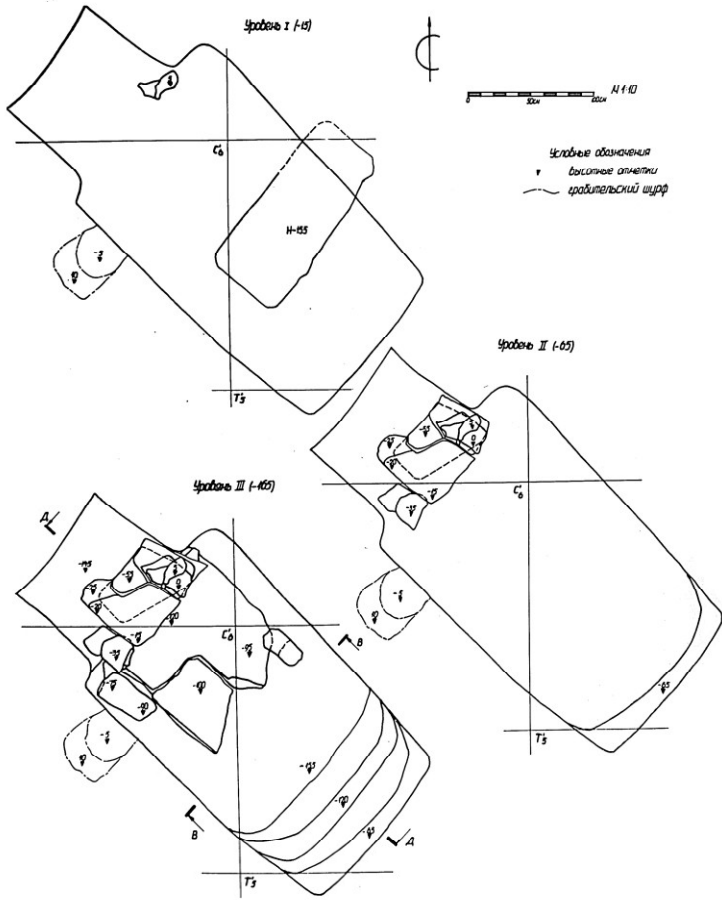
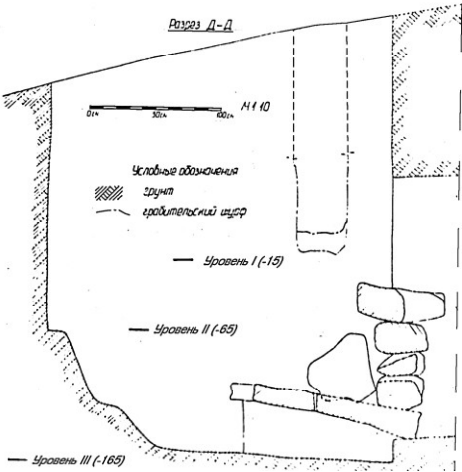
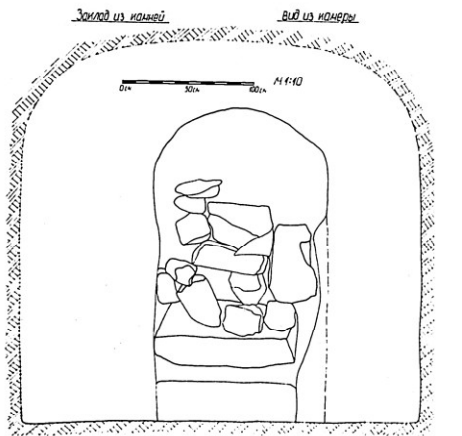
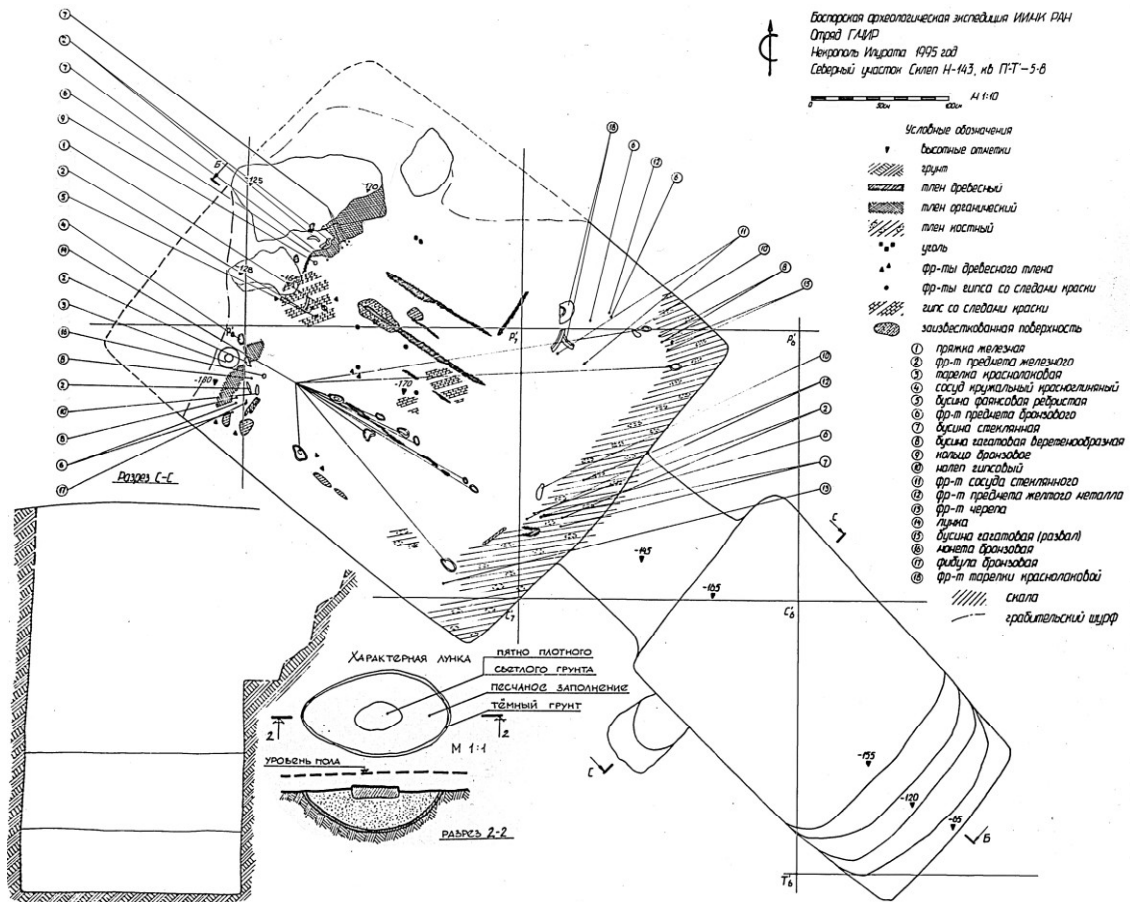
Находки в дромосе немногочисленны. Среди них развал лепного горшка, фрагмент буролакового сосуда с насечками, мельчайший обрывок золотой фольги, обломки железных мечей, кремьнь и фрагменты гипсовых налестов. Уточнить по ним датировку склепа не представляется возможным.

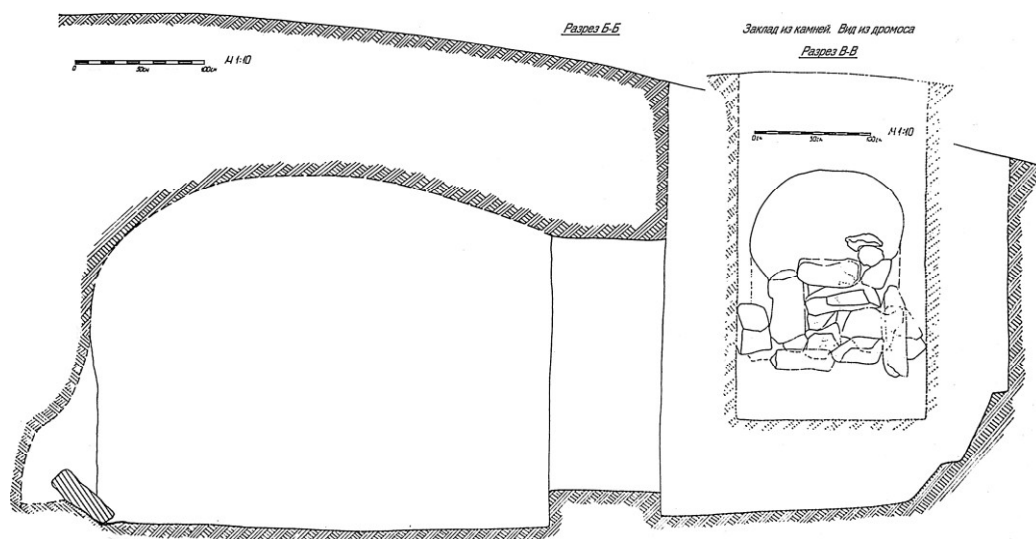
Среди находок в грунте заполнения впускной могилы – фрагментированное бронзовое кольцо с утраченной вставкой, фрагмент бронзового предмета со следами дерева, бусы. Ее расположение и датировка последних (I-II вв. н. э.) свидетельствуют о ее синхронности вторичному использованию склепа.

На полу камеры обнаружены фрагменты костей взрослого (30-35 лет) человека (или двоих, один из которых, вероятно, женщина) и новорожденного. Кости домашних и диких животных и птиц, преимущественно располагались в норах и кротовинах на высоте 1-1,5 м выше уровня пола, что ставит под сомнение их принадлежность к погребальному обряду.

Мелкие фрагменты человеческих костей, принадлежавших нескольким взрослым людям, возраст одного из которых – около 40 лет, и одному ребёнку в грунте заполнения дромоса возможно свидетельствуют о разграблении или/и вторичном его использовании. Палеозоологический материал, представленный в основном костями домашних животных и различных птиц, с гораздо большей степенью вероятности, нежели в камере, может быть связан с поминальной тризной.

В качестве аналогии, пусть и не прямой, рассматриваемому сооружению можно привести семейные склепы № 10/1 и 11/2 Крымского Приазовья (Масленников. 1997.С. 11 сл., 26).

В.Л. МЫЦ

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ НЕКРОПОЛЬ НА Г. АЙ-НИКОЛА

Горная Таврика в античной истории Крыма во многом до сих пор представляет собой «белое пятно». Поэтому открытие, изучение и интерпретация каждого памятника имеет важное значение для получения относительно полного представления о различных сторонах культуры племен, населявших юг полуострова в первые века н.э. В связи с этим особый интерес представляют материалы позднеантичного пещерного некрополя, исследования которого проводились в 1984 (В.Л. Мыц) и 1987 годах (С.М. Жук) на вершине г. Ай-Никола (в 1,5 км к северо-западу от Верхней Ореанды).

Пещера коррозионно-гравитационного происхождения, заложена по тектоническому разлому, пересекающему оторженец в направлении юго-запад-северо-восток. Полость представляет собой разветвленную систему узких трещинных ходов шириной 0,4 – 3,0 м. На различной высоте профиля они перекрыты крупноглыбовыми обвальными-обломочными отложениями. Общая протяженность исследованных ходов составляет около 110 м. При их прохождении удалось достичь глубины около 13 м. Вход в пещеру узкий, просветом не более 0,4 кв. м., переходит в лаз длиной 6 м. В труднодоступной, афотической части пещеры, обнаружены останки трех погребенных. Два костяка оказались сильно поврежденными упавшими каменными глыбами (погребения № 2, 3). Погребение № 1 располагалось в 18 м от входа, в самой низкой точке пройденного участка пещеры. В нише, образованной скальными глыбами, обнаружены останки молодой женщины в возрасте 18 – 25 лет (определение И.Д. Потехиной). Кости залежали в анатомическом

порядке. Погребенная ориентирована головой на юг (в сторону входа). Судя по размещению костяка, покойная была помещена в пещеру в скорченном положении. Ноги подогнуты. Одна рука согнута, кисть находилась в области живота. Другая рука вытянута вдоль туловища. Изначально останки не были засыпаны землей и только с течением времени они заплыли слежавшимся плотным грунтом. Около погребенной найдены фрагменты обуглившихся прутьев. Погребение № 2 – детское. Открыто в 4,5 м ближе ко входу, на глубине 11 м. В подстилающем погребение суглинке встречены древесные угли, а рядом найден скелет зайца-сеголетка. Аналогичную стратиграфическую картину представляло собой еще одно женское погребение (№ 3), также сопровождавшееся фаунистическими останками зайца.

Наличие подсыпки из углей под человеческими останками, возможно, свидетельствует о предварительном «очищении» огнем мест захоронений. Обнаруженные в непосредственной близости от них кости молодых зайцев, скорее всего, оказались здесь не случайно. Вероятно, необходимость сопровождать умерших тушками этих животных диктовалась нормами погребального обряда. Установить последовательность совершения погребений в пещере практически невозможно из-за отсутствия в ней четко выраженного культурного слоя. Можно лишь предположить, что первое захоронение произведено в дальней части пещерной полости, а последующие – на более близких ко входу участках скального разлома. Ввиду того, что инвентаря при погребенных не отмечено, их датировка в значительной степени затруднена.

Археологический материал обнаружен в другой, юго-западной, части пещеры. Здесь, в небольшом зале, найдены обломки 14 – 15 керамических сосудов, лежавших на глыбах известняка и в щелях между ними. У входа в зал на камне стояла лепная чашка. Тут же располагались фрагменты небольшого сероглиняного кувшина и множество обугленных деревянных прутьев от факелов, с которыми проникали в пещеру. Наибольшее скопление фрагментов керамических сосудов зафиксировано в нижней части зала, где найдены обломки коричневоглиняной, красноглиняной и светлоглиняной амфор, трех кувшинов с одинарными петлевидными ручками, двух красноглиняных кувшинов. Особое значение для определения времени всего керамического комплекса представляют обломки светлоглиняных амфор и кувшинов с петлевидными ручками. Светлоглиняные амфоры, обнаруженные в пещере (по классификации Д.Б. Шелова (1978), А.П. Абрамова (1993) и др.), относятся к типу «D» и датируются концом II – первой половиной

III в. н.э. Из трех кувшинов два удалось реконструировать почти полностью. Близкие по форме сосуды происходят из раскопок Афинской Агоры, где они датируются первой половиной II – началом III в. н.э. Как в Крыму, так и на других памятниках Северного Причерноморья, сосуды подобных форм встречаются относительно редко (Ольвия, Херсонес, Танаис и др.) и изготовлялись, вероятнее всего, на о. Самос. Таким образом, собранный в пещере керамический материал, с достаточной долей вероятности, можно отнести к концу II – первой половине III в.н.э.

Пещерные захоронения, как историко-культурное явление, сами по себе интересны и до настоящего времени малоизученны. В Крыму они известны еще с первой четверти XIX в. Это Туакская пещера, Бин-Баш-Коба, Сюндюрлю-Коба, Змеиная близ Симферополя. К настоящему времени большинство этих памятников почти полностью разграблены, а некоторые до сих пор не исследованы. Работы последних десятилетий показали, что пещерные некрополи возникли во II – III вв. н.э. (Глазастая в верховьях р. Бай-Су на Караби-Яйле, Албатская в скальном обрыве г. Курушлюк у пос. Куйбышево). Часть этих памятников (Бин-Баш-Коба, Туакская, Глазастая) расположена в непосредственной близости от обширных пастбищ яйлы и, скорее всего, эти пещеры служили «сезонными» (летними) некрополями родовых кланов пастухов, занимавшихся отгонным скотоводством (в Глазастой обнаружено 40 погребений). В значительной степени отличаются и образуют особую группу пещеры Змеиная и на г. Ай-Никола (вероятно, и Кизил-Коба). Оба эти объекта представляют узкие тектонические трещины, в глубине которых найдено по несколько человеческих костяков. Расположены они в районах, пригодных для круглогодичной хозяйственной деятельности. Использование этих расселин в скалах связано, скорее всего, с чисто сакральной сферой жизни населения горной Таврики первых веков н.э.

В. М. ЗУБАРЬ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА НА БОСПОРЕ

Если особое место в появлении и распространении христианства в Северном Причерноморье, которое занимал Херсонес или средневековый Херсон общепризнанно, то относительно других территорий региона данных очень мало и они большей частью отрывочны, так как нарративные и археологические источники либо отсутствуют вообще, либо крайне отрывочны и

недостовверны.¹²⁷ Вследствие этого в реконструкции сложных вопросов идеологической жизни в позднеантичный период приобретают археологические источники. Сказанное в полной мере касается территории Боспорского царства, где уже давно известны самые ранние в Северном Причерноморье надгробия, принадлежавшие христианам.

Нельзя сказать, что вопросам проникновения и утверждения христианства не уделялось внимания. Однако, как это ни парадоксально, за исключением одной главы неопубликованной диссертации П. Д. Диатроптова,¹²⁸ а также его совместной работы с И. А. Емцем,¹²⁹ которая посвящена раннехристианским надписям Боспора, специальные работы по этому вопросу немногочисленны и написаны давно. Проблемы времени появления и распространения христианства на Боспоре, конечно, затрагивались в работах

---

¹²⁷ Атрибуция восточной стены здания с небольшой апсидой, раскопанной в Тире, в качестве раннехристианской базилики V - VII вв. представляется излишне смелой (Самойлова Т. Л., Росохацкий А. А. К вопросу о распространении христианства в Северо-Западном Причерноморье // Матеріали II - ї Миколаївської обласної краєзнавчої конференції "Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження". - Миколаїв, 1997. - Т. I. - С. 32.). Против такой атрибуции свидетельствует то, что, во-первых, раскопана лишь северная стена здания, что методически не позволяет не только датировать, но и интерпретировать весь строительный комплекс. Во-вторых, в Тире до настоящего времени не известны какие-либо археологические материалы указанного времени (Мезенцева Г. Г., Иваненко И. А. Открытия в Белгород-Днестровском // АО за 1978 г. - М., 1979. - С. 369 - 370; Кравченко А. А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII - XIV вв.). - К., 1986. - С. 3), что уже само по себе делает предложенную датировку весьма проблематичной. И, наконец, в третьих, использование раствора цемянки в кладке делает вполне правомерным отнесение этой стены, как и всей еще не раскопанной постройки, к первым векам н. э. Наличие небольшой апсиды в сугубо предположительном плане позволяет интерпретировать обнаруженный памятник не в качестве христианского храма, а как принципию римской векилляции Тире. Принципии обычно располагались в центре римского военного лагеря. Они являлись административным и религиозным центром всякого римского укрепления и, судя по кастилям Фельдберга, Каперсбурга, Нидеробибера, Честера, Ламбесиса и других, при их сооружении строились выступающие наружу небольшие апсиды, где могли, вероятно, устанавливаться статуи почитавшихся в данном лагере божеств (Jonson A. Römische Kastelle. - Mainz am Rhein, 1990. - S. 135; Abb. 87; S. 141, Abb. 92; S. 151, Abb. 99; Vinogradov J.G. Zubar V. M. Die Schola Principalium in Chersonesos // Il mar Nero. - 1995/1996. - II. - S. 143, Abb. 2.). Аналогичные апсиды известны и в термах римских военных лагерей, как, например, в кастилях Корбридж и Заальбург (Jonson A. Römische Kastelle. - S. 242, Abb. 169.).

¹²⁸ Диатроптов П. Д. Распространение христианства в Северном Причерноморье. - Автореф. ... кан. ист. наук. - М., 1988. - 16 с.

¹²⁹ Диатроптов П. Д., Емец И. А. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. - 1995. - 2. - С. 7 - 40.

отечественных и зарубежных исследователей. Но это не может полностью исчерпать проблемы. Поэтому, как представляется, назрела настоятельная необходимость вновь обратиться к этой теме, проанализировать имеющиеся источники и предпринять попытку наметить основные тенденции, связанные с появлением и распространением христианской религии на территории Боспорского царства.

Традиционно считается, что наличию подписи боспорского епископа под деяниями Никейского собора 325 г. говорит в пользу вывода о появлении христианской общины здесь задолго до упомянутого собора. Не оспаривая самого факта присутствия боспорского епископа в Никее, следует указать, что в греческих списках отцов Никейского собора имя этого епископа пишется различно (Cadmos, Cathmus, Cathirius, Cadamnus, Cadmus, Marcus), а в синайском и арабском он назван Домном. Причем, два последних списка были составлены в VII - VIII вв., значительно позднее собора, поэтому полной уверенности в том, что боспорский епископ действительно был на Никейском соборе сейчас нет. Ведь упоминание херсонесского епископа Филиппа в числе отцов Никейского собора в одной греческой и арабской версиях списка давно признано "позднейшим местным благочестивым измышлением".

Попутно следует обратить внимание на замечание Н. Н. Болгова о том, что в IV в. в Таврике существовали Херсонская, Боспорская и Готская епархии.¹³⁰ Если существование первых двух может быть безусловно связано с Крымом, то относительно Готской епархии уже давно убедительно доказано, что епископ Феофил, подпись которого есть среди участников Никейского собора, представлял на нем одну из областей, расположенных на Дунае.

К V в. относится сообщение Гермия Созомена об участии боспорского епископа в работе церковного собора в Никомедии в 344 г. Но его нельзя связывать с Боспором Киммерийским. Сообщение Феодорита, бывшего в V в. епископом сирийского города Кира, о наличии на Боспоре епископской кафедры не может считаться достоверным, так как контекст этого сообщения свидетельствует о том, что в данном случае имелся ввиду Боспор Фракийский. Этими сведениями собственно и заканчивается письменная традиция о начальном этапе проникновения христианства на Боспор. Причем, целый ряд эпиграфических

---

¹⁶² Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV - VI вв.). - Белгород, 1996. - С. 105.

памятников и археологических материалов в значительной мере дополняют письменные источники и именно на этой основе в настоящее время можно более полно охарактеризовать процесс проникновения и особенности распространения христианской идеологии на Боспоре.

На основании имеющихся данных можно констатировать, что христианство как новое религиозное течение проникает на Боспор не ранее начала IV в., так как именно к этому времени относится наиболее раннее христианское надгробие Евтропия, датированное 304 г. В отличие от сердоликовой вставки с изображением креста и рыб из погребения некрополя у дер. Ново-Отрадное, в данном случае можно уверенно говорить о том, что, вне всякого сомнения, погребенный был адептом нового вероучения. Однако в IV в. христиан на Боспоре было немного, о чем в частности свидетельствует незначительное количество христианских надгробий этого времени и отсутствие специальных культовых сооружений. Не исключено, что ранние христиане в IV в. отправляли культ в погребальной камере и дромосе Царского кургана, а также на территории некрополя Илурата. Удаленность этих мест от столицы, где была сосредоточена общественная жизнь того времени, видимо, лучше всего свидетельствует о том, что применительно к этому времени нельзя говорить о наличии здесь сколько-нибудь значительной в количественном отношении христианской общины. Даже, если боспорский епископ и присутствовал на Никейском соборе в 325 г., что, впрочем, сейчас доказать или опровергнуть невозможно, этот факт не может рассматриваться в качестве показателя широкой христианизации населения.

В V в., особенно во второй половине этого столетия, положение меняется. В это время в некрополе Пантикапея появляются грунтовые склепы, стены которых украшаются крестами и текстами псалмов, а в официальных эпитафических памятниках боспорского царя Тиберия Юлия Дуптуна присутствует изображение христианского символа. К этому же времени, вероятно, относятся и некоторые памятники с христианской символикой, которые по крайней мере частично могли происходить из ограбленных христианских погребений. Причем, следует особо подчеркнуть, что, судя по имеющимся материалам, христианство принимали здесь в первую очередь представители правящих слоев общества, в то время как основная масса населения оставалась еще языческой. В тоже время надгробие Евсевия 436/437 г., названного в эпитафии диаконом, свидетельствует о наличии в Пантикапее

определенной церковной организации, епископ которой Евдоксий, возглавлявший кафедру, участвовал в трех церковных соборах - Константинопольских (448, 459 гг.) и Эфесском (449 г.). Видимо, укрепление церковной организации и расширение круга ее адептов, благодаря в частности, видимо, активной деятельности епископа Евдоксия, привело к тому, что христианские эпитафии унифицируются и в них уже отсутствуют формулы, характерные для античных надгробий. А на надгробии Арсака прямо указано, что он был христианином. Не исключено, что упоминание в эпитафии вероисповедания свидетельствует о желании подчеркнуть этот факт, так как, судя по пантикапейскому некрополю, здесь захоронения еще совершались в массе своей по языческому обряду.

Дальнейшему распространению христианства, видимо, способствовала провизантийская ориентация боспорских правителей в конце V в. и активизация политики Византии в Северном Причерноморье. В 519 г. в Фанагории уже существовала епископская кафедра, глава которой Иоанн поставил свою подпись под деяниями Константинопольского собора. Но до полной победы христианства было еще далеко. Ведь политика христианизации, которую в начале VI в. проводил царевич Горд или Грод натолкнулась на ожесточенное сопротивление гуннских жрецов. А это в свою очередь свидетельствует, что даже в начале VI в. христианство не было абсолютно доминирующей религией и в среде населения, судя по археологическому материалу, были еще сильны языческие верования, связанные с традициями предшествующей эпохи. Но активное вмешательство византийской администрации в боспорские дела в период правления Юстиниана I, когда Боспор вошел в состав Византии, привело к началу храмового строительства в Пантикапее, Тиритаке и на территории Ильичевского городища, где вплоть до тюркского разгрома 576 г. находился гарнизон, солдаты которого являлись федератами империи, а также, видимо, в других местах современного Таманского полуострова. К этому же времени, вероятно, относится подавляющее большинство христианских надгробий, известных в настоящее время, вещи с христианской символикой, а также сведения о нескольких епископских кафедрах на азиатской стороне Боспора.

На основании всего изложенного можно заключить, что решающий шаг к широкой христианизации населения был сделан только после укрепления на Боспоре византийского влияния и укрепления позиций империи в этом районе в период правления Юстиниана I. Ведь именно в это время Боспор был включен в состав

империи и в его населенных пунктах было начато церковное строительство. Но и позднее средневековый город Боспор сохранил функции крупного религиозного центра. В Псевдоепифаниевой нотиции епископов, составленной к 80-м гг. VII в., он занимал 25 место и упоминался сразу после Херсона, а в конце VII - начале IX вв. на Боспоре существовал храм св. Апостолов, где хранились христианские святыни и отправлялась служба.

Таким образом, в длительном процессе христианизации населения Боспора прослеживаются те же тенденции, что и в Херсонесе, а также Юго-Западном Крыму, где распространение и упрочение новой религии было тесно связано с целенаправленной церковной политикой Византии именно в VI в. Но, в отличие от Херсонеса и Боспора, населением Юго-Западного Крыма только в первой половине VI в. начали использоваться пряжки с христианской символикой, а христианские надгробия над могилами появляются только со второй половины VII в. Это позволяет говорить о том, что христианская идеология проникала в первую очередь в крупные позднеантичные городские центры Крыма, а уж затем к гетерогенному населению, тесно связанному с ними и находившемуся в орбите политики Византии.

В.Ю. ЮРОЧКИН

БОСПОР И ПРАВОСЛАВНОЕ НАЧАЛО У ГОТОВ

Не погрешу против истины, если скажу – подлинное открытие позднего этапа истории Боспора начинается только сейчас. Именно “открытие”, ибо древности IV-VI вв. уже давно известны науке, но долгое время исследователи не придавали им столь серьезного значения, какого они заслуживают. Мы еще до конца не оценили ни своеобразия этого островка антично-варварской культуры, ни его роли в истории народов Европы на рубеже римской эпохи и раннего средневековья. А ведь именно тут находятся истоки многих явлений, с полной силой проявившихся в период крушения Римской империи и становления германских королевств Европы. Если еще недавно черты позднего Боспора виделись “как бы сквозь тусклое стекло”, то теперь, благодаря исследованиям и разработкам современных исследователей (Н.Н. Болгова, Ю.Г. Виноградова., И.П.Засецкой, В.М. Зубаря, А.А Масленникова, А.В. Сазанова, Н.А. Фроловой и др.), все четче проступают его осязаемые контуры, отражающие, “как в зеркале”, процессы этого, во многом еще непознанного, периода. Сейчас, накануне великого двухтысячелетнего юбилея Рождества, еще сильнее проявляется интерес к христианским

началам народов окраин Империи, и готов в том числе. А их, как известно, позднеантичная и средневековая традиция прочно связывает с Боспором.

“*Provinciae Gothiae Theophilus Gotiae metropolis*” в такой формуле дошло до нас имя первого предстоятеля Готской церкви, упомянутое в списке Отцов I Вселенского Собора 325 г. Подпись Феофила, поставленная рядом с именем и саном Боспорского иерарха, включает перечень составителей Никейского Символа. Казалось бы, сам документ утверждает некую связь, духовную и территориальную, между двумя этими епархиями, посланники которых выступили в защиту Православия. Но далеко не все историки однозначно оценили это обстоятельство. Разногласие возникло по поводу довольно существенному: к каким готам, западным (дунайским) или же к восточным, следует относить деятельность этого архиерея. Так В.Н. Беликов, Ф.А. Брун, А.А. Васильев, архиепископ Макарий и др. сочли его архипастырем вестготов, предшественником лжеепископа Ульфила, помещая паству Феофила в пределы “Скифской епархии” с центром в Томи. В то же время Е.Е. Голубинский, Р. Лева, Дж. Манси, И.С. Пиоро, В. Томашек, Л. Шмидт, С.П. Шестаков не сомневались в причастности деятельности Феофила к готам восточным, а А. Гарнак и В.Г. Васильев колебались в своих суждениях относительно данного противоречия.

Принимая во внимание, что большинство работ по этому поводу довольно старые, нетрудно догадаться, что авторы в своих построениях проявляли, естественно, повышенный интерес к западной ветви готского племени, о судьбах которой сохранилась гораздо более весомая письменная традиция, нежели об остготах. Теперь же, после открытия и многолетнего изучения памятников черняховской культуры (отношение которой к восточным германцам сейчас особых возражений не вызывает), появилась надежда взглянуть по-новому на историю Готии, в частности, на проблему христианского начала среди ее жителей.

Противопоставление “западной” и “восточной” локализации митрополии Феофила мне представляется несколько надуманным и не столь уж необходимым. Для уяснения этого вопроса стоит представить те условия, которые сложились в Церкви в “эпоху готских походов” 2 пол. III в. по Р.Х. и предшествовали Никейскому Собору. Основу к тому дают свидетельства “Церковных историй” Созомена и Филосторгия. Оба автора сходятся в том, что начала Спасительного Учения пришли к готам через пленников из провинций Южного побережья Понта (Азии) и в частности из

Каппадокии / Sosom. Hist. eccl. II,6; Philostorg. Hist. eccl. II,5/ . То были христиане, а в их числе, священники, плененные во время морских походов варваров и поселившиеся среди них. От себя добавлю: не исключено, что часть “малоазийцев” могла уйти с варварами вполне добровольно, предпочтя остаток дней провести среди инородцев, ибо еще свежи в памяти были гонения Траяна Деция. Возможно, на “лояльном” отношении христиан к варварам сказалась и их победа над нечестивым императором, которая привела его к гибели. “Оправдательными” кажутся и слухи, дошедшие до св. Григория, епископа Неокесарийского, будто “варвары, вторгшиеся в наши пределы, не жертвуют идолам”. Рефреном звучат и слова Сальвиана о римлянах, которые предпочли “терпеть среди варваров чуждый им образ жизни, чем среди римлян жестокою несправедливостью... и не жалеют о том, что переселились, ибо предпочитают считаться пленниками, но быть свободными, чем быть пленниками, считаясь свободными”. К тому же, многих из них в неведомые земли вела жажда сопричастности апостольской проповеди и обращения язычников.

Кстати, оба наиболее значимых похода в Каппадокию 264 и 275 гг. были предприняты с побережья Меотиды, т.е. наверняка через Боспор, между жителями которого и “меотийцами”, по крайней мере, с середины столетия существовал своеобразный альянс. Говоря о варварах с Меотиды, нельзя не вспомнить загадочных герулов, с которыми, кажется, связаны происхождением германцы позднего Боспора.

Теперь взглянем на проблему христиан, вынужденных или добровольных переселенцев, с другой стороны. Коллизии 2 пол. III в. должны были создать и действительно создали немалую проблему в Церкви. Ведь в это время важнейшие вопросы духовной, а подчас и повседневной жизни мог разрешить только правящий епископ того округа, к которому принадлежал христианин. Потому каждый, отправляясь за пределы своей епархии, должен был позаботиться о получении от своего архиерея особых разрешительных грамот (*patiticae*), что нашло отражение в Правилах Апостольских / 15,16 / и установлениях Вселенских Соборов. Но все, что можно было без особого труда разрешить в пределах единой Империи, стало непреодолимым препятствием в нормальном церковном общении в условиях войн и сумятицы 2 половины III столетия. А разрыв такой духовной связи, пусть даже вынужденный, по тем временам был равносильен чуть ли не отпадению от Тела Христова – Вселенской Церкви. Заботу о своих духовных чадах проявлял епископ Неокесарийский Григорий (ск. ок. 270 г.), а наместник Римского

престола Дионисий (259-270 гг.) даже посылал к варварам доверенных лиц, снабжая их деньгами для выкупа тех христиан, которые тяготились пребыванием среди язычников.

Думаю, не покажется фантастичным предположение, что хотя бы часть старых высокопробных римских денариев, столь ценимых варварами (в виде кладов находимых на черняховских землях), как раз и являлась “выкупными”, взятыми из церковной казны.

Трудно сказать, сколь далеко вглубь Готии судьба могла занести пленённых. В походах участвовали выходцы из самых различных племен и образований, уводя с собой жителей как малоазийских, так и дунайских провинций. Ясно, что в таком случае пленённые должны были расселиться как среди ост-, так и среди вестготов. Но и у тех, и других проблема нарушения церковного общения была одна. Очевидно, уже в скором времени здесь возникли христианские общины, составленные, в первую очередь, из пленников-христиан. А уж затем к ним присоединились и новообращенные варвары.

В какой-то мере этапы такого процесса позволяет уяснить рассказ Захария Ритора, относящийся хотя и к более позднему времени (VI в.), но повествующий о событиях, протекавших в сходных условиях. Армянские епископы и их сподвижники прибыли в землю гуннов, намереваясь восстановить общение с пленными христианами. Отыскав их, они совершали Святые Таинства, рукополагали священников. Проведя здесь 14 лет, они крестили множество язычников, даже успели перевести на их язык Святое Евангелие и построить церковь./ Zach. Rhetor. XII /.

К числу таких подвижников, отправившихся в Готию в поисках единоверцев, мог принадлежать и Евтих, упоминаемый св. Василием Великим. В свое время Э.А. Сымонович сделал важное открытие, объяснив распространение на черняховских землях безынварных ингумационных захоронений с западной ориентацией проявлением начатков христианства. Зоны распределения таковых /Никитина.1985/, указывают на существование центров христианства и в Северо-Западном Причерноморье, и в Поднепровье, т.е. как на вестготских, так и остготских территориях.

Вероятно, ко времени Вселенского Собора такие общины были уже довольно многочисленны, об этом знал и св. Афанасий Великий, помещая готов в перечне народов, которых достигла проповедь Слова. В то же время стабилизация обстановки, наступившая после завершения “готских” походов, способствовала налаживанию связей между доселе разрозненными общинами и

Вселенской Церковью в целом. В тех условиях стало первостепенной задачей объединение их под властью законного иерарха, способного руководить их духовной жизнью. Этим стремлением и объясняется создание митрополии Готов, притом именно митрополии, а не епископии. Митрополия должна была покрыть территорию всей Готии (границ которой, конечно, не представлял никто) с многочисленными общинами, главы которых, надо полагать, были рукоположены в епископский сан. Среди них, вероятно, был и Макарий, наставлявший в вере св. Никиту Готского. Проще говоря, “митрополия Готов” изначально сложилась *de facto*, а лишь затем, ко времени Никейского Собора, или чуть ранее, “оформлена” *de jure*. При том она изначально создавалась как “епархия пленников-христиан и их потомков”, а лишь затем к ней присоединились крещеные германцы. Из практики Древней Церкви известно, что, как правило, существовало бесчисленное множество епископий в пределах одного города и даже селения. В то время “власть митрополита понималась так: его высшему надзору принадлежал более или менее обширный церковный округ, более или менее определенный, заключающий часто сотни (! - В.Ю.) епископий и епископских округов”, писал известный историк Церкви А.П. Лебедев. Митрополия Готии как нельзя лучше подпадает под это определение. Естественным кажется вывод, что она охватывала православную паству и вест - и остготов. На мой взгляд, этим и снимается возникшее в науке противоречие относительно границ митрополии Феофила, происходившего, судя по имени, из греков, может, даже боспорских.

Где же в таком случае стоит помещать резиденцию первого православного предстоятеля Готской церкви? Вряд ли на территории Империи – государства традиционно враждебного варварам. Уместней искать его в “нейтральной”, так сказать, в “контактной зоне”. Притом, это место должно отвечать ряду необходимых требований: иметь достаточно глубокие христианские традиции, не находиться в явном противостоянии варварскому миру, и в то же время, не быть слишком удаленным от него, а кроме того, и от важнейших путей сообщения, ведущих как в Великую Готию, так и в центры других епархий. Отсутствие таковых сделало бы затруднительным, а то и просто невозможным общение в рамках Вселенской Церкви. Думаю, Боспор наилучшим образом подходил для этой миссии. Христианские традиции здесь удастся проследить, по крайней мере, со II в. по Р.Х. / Арсеньева. 1963; Толстикова. 1998; Хршановский. 1994 /. Именно отсюда начинались старые торговые

пути на север, к варварам, с которыми существовали хотя и сложные, но все же более тесные отношения.

Теперь трудно сказать, сколь долго просуществовала единая митрополия готов. Вряд ли она пережила эпоху Константина Великого (ск. В 337 г.). После его кончины Церковь захлестнула арианская ересь, нанеся большой урон Православию, но одновременно, заставившая сплотиться последователей Никейского Символа. Во всяком случае, ревностный арианин Ульфилла был рукоположен в сан епископа, а не митрополита Готии и не имел пребывания в Крыму. На этом фоне вовсе странными кажутся утверждения об изначальном арианстве крымских готов /Айбабин. 1990. 68; Лавров.1996; Катунин. 1995 /.

Судьба православной епархии готов вплоть до конца IV в. фактически остается “белым пятном”. Если высказанное здесь предположение о местоположении кафедры Феофила в пределах Боспора верно, то в любом случае, надо думать, здесь и после него сохранялась, пусть и небольшая, но православная община, состоявшая из потомков членов клира и ближайших сподвижников митрополита. Если во второй половине III в. на Керченском полуострове германцы вряд ли имели места компактного расселения, то с конца III- начала IV вв., оставшихся “не у дел” потомков меотийских варваров (и прежде всего, герулов) используют боспорские правители в войнах с Херсонесом за передел сфер влияния в Таврике / Юрочкин. 1999. С.280. /. После ряда неудач в войнах с Херсонесом при Константине I территория, подконтрольная Боспору, сильно сокращается, а новая граница проходит по Узунларскому валу (Const. Porph. De adm. Imp.) / см. тез. Ланцова и Голенко /. Как сейчас представляется, для контроля над пограничной территорией, были привлечены остатки “воинства Меотиды”, а среди них - и загадочные герулы, тогда еще язычники. Основанием к этому предположению служит найденная у стен цитадели (возведенной как раз в IV в.) на г. Опук стела с руническими знаками. Напомним, что руническое erilaR - “мастер рунического письма”, сопоставимо с именем участников морских походов - “меотийских” герулов-эрулов / см. Голенко, Юрочкин и др.1999. Вып.2/. К проникновению герулов в Восточную Таврику подтолкнул и разгром “меотийской вольницы” Германарихом около сер. IV ст. Именно к этому периоду относится большинство бесспорных черняховских предметов с территории Боспора / Сымонович. 1975; Кропоткин. 1978 /. Существование на Боспоре общины православных германцев, наверняка, облегчило усвоение язычниками-герулами Святого Евангелия, и к концу IV в. мы уже

располагаем неопровержимым доказательством наличия у них особой епископии. О том недвусмысленно пишет св. Иоанн Златоуст в своем послании к диаконессе Олимпиаде, вспоминая, как в период своего патриаршества (398-404 гг.) рукоположил им епископа Унилу, ныне безвременно умершего, вследствие чего, предводитель готы просит послать нового архиерея. Судя по всему, церковное общение между православными германцами Боспора и частью готы, не увлеченных Ульфилой, сохранялось и после переселения последних в Империю. Если Феофил, скорее всего, грек по происхождению, то к временам Златоуста в пределах готы-боспорской епархии сложились уже свои “национальные кадры” – германцы “по крови” и православные по исповеданию, среди них “достойный удивления епископ Унила” и диакон Мадуарий.

В качестве предположения выскажем и такую версию: вероятно, что именно потомков этих православных германцев (герулов?) мы знаем позднее под двойным именем готы-трапезитов, при том, что название “готы” укоренилось за ними после включения их в паству Готской православной епархии. В то время как трапезиты – прозвище, данное по месту центра их главной военной базы на г. Опук, которую можно отождествить с Трапезусом, упоминаемым Иорданом и Равеннским Анонимом.

Изложенное выше показывает, что Боспор в III- IV вв. по Р.Х. оставался для варварского мира важным центром, мостом, соединяющим их с цивилизованным миром, источником Православия и культурных влияний.

С.В. КАШАЕВ, Н.В. КАШОВСКАЯ

ДВЕ НАДГРОБНЫЕ ПЛИТЫ ИЗ СТАНИЦЫ ВЫШЕСТЕБЛИЕВСКОЙ БЛИЗ ТАМАНИ

Летом 1999 года Боспорской экспедицией ИИМК РАН были проведены разведки на территории археологического памятника Вышестеблиевская-11, на окраине станицы Вышестеблиевской, в пятидесяти км к юго-востоку от Фанагорийского городища и 30 км от станицы Тамань. Памятник представляет собой сельское поселение площадью около 20 Га, расположенное вдоль берега Кизилташского лимана. В наиболее возвышенной части поселения находится земляная крепость римского времени. Подъемный материал с территории поселения принадлежит самым разнообразным эпохам и датируется широкими рамками: V в. до н.э. - XV в. н.э.

К разведкам экспедиции проявили интерес местные жетели. Они сообщили о земляных работах, относительно, недавно проводившихся, на поселении, а именно на насыпях земляной крепости. Рабочие извлекали из земли старые трубы для повторного использования, оставшиеся от военной части. Во время этих работ было обнаружено несколько древних плит, одна из них (рис.1а) попала в музей местной Вышестеблиевской школы, где и была нами позднее сфотографирована.

По словам тех же местных жителей в шестидесятые годы значительная территория поселения пострадала в результате строительства на его месте большой военной части. В ходе строительства, военным часто попадались древние камни с орнаментами. Большинство этих плит были заложены в фундаменты построек и залиты цементом.

Житель станицы Вышестеблиевской, Чуб Сергей Алексеевич, указал место обнаружения плиты, хранящейся в школе. В результате обследования этого участка сотрудниками экспедиции, была обнаружена вторая, из представленных нами плит (рис. 1б).

Благодарим всех, местных жителей, не оставшихся равнодушными к историческим памятникам своего края и оказавшим помощь сотрудникам экспедиции.

Найденные плиты являются надгробными памятниками. Первое надгробие (рис.1а) выполнено из плотного известняка, имеет хорошо обработанные поверхности и представляет собой стелу, нижняя часть которой вставлялась в другую горизонтально лежавшую плиту. Прямоугольная стела имеет максимальную высоту 62 см, ширину 30-32 см и толщину около 10 см. Верхняя грань архитектурно оформлена в виде “короны”, с тремя вершинами, левая вершина ныне утрачена. Лицевая сторона орнаментирована вырезанными в камне изображениями. В центре расположен семисвечник (менора), справа и ниже от него - две стилизованные пальмовые ветви (лулавы), слева от семисвечника символически изображен трубный рог (шофар). У основания меноры просматривается сильно поврежденное сколами изображение, не поддающееся описанию. Скорее всего это деталь основания семисвечника, известная по многочисленным аналогиям. Вся орнаментальная композиция помещена в вырезанную по краю камня прямоугольную рамку. Декоративное оформление оборотной стороны составляет такая же рамка, с той лишь разницей, что она повторяет контуры камня, в ней заметны остатки краски цвета охры.

Второе надгробие (рис.1б) выполнено из более рыхлого и пористого чем первое известняка, что объясняет его плохую сохранность. Оно представляет собой прямоугольник высотой 37 см, шириной 25 см и толщиной 12 – 13 см. Лицевую сторону украшает барельефное изображение девятисвечника (ханукальной меноры), шофара и лулава. Пальмовая ветвь в отличие от первого варианта выполнена в иной - стилизованной - форме. В дополнении с бараельфной камнерезной техникой и ханукальной менорой это отражает, вероятно, несколько иную культурную традицию. По периметру камня некогда присутствовала, выполненная в той же барельефной технике контурная рамка. От неё сохранился лишь небольшой фрагмент в верхней части плиты, а о первоначальном виде рамки можно судить по оставшемуся на ее месте сколу.

На оборотной стороне камня вырезаны тамгообразный символ, занимающий почти всю поверхность и обрамляющая его рамка. Тамга представляет собой два разновеликих круга, расположенных друг над другом и соединенных вертикальной перемычкой. Всё изображение сильно повреждено. Возможно, что камень дошел до нас не целиком, а его нижняя часть утрачена. Две боковые и верхняя грани украшены, вырезанной в камне “ленточной плетёнкой”, образующей геометрические фигуры.

Это новое обнаружение на Фанагорийских берегах двух плит с четко выраженными иудейскими символами вновь возвращает нас к проблеме иудейских поселений и “разрешения этнографического вопроса о древнейших обитателях” Северного Причерноморья. Они добавляют общее число ранее обнаруженных на Боспоре плит. Интересно, что сами плиты органично вписываются в контекст предыдущих находок, а место их обнаружения - небольшое сельское поселение - нарушает сложившееся представление о местах существования иудейских общин. Традиционно иудейские поселения связывают с крупными городскими центрами Фанагорией и Гермонассой (византийской Таматархой или древнерусской Тмутараканью). Сюда, по сложившемуся мнению, были переселены евреи после разрушения Храма и Иерусалима Титом в 70 г. н.э., а созданные ими поселения продолжали существовать вплоть до средневековья. Большинство исследователей признает наличие в этих центрах долговременных непрерывных общин, которые значительно пополнялись за счет притока местного иудаизированного населения. Новые находки фиксируют присутствие достаточно пространной сельской округи, и, как мы думаем, они расширят наши представления об этническом её составе и дадут более полную историческую картину.

С 60-ых годов прошлого столетия А.Е. Люценко начал публиковать материалы о раскопках на Фанагорийском городище, Тамани и Керчи, в числе которых были камни, с вырезанными на них иудейскими символами. На отдельных плитах встречались надписи на еврейском и греческом языках, при чем последние варианты надписей были выбиты с учетом техники прочтения еврейского текста: справа налево. Автор охарактеризовал плиты, как надгробные, дал им рисунки и краткий комментарий. Безусловно, заслуга А.Е.Люценко заключается в систематизации и публикации, имевшегося в его распоряжении материала. Невозможность точного датирования вынудила исследователя привести широкие хронологические рамки находок. Из его комментария следует, что Фанагория является средневековой еврейской Матархой. Непрерывное существование в ней общины со времен Тита и ее активное участие в иудейском просвещении хазар удостоверяли, по мнению Люценко, приписки на полях древних свитков и эпитафии с надгробных камней Чуфут-Кале и Мангупа, найденных А.С. Фирковичем (Фиркович. 1872). Тексты эпитафий и надгробных надписей сообщали о тесных контактах матархейских и крымских евреев в хазаро-византийское время. Д.А. Хвольсон признавал подлинность эпитафий и эпитафий (Хвольсон. 1884), что послужило причиной доверия со стороны Люценко.

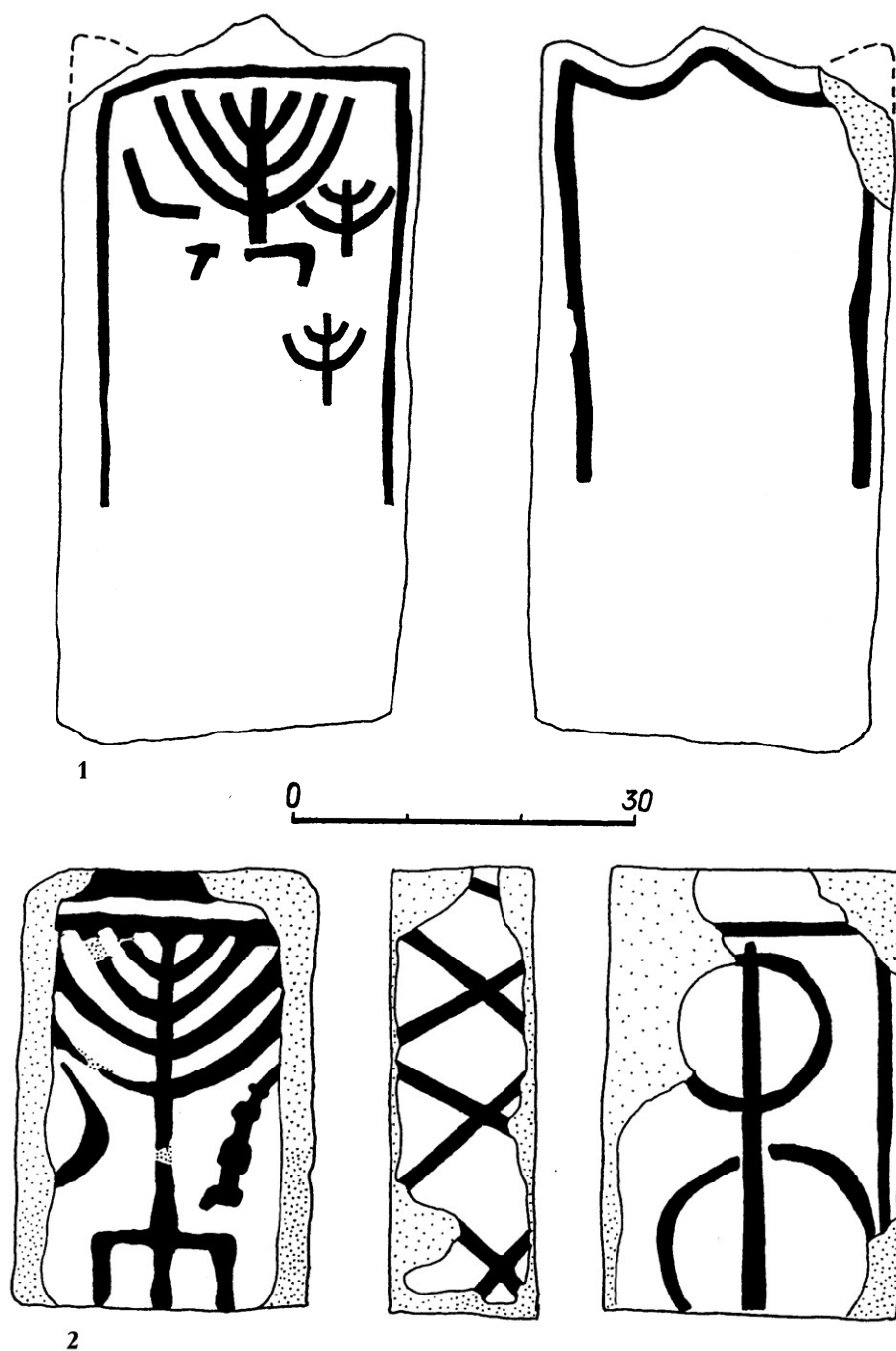
Надгробия из Вышестеблиевской аналогичны опубликованным А.Е. Люценко (Люценко. 1876). Сам по себе орнамент двух плит достаточно известный и стереотипный и широко представлен в публикациях. Пальмовая ветвь на стеле (рис. 1б) отражает региональный вариант, именно он сближает ее с Таманскими надгробными камнями, описанными и приведенными в таблицах Люценко (Люценко. 1876). Форма изображенной меноры на обеих плитах (рис. 1а,б) может быть отнесена к Боспорскому кругу; пропорции меноры (широкие дуги рожков, образующие окружность) принадлежат античной изобразительной традиции, которая имеет аналогии в самой Иудее (Сэмюэлс. 1990). Средневековый тип меноры отличается большей стилизованностью и вытянутыми по вертикали рожками светильника. Для средневековья характерно прорисованное, а не вырезанное изображение (Кондараки. 1883, Эрдели. 1983). Приведенные доводы позволяют предварительно датировать архитектурно-орнаментальные детали иудейской символики найденных плит позднеантичным временем. Не противоречит этому мнению и тамгообразный знак, отражающий иранский этнический компонент, на присутствие которого в этом регионе указывают византийские

источники VI в.н.э. (Прокопий Кесарийский, Феофан, Никифор). Наши датировки вписываются в существующее представление об исторической ситуации на Боспоре. Греческие надписи-манумиссии, ставшие уже многочисленными к началу XX столетия и отражавшие активную “манумиссорскую деятельность” (Даньшин. 1993, Соломоник. 1991) населения обоих берегов Боспора, расширили представления об этнической ситуации для античного и позднеантичного периодов. Большинство исследователей видело в носителях данной культуры евреев и иудаизированное местное население. Эти же надписи, в какой то мере восстанавливают картину о конфессиональном составе общин побережья. Появление в Пантикапее и Фанагории евреев сказалось на степени активности распространения иудаизма на Боспоре в первые века нашей эры. Влиятельная фанагорийская община иудеев - συναγωγή των Ιουδαίων - берет под опеку рабов-отпущенников, тем самым способствует появлению своих адептов в боспорской среде, т.к. оговаривается условие – посещение молельни (Даньшин. 1993). Тесная общинная жизнь обеспечила быстрое проникновение в кагал греческого языка и греческих норм общежития, что существенно эллинизировало общину (ношение греческих имен и практика греческого права).

Вторым значительным эффектом иудейского пребывания на Боспоре стали если не оформление, то активизация квазипрозелитического культа Бога Высочайшего. И.А. Левинская, изучавшая культ, отмечала связь его с иудаизмом (Левинская. 1988). В то же самое время исследователи обнаружили если не полное отсутствие следов культа θεός ὑψίστος в Пантикапее и Фанагории, то незначительный характер его распространения в этих центрах, что позволяет говорить о присутствии на Боспоре различных вариантов иудейского бога. Наличие достаточно оригинального иудейского прозелитизма вплоть до времени появления новых варваров подготовило почву для будущих этнических изменений в составах общин и конфессиональных вливаниях. К первым векам новой эры иудаизм, перенесший значительные изменения, вызванные политическим противостоянием Риму и внутренними коллизиями (Кумран), стал менее однороден, а расширяющаяся диаспора раздвинула границы для новой трансформации.

К сожалению, источники, которыми мы располагаем по интересующим нас району и времени не достаточно информативны и не в состоянии последовательно и непрерывно восстановить

историческую линию событий, поэтому сделанные выводы являются предварительными, а проблема требует дальнейшего изучения.

Два надгробия из Вышестеблиевской

И. А. ТУЛЬПЕ.

АМФОРА НА НЕКРОПОЛЕ: ХТОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Амфоры, главным образом, фрагментированные или в обломках являются устойчивым элементом погребально-поминальной обрядности. В ходе многолетних раскопок археологической экспедицией ГМИР некрополя Китея, амфорная керамика встречалась в погребениях, погребальных сооружениях, использованных в позднейшие периоды своего существования в качестве ритуальных комплексов, и, наконец, в тризнах на специально выделенных ритуальных площадках.

В грунте заполнения разграбленных погребальных сооружений фрагменты амфорных стенок встречаются достаточно часто. Однако судить об их причастности к обряду затруднительно. Бесспорно преднамеренное использование целых амфор или их профильных фрагментов на китейском некрополе зафиксировано в единичных закрытых комплексах. При этом обращает на себя внимание факт преднамеренного употребления нижней части амфоры (ножки) в кенотафе, на том месте, где должна была бы находиться голова погребенного.

Количество амфорной керамики существенно увеличивается в погребальных сооружениях (особенно, склепах), которые функционировали в течение столетий и, на последнем этапе своей истории, использовались не столько для захоронений, сколько для совершения поминальных ритуалов.

На подсыпке из щебня и мелких камней, над камерой склепа (№265) из глыб известняка был выложен овал (5,6м x 2,8-3 м). Внутри огороженного пространства, почти над самой серединой камеры, в грунте заполнения под сложенной из камней конструкцией (алтарь?), было врыто горло кружального сосуда (расширяющейся частью кверху), в центральной части камеры - горла кувшина и амфоры, также врытые в грунт, как воронки (расширяющейся частью кверху). Из 600 фрагментов керамики амфорная составила 49%.

---

* Материал подготовлен по отчетам о раскопках некрополя Китея (1989-1998), написанным начальником археологической экспедиции ГМИР В. А. Хршановским.

Представляется, что вторичное (поминально-ритуальное) использование склепов, предполагавшее иное осмысление его пространства в целом и отдельных частей, обусловило различия в керамическом «репертуаре», количество и соотношение керамических остатков в разных частях склепа. Так, в двухкамерном склепе (№145) было найдено около 9 000 фрагментов керамики. В таблице 1 показано соотношение определенного вида керамики по помещениям склепа (в затемненных строках) и соотношение видов керамики в отдельных помещениях (в столбцах цифры, выделенные жирным шрифтом).

Таблица 1.

	большая камера	малая камера, дромос
амфорная	29%	71%
	26%	45%
кружальная	58%	42%
	69%	36%
лепная	15%	85%
	5%	19%

В другом двухкамерном склепе (№206), окруженном кромlexом, в дромосе и обеих камерах также были обнаружены следы неоднократного использования. Так в перепланированной и по-новому организованной большой камере в грунте под камнем в форме подквадратного параллелепипеда был эмбрион человека, развал красноглиняного сосуда с графито на горле и стенка боспорской амфоры. В склепе было найдено более 1200 фрагментов керамики, большую часть которой составила амфорная. Интересно, что за пространством, огороженным кромlexом, были открыты следы нескольких тризн, включавших кости различных животных и останки нескольких младенцев, большое скопление керамики (около 3 000 фрагментов), из которых на долю амфорной пришлось 46%.

Наиболее репрезентативный материал представлен различными по организации пространства тризнами.

Развал гераклейской амфоры (с графито на горле) без нижней половины, скопление зерен и еще в 0,5м. к западу – захоронение собаки, символически огражденное рядом небольших камней в непосредственной близости от детской могилы. Небольшая яма, на одной из плит перекрытия лежали *in situ* узкогорлая светлоглиняная амфора, у её нижней части (ножка отсутствовала) – в развале лепной

сосуд, напоминающий ойнохою. Рядом в том же слое было обнаружено захоронение собаки и амфорная тризна: намеренно уложенные слои стенок амфор. Развал амфоры без нижней части, преднамеренно уложенной в три слоя, и неподалеку четыре детские могилы.

Около десятка детских могил находилось рядом с зольником, две из них сопровождалось захоронением лошадей. В зольнике, наряду с обугленными костями человека и животных (в том числе, лошади и собаки), найдено более 12,5 тысяч фрагментов керамики, при этом амфорная составила лишь 26%.

Ритуальная площадка, ограниченная кругом небольших камней, с трупосожжением в центре, захоронением собаки на камнях ограды и детской грунтовой могилой с захоронением лошади под нею. Среди керамических остатков (более 400 фрагментов) преобладала амфорная - 56%.

Материал некрополя Китея позволяет выделить несколько аспектов рассмотрения использования амфор в погребально-поминальной обрядности. Сравнивая употребление амфор в погребениях и тризнах, можно предположить, что контекст последних определял несколько отличающийся семантический смысл амфор. Погребение – это место пребывания, маркирующее определенную (хтоническую) зону пространства. Здесь амфора («вещная метафора космоса») выступает как изоморфная часть мифологической модели мира (МММ), и тогда предпочтение нижней части неслучайно. Соотнесение нижней части сосуда с хтоническим миром, отмечено, например, В.П.Яйленко: посвятительные надписи Деметре, Персефоне, Иакху и Кабирам размещались на нижней части ольвийских сосудов, что, возможно, следует связывать с хтоническим характером божеств.¹³¹ Тризна же знаменует ситуацию перехода и совершается для ритуального обеспечения сохранности миропорядка, нарушенного смертью, т.е. вторжением хаотической стихийности подземного мира. Амфорные тризны, где морфологически, отсутствием дна, акцентируется верх, вероятно, были медиатором, своеобразной воронкой между «этим» и «тем» мирами, ради благополучия «этого» (верхнего/срединного) мира. Фрагментированность амфор в тризнах, большое количество амфорных обломков, отмечаемые не только на некрополе Китея,

¹³¹ Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии// ВДИ, 1980, №2. С.78.

часто их сильная измельченность¹³² также обращают внимание при попытке уяснить смысл присутствия амфор на некрополе. Абсолютное (80-90%) преобладание фрагментов стенок естественно, но, может быть, специального анализа требует то, что днища составляют лишь 1-2%, в то время, как ручки – 5-6%. Несомненно, для сколько-нибудь основательных гипотез требуется изучение гораздо большего массива материала, но то, что фрагменты определенных частей амфоры имели некоторый ритуальный смысл, очевидно. В тризнах римского времени, как отмечалось, присутствует значительное количество эллинистической керамики, в частности, амфорных ручек. Не исключено, что на некрополе ручки приобретают особый, фаллический, смысл. Возможность такого прочтения подтверждается найденным в Ольвии фрагментом ручки красноглиняной амфоры У в. до н.э., на котором во всю длину сделаны две надписи (по шрифту датируются III-II в. до н.э.) «фалл» и «оселок Нумения».¹³³ Эротически-хтонический смысл ручки дополняется в тризнах семантически синонимичными яйцевидными гальками, оселками, возможно, грузилами.

Заметим, кстати, присутствие значительного количества амфорных фрагментов с клеймами, граффито, дипинто. Вероятно, большая их часть сделана при прямом утилитарном использовании амфор и обозначала объемы, наименование товаров, количество, имена владельцев и т.п., но на нашем некрополе известен фрагмент амфорной стенки с граффито на внутренней стороне, т.е. значок был намеренно нанесен на фрагмент. Интересно наблюдение Монахова С.Ю. и Рогова Е.Я., что 70% гераклейских амфор на некрополе Панское 1 были клейменными, что не соответствует представлениям о том, что клеймили 1 амфору из 5-6¹³⁴. Наблюдение, позволяющее пересмотреть представления о частоте клеймения или подумать о специальном внимании к использованию в обряде именно амфор с клеймами. В тризнах римского времени некрополя Китея количество эллинистических фрагментов с клеймами, естественно, невелико, но не исключается, что в тризне на некрополе эти знаки были «переозначены» и/или приобретали самодовлеющий смысл (=искусственность, сделанность, культурность, принадлежность «этому» миру).

¹³² См., напр.: Щеглов А.Н. Курганный кенотаф близ Ярылгачской бухты // КСИА, 1972, №130. С.74.

¹³³ См. об этом: Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ, 1980, №3. С.83-84.

¹³⁴ См.: Монахов С.Ю., Рогов Е.Я. Амфоры некрополя Панское 1 // Античный мир и археология. Вып.7. Саратов, 1990. С.147.

Неслучайным кажется и сочетание в тризнах амфорных остатков с костяками лошадей и собак или их костями (которые всегда присутствуют среди многообразного зооостеологического материала) и, как кажется, свидетельствуют о хтоническом осмыслении этих животных.¹³⁵ Материал некрополя Китея позволяет предположить и преднамеренность сочетания амфор и младенцев как объекта и, одновременно, средства (медиатора) погребально-поминального обряда.¹³⁶ Это предположение подтверждается хорошо известным фактом захоронения младенцев в амфорах, что связано не только с практическим удобством глиняного «гроба», но и с семантикой лона, рождающей земли. Таким образом, представляется возможным рассматривать амфоры как дополняющие ряд проводников, медиаторов, связывающих земной и хтонический миры в вечном цикле смерти-возрождения мира.

Амфоры – не единственный и не всегда преобладающий, но непременно присутствующий элемент в керамических комплексах тризн. Можно предположить, что если кухонная посуда (горшки, сковороды) своей связанностью с процессом приготовления пищи маркируют смерть продукта, становящегося едой, то столовая (блюда, миски, тарелки) – смерть еды; при этом в обоих случаях смерть лежит в основании возможности возрождения. Амфора же (тара) выступает как хранитель и перевозчик. Имеет ли значение, что амфоры были, по преимуществу, предметами одноразового пользования и оказывались на некрополе в силу непригодности для повторного утилитарного употребления; особенно те, что имели малые стандарты и были изготовлены не из лучшей глины (например, гераклейского производства)?¹³⁷ Возможно. Но использование фрагментов именно гераклейских амфор или некоторое преобладание гераклейских обломков в ряде памятников на нашем некрополе не подтверждает это предположение однозначно. Так, напомним, что в 2 погребениях находились фасосские амфоры, в зольнике преобладали фрагменты родосских амфор и т.д. Может быть, это связано с неравномерностью поступления импорта или иными «житейскими» обстоятельствами. Может быть, центры изготовления и импорта, утилитарные

¹³⁵ О связи собаки с хтоническим миром см., например: Молева Н.В. Собака в религиозных представлениях боспорян// СПб., 1998.

¹³⁶ Подробнее об этом: Тульпе И.А. Некрополе для детей// Боспорское царство как историко-культурный феномен.

¹³⁷ Монахов С.Ю., Рогов Е.Я. Амфоры некрополя Панское 1. С.146.

достоинства и недостатки не имели значения. Присутствие амфоры на некрополе было обеспечено «амфорностью» вообще.

Здесь следует упомянуть форму амфоры столь сходную, что давно замечено исследователями, с человеческим телом (горло, плечики, ручки, тулово, ножка), и как изоморфная часть МММ, соотносимую с анатомическим кодом, маркирующем мироздание. В этом случае понятно и наличие целых амфор в погребениях, их «пустотность», то есть отсутствие в ней так называемой напутственной пищи, и их фрагментированность в погребениях и, особенно, в тризнах (=разрушение целостности МММ). Отсутствие продуктов, перевозимых в амфорах, не отменяет возможности осмысления их как вместилищ, хранилищ (на некрополе – бывших) жизни, с которой в ритуальной ситуации коррелируются вино и масло. Возможно, амфора воспринималась как медиатор между мирами в силу ее привозного происхождения, появления из «другого», «заморского» мира. Хаотическое, хтоническое значение моря (первобытного океана) для мифопоэтического сознания известно. Посредническая роль амфоры может быть усилена ее перемещением из срединного мира поселения, где она исполнила свою «жизненную» функцию, в пограничный мир некрополя, где ее разрушение в тризне маркирует процесс перехода в другой мир, делая амфору (наряду с другими медиаторами) мостиком, посредником между мирами. Подавляющее большинство тризн, открытых на некрополе Китея относятся к рубежу эр и, главным образом, к римскому времени. Активное использование эллинистических амфор (вместе с поздними боспорскими и южнопонтийскими), свидетельствует, конечно, не о многовековом сохранении их в хозяйстве, а об их вторичном использовании, т.е. об их «некропольных» корнях. Таким образом, в тризне римского времени амфора становится как бы трижды медиатором - во времени (старинная), в пространстве по горизонтали (импортная), и по вертикали (вернувшаяся из «другого» мира) – что укрепляет ее значение как надежного проводника.

В.А. КУТАЙСОВ

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ КЕРКИНИТИДЫ IV-II ВВ. ДО НЭ.

Монеты IV - II вв. до н.э. были широко представлены в сборах Н.Ф. Романченко. Так, в 1893 г. им было приобретено 12 монет Керкинитиды, 200 автономных херсонесских, а также редкие Амиса, Пантикапея и Ольвии [1893, с.13]. В дальнейшем он атрибутировал монеты по "Общему каталогу" П.О. Бурачкова, что позволяет нам

достаточно точно определить их в соответствии с современными существующими классификациями [Романченко, с. 228, прим. 2 - 5]. К сожалению, им не было указано количество экземпляров каждого конкретного типа, что в значительной степени снижает информативность данной выборки. Итак, в коллекции Н.Ф. Романченко были представлены чеканенные монеты Керкинитиды всех четырех типов, причем с головой Геракла - орлом на молнии - шесть экземпляров [1907, с. 186, прим. 5]. Далее 34 шт. херсонесские по В.А. Анохину соответственно типы №№ 4, 9, 10, 14 - 17, 20 - 22, 29 - 30, 33, 38, 57 - 59, 60 - 62, 66, 71, 73 - 74, 77, 80, 121 - 122, 146, 156 - 157, 177 (только одна осталась не атрибутированной - Бурачков, 1884, таб. XIV, 36), которые практически составляют непрерывный хронологический ряд с 390/380 по 300/290 гг. до н.э.; несколько монет укладываются в период 230 - 190 гг. до н.э. Пантикапейские монеты принадлежат пяти типам, датируемым Анохиным: 294 - 284, 284 - 275, 275 - 245 гг. до н.э. [См.: Анохин, 1986, NN 122, 124 - 125, 132 - 133], ольвийские - 330 - 300 и 280 - 270 гг. до н.э. [См.: Анохин, 1989, NN 124, 131]. А.Л. Бертье-Делагард сообщает со слов продавцов о находке в Евпатории [1906, с. 216 - 217, 249, №№ 1, 3, 7; 1912, с. 40 - 41, №№ 2 - 5] херсонесских монет следующих типов по классификации В.А. Анохина: 23, 25, 36 - 56, 156 - 157, то есть 370 - 364, 350 - 330, 200 - 190 гг. до н.э. Еще один беспаспортный "борисфен" с сокращением АРІ 300 - 280 гг. был выделен в Евпаторийском музее П.О. Карышковским [1965, с. 165; дата по Анохину, 1989, № 159].

Из раскопок М.А. Наливкиной в 1952 г. происходят 22 монеты (7 разрушилось при чистке), но лишь одна оказалась керкиннитидской, 12 херсонесских первой половины IV - начала III вв. до н.э., одна пантикапейской и еще одна IV в. до н.э. г. Кромны (Пафлагония) [Отчет за 1952 г., л. 24, прим. 2; Наливкина, 1955, с. 70; 1959, с. 193].

Более надежной документацией располагают монеты из наших раскопок. Прежде чем перейти к характеристике материала, сделаем несколько замечаний по поводу хронологии херсонесской меди. Так, некоторые коррективы в свою хронологическую схему внес В.А. Анохин, переместивший выпуск с Девой - стрелком с конца III в. до н.э. в промежуток между 360 - 350 гг. до н.э., синхронизировав его с типологически близкими ольвийскими монетами [Ср.: Анохин, 1977, № 154; 1989, с. 82, №№ 59 - 68]. А.Б. Колесников относил данную чеканку ко времени не позднее начала III в. до н.э. [Колесников, 1991, с. 170, 172]. В таком же археологическом контексте монета эта была обнаружена в Керкинитиде [Кутайсов,

1987, с. 170, 171]. Передатировки требуют редкие монеты с изображением сидящего орла со сложенными крыльями на аверсе и стоящего козла на реверсе, помещенные В.А. Анохиным в третью четверть II в. до н.э. [1977, № 177]. Из раскопок Керкинитиды происходят три аналогичных экземпляра; причем, если один из них как-то может быть связан с культурными отложениями II в. до н.э., то два других по условиям их находки не выходят за рамки второй четверти IV в. до н.э., а, скорее всего, начала названного промежутка времени. В таком случае, их следует соотносить с синхронной серией херсонесской меди [Анохин, 1977, №№ 9 - 15]. Не исключено и то, что данный монетный выпуск располагался в начале этого нумизматического ряда.

Итак, при раскопках памятника в 1980 - 1994 гг. были найдены монеты следующих центров: Керкинитида - 9, Херсонес - 141, Пантикапей - 5, Ольвия - 4, Тира - 1, не установленных городов - 3 экз. Они хронологически распределяются следующим образом: Керкинитида - середина IV в. до н.э. (II тип) - 1 экз., 300 - 290 гг. до н.э. (IV) - 6 экз., V тип - 2 экз. Херсонес: 390 - 380 гг. до н.э. - 5 экз. (по Анохину, I, 4 - 5); 4 (I, 7); вторая четверть IV в. до н.э. - 15 (I, 9 - 12), 6 (I, 13 - 14), 3 (I, 16), 2 (I, 17 - 18), 3 (I, 19 - 20), 2 (I, 21 - 22), 3 (XI, 177); 360 - 350 гг. - 1 (X, 154); середина IV в. до н.э. - 33 (II, 27 - 32); 350 - 330 гг. - 41 (II - III, 35 - 56), 15 (IV, 57 - 59); 330 - 320 гг. - 1 (IV, 62), 2 (IV, 66 - 67); 320 - 310 гг. - 5 (V, 68 - 74); 300 - 290 гг. - 1 (V, 80)¹³⁸. Пантикапей: около 314 - 310 гг. до н.э. - 3 экз. (Анохин, 1986, таб. 4, 111 - 112); около 294 - 284 гг. - 2 (таб. 3, 125). Ольвия: 330 - 300 гг. до н.э. - 2 экз. (Анохин, 1989, X, 103 - 104), 2 (X, 113). Тира: около 240 - 230 гг. до н.э. - 1 экз. (Анохин, 1989, XXVI, 450).

Прежде всего, обращает на себя внимание тот, на первый взгляд странный факт, что монетный чекан самой Керкинитиды на протяжении IV в. до н.э. не занимал какого-либо существенного места на собственном внутреннем рынке. В денежном обращении города с 390 - 380 гг. до н.э. монопольное положение заняли херсонесские эмиссии [Кутайсов, 1990, с. 153]. Особенно обильно представлена монетная серия 350 - 330 гг. до н.э. с квадригой - коленопреклоненным воином и двуликой головой, составляющая около 40% от всех херсонесских монет, встреченных в Керкинитиде. По всей видимости, ее поступление, с одной стороны, привело к вытеснению и прекращению выпуска местной монеты, с другой, в

¹³⁸ Корректировку в хронологическую схему В.А. Анохина см.: Столба, 1989, прил. на с. 66 - 68; Туровский, 1997.

политическом отношении означало подчинение Керкинитиды дорийскому полису. В дальнейшем отмечено резкое сокращение до нескольких экземпляров последующих серий Херсонеса 330 - 310 гг. до н.э., что, однако, как нам представляется, может отчасти объясняться широким хождением более ранних и многочисленных выпусков. Положение несколько изменилось в начале III в. до н.э., когда на монетном рынке заметное место заняла последняя серия Керкинитиды: по крайней мере, на одну монету Херсонеса приходится восемь местных. На этом фоне весьма странным выглядит состав монет в Кучук-Мойнакском кладе, где из 62 херсонесских монет, в том числе 33 экз. 300 - 290 гг. до н.э., не оказалось ни одной керкинитидской [Гилевич, 1970].

Еще большее недоумение вызывает почти полное отсутствие херсонесских монет, выпускавшихся на протяжении всего III в. до н.э.: после серии начала названного столетия только несколько экземпляров меди из сборов Н.Ф. Романченко и А.Л. Бертъе-Делагарда относятся по В.А. Анохину к 210 - 200 и 200 - 190 гг. до н.э. и серебра к 230 - 220 гг. до н.э. по Е.Я. Туровскому соответственно – к 300-275 гг. и 60-40 м годам III вв. до н.э. Отчасти это можно оправдать выпуском на протяжении отмеченного промежутка времени серебряной монеты, которая затем могла идти на перечеканку. Однако главная причина значительного сокращения поступления монет Херсонеса является гибель многих поселений хоры и, как результат, резкое уменьшение сельскохозяйственного производства, в первую очередь товарного зерна. Если следовать хронологической схеме В.А. Анохина, то возникает парадокс : сокращение аграрной округи сопровождалось выпуском в обращение Херсонесом вместо меди серебра. Причина тому могла заключаться в том, что государство, испытывающее острый дефицит в сельскохозяйственной продукции, таким образом, пыталось повысить ее товарность. Однако, противоречие это снимается удревнением монетных выпусков.

Остановимся на топографии монетных находок Керкинитиды. Значительная часть их, как приходится сейчас признавать, не имеет точного паспорта и происходит из различных коллекционных собраний, нередко с весьма расплывчатым обозначением места приобретения, например - "из Южной России". Это вполне объяснимо, если учесть те масштабы кладоискательства, которыми отличалась в дореволюционные годы Евпатория - популярный курорт, где среди отдыхающих всякого рода "меценатов" легко разрастался спрос на древние монеты [Романченко, 1894, с. 13; Бертъе, 1906, с. 216; 1912, с. 41]. Тем не менее, некоторые

наблюдения можно сделать и сейчас. Так, паспортизованные монеты первых трех типов были обнаружены исключительно в районе Евпатории (15 шт.). Причем выпуск с Никой является уникальным: до сих пор известно только четыре экземпляра - из раскопок Н.Ф. Романченко в 1893 г. (местонахождение не известно) [1894, с. 12 - 13, рис. 2] и Л.А. Моисеева в 1917 г. [Медведева, 1984, N 1; Кутайсов, 1992, с. 144; Stolba, 1996, N 5], а также в коллекциях Берлинского и Британского музеев [Sallet, 1890, s. 202; SNG: BM, pl. XXVIII, 693]. Наиболее распространенный выпуск с Колаксаем (?) и конем концентрируется, в основном, в пределах Херсонесского (?) государства: в районе Керкинитиды (городища и некрополя) - 24 шт., недалеко от последней, на городище Чайка - 12 шт. и усадеб в районе Евпаторийского маяка - 2 шт., в Калос Лимене - 1 шт. (раскопки 1989 г.), на поселении Панское I - более 3 шт., на Сакской пересыпи - 1 шт. (1986 г.) и в самом Херсонесе 25 шт.¹³⁹ (нам известны также еще три экземпляра из раскопок последних лет в портовой части городища). Керкинитидские монеты наиболее часто встречаются при раскопках эллинистических слоев Херсонеса [Косцюшко, 1891, с. 23; 1906, с. 25; 1907, с. 149; Белов, 1938, с. 220; 1955, с. 267; Белова-Кудь, 1938, с. 140, № 2; с. 320, № 26 - 27; 1981, с. 15, №№ 129 - 131]. Несколько экземпляров тех же монет (4 шт.) найдено в Ольвии и еще один в Очакове [Бурачков, 1884, с. 12; Зограф, 1940, с. 215; Карышковский, 1965, с. 157 - 158; 1988, с. 85, рис. 13, 5]. На частую встречаемость монет Керкинитиды в Ольвии неоднократно указывал П.О. Бурачков [1875, с. 98, 119, 131; 1884, с. 17, 99].

Весьма любопытно почти полное отсутствие керкинитидских эмиссий на территории Боспорского царства [Шелов, 1956, с. 127] в то время, как монеты Пантикапея, хотя и в небольшом, но по отношению ко всей денежной массе достаточно стабильном количестве, постоянно встречаются на внутреннем рынке Керкинитиды. Правда, в литературе есть указание о находке одной монеты Керкинитиды в Еникале [Бурачков, 1884, с. 19] и возможно Керчи [Яшуржинский, 1891, с. 86]. Такое положение в сочетании с находками многочисленных пантикапейских монет в Херсонесе [Гилевич, 1968, с. 11], скорее всего, говорит о том, что экономические связи между Керкинитидой и государством Спартокидов не имели

¹³⁹ Перечень составлен на основании следующих работ: Романченко, 1896, с. 228; Карасев, 1963, с. 38; 1965, с. 138; Медведева, 1984; Анохин, 1988, NN 23 - 30; Гилевич, 1968, с. 10 - 11; Колесников, 1991, №№ 38 - 39; Столба, 1990, с. 149; Карасев, 1963, С.38; 1965, С.138..

самостоятельного значения и могли носить опосредованный характер - через Херсонес. Самым отдаленным местом, где была обнаружена монета Керкинитиды, является древняя Диоскуриада (совр. Сухуми) [Орешников, 1892, с. 3].

Такое пространственное распределение нумизматического материала, по-видимому, указывает на локальное значение монетного чекана Керкинитиды, рассчитанного на обращение, преимущественно, на внутреннем рынке. Это утверждение в еще большей степени относится - в силу крайне небольшого количества монет - к первым трем типам, выпуск которых в значительной степени носил декларативный характер - своего рода показатель автономии гражданской общины, пережившей военную опасность, угрожавшую суверенитету полиса. Многочисленность же позднейшей монетной серии свидетельствует о её ориентации на денежное обращение. Однако удивляет частая встречаемость этих монет по всей территории Херсонесского государства и, особенно, в столице полиса. Вероятно, Керкинитида к тому времени была настолько прочно включена в экономическую систему Херсонеса, что ее монета служила платежным средством наряду с местной.

По не совсем достоверным данным в акватории Керкинитиды на глубине около 2 м был найден кизикий типа “козел с поджатыми ногами над тунцом – quadratum incusum” [Павленков (в печати)], относящийся к 460-405 гг. до н.э., что подтверждает давно установленный факт использования этой электровой монеты в качестве межгосударственной валюты. Кизикины вполне могли размениваться для принудительного обращения на внутреннем рынке – по примеру синхронных ольвийских ассов – на литые монеты Керкинитиды в соотношении 1/384 старший номинал и 1/768 младший [См.: Анохин, 1989, С.22].

Среди случайных находок на территории городища значится Афинская тетрадрахма “нового стиля” 151/150 гг. до н.э., которая, по мнению авторов публикации, оказалась на городище, когда оно перешло в руки скифов [Голенко, Щеглов, 1971]. Нами же не исключалась возможность её попадания сюда накануне появления тут варваров [1992, с. 66]. Вообще условия обнаружения данной монеты на территории памятника в 1958 г. остаются для нас весьма странными (?).

В.Ф. СТОЛБА, А.С. ГОЛЕНЦОВ

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК ЮЖНО- ДОНУЗЛАВСКОГО ГОРОДИЩА 1964-1965 гг.

Южно-Донузлавское городище, основанное выходцами из Херсонеса в последней трети-четверти IV в. до н.э., расположено в 28 км к северо-западу от Евпатории в районе современного с. Поповка. В ходе археологического изучения памятника Донузлавской экспедицией в 1960-1970 гг. а также случайных сборов была получена небольшая, но вместе с тем необычайно интересная коллекция нумизматических материалов, характеризующих все этапы жизни поселения. Часть этих находок опубликована нами в статье *“Монеты из раскопок и случайных находок на Южно-Донузлавском городище (Северо-западный Крым). //ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Сборник памяти Ю.В.Андреева. С. Петербург 1999, №№ 1-6.”* Однако уже после того, как работа была сдана в печать, нам стали доступны для изучения de visu еще пять медных монет из раскопок Южно-Донузлавского городища в 1964-1965 гг. Лишь одна из них относится к античной эпохе, остальные же принадлежат бахчисарайскому чекану Шахин-Гирея, характеризую денежное обращение Западной Таврики в последние годы существования Крымского ханства.

Амис

1. *Av.* Голова Ареса в шлеме, вправо.

Rv. Меч в ножнах, AMI-[ΣΟΥ]; слева вверху звезда и полумесяц, внизу монограмма; справа вверху [IB].

ЮД-65/206. Металл: АЕ. Вес: 3.92 г. Диаметр: 17 x 19 мм. Соотношение осей: 12.

Сохранность монеты очень плохая. Тип: Imhoof-Blumer 1913, Taf. II,7; SNG Cop. 155; SNG v. Aulock 64.

Монета найдена в 1965 г. в ходе раскопок квадрата 27. Экземпляр принадлежит чекану Амиса времени Митридата VI Евпатора (120 - 63 гг. до н.э.) и дополняет уже существующие сводки находок понтийских монет на территории Западного Крыма¹⁴⁰. Данный тип относится к группе IV Ф.Имхофф-Блюмера,

¹⁴⁰ Голенко 1964, 50-73; Гилевич 1968, 47-49; Сапрыкин 1996, 69-85.

датированной исследователем приблизительно 105-90 гг. до н.э.¹⁴¹ Нужно отметить, что это наиболее распространенный вариант митридатовской меди, представленной в крымских находках.¹⁴² Особо укажем здесь лишь на необычайно низкий вес нашего экземпляра, в сравнении с известными монетами того же типа, вес которых, как правило, очень редко опускается ниже 8 г.¹⁴³ При том что наша монета довольно плохо сохранилась, едва ли столь большое отклонение от нормального веса объяснимо потерей металла вследствие окисла.

Шахин-Гирей (1777-1783 гг.)

Второй год правления

2. *Av.* В точечном ободке в три строки легенда, читаемая снизу вверх: “Шахин-Гирей хан”.

Rv. В точечном ободке: “Чекан Бахчисарая”, снизу в обрезе год “1191” (=1777). Вверху над “ба” цифра 2.

ЮД-64/148. Металл: АЕ. Вес: 1.20 г. Диаметр: 17 мм. Соотношение осей: 12.

Сохранность аверса хорошая, реверса - средняя. Тип: Retowski, 252 Nr. 19, Taf. XIX, 19.

3. *Av.* То же, что и № 2.

Rv. То же, что и № 2.

ЮД-64/176. Металл: АЕ. Вес: 1.09 г. Диаметр: 16 мм. Соотношение осей: 4.

Сохранность аверса хорошая, реверса — плохая. Тип: Retowski, 252 Nr. 19, Taf. XIX, 19.

4. *Av.* То же, что и № 2.

Rv. То же, что и № 2. Год правления (2?) стерт.

ЮД-64/146. Металл: АЕ. Вес: 1.41 г. Диаметр: 17 мм. Соотношение осей: 4.

Сохранность хорошая. Тип: Retowski, 253 Nr 21.

¹⁴¹ Как отмечал сам Ф.Имхоф-Блюмер, предложенная им хронология отдельных групп митридатовской меди носит чисто условный характер (Imhoof-Blumer 1913, 183: “Die Zeitbestimmung der Praegung der einzelnen Gruppen kann eine bloss mutmassliche sein...”).

¹⁴² Голенко 1964б 56; Гилевич 1968, 47; Сапрыкин 1996, 77-80.

¹⁴³ Насколько нам известно, это самый лёгкий экземпляр данного типа.

5. *Av.* То же, что и № 2.

Rv. То же, что и № 2. Год правления (2?) стерт.

Юд-64/147. Металл: АЕ. Вес: 1.38 г. Диаметр: 17 мм. Соотношение осей: 4.

Сохранность аверса средняя, реверса — хорошая. Тип: Retowski, Taf. XIX, 19.

При том, что год правления на последних двух монетах не сохранился, манера исполнения штемпелей а также фактура кружка совершенно аналогичны двум предыдущим экземплярам.

Монеты №№ 2, 4-5 были найдены вместе, в комплексе ямы 13, впущенной в культурный слой с глубины двух-трёх штыков от поверхности городища над зданием Б. Обвалившаяся горловина ямы теряется в слое пожара толщиной 0.20 м, залегавшем на уровне 0.80 м выше пола здания Б. Именно в этом слое неоднократно встречались находки нового времени: турецкая трубка, фрагменты сосудов с зеленой поливой, стенки рифленых кувшинов. Другие находки из золистого заполнения ямы 13 (бронзовая квадратная пряжка с крючком и тремя дырочками для нашивки, бронзовая пуговица, железный гвоздь и рыбы кости) не выпадают из хронологического контекста комплекса, подтверждая высказанное ещё П.Н. Шульцем¹⁴⁴ предположение об использовании городища и в “турецко-татарское” время¹⁴⁵. К этому же отрезку истории жизни поселения принадлежит и яма 17, также впущенная из слоя пожара. Наряду с монетой № 3 в ней были найдены: костяная трубочка, бронзовое кольцо с двумя продольными желобками, массивная бронзовая пуговица, обломки железного предмета а также фрагмент стенки сосуда с зеленой поливой и нижняя часть сделанного на круге горшка.

Учитывая непосредственную связь ям № 13 и № 17 со слоем пожара, следует думать, что археологизация всех четырех гиреевских монет произошла одновременно. Едва ли мы ошибемся, увидев в этом отголосок бурных событий 1778 г., ознаменованного восстанием татар против хана и попыткой его предшественника Селим-Гирея III ещё раз захватить престол.

¹⁴⁴ Шульц 1934.

¹⁴⁵ В этой связи следует отметить также находку в 1964 г. в СЗ части раскопа II (квадрат 40) русской “денги” 1746 г.

- Гилевич 1968 - *А.М. Гилевич*. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // *НСФ*. 1968. Вып. 3. С. 3-61.
- Голенко 1964 - *К.В. Голенко*. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н.э. // *ВДИ*. 1964. № 4. С. 50-73.
- Сапрыкин 1996 - *С.Ю. Сапрыкин*. Монеты Понта из раскопок Херсонеса Таврического // *ХС*. 1996. Вып. 7. С. 69-85.
- Шульц 1934 - *П.Н. Шульц*. Рапорт о работах Евпаторийской экспедиции за 1934 г. // *Архив ИИМК РАН*, ф. 2, дело 1934/203.
- Imhoof-Blumer 1913 - *F.Imhoof-Blumer*. Die Kupferpraegung des mithradatischen Reiches und andere Muenzen des Pontos und Paphlagoniens // *NZ*. 1913. Bd. 43. Hf. 2. S. 169-192.
- Retowski - *O. Retowski*. Die Muenzen der Girei. Hf. 1-3. Moskau 1901-1905. (S.-Abdr. aus den Arbeiten der Moskauer Numismatischen Gesellschaft, Bd. II,III). 305 S.
- SNG Cop. - *Sylloge numorum graecorum*. The Royal Collection of Coins and Medalls. Danish National Museum. Vol. IV. Bosphorus to Bithynia. West Milford 1982.
- SNG v.Aulock - *Sylloge numorum graecorum*. Deutschland. Sammlung v. Aulock. Vol. I. West Milford 1987.

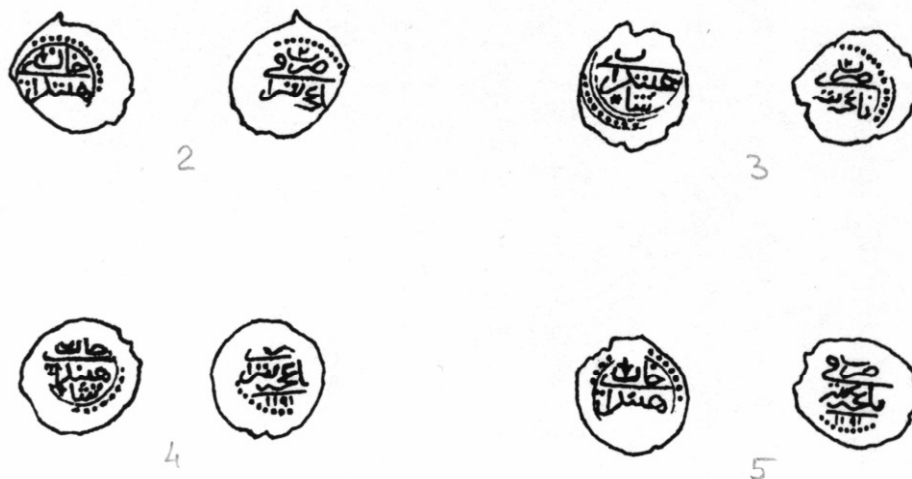

Рис 1. Монеты из раскопок Южно-Донузлавского городища в 1964-1965гг.

Т.Н. СМЕКАЛОВА

ПЕРСИДСКАЯ И ДИОНИСИЙСКАЯ СИМВОЛИКА МИТРИДАТОВСКИХ МОНЕТНЫХ ТИПОВ И ДАТИРОВКА НЕКОТОРЫХ БОСПОРСКИХ МОНЕТ

Митридат VI Евпатор использовал монеты для пропаганды эллинизма, с одной стороны, и персидских корней его династии и царства, с другой. К "восточным" мотивам можно отнести изображения на монетах эпизодов и персонажей мифа о Персее - самого Персея, крылатого коня Пегаса, Медузы Горгоны и т.п. Известны пять "персеевских" выпусков среди монет городов Понта и Пафлагонии: «голова юного Персея в крылышками у висков / рог изобилия и шапки Диоскуров, увенчанные звездами» (Амис - Рес. VII, 28; Синопа - Рес. XXVI, 10); «голова Афины в коринфском шлеме (как на афинских тетрадрахмах "нового стиля") / стоящий Персей во фригийской шапке, в ногах которого лежит тело Медузы, ее голову Персей держит в руке» (Амис - Рес. VII, 10; Кабира - Рес. XII, 19; Амастрия - Рес. XVIII, 14; Синопа - Рес. XXVI, 9); «эгида с Медузой в центре / стоящая Ника с пальмовой ветвью в руке» (Амис - Рес. VIII, 1-4; Кабира - Рес. XII, 21; Амастрия - Рес. XVIII, 17; Синопа - Рес. XXVI, 12); «голова Персея в крылатом шлеме / крылатая арфа» (Амис - Рес. VII, 26; Синопа - Рес. XXVI, 11); «Голова Персея в шлеме / пасущийся Пегас» (Амис - Рес. VII, 25-26; Хабакта Рес. XI, 21). Заметим, что в коллекции Государственного Эрмитажа имеется два уникальных экземпляра монет (инв. №№ ГЭ 13238-9¹), на которых пасущийся Пегас изображен вправо, а не влево, как на всех остальных монетах этого типа городов Амиса, Хабакты и Дии. Также вправо обращен Пегас на тетрадрахме Митридата VI 89 г. до н.э.² Тип пасущегося Пегаса является реверсным изображением на царских тетрадрахмах Митридата до 86 года до н.э.³

Персидские корни Митридата VI проявляются также в изображениях на ранних монетах Амиса и Синопы, где помещен портрет юного царя в кожаном шлеме, или иранской кирбасии (Амис - Рес. VII, 25; Хабакта - Рес. XI, 21). Начиная с конца V века

¹ Опубликованы в Дюков Ю.Л., Т.Н.Смекалова. О наиболее раннем применении латуни и «чистой меди» в по происхождению эллинистической чеканке государств Причерноморья и Малой Азии. // ВДИ. 1999 (в печати). Табл. I, 6, 7

² Callatay, Francois de. L'histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve, 1997, 479 pp., 54 pl.; p.4, pl. I, D4-R1a

³ McGing B.C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, E.J. Brill, 1986, 203 pp.; p.94-95; (Рес. II, 5-11)

персидские сатрапы изображаются на монетах, увенчанные кожаными шлемами, которые, по-видимому, являлись символом царской власти в Иране. Точно такое же изображение мы видим на так называемых анонимных понтийских оболлах, которые на реверсе имеют восьмиконечную звезду⁴. Эти оболочки характеризовались как чекан наместников понтийского царя Митридата VI на Боспоре или в Колхиде⁵, самого Митридата VI⁶ или его предшественников⁷ в Понте. Они также считались религиозно-храмовыми выпусками Команы Понтийской первых лет правления Митридата VI⁸. На обороте вышеупомянутых монет Амиса и Синопы изображался колчан, а на анонимных понтийских оболлах - рядом со звездой - лук. Оба этих изображения, вероятно, указывают на важность охоты в жизни персидского принца⁹.

Астральные символы, восьмиконечная звезда и полумесяц, которые характерны для царских тетрадрахм, и которые время от времени появляются на монетах городов Понта и Вифинии, являются, по мнению различных исследователей, либо знаком культа богини Ма¹⁰, либо гербом Понта¹¹, либо символом династии Митридатов¹².

Другие выпуски носят более «греческий» характер. Наиболее популярным среди изображаемых образов был Дионис, который

⁴ *Голенко К.В.* Понтийская анонимная медь. // ВДИ, 1969, N 1, с. 130-154; табл. II, 23-25

⁵ *Imhoof-Blumer, F.* Griechische Munzen, Munchen, 1890. S.40; *Imhoof-Blumer, F.* Zur Munzkunde des Pontos, von Paphlagonien, Tenedos, Aiolis und Lesbos. // Zeitschrift fur Numismatik. 1897. S. 254-270, S.254; *Imhoof-Blumer, F.* Die Kupermunzen des mithradatischen Reiches und andere Munzen des Pontos und Paphlagonien. // Numismatische Zeitschrift. 1912. S. 169-192; S.182; *Giel, Chr.* Kleine Beitrage zur antiken Numismatik Sudrusslands, M., 1886. S. 1-30, S. 4f; *Minns, E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, p.287; *Зограф А.Н.* Античные монеты. МИА 16, М.-Л. 1951, с.186; *Kleiner, G.* Pontische Reichsmunzen. // Istantuler Mitteilungen. 1955. N 6. S.1-21 S. 6

⁶ *Baldwin, A.* Lea monnaie de bronze dites incertaines du Pont ou du royaume de Mithridate Eupator. 1913. С. 3-31, p.24

⁷ *Kolb, P.* Monnaies de bronze incertaines du Pont. Remarques sur l'article de m-lle Baldwin a propos de la decouverte d'une monnaie nouvelle. // Revue Numismatique. 1926. S. 26; *К.В.Голенко*, ук.соч., 1969, с. 141, 144

⁸ *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М. Изд-во РАН.1996, 348 с., с. 106-121

⁹ *McGing B.C.*, ук.соч., p.97

¹⁰ *Price, J.* Mithradates VI Eupator, Dionysus, and the Coinages of the Black Sea. // Numismatic Chronicle. 1968, p.1-12, p.3

¹¹ *Kleiner, G.* Bildnis und Gestalt des Mithridates. // Jahrbuch des Deutschen Archaologischen Institut. 1953. N 68, S.82

¹² *Davis, N. and Kraay, C. M.* The Hellenistic Kingdoms. Portrait Coins and History. London, 1973. P. 200-209; *Summerer, L.* Das pontische Wappen. Zur Astralsymbolik auf pontischen Munzen. // Chiron. 1995. Bd. 25. S. 305-313

являл собой несомненное напоминание о Митридате Евпаторе Дионисе. Царские тетрадрахмы имеют на обороте гирлянду из листьев плюща и виноградных гроздьев - символы бога виноделия. Среди монетных выпусков городов Понта и Пафлагонии встречается один "дионисийский": «голова Диониса / циста» (Амис - Рес. VII, 14-16; Дия¹³). В Амисе до Первой Митридатовой войны с Римом на монетах появлялись изображения Аполлона (Рес. VII, 11, 13) и Артемиды (Рес. VII, 12), а в последующие годы – Геракл¹⁴. Известно по скульптурным памятникам, что Митридат мог связывать свой облик с образом Геракла (луврский портрет Митридата в львиной шкуре, изображения на некоторых поздних тетрадрахмах Одесса¹⁵ и Мессембрии¹⁶, датирующиеся 90-72 гг. до н.э.¹⁷).

Два наиболее многочисленных и широко распространенных типа монет: «голова Зевса / орел на молниях» (Амис - Рес. VII, 7-9; Комана- Рес. XII, 18; Фарнакия - Рес. XIV, 18; Амастрия - Рес. XVIII, 12-13; Пимолисса - Рес. XXIII, 16; Синопа - Рес. XXVI, 5-8) и «Арес в шлеме / меч в ножнах» (Амис - Рес. VII, 20-24; Хабакта- Рес. XII, 22; Кабира - Рес. XII, 20; Таулара - Рес. XV, 10; Амастрия - Рес. XVIII, 15-16; Пимолисса - Рес. XXIII, 17; Синопа - Рес. XXVI, 16-18), не имеют прямого отношения к митридатовской символике. Возможно, изображение орла на молниях заимствовано с монет эллинистического Египта, так как этот символ является обычным реверсным типом птолемеевской династии. Некоторые исследователи видят в изображениях Ареса на монетах Арес/меч портрет самого Митридата¹⁸.

Интересно, что в монетном деле Боспора митридатовского времени почти неизвестны восточные мотивы, за исключением, пожалуй, изображения бога Мена на пантикапейских оболлах¹⁹. Вероятно, понтийскому царю было не выгодно раскрывать свои персидские и иранские корни, особенно в среде тех подвластных ему государств, где он особенно усиленно разыгрывал роль освободителя всех греков. В боспорской чеканке времени Митридата VI на монетных типах преобладают изображения Диониса и его атрибутов. Прежде всего отметим, что

¹³. Дюков Ю.Л., Т.Н.Смекалова, 1999, ук. соч.б Табл. I, 9-11

¹⁴. Malloy A. G., The coinage of Amisus, 1970, p.8, 24-25

¹⁵. 3-я группа, Callatay F. de, 1997, ук. соч., pl. XXVII

¹⁶. 4-я группа, Callatay F. de, 1997, ук. соч., pl. XXXI

¹⁷. Callatay F. de, 1997, ук. соч., p. 118

¹⁸. Price J., 1968, ук. соч., p.5

¹⁹. Зограф А.Н., 1951, ук. соч., табл. XLIII, 13

в домитридатовские времена дионисийская тема не является характерной для монет Боспора. Тип «голова Диониса / тирс» мелких серебряных монет Пантикапея с монограммой в виде буквы "П" с точкой внутри и без монограммы некоторые исследователи считают возможным относить к первым выпускам митридатовского времени на Боспоре, т.е. к 109-100 гг. до н.э.²⁰. Затем на драхмах Пантикапея и Горгииппии, вероятно, следующего десятилетия мы видим голову Диониса / бегущую лань²¹. На чуть более поздних дидрахмах Пантикапея, Фанагории и Горгииппии на лицевой стороне изображена голова Диониса в плющевом венке, на обороте - гирлянда из листьев плюща и гроздьев винограда²². Дионис и пантера изображены на синхронных оболах этих же городов (на лицевой стороне мы видим голову Мэна во фригийской шапке)²³. На тетрахалках этого же времени изображена голова Диониса в плющевом венке / треножник и тирс²⁴. Наконец, художественно выполненные крупные монеты – так называемые боспорские анонимные оболочки имеют портрет Митридата VI в виде бога Диониса на лицевой стороне и изображение горита на обороте²⁵.

Таким образом, практически все достаточно многочисленные боспорские выпуски имеют непосредственное отношение к изображению Диониса и дионисийской символике, и эта тема является, очевидно, господствующей во всей боспорской чеканке времени Митридата VI. В этом факте можно усмотреть, по-видимому, желание Митридата предстать на подвластных ему территориях в облике эллинского, а не восточного правителя, который даровал первоначально боспорским городам право чеканить собственную монету. Двойственность в облике Митридата выражается в том, что в типах монет, выпущенных внутри Понта и Пафлагонии чаще проявляются восточные черты митридатовской державы, в то время как на монетах Боспора Митридат стремился

²⁰ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, «Наукова думка», 1986, 182 с., с.72

²¹ Зограф А.Н., 1951, ук. соч., табл. XLIII, 9-11; Frolova, N.A. Towards a history of Bosporan coinage (1st century B.C.). // Ancient Civilizations, v.3, N 2-3, E.J.Brill, Leiden 1996, p.151-168, pl. I, 2, 2a, 3

²² Зограф А.Н., 1951, ук. соч., табл. XLIII, 5-7; Frolova, N.A., 1996, ук. соч., pl. I, 10-12; pl. II, 1-5

²³ Зограф А.Н., 1951, ук. соч., табл. XLIII, 13-14; Frolova, N.A., 1996, ук. соч., pl. III, 6-13

²⁴ Зограф А.Н., 1951, ук. соч., табл. XLIII, 15-17; Frolova, N.A., 1996, ук. соч., pl. IV, 1-11

²⁵ Зограф А.Н., 1951, ук. соч., табл. XLIII, 22-23; Frolova, N.A., 1996, ук. соч., pl. IV, 12

изображать себя прежде всего как эллинского правителя, защитника всех греков.

Постараемся установить, в какое время Митридат VI стал именовать себя Дионисом, так как этот вопрос, по-видимому, тесно связан с вопросом о времени появления на монетах государств, входивших в орбиту его державы, дионисийских типов.

Существует предположение, что Митридат Евпатор взял свой эпитет от имени своего деда по материнской линии царя Сирии Антиоха VI Диониса (144-142 гг. до н.э.)²⁶. Возможно, что это было сделано из политических побуждений, так как Дионис, являясь богом восточным по происхождению (также, как и сам Митридат), был принят греками и возведен ими на Олимп.

Одна из наиболее ранних дошедших до наших дней надписей, где встречается имя Митридата Евпатора - это надпись из гимнасия в Делосе на базе статуи Митридата Евпатора и его брата Хреста, воздвигнутая Дионисием, который был гимнасиархом в 116/15 гг. до н.э. (Ins. Delos 1560). Примерно в это же время совершается посвящение Зевсу Урию, богу покровителю мореплавания, от имени Митридата Евпатора и его брата Митридата Хреста. Здесь еще нет эпитета "Дионис".

Надпись из Аполлонии в честь Эпитинханонта²⁷, называет Митридата без эпитета "Дионис".

Декрет из Херсонеса в честь Диофанта (IosPe, I², 352), датируемый примерно 107 годом до н.э. не содержит эпитета "Дионис", здесь Митридат назван просто царем. Точно также нет прозвища Дионис и в ольвийском декрете, посвященным амисскому капитану (IosPe, I², 35) датирующимся примерно этим же временем.

Чрезвычайно интересным и важным источником для изучения эпохи является так называемый памятник Митридата, находящийся на участке святилища кабиров - богов самофракийских - на острове Делос. Строение сложено из мрамора и представляет собой небольшую открытую часовню, в которой была установлена статуя Митридата, сохранившаяся лишь частично.

Большой интерес представляет надпись на четырехугольной базе, которая гласит: "Царя Митридата Евпатора Диониса, сына царя Митридата Еввергета, жрец Гелианакс, сын Асклепиодора, афинянин, (посвятил) ради его доблести и неизменного

²⁶. Price J., 1968, ук. соч., p.4

²⁷. Блаватская Т.В., Западнопонтийские города в VII-I веках до н. э. М.: «Изд-во АН СССР», 1952, с.253

благорасположения к афинскому народу"²⁸. В храмике стояла еще одна статуя, которую, однако не удастся пока идентифицировать. Кроме статуй часовня была украшена еще серией рельефных портретов в круглых медальонах, располагающихся по периметру с внутренней стороны здания. Один медальон находился на фронтоне. При всех медальонах имелись пояснительные надписи, из которых мы узнаем, что портреты эти изображали союзников и ближайших сподвижников Митридата VI. На архитраве часовни вырезана посвятельная надпись следующего содержания: "Жрец Гелианакс, сын Асклепиодора, афинянин, пожизненный жрец Посейдона Азийского и в течение года жрец великих богов самофракийских, Диоскуров - Кабиров, за афинский народ и римский народ (посвятил) храм и находящиеся в нем статуи и медальоны богам, которым он служит, и царю Митридату Евпатору Дионису. При правителе острова Феодоре, сыне Диодора из Суния". Упоминание этого правителя Делоса, а также на постаменте статуи - архонта Эхекрата позволяет точно датировать этот памятник 102/01 годами до н.э.²⁹.

Интересно, что в пояснительных надписях под четырьмя медальонами имя понтийского царя дано еще в форме "царь Митридат Евпатор"³⁰ без эпитета "Дионис". Возможно, именно это время было переходным периодом, когда Митридат принял свое второе имя, Дионис, которое затем неизменно появляется в посвятельных надписях, а также в косвенной форме присутствует в виде изображения Митридата в облике Диониса на многочисленных монетных выпусках и камнях-печатах³¹.

Другая надпись с Делоса, к сожалению сильно испорченная, доносит до нас посвящение часовни Серапису "за народ афинский, народ римский, царя Митридата Евпатора Диониса и своих родителей" жрецом Дикаем, сыном Дикая (из дема Иониды). Дикай известен по другим источникам, он был жрецом Сераписа в 94/93 и 92/91 годах до н.э.³² Следовательно, эпитет Дионис к этому времени прочно закрепился за Митридатом VI.

Исходя из сказанного можно заключить, что монеты Боспора с митридатовскими типами, вероятно, не могли появиться ранее

²⁸. Максимова М.И. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.-Л., Изд-во АН, СССР, 1956, 472 с.; с.200

²⁹. Максимова М.И., 1956, ук. соч., с.203

³⁰. Максимова М.И., 1956, ук. соч., с.205

³¹. Неверов О.Я. Митридат-Дионис. // Сообщения Государственного Эрмитажа. XXXVII, Л. Изд-во «Аврора», 1973, с.41-45

³². Максимова М.И., 1956, ук. соч., с.250

присвоения понтийским царем имени Дионис, то есть ранее времени 102/1 гг. до н.э. По-видимому, к этому времени можно отнести серебряные монеты Пантикапея и Горгииппии с головой Диониса - скачущей ланью³³. В последующие годы эпитет «Дионис» стал неотъемлемой частью имени Митридата VI, что и засвидетельствовано косвенно в монетных типах следующего периода, 96/95-88/87 гг. до н.э.³⁴ и напрямую - надписью на постаменте статуи Митридата VI из Нимфея, которую датируют 88-86 годами³⁵. Как известно, на этом памятнике Митридат назван «Царем царей». Поэтому никак нельзя согласиться с мнением Р.В.Варданяна, что с 88/7 по 61 г. до н. э. никто официально не носил этого титула³⁶. Именно Митридат VI Евпатор Дионис именовался «царем царей».

IosPE - Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B.Latyshev. Petropoli, 1885-1916

Rec. - W.Waddington, E.Babelon, Th.Reinach. Recueil general des monnaies grecques d'Asie Mineure, t.I, fasc.1 (2-e edition), Paris, 1925

А.А. МАСЛЕННИКОВ, Т.Н. СМЕКАЛОВА

МАГНИТОРАЗВЕДКА ПОСЕЛЕНИЯ ЧОКРАК В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ*

Комплексные археолого-геофизические исследования античных памятников Восточного Крыма имеют свою хотя и недолгую, но, как представляется, поучительную историю. Впервые метод электроразведки был опробован в экспедиции И.Т. Кругликовой в конце 50-х годов. Работы велись на так называемых селищах в глубине полуострова, относящихся к IV-III вв. до н.э. и

³³ Дюков Ю.Л., Т.Н.Смекалова. Результаты исследования состава сплава боспорских монет конца II-I веков до н.э. // "Проблемы истории, филологии, культуры", Москва-Магнитогорск, № 6, 1998 г., С.76– 93; с. 80

³⁴ Там же, с.81-82

³⁵ Виноградов Ю.Г., Е.А.Молев, В.П.Толстиков. Новые эпиграфические источники по истории митридатовой эпохи. // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985, с.589-600

³⁶ Р.Е.Варданян. Великий царь царей Фарнак // Боспорский город Нимфей. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию Н.Л.Грач. С.-Петербург. 1999. с. 14-17

* Исследования проводились благодаря поддержке фонда «Интеграция», грант № 326.24

имеющих довольно плохую сохранность строительных остатков. Несмотря на несовершенство методики и примитивность приборов удалось выявить скопления камней - развалы построек [Кругликова, 1975б с.60]. Однако по различным причинам эти изыскания не получили дальнейшего развития.

В конце 70-х годов соответствующие работы на кургане Кара-Оба велись отрядом под руководством В.В. Глазунова (Санкт-Петербургский Горный институт). Специфика этого объекта, сложность рельефа, наличие многочисленных помех физических полей, на наш взгляд, наряду с отрывом от историко-археологического контекста памятника - явились причинами неудовлетворительных в целом результатов. Стало очевидным, что сами по себе геофизические методы не могут в любом случае в полной мере служить поставленным историческим задачам, а должны привлекаться лишь в совместных с археологическими раскопками исследованиях. Во-вторых, уже само это предполагало весьма продолжительный период таких работ - никак не меньше нескольких полевых сезонов. Наконец, разнообразие самих античных памятников полуострова, их специфика, диктовали потребность совершенствования методики соответствующих измерений. Таким образом, программа комплексного изучения хоры Европейского Боспора потребовала большого временного отрезка и значительных материальных затрат, особенно в стадии археологического подтверждения полученных естественнонаучными методами результатов.

Вместе с тем, начатые совместно Восточно-Крымской экспедицией РАН и археолого-геофизической группой Научно-исследовательского института физики Санкт-Петербургского государственного университета в 1982 году, работы позволили получить уникальные материалы, опыт и методические разработки, до сих пор не имеющие себе равных в стране. С самого начала для исследований был выбран район Крымского Приазовья, главным образом, от мыса Зюк до села Золотое. Это объяснялось тем, что в силу ряда причин, здесь на довольно обширных пространствах сохранились десятки самых различных по типологии и хронологии античных памятников, причем в разных геологических условиях, с неодинаковой степенью разрушения или исследованности. Это открывало большие возможности при выборе и сопоставлении методов и результатов. А самое главное - для сравнения итогов археологических и геомагнитных изысканий и определения конкретных возможностей и перспектив дальнейших исследований для каждой группы объектов (поселения, городища, усадьбы,

селища, сторожевые пункты, могильники). Полученный опыт во многом уникален и взаимополезен. Наряду с подробным картографированием памятников он позволяет полнее и точнее составлять археологические карты природоохранных территорий. Полученные результаты значительно облегчают процесс раскопок, помогая выявить основные параметры строений или их отсутствие. Данные геомагнитной разведки однотипных памятников освобождают исследователей от необходимости дублировать некоторые работы, изучать близкие или идентичные объекты. И наоборот - выявляют принципиально новые явления. Приобретенный опыт позволяет перейти к стадии осмысления предела возможностей и степени достоверности в интерпретации результатов естественнонаучных методов. Причем для каждой категории археологических реалий - они должны быть специфичны (развалы сырцовых или каменных стен, ямы, могилы, печи, пифосы, подвалы и следы производств и т.п.).

Вот почему данные исследования нельзя считать полностью завешенными, а следует рассматривать лишь как полученный весьма дорогой ценой, но очень важный начальный материал, свод данных объектов, причем на ограниченной территории со всеми соответствующими археологическими и локальными особенностями.

Одним из первых, исследованных с помощью магниторазведки, памятников в указанном районе было поселение Чокрак, расположенное в средней наиболее возвышенной части узкого длинного мыса, вдающегося с юго-востока в соленое Чокракское озеро приблизительно в 3,5 км к юго-западу от с. Курортное. Открыто это поселение было разведками ВКАЭ в 1984 г. С небольшими перерывами его раскопки ведутся с 1986 г. Общая площадь поселения около 1,5 га. Культурный слой мощностью от 0,1 до 1,5 м прослеживается повсеместно в центре мыса и местами в его юго-западной и северо-восточной и западной частях. Часть поселения на окраинах мыса, вероятно, разрушена обвалом берега, но размеры этих нарушений не вполне ясны. Значительная часть поселения разрушена недавними работами по сооружению дамбы и дороги к юго-востоку от мыса. Грунт на исследованной площади поселения - суглинок, местами переходящий в прослойки более или менее золистого суглинка, местами, глины, в том числе, обожженной. Главная геологическая особенность памятника - отсутствие известняковой скалы, как основы материка. Здесь это слой глины - белоглазки.

Все строительные остатки либо целиком, либо частично состоят из местного известняка. При этом использовались камни и блоки весьма различных размеров, в том числе, довольно крупные и обработанные. При строительстве центрального помещения (дома) широко применялся сырцовый кирпич. Довольно солидные его завалы, причем, обожженного, зафиксированы к юго-востоку от главной постройки. Повсеместно

встречаются завалы камней разной плотности и площади. При всем этом развалы разнообразных объектов залегают на глубине от 0,1 до 0,8 м.

Следующая особенность поселения - гибель всех строений I в. до н.э. в сильнейшем пожаре. Особенно ярки его следы в северной части центрального здания, где на большой площади прослежен сильно прокаленный пол. Большая толщина стен упомянутого строения, высокое качество техники их кладки также достойны внимания.

Стены прочих построек частично выбраны, либо невысокого в целом качества.

Вне основной части застройки, главным образом, к югу и северу, а равно и в пределах оной, много разного рода хозяйственных ям. При этом некоторые из них были преднамеренно засыпаны еще в древности и даже забиты плотно камнями.

Ряд ям появились уже в поздний период, хотя массовая выборка камня имела тут место, вероятно, довольно давно. Плотность заполнения этих объектов иная. Микрорельеф в целом "читается" хорошо. Естественные или искусственные перепады высот требуют к себе внимания. Необходимо учитывать также определенную специфику для Боспора планировки этого поселения. Причем особый интерес может представлять исследование слабо выраженных археологических объектов вне центральной застройки. В любом случае этот памятник уникален для проведения совместных археолого-геофизических исследований и отработки различных естественнонаучных методик. По своим природным особенностям мыс напоминает условия Таманского полуострова, что в перспективе имеет также большое значение.

Но вернемся к археологической характеристике этого поселения.

Общая раскопанная к 1995 г. площадь составляет 1200 кв.м. Открыты остатки основания большого почти квадратного здания в центре возвышенной части мыса, площадью около 420 кв.м. Толщина его стен, нижние ряды которых сложены в технике рустованной кладки, достигает 2 м. Использовались крупные блоки

и, как уже говорилось, сырцовый кирпич. Кровля, разумеется, была черепичной. Весьма солидны и внутренние стены этой постройки. Вполне вероятно наличие у него по крайней мере второго этажа. Часть внутренних помещений была тщательно вымощена. С запада и востока к этому мощеному зданию примыкали оборонительные стены толщиной до 3 м, но в значительной степени выбранные. Непосредственно к западу от здания имелась маленькая башенка и соответствующим образом оформленный проезд. С севера к описанным конструкциям примыкали ряды, вероятно, жилых и хозяйственных помещений, значительно менее презентабельных и по крайней мере двух хронологических и строительных периодов в пределах IV-I вв. до н.э.

К югу располагались два ряда (две линии) оборонительных рвов с проездами. В один из периодов существовал и вал, а также сильно укрепленная к югу нетолстая (до 1,8 м) еще одна защитная (?) стена. Впрочем, характер сооружений в этой части мыса не вполне ясен.

Раннее античное поселение на мысу возникло, по-видимому, во второй четверти V в. до н.э. и просуществовало недолго. От этого времени до нас дошли лишь несколько хозяйственных ям, перекрытых позднейшими строениями, и находки соответствующей датировки. Затем, приблизительно в конце второй четверти IV в. до н.э. тут строится вышеописанное здание и часть подсобных помещений. Следы слоя и строений этого же времени зафиксированы в нескольких десятках метров к югу и северу от него. Где-то около середины следующего столетия поселение, по-видимому, очень богатая усадьба, гибнет, и восстанавливается вновь лишь не ранее конца II в. до н.э. или даже несколько позднее. При этом планировка и размеры главного здания остаются практически неизменными, но сооружается упомянутая оборонительная стена, один из рвов и вал, непосредственно к северу от здания. К этому же периоду относятся, в основном, и подсобные помещения второго строительного периода. Свидетельств о наличии соответствующего слоя и строений к югу и северу пока нет.

Это укрепленное поселение (крепость ?) гибнет в сильнейшем пожаре в середине последней четверти I в. до н.э. К этому периоду его жизни относится и большая часть находок. Среди них упомянем боспорские монеты, терракотовые статуэтки, фрагменты амфор светлоглиняных с двуствольными ручками, краснолаковых чаш, сероглиняной и красноглиняной столовой посуды. Много костей животных и даже обломок бронзового шлема.

Тонкий слой с находками II-III вв. н.э. прослежен лишь местами. Зато почти повсеместно встречаются обломки керамики раннесредневекового времени (VIII-IX вв. н.э.) и даже XVIII-XIX вв. Отметим находку нескольких серебряных монет XIV в.

Наконец, необходимо упомянуть, что при раскопках поселения и среди "подъемного" материала встречаются обломки каменных, шлифованных топоров, кремневые отщепы и вкладыши.

Не выявлено пока местоположение и некрополя поселения.

Необходимо подчеркнуть, что геомагнитная разведка памятника велась как бы опережающим образом, то есть на предполагающихся к раскопкам площадях. На центральном участке были выявлены магнитные аномалии отрицательного знака, которые совершенно четко выстраивались в прямоугольные структуры. Они были интерпретированы нами как сигналы от немагнитных известняковых стен, что в дальнейшем, при раскопках памятника, нашло полное подтверждение (см. рис.1).

В целом магниторазведочные работы проделаны на значительной части мыса, примерно на половине его площади. Сопоставление результатов интерпретации магнитных карт и раскопок весьма показательно. К северу от основного здания нами зафиксирована система отрицательных магнитных аномалий, тянущихся в направлении восток-запад, то есть поперек простирания полуострова с интервалом примерно 10 метров. Раскопки 1997 года показали, что это ни что иное как стенки, являвшиеся границами сельскохозяйственных наделов. Таким образом, с помощью магниторазведки удастся реконструировать не только жилые и хозяйственные постройки, но и древнюю структуру земельных участков поселения Чокрак.

Масленников А.А. Эволюция организации сельской территории Европейского Боспора // Археология, Киев, N 2, 1992, с. 69 сл.

Масленников А.А. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. Автореферат докторской диссертации, М.1993, с. 14.

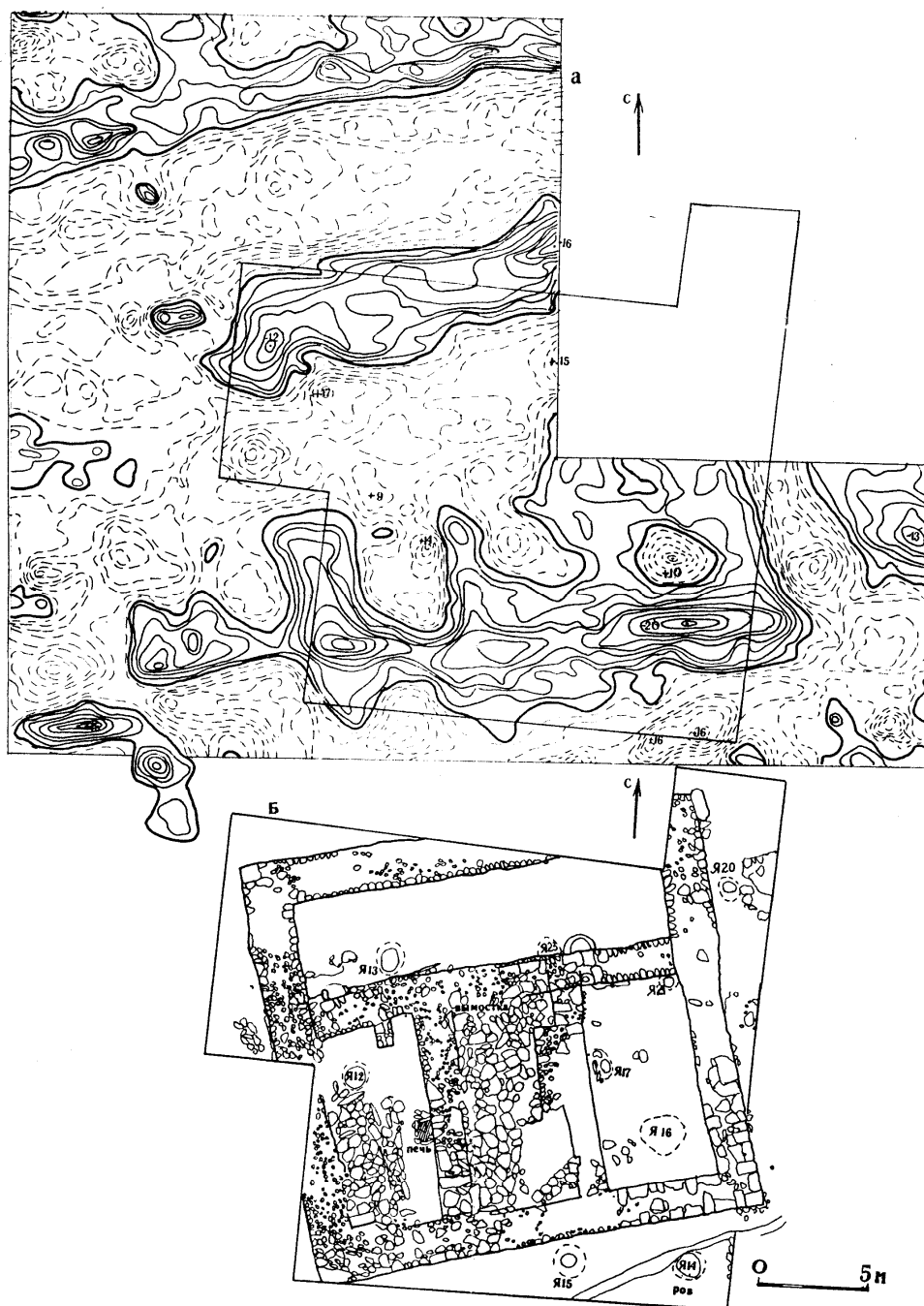

Рис. 1. Результаты исследования участка поселения Чокракский Мыс.
а - магнитная карта 1984 г.; б - план раскопок центрального здания

С.Л. СМЕКАЛОВ

ИЗМЕРЕНИЯ КООРДИНАТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА ПРИ ПОМОЩИ GPS

Летом 1999 года автором проводились работы по определению координат археологических памятников Керченского полуострова при помощи аппаратуры спутниковой навигации. Измерения проводились портативным

GPS (Global Positioning System) приемником Magellan-2000XL. Погрешность определения координат не превышает 2 угловые секунды, что составляет около 50 м на местности. Были определены координаты ряда памятников, главным образом, исследовавшихся в разные годы Восточно-Крымской археологической экспедицией ИА РАН (начальник экспедиции А.А. Масленников). Полученные данные позволяют более точно отразить обследованные памятники в создаваемой геоинформационной системе археологических памятников Крыма.

Ниже приводятся список памятников и их координаты (геоид WGS-84). В случаях, когда размер исследованной части памятника соизмерим с погрешностью измерений, позиция точки съемки - геометрическая середина раскопа. Для памятников больших размеров указывается положение точки съемки (ТС).

Курган близ Сиреновой бухты (раскоп 1999 г.)	45° 28' 17"N, 36° 14' 07"E.
Некрополь близ Сиреновой бухты (раскоп 1999 г.)	45° 28' 18"N, 36° 14' 18"E.
Поселение "Пустынный берег 1"	45° 28' 15"N, 36° 11' 04"E.
Поселение "Пустынный берег 2" (раскоп 1999 г.)	45° 28' 12"N, 36° 11' 18"E.
Башня над поселением "Пустынный берег 2"	45° 28' 08"N, 36° 11' 16"E.
Поселение "Бакланья скала", ТС - восточная оконечность ближайшей к морю стены.	45° 28' 23"N, 36° 13' 28"E.
Поселение "Генеральское восточное", ТС - верхняя часть сохранившейся кладки	45° 28' 15"N, 36° 12' 13"E.
Цитадель поселения "Генеральское восточное", ТС - вершина скалы	45° 28' 11"N, 36° 12' 12"E.
Склепы за поселением "Генеральское восточное"	
ТС - наиболее удаленный к западу склеп	45° 28' 08"N, 36° 12' 19"E.
Поселение "Салачик"	45° 28' 16"N, 36° 12' 32"E.
Поселение "Зеленый мыс", предградье	45° 28' 36"N, 36° 16' 06"E.
Поселение "Зеленый мыс", цитадель	45° 28' 42"N, 36° 16' 12"E.
Поселение "Полянка", ТС - середина западной границы раскопа	45° 28' 47"N, 36° 16' 47"E.
Поселение "Чокрак", ТС - юго-восточный угол главного здания	45° 26' 52"N, 36° 18' 28"E.
Поселение на мысе Зюк	45° 28' 57"N, 36° 20' 35"E.
Нимфей (раскопки экспедиции Эрмитажа, начальник экспедиции О.Ю. Соколова), ТС - угол каменной площадки с лестницей	45° 14' 12"N, 36° 25' 03"E.
Нимфей некрополь (раскоп 1999 г.)	45° 14' 31"N, 36° 24' 33"E.

**БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН:
ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ПЕРЕФИРИИ АНТИЧНОГО
МИРА**

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
<i>I. История изучения Боспора</i>	8
И.В. Тункина (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) О судьбе рукописного наследия Павла Дюбрюкса	8
Е.В. Власова (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ПОЛЬ ДЮБРЮКС И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КЕРЧИ	35
В.П. Толстикова (МОСКВА) УТРАЧЕННЫЙ ПЛАН ПАНТИКАПЕЯ ПОЛЯ ДЮБРЮКСА.....	41
Е.А. Молев (НИЖНИЙ-НОВГОРОД) Планы Китея, составленные П. Дюбрюксом и Ю.Ю. Марти, как источник по топографии города.	46
В.А. ХРШАНОВСКИЙ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) «БАШНИ», «КРУГИ», «СВЯТИЛИЩА»... ..	52
В.Ю. Зуев (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) НЕИЗВЕСТНЫЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА М.И. РОСТОВЦЕВА	57
Л. М. ЛАЗЕНКОВА (КЕРЧЬ) КЕРЧЕНСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ. ОСНОВАТЕЛИ	73
<i>II. Греки на Боспоре</i>	80
Н.Ф. Федосеев (КЕРЧЬ) Феномен Боспорского царства.	80
С. Р. Тохтасьев (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ΒΟΣΠΟΡΟΣ	86
Ю.В. Откупщиков (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) Древнейшая греческая ономастика Северного Причерноморья	92
Н.Х. Керасиди (СИМФЕРОПОЛЬ) Древнегреческие авторы о земле Киммерийцев.	100

А.Е. Кислый (СИМФЕРОПОЛЬ) ФЕНОМЕН АНТИЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ: БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ, КИММЕРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА НА БОСПОРЕ....	102
А..Н. Васильев (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) Одрисский династ во главе Боспора?	106
А.М. Бутягин (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) Особенности домостроительства архаического Боспора	112
Д.Е. Чистов (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ЗАПАДНАЯ ОКРАИНА МИРМЕКИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ III ВВ. ДО Н.Э.	116
Н.В. Молева (НИЖНИЙ НОВГОРОД) Некоторые итоги археологических исследований Китейского святилища.....	121
А. А. Масленников (МОСКВА) Сельские святилища античного Боспора	125
И.Ю. Шауб (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) Некоторые аспекты культа Диониса на Боспоре в IV в.до н.э.	133
М.В. СКРЖИНСКАЯ (КИЕВ) СЦЕНЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НА РОСПИСЯХ ВАЗ VI-IV вв. до н.э. ИЗ РАСКОПОК ПАНТИКАПЕЯ	136
Л.И. Давыдова (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) Три мраморные гермы из Керчи	139
В.Н. Зинько (КЕРЧЬ) Гидротехнические сооружения в окрестностях боспорского города Нимфея	142
Я.М. Паромов (МОСКВА) К вопросу о типологии поселений античного времени на Таманском полуострове.	148
Е.Я. Рогов (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) Укрепленные поселения Таманского полуострова.	153

- С.И. Финогенова (МОСКВА)**
Стратиграфия античных слоёв Таманского городища. 157
- С. Ю. Монахов (САРАТОВ)**
К ТИПОЛОГИИ КНИДСКИХ АМФОР IV — II вв. до н. э. 161
- С.А. Данильченко (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)**
ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА БОСПОРСКИХ КОЛОНИЙ
ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА. 173
- В.А. Горончаровский (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)**
Надгробие сыновей Панталеонта из Горгииппии 176
- С.Б. Ланцов, В.К. Голенко (СИМФЕРОПОЛЬ)**
О западной границе Боспора в IV в. н.э. 177
- Т.М. Гельфман (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)**
Памятники греческой культуры в фотографиях
"Палестинской коллекции" 181
III. Греческая культура и варварский мир 184
- О. Ю. Соколова (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)**
Конская узда V в. до н. э. из некрополя Нимфея. 184
- Н.А. Павличенко (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)**
Две новых надписи из Нимфея. 186
- Dr. B. Tsigarida (САЛОНИКИ)**
4 TH -CENTURY GOLD JEWELLERY FROM MACEDON
AND THE BOSPORAN KINDOM 187
- Е.А. Зинько (КЕРЧЬ)**
САКРАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА с сельской округи НИМФЕЯ 188
- Ю.А. Виноградов (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)**
Курганы варварской знати эллинистической эпохи в районе Боспора
Киммерийского 195
- Е.А. Савостина (МОСКВА)**
ГРЕЧЕСКАЯ ТОРЕВТИКА НА «СКИФСКИЕ» ТЕМЫ: ЗАМЕТКИ О
СТИЛЕ СКУЛЬПТУРНОГО ДЕКОРА 199
- М.Ю. Вахтина (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)**
О некоторых греческих элементах
женского погребения в кургане Карагодеуашх 204

М.В. Русяева (КИЕВ)

Золотой предмет ритуально-культового назначения из кургана
Передериева Могила.....208

С.Б. Буйских (КИЕВ)

К вопросу о рабочих методах скифских строителей 215

Т.М. Кузнецова (МОСКВА)

Ситуационная хронология IV в. до н.э. 220

К.К. Марченко (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Греческие поселения в Северо-Восточном Приазовье. 232

И.С. Каменецкий (МОСКВА)

Греки и меоты. 234

Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко (КРАСНОДАР)

МЕОТСКИЕ РЕПЛИКИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КАНФАРОВ 238

Т. Н. Высотская (СИМФЕРОПОЛЬ)

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ПОЗДНИХ СКИФОВ С ГРЕЧЕСКИМИ
ГОРОДАМИ 239

А.А. ТРУФАНОВ, В.Ю. ЮРОЧКИН (СИМФЕРОПОЛЬ)

БОСПОРО-ХЕРСОНЕССКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СИТУАЦИЯ В КРЫМСКОЙ СКИФИИ III-I ВВ. Н.Э. 241

Н.Н. Болгов (БЕЛГОРОД)

ПОЗДНИЙ БОСПОР И ВАРВАРСКИЕ КОРОЛЕВСТВА КАК
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ (V-VI вв.)...252

В.В. Крапивина (КИЕВ)

Торговые связи Ольвии с античным и варварским миром в I-IV вв. н.э. 256

С.Г. Колтухов (СИМФЕРОПОЛЬ)

Керамика из кургана Беш-Оба IV. 262

А.К. Нефёдкин (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Стратегия сарматов в I-IV вв. н. э.
по свидетельствам античных источников. 266

В. И. Кац (САРАТОВ)

Основные требования к фиксации и публикации
керамических клейм 274

IV. Понт Эвксинский: исследования памятников античного времени и раннего средневековья.....280

Н. Сулава (ТБИЛИСИ)

Фибула А NAVICELLA, найденная на черноморском побережье Грузии 280

В.А. Кисель (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ТОРЕВТИКА ИЗ РАННЕСКИФСКИХ КУРГАНОВ И ЕЕ СОЗДАТЕЛИ 281

Е.Ф. Королькова (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Зооморфные свастики и вихревые розетки в искусстве звериного стиля* 289

С.Н. Сенаторов (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

О Восточно - Крымской лепной керамике середины VI - первой трети III вв. до н.э. 294

Р.В. Стоянов (КИЕВ)

К вопросу о находках скелетов собак при исследовании поселения Артющенко 2 в южной части Таманского полуострова. 308

В.Б. УЖЕНЦЕВ (СИМФЕРОПОЛЬ)

Боспор и Северо-Западный Крым в первые века н.э. 310

Н.В. Захаренков (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Грунтовой склеп I в. н. э. на некрополе Илурата. 315

В.Л. Мыщ (СИМФЕРОПОЛЬ)

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ НЕКРОПОЛЬ НА г. АЙ-НИКОЛА. 319

В. М. Зубарь (КИЕВ)

Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре.....321

В.Ю. ЮРОЧКИН (СИМФЕРОПОЛЬ)

БОСПОР И ПРАВОСЛАВНОЕ НАЧАЛО У ГОТОВ 326

С.В. Кашаев, Н.В. Кашовская (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани. 332

И. А. ТУЛЬПЕ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) АМФОРА НА НЕКРОПОЛЕ: ХТОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	338
В.А. Кутайсов (СИМФЕРОПОЛЬ) Денежное обращение Керкинитиды IV-II вв. до нэ.	343
В.Ф. Столба, А.С. Голенцов (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) Монетные находки из раскопок Южно-Донузлавского городища 1964-1965 гг.	349
Т.Н. Смекалова (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) Персидская и дионисийская символика митридатовских монетных типов и датировка некоторых боспорских монет.....	353
А.А. Масленников (МОСКВА), Т.Н. Смекалова (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) Магниторазведка поселения Чокрак в Восточном Крыму	359
С.Л. СМЕКАЛОВ (МОСКВА) ИЗМЕРЕНИЯ КООРДИНАТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА ПРИ ПОМОЩИ GPS.	365

**The Phenomenon of Bosporan Kingdom:
Greek Culture at the Periphery of Ancient World**

Preface	7
I. History of Bosporan Studies	8
I.V. Tunkina	8
On the fate of manuscript heritage by Paul Dubrux.	
E.V. Vlasova	35
Paul Dubrux and archaeological investigations at Kerch.	
V.P. Tolstikov	41
The lost plan by Paul Dubrux.	
E.A. Molev	46
Plans of Kytion compiled by P.Dubrux and Ju.Ju.Marty as a. source on the site topography.	
V.A. Khrshanovsky	52
"Towers", "circles", "sanctuaries".	
V.Ju. Zuev	57
Unknown sketch by M.I. Rostovtzeff devoted to the history of Bosporan Kingdom	
L.M. Lazenkova	73
Kerch Museum of Antiquities. The founders.	
II. The Greeks at Bosporus	80
N.F. Fedoseev	80
The phenomenon of Bosporan kingdom.	
S.R. Tokhtasiev	86
Bosporos.	
Ju.V. Otkupstchikov	92
The earliest Greek onomastic of the Black Sea coastal region	
N.Kh. Kerasidi	100
Classical authors about the land of Cimmerians.	
A.E. Kislij	102
Phenomenon of Classical written tradition: Bosporus Cimmerian, Cimmerian culture at Bosporus.	
A.N. Vasiliev	106
Could be an Odrysian dynast the ruler of Bosporus?	
A.M. Butjagin	112
Local peculiarities in the archaic Bosporan housebuilding.	

D.E. Chistov	116
Western outskirts of Myrmekion in the second half of 5th - first half of 3d cent. BC	
N.V. Moleva	121
Some results of archaeological research of Kytion sanctuary.	
A.A. Maslennikov	125
Rural sanctuaries of Classical Bosphorus.	
I.Ju. Shaub	133
Some aspects of Dionysus cult at Bosphorus in the 4th cent. BC	
M.V. Skrzshinskaya	136
Scenes of everyday life in the vase-painting of 6th-4th cent. BC from the excavations of Panticapaeum.	
L.I. Davidova	139
Three marble herms from Kerch.	
V.N. Zinko	142
Hydrotechnical constructions in the environs of Bosporan city of Nymphaeum.	
Ja.M. Paromov	148
On the question of typology of the Classical period sites on the Taman peninsula.	
E.Ja. Rogov	153
Stratified settlements of Taman peninsula.	
S.I. Finogenova	157
Stratigraphy of the Classical levels of Taman site.	
S.Ju. Monakhov	161
On the typology of Knidian amphorae of 4th - 2d cent. BC.	
S.A. Danilchenko	173
Black pottery from the Bosporan colonies of Elisavetovka city-site.	
V.A. Goroncharovsky	176
Gravestone of Pantaleontos sons from Gorgippia.	
S.B. Lantzov, V.K. Golenko	177
On the western border of Bosphorus in the 4th cent. AD.	
T.M. Gelfman	181
The objects of Greek culture in the photographs of "Palestine collection".	
III. Greek Culture and Barbarian World	184
O.Ju. Sokolova	184
Horse's bridle from the Nymphaeum necropolis.	
N.A. Pavlichenko	186
Two new inscriptions from Nymphaeum.	

B. Tsigarida	187
4th- century gold jewellery from Macedonia and the Bosporan Kingdom.	
E.A. Zinko	188
Sacred sculpture from the Nymphaeum chora.	
Ju.A. Vinogradov	195
The royal barbarian barrows of Hellenistic period in the region of Cimmerian Bosporus.	
E.A. Savostina	199
Greek toreutic on "Scythian" themes: sketches devoted to the style of sculptural decorum.	
M.Ju. Vakhtina	204
On some Greek elements of female burial vault in Karagodeuashkh barrow.	
M.V. Rusaeva	208
Ritual and sacred golden object from Peredrieva Mogila barrow.	
S.B. Bujskikh	215
On the question of working methods of Scythian builders.	
T.M. Kuznetzova	220
Situation chronology of the 4th cent. BC.	
K.K. Marchenko	232
Greek settlements in north-west Azov area.	
I.S. Kamenetskij	234
The Greeks and the Maeotae.	
N.Ju. Limberis, I.I. Marchenko	238
Maeotian replicas of Greek kantharos.	
T.N. Visotskaya	239
Trade connections between late Scythians and the Greek cities.	
A.A. Trufanov, B.Ju. Jurochkin	241
Bosporan-Chersonessos relations and ethno-political situation in Crimean Scythia in 3d - 4th cent. AD.	
N.N. Bolgov	252
Late Bosporus and barbarian kingdoms as a political phenomenon of transitional period (5th - 6th AD).	
V.V. Krapivina	256
Trade connections between Olbia and Classical and barbarian worlds in 1st - 4th cent. AD.	
S.G. Koltukhov	262
The pottery from Besh-Oba IV barrow.	
A.K. Nefedkin	266
Sarmatian strategy in 1st - 4th cent. AD according the evidences of Classical written sources.	

V.I. Katz	274
The main requests of fixing and publication of amphorae stamps.	
IV. Pontus Euxinus: Objects and Monuments of Classical and Early Medieval Periods	280
N. Sulava	280
Fibula a Navicella from the Georgian Black Sea littoral.	
V.A. Kisel	281
Toreutic from early Scythian barrows and its craftsmen.	
E.F. Korolkova	289
Zoomorphic swastikas and vortical rosettes in the art of animal style.	
S.N. Senatorov	294
On the east-Crimean hand-made pottery of mid. 6th - first quarter of 3d cent. BC.	
R.V. Stoyanov	308
On the question of the findings of dogs' skeletons at the site Artuschenko-2 in the south of Taman peninsula.	
V.B. Uzshentzev	310
Bosporus and the north-west Crimea in the first centuries AD.	
N.V. Zakharenkov	315
Earth burial vault of the 1st cent. AD at Iluraton necropolis.	
V.L. Mitz	319
Late Classical cave necropolis on the mountain Aj-Nicola.	
V.M. Zubar	321
Some peculiarities in the dissemination of Christianity at Bosporus.	
V.Ju. Jurochkin	326
Bosporus and the Goths' Ortodoxal origin.	
S.V. Kashaev, N.V. Kashovskaya	332
Two gravestones from the village Vishesteblievskaya near Taman.	
I.A. Tulpe	338
Amphora at a necropolis: the chthonic aspect.	
V.A. Kutajsov	343
Money circulation of Kerkitis in 4th - 2d cent. BC.	
V.F. Stolba, A.S. Golentzov	349
Monetary finds from the excavations of south-Donuzlav city-site (1964-1965).	
T.N. Smekalova	353
Persian and Dionysus symbolics of Mithridates monetary types and the dating of some Bosporan coins.	

- A.A. Maslennikov, T.N. Smekalova** 359
Magnetic investigations at the settlement of Chokrak in Eastern Crimea.
- S.L. Smekalov** 365
Measuring of coordinates of the Kerch peninsula archaeological sites made by the GPS.

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН: ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НА ПЕРИФЕРИИ АНТИЧНОГО
МИРА

Материалы международной научной конференции.

Научные редакторы и составители:

М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев, Е.Я. Рогов, В.А.Хршановский

Компьютерный макет:

Н. Ю. Давыдов

Подписано в печать: 08-12-99. Формат 60x84 1/16 Бумага
писчая. Печать офсетная. Объем 9,8 усл. печ. л. Тираж 350
экз. Заказ

Тип.

---

15 - Cimerium -

